

**ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

№ 3 / 2014

Элиста
2014

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 3, 2014

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,

канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),

акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юр. наук *Д. М. Демичев* (Белоруссия),

д-р экон. наук *О. В. Инишаков* (Россия, г. Волгоград), д-р фил. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),

д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р фил. наук *Чао Геджин* (Китай),

д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),

канд. юр. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),

д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),

д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*, д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,

канд. фил. наук *В. В. Куканова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,

д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,

канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчилов*,

канд. биол. наук *Л. Н. Ташинова* — г. Элиста

Переводчик:

канд. пед. наук *Б. Э. Корнусова*

Адрес редакции и издателя:

358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;

тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: www.kigiran.com

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963

ISSN 2075-7794

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.

Registration number ПИ № ФС77-49346

№ 3, 2014

Released four times a year

Editor-in-chief:

Ph.D. of Political Science N. Ochirova

Associate editors:

Ph.D. of History E. Bakaeva,

Ph.D. of Philology B. Kichikova

Editorial Council:

Acad. of the RAS G. Matishov (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),

Corr. Member of the RAS S. Arutyunov (Moscow, Russia), Ph.D. of History M. M. Balzer (USA),

Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History N. Bugai (Moscow, Russia), Ph.D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus),

Ph.D. of Economics O. Inshakov (Volgograd, Russia), Ph.D. of Philology M. Magomedov (Makhachkala, Russia),

Ph.D. of History K. Maksimov (Elista, Russia), Ph.D. of History I. Popova (Saint-Petersburg, Russia),

Ph.D. of History Na. Sukhebaatar (Mongolia), Ph.D. of Philology Chao Gedzhin (China),

Ph.D. of History D. Schokowitz (Germany), Acad. of RAE, Ph.D. of Pedagogy P. Erdniev (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS Kx. Amirkhanov (Makhachkala), Corr. Member of the RAS B. Bazarov (Ulan-Ude),

Ph.D. of Jurisprudence L. Batiev (Rostov-on-Don), Ph.D. of History N. Zhukovskaya (Moscow),

Ph.D. of Philology G. Piurbetev (Moscow), Ph.D. of History V. Trepavlov (Moscow)

Ph.D. of History E. Badmaeva (executive secretary),

Ph.D. of Philology T. Basangova, Ph.D. of Philology E. Bembeev, Ph.D. of Philosophy B. Bicheev,

Ph.D. of Philology V. Kukanova, Ph.D. of Economics E. Mantaeva, Ph.D. of Philology D. Muzraeva,

Ph.D. of Sociology A. Ovshinov, Ph.D. of Philology E. Omakaeva, Ph.D. of History U. Ochirov,

Ph.D. of Pedagogy B. Salaev, Ph.D. of History V. Sanchirov,

Ph.D. of Biology L. Tashninova — Elista

Translator:

Ph.D. of Pedagogy B. Kornusova

The Editorial Board and Publisher's address:

358000 the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilshkin Street, 8

tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84

e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

site: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Кузьмин С. Л.</i> Донесения о монголах Синьцзяна в 1920-х гг. 8
	<i>Максимов К. Н.</i> Административные реформы на Дону и образование Калмыцкого округа в составе Войска Донского 12
	<i>Бадмаева Е. Н.</i> Индустриальное развитие Калмыкии 1920–1930-х гг.: особенности и результаты 23
	<i>Бадугинова М. В.</i> Экспедиция П. Ю. Берлина в Калмыкию (1925 г.) и ее значение в развитии здравоохранения республики 30
	<i>Очиров У. Б.</i> От казака (рядового) до генерал-полковника: военная биография О. И. Городовикова 37
	<i>Наранжаргал Н.</i> 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба Халимагуудыг монгол улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и вопросе о переселении калмыков в Монголию) 50
	<i>Тетугев А. И.</i> Межкультурное взаимодействие карачаево-балкарской зарубежной диаспоры в условиях информационного общества 57
	<i>Цуцулаева С. С.</i> Проблема депортации чеченского народа в новейшей историографии Чечни 65
	<i>Бакаева Э. П.</i> Исследования по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе 72
	<i>Баянова А. Т.</i> Рукописная книга в культуре монголоязычных народов: эволюция формы и материала 89
АРХЕОЛОГИЯ	<i>Очир-Горяева М. А.</i> Маскировка коней под мифических животных в пазырыкской культуре Горного Алтая 94
АНТРОПОЛОГИЯ	<i>Балинова Н. В., Хонинов В. Н.</i> К вопросу об изучении этнической группы исык-кульских калмыков 100
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Аппоев Ас. К., Аппоев Ал. К.</i> Грамматическое членение паремических высказываний в карачаево-балкарском языке 106
	<i>Корнеев Г. Б.</i> Некоторые проблемы тибето-монгольской интерференции в ойратских рукописных памятниках XVII в. (на материале сутры «Царь благих пожеланий») 111
	<i>Монраев М. У.</i> Названия кожи и кожаных изделий в калмыцком языке (этнолингвистический аспект) 119
	<i>Чеджиева Ж. Д.</i> О семантических особенностях паремиологических и фразеологических единиц в калмыцком и английском языках 123
	<i>Бембеев Е. В., Куканова В. В., Каджиев А. Ю.</i> Частотный словарь современного калмыцкого языка: правила анализа текстового материала 128
ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Мухамедьянова А. М.</i> К вопросу о мифологических основах башкирского фольклора (на примере суеверных примет, эпоса и легенд) 142
	<i>Щелкова (Селина) О. В.</i> Русский песенный фольклор в Дагестане: свадебные причитания 146
	<i>Селеева Ц. Б.</i> Вариативность калмыцких народных загадок 151

CONTENTS

HISTORY	<i>Kuzmin S.</i> The Reports on the Mongols of Xinjiang in the 1920s	8
	<i>Maksimov K.</i> Administrative Reforms in the Don Region and the Formation of the Kalmyk District within the Don Cossack's Military Forces	12
	<i>Badmaeva E.</i> The Industrial Development of Kalmykia in 1920s–1930s: Specifics and Outcomes	23
	<i>Baduginova M.</i> P.Y. Berlin's Expedition to Kalmykia in 1925 and its Significance for Developing the Republic's Health Service	30
	<i>Ochirov U.</i> From Cossack (Soldier) to Colonel-General: the Military Biography of O.I. Gorodovikov	37
	<i>Naranjargal N.</i> On the Famine in the Volga Region in the 1920s and on the Issue of the Kalmyk's Resettlement to Mongolia	50
	<i>Tetuev A.</i> The Karachay-Balkar Diaspora's Intercultural Cooperation in the Information Society	57
	<i>Tsutsulaeva S.</i> The Issue of the Chechen People's Deportation in the Contemporary Historiography of Chechnya	65
	<i>Bakaeva E.</i> The Research on Buddhism History in Kalmykia at the Present Stage	72
	<i>Bayanova A.</i> The Hand-Written Book in the Culture of Mongol Peoples: the Evolution of the Form and Material	89
ARCHEOLOGY	<i>Ochir-Goryaeva M.</i> The Disguise of Horses as Mythological Beasts in Pazyryk Culture of the Gornyi Altai	94
ANTHROPOLOGY	<i>Balinova N., Khoninov V.</i> To the Issue of Studying the Ethnic Group of Issyk-Kul Kalmyks	100
LINGUISTICS	<i>Appoev As., Appoev Al.</i> The Grammatical Division of the Paremic Statements in the Karachai-Balkarian Language	106
	<i>Korneev G.</i> Some Aspects of the Tibetan and Mongolian Interferences in the Oirat Manuscripts of the 17th Century (the Case Study of the Sutra "King of Aspiration Prayers")	111
	<i>Monraev M.</i> The Names of Leather and Leather Products in the Kalmyk Language (Ethno-Linguistic Aspect)	119
	<i>Chedjjeva Z.</i> On Semantic Peculiarities of Proverbs and Phraseological Units in the Kalmyk and English Languages	123
	<i>Bembeev E., Kukanova V., Kadzhiev A.</i> Frequency Dictionary of Modern Kalmyk Language: Rules of Analysis of Text Material	128
FOLKLORE & LITERATURE STUDIES	<i>Mukhamedyanova A.</i> The Mythological Bases of the Bashkir Folklore (the Case Study of the Superstitious Omens, the Epos and Legends) . . .	142
	<i>Schelkova O. (Selina).</i> The Russian Folk Songs in Dagestan: the Wedding Ritual Lamentations	146
	<i>Seleeva Ts.</i> Variability of the Kalmyk Folk Riddles	151

	<i>Сарбашева А. М.</i> Художественные средства отображения комического в балкарской драматургии: комедиография Жагафара Токумаева	157
	<i>Кичикова Б. А.</i> «Желай мне здоровья, Калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть I)	163
ПОЛИТОЛОГИЯ	<i>Башанкаев С. Д.</i> Роль международных организаций в осуществлении антикоррупционной политики	169
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Шарманджиев Д. А.</i> О состоянии брачности и разводов в Республике Калмыкия в начале 2000-х гг.	174
ПЕДАГОГИКА	<i>Сундуй Г. Д.</i> Воспитание совести в условиях современного общества	179
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Гунаев Е. А.</i> Принцип социального государства в конституции субъекта Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия)	184
ЭКОЛОГИЯ	<i>Кравчук О. А., Букреева О. М.</i> Проблемы размножения сайгака в Северо-Западном Прикаспии	190
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	<i>Куканова В. В.</i> Международная научная конференция «Тибет глазами российских путешественников» (6–7 июня 2014 г., г. Элиста)	194
РЕЦЕНЗИИ	<i>Пюрбеев Г. Ц.</i> Рец. на: Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Отв. ред. д-р филол. наук Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. 295 с.	198

	<i>Sarbasheva A.</i> The Artistic Means for Presenting Comic in the Balkar Drama: Comediography of Jagafar Tokumaev	157
	<i>Kichikova B.</i> “Wish me Health, Kalmyk!” (The Issues of the Textual Aspect, the Materials to the Comments: Part I)	163
POLITICAL SCIENCE	<i>Bashankaev S.</i> The Role of International Organizations in the Implementation of Anti-Corruption Policy	169
SOCIOLOGY	<i>Sharmandzhiev D.</i> The State of Marriages and Divorces in Republic of Kalmykia in the early 2000’s.	174
PEDAGOGICS	<i>Sunduy G.</i> Nurturing Conscience in the Modern Society	179
JURISPRUDENCE	<i>Gunaev E.</i> The Principle of the Social State in the Constitution of a Subject of the Russian Federation (the case study of the Republic of Kalmykia)	184
ECOLOGY	<i>Kravchuk O., Bukreeva O.</i> The Issue of Reproduction of Saigas in the North-Western Pre-Caspian Region	190
SCHOLARLY MATTERS	<i>Kukanova V.</i> The International Conference “Tibet as it Viewed by Russian Travellers” (June 6–7, 2014, Elista)	194
REVIEW	<i>Purbeev G.</i> Review of: Badmaeva L. Iazykovoe prostranstvo buriatskogo letopisnogo teksta. [Language Environment of the Buryat Annalistic Text]. Ch. Ed. Ph.D. of Philology L. Shagdarov. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2012. 295 pp.	198

УДК 94(517)
ББК 63.5(5Мон)

ДОНЕСЕНИЯ О МОНГОЛАХ СИНЬЦЗЯНА В 1920-х гг.

The Reports on the Mongols of Xinjiang in the 1920s

С. Л. Кузьмин (*S. Kuzmin*)¹

¹кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Ph.D. of History, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences). E-mail: ipe51@yahoo.com

В статье приводятся сведения об общественной, религиозной и политической жизни монголов Синьцзяна из сводок разведки, находящихся в трех российских архивах. Главной целью монголов Синьцзяна в этот период было достижение максимальной самостоятельности, вплоть до независимости от Китая, но при сохранении старой системы управления. Не исключались альянсы с другими монголами. Авторитет духовенства в решении не только религиозных, но и мирских дел был выше, чем таковой светских лиц. Буддийское духовенство в Синьцзяне было неформальной теократической структурой с харизматическим типом легитимности власти.

Ключевые слова: монголы, ойраты, торгуты, буддизм, Синьцзян, Китай.

The article considers the information on the social, religious and political life of the Mongols in Xinjiang presented in the intelligence service reports stored in three Russian archives. According to the reports, in the 1920s the Mongols of Xinjiang composed three groups: Mongols from the Ili Valley and Tarbagatai Mountains; nomads of Kabuk-Saur Ridge in the Altai Region and a part of the Tarbagatai nomads; Torguts and Khoshuts of the Karashar Region – the most numerous of all the groups. The statistical data in the reports included the groups which had in their ethno-genesis Tibetan and Turkic origin as well.

Most of the Xinjiang Mongols are Buddhists, and almost in each family there was one member as a monk. Higher lamas were usually equitable and fair, so they were very influential. Two reincarnate lamas used to live there. The land of the Torguts was estimated as a self-dependent state having had its own ruler named Tsavandorj with the title Khan-Wang. As a young boy Tsavandorj had a regent who tried to improve economy, obtain weapons and provide military training for the Torguts. Some of the Russian White Guards, who had retreated to Xinjiang during the Russian Civil War, assisted the regent. The Chinese authorities of Xinjiang forced Tsavandorj to renounce his power, captured him and started to educate him in Chinese manner.

The reports provide some details of this history as well as information on the religion and statistics of the Torguts. According to the reports, the Chinese authorities made many efforts to split Mongols. They practiced political spying and snitching as well as contributed to discords between Mongolian principalities and to assassination of Mongolian princes. The Xinjiang Mongols did not present a significant military power at that time, but the idea of national independence thrived among them. At that period, they sought maximum self-dependence or independence from China along with conservation of their old social and ruling system. The Buddhist theocracy in Xinjiang was an informal theocratic structure.

Keywords: Mongols, Oirats, Torguts, Buddhism, Xinjiang, China.

Исследования по истории Синьцзяна первых десятилетий после провозглашения Китайской Республики касаются в основном его властных и военных структур, экономики, международного положения, восстаний, китайского и тюркского населения, белогвардейцев и беженцев из России [Лучич 1913; Моисеев 2003; Петров 2003; Nyman 1977; Forbes 1986; Wang 1995; Lin 2007; Millward 2007 и др.]. Малоизученным оста-

ется положение монгольского населения, которое состоит из ойратов¹ и небольшого

¹ Ойраты, составлявшие основное население Джунгарского ханства, подверглись маньчжуро-китайскому геноциду в XVIII в. В 1771 г. началась миграция в пределы разгромленной цинскими войсками Джунгарии населения Калмыцкого ханства во главе с наместником ханства Убаши, и достигшие территории Джунгарии составили значительное население Синьцзяна.

числа выходцев из Внутренней и Внешней Монголии. В связи с этим представляют интерес советские разведдонесения 1920-х гг., сохранившиеся в российских архивах.

Монголы Синьцзяна в 1920-х гг. делились на три группы: 1) монголы долины Или и гор Тарбагатай; 2) кочующие по хр. Кабук-Саур в Алтайском районе и часть тарбагатайских; 3) торгуты и хошуты Карашарского района — самая многочисленная (у северной кромки пустыни Такла-Макан. — *С. К.*). Точных статистических данных о них нет, приблизительные данные таковы: монголы Карашарского княжества — 25 тыс. чел., Булугуна (река, текущая с зап. склона Алтайского нагорья. — *С. К.*) — 18 тыс., торгуты Шара-сумэ (сейчас г. Алтай — адм. центр Алтайского округа Синьцзяна. — *С. К.*) — 2500, торгуты Урунгу и Кара-Булуна (в районе Монгольского Алтая. — *С. К.*) — 18 тыс., торгуты Гучена (сейчас Чанцзи-Хуэйский авт. округ Синьцзяна. — *С. К.*) — 1 тыс., чахары и олэты Илийского края (район р. Или) — 28200, кара-калмаки (то же что соврем. сарт-калмаки Кыргызстана; происходят от ойратов. — *С. К.*) — 6 тыс., урянхи (тувинцы. — *С. К.*) — 4 тыс., монголы-киргизы (возможно, близки к кара-калмакам. — *С. К.*) — 2 тыс., хошуты — 1 тыс., племена сагр-чин — 60, монголы-тангуты урочища Цайдам — неизвестно [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 289–395, 389–395]. Таким образом, в донесениях монголами обозначены также группы, в этногенезе которых участвовали тибетцы или тюрки (монголы-тангуты, урянхи).

Большинство монголов Синьцзяна — буддисты, мусульмане редки. В каждой семье один член был монахом. Высшие духовные лица пользовались громадным влиянием. Монголы Синьцзяна в религиозном отношении подчиняются Далай-ламе. Из высших духовных властей в Синьцзяне было 2 гэгэна (перерожденных святых): в Юлдузе (в то время — дядя юлдузского торгутского вана) и на Кабук-Сауре (родной брат кабук-саурского торгутского князя). Ждали прибытия третьего гэгэна из Тибета для Тарбагатайского округа и района Шихо-Манас (у подножья Тянь-Шаня. — *С. К.*). «Для получения высшего духовного чина необходимо соответствующее происхождение, посвящение в монахи, соответствующий образ жизни и успех изучения ламаистского учения во всех подробностях, а также

крупная сумма денег для окончания образования в течение 5 лет в Лхасе. Поэтому гэгэнами являются лица высокообразованные, талантливые и знатные. Благодаря религиозной организации всякого рода приказы из Тибета и даже пожелания очень быстро и точно проводятся в жизнь. Таким образом, видно, что власть гражданская есть скорее придаток религиозного управления монгол». Монголы с важнейшими делами в большинстве случаев обращались не к властям, а к духовенству, которое решало вопросы самостоятельно и безапелляционно [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 845. Л. 89, 259–261].

«Торгуты представляют собой отдельное самостоятельное государство, управляемое своим ханом “Хан-ван”. Это 10-летний мальчик, ведущий линию от Галдан-Цэрэна. Регентом сейчас состоит его родственник Кегн-ноин (это титул гэгэн-нойон. — *С. К.*). При хане есть министр “туслаш”, управляющий всеми его делами и производящий сбор с населения скотом и ценностями. Есть 4 тайджи, заведующий судопроизводством и 5 гуздаев (волостных управлений)... Торгутский хан (очевидно, отец этого 10-летнего мальчика. — *С. К.*), считая себя независимым и самостоятельным, обзавелся оружием — русскими трехлинейками, купленными в большом количестве на Буратале (р. Боротала. — *С. К.*) во время отступления Дутова и Анненкова, а затем, пригласив русских инструкторов, стал обучать детей своих военному искусству. До апреля сего 1925 г. обучавшихся было 80 чел.» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 136–136об.].

Гэгэн-нойон направлял деятельность на сплочение торгутов, повышение их благосостояния, был справедлив в решении тяжб, не всегда исполнял китайские приказы, стал популярным. Он пригласил из Кульджинского района инструктором белогвардейца Серебрякова. Тот разработал план военизации торгутов, в первый год обучил 3 тыс., из них 400 выделил как будущий комсостав для специального обучения. Китайцы пытались прекратить эти попытки, требовали у гэгэн-нойона выдачи русских, но он отвечал молчанием. Впоследствии Серебряков, приехав в Урумчи, был арестован и отправлен на восток. Гэгэн-нойон принимал меры к снабжению торгутов оружием, которое покупал у белогвардейцев и, якобы, у англичан через Кашгар. В ре-

зультате к 1925 г. у торгутов было 3 тыс. современных винтовок и якобы 200 тыс. патронов к ним. Открылись мастерские для ремонта оружия [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 178–180].

«В апреле с. г. Хана вместе с его регентом “Кеген-ноином” вызвал к себе урумчинский дудзюн (военный губернатор провинции. — С. К.), которых продержал до июля. Хан и регент вернулись к месту — на Юлдуз 25 июля сего 1925 г. Урумчинский дудзюн воспретил содержать войско и обучать в дальнейшем военному делу. Все наличное оружие отправлено в Урумчи. В октябре месяце с. г. хан и регент опять должны поехать к урумчинскому дудзюну, якобы им приказали зимовать в Урумчи для того, чтобы хана учить китайской грамоте» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 136–136об.].

Итак, китайцы у гэгэна «вырвали обещание прекратить военное обучение». Но 150 из 400 чел. комсостава были отправлены в кочевья, где продолжили военную работу. Тогда китайцы, вызвав в 1925 г. малолетнего князя торгутов Цаван-Доржи в Урумчи, задержали его и окружили китайскими советниками. Однако гэгэн-нойон создал нечто вроде кооперации, в результате товары по калмыцким кочевьям распространялись по умеренным ценам, а от кочевников по твердым ценам принимали сырье. Под давлением китайцев гэгэн-нойон передал власть Цавану-Доржи. Гэгэн-нойон некоторое время возглавлял военный отряд, поддерживавший дудзюна, дал ему подписку в послушании. Китайские власти принимали меры, чтобы загладить трения, которые были до 1923 г. между прежней властью из дунган и китайцев с монголами: неправый суд, неоднократные осквернения, притеснения и закрытие монгольских буддийских храмов, оскорбление монгольского военного отряда дудзюном. Теперь уже сарты стали бояться восстания монголов: последних стало очень много в войсках — их отряд решили довести до 5 тыс. [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 178–180, 416–421].

Хотя в 1926 г. дудзюн стал проявлять «большое благоволение» к монголам, они не очень доверяли ему. Их верхушка хотела добиваться политической независимости, а дудзюн хотел их использовать как военный материал, и, как отмечено в сводке от 20.12.26, «по обыкновению постарается обмануть их политические надежды» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 845. Л. 333–334].

Население Илийского округа на 1 января 1925 г. составляло 350 тыс. чел., из них калмыков (под которыми автор донесения понимал всех монголов. — С. К.¹) — 60 тыс., русских — 30 тыс., маньчжуров (сибо-солонны) — 45 тыс., китайцев — 40 тыс. Монголы жили обособленно от других народов, подчинялись Джен-Шоу-Ши, у него покупали все должности. Чахары (из Внутренней Монголии. — С. К.) жили по р. Боротала, разделены на 2 крыла. Всеми ими заведовал амбань в г. Куре. Каждой волостью управлял укурдай, или ухэрида, сумуном — зянга или сумун-чжанши. Ометы (возможно, олёты. — С. К.) разделялись на 3 волости. Монголы несли воинскую повинность (в основном охранную службу), выставляли людей, обычно бедноту. Качество войска было плохое. Поскольку духовенство было освобождено от этой повинности, монахов было очень много. У монголов второго сына в 6–7 лет отдавали в монастырскую школу. В каждой волости был монастырь, где постоянно находились 200–300 монахов. Над всеми ними в округе был Камбы-лама в монастыре «ометов» на р. Текес. Джен-Шоу-Ши построил в 1924 г. в крепости Куре громадный монастырь и пригласил Камбы-ламу. Тот пробыл там около года и весной 1925 г. вернулся в свой текесский монастырь [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 226–227, 256, 418–422]. Тогда губернатор пригласил влиятельного текесца Насым-Банту, ему выстроили «очень богатую квартиру», но он умер в мае 1926 г. [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 178–180].

Согласно донесению «На Текесе», там живут «калмыки зурган-сумуны» и «дурбун-сумуны» и киргизы. Все они находились под гнетом китайцев, их материальное положение из года в год ухудшалось. Во время бегства киргизов в 1916 г. с Текеса зурган-сумуны их грабили, а в 1920-х гг. беженцы стали возвращаться на родину и угонять скот (баранта) уже у калмыков. Те стали устанавливать караулы на границе. Информатор Адамов отмечал: «Ненависть калмыков к китайцам врожденная, они мечтают о присоединении к Монголии или к России». Развернулась «агитация о том, что

¹ Поскольку потомки калмыков, прикочевавших в 1771 г. на территорию Синцзяна, составляют подавляющее большинство ойратов этого региона, то использование данного этнонима по отношению ко всему монголоязычному населению Синцзяна вполне понятно. — *Ред.*

в Монголии произойдут события, калмыки составят союз и освободятся из-под ига китайцев» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 137–138об., 256].

На Внешнюю Монголию монголы Синьцзяна в массе смотрели как на начинающееся монгольское освободительное движение, князья же и «прочие административные лица» пытались направить их умы лишь на национальное обособление и независимость, но не на изменение формы старого хошунного и сумунного управления. «Это им почти удастся, т. к. власть князей и духовенства, можно сказать, абсолютна, и потому думать о каком-либо изменении формы правления монгол ими недопустимо, ибо все, что будет сделано в этой отрасли, будет считаться осквернением старых традиционных обычаев и нарушением частной свободной жизни» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 845. Л. 267]. Возможно, в связи с этим отношение их к СССР было отрицательным [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 81–84]. Тем не менее, большевики считали условия для революционной работы среди них очень благоприятными [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 210–213].

Китайцы, чтобы избежать объединения монголов, практиковали политический шпионаж, взаимные доносы, рознь между хошунами. Были случаи убийства монгольских князей. В силу своей разобщенности и малочисленности монголы Синьцзяна не представляли реальной военной силы. Но идея национальной независимости продолжала жить среди них [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 289–395, 391].

Таким образом, монголами Синьцзяна в 1920-х гг. правили удельные князья, подчинявшиеся местной китайской администрации. Согласно изученным разведсводкам, их главной целью было достижение максимальной самостоятельности (при возможных альянсах с другими монголами)

вплоть до независимости от Китая, но при сохранении старой системы управления подданными. Однако авторитет религиозных деятелей в решении мирских дел был выше, чем у светских лиц. Следовательно, буддийское духовенство в Синьцзяне было неформальной теократической структурой с харизматическим типом легитимности власти.

Источники

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ).
Российский государственный военный архив (РГВА).
Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ).

Литература

- Лучич К. В. Тарбагатайский округ Синьцзянской провинции в Западном Китае // Известия МИД. Кн. 1. 1913. С. 143–169.
- Мусеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.
- Петров В. И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. 528 с.
- Forbes A. D. W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political History of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge: CUP Archive, 1986. 376 p.
- Lin H. Nationalists, Muslim Warlords, and the “Great Northwestern Development” in Pre-Communist China // China and Eurasia Forum Quarterly. Volume 5, No. 1. 2007. P. 115–135.
- Millward J. A. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. New York: Columbia Univ. Press, 2007. 440 p.
- Nyman L. E. Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918–1934. Esselte Stud., 1977. 165 p.
- Wang D. Xinjiang of the 20th Century in historiography // Central Asian Survey. V. 14, № 2. 1995. P. 265–283.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ НА ДОНУ И ОБРАЗОВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО ОКРУГА В СОСТАВЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Administrative Reforms in the Don Region and the Formation of the Kalmyk District within the Don Cossack's Military Forces

К. Н. Максимов (K. Maksimov)¹

¹доктор исторических наук, заведующий отделом истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Head of History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru

В области Войска Донского в 1820–1840 гг. центральной властью при активной поддержке и заинтересованности администрации Дона была проведена реформа административного устройства Калмыцкого кочевья и его управления. В результате реформы территория Калмыцкого кочевья была преобразована в Калмыцкий округ, управление которого осуществлялось правлением во главе с приставом, назначаемым из числа старших офицеров наказным атаманом, по статусу являвшимся окружным военным начальником. Улусы и сотни по управлению были приравнены к казачьим станичным и хуторским. Реформа позволила ввести донское калмыцкое население в единую управляемую и служебную систему Дона, способствовала его ускоренной трансформации в социальную структуру казачества.

Ключевые слова: Область Войска Донского, казаки, калмыки-казаки, Калмыцкое кочевье, реформа, Калмыцкий округ, управление, административно-территориальное устройство, улусы, сотни, служилые, отставные казаки, духовенство, образование, животноводство, земледелие.

In 1820–1840, the Russian Central Government with the active support and commitment of the administration of the Don Region conducted the reform of the administrative structure of the Kalmyk nomadic territory and its governance within the Don Cossack's Military Forces. As a result of the reform, the Kalmyk nomadic territory was transformed into the Kalmyk District which was governed by the board led by the superintendent who was appointed from the group of the senior officers by the Cossack Chieftain (Ataman). His status was the military commander of the district. Regarding the type of governing, the uluses and squadrons became equal to the Cossack villages and farmsteads. In accordance with the Provisions of 1835, Kalmyks-Cossacks were distinguished into a separate group having the same status as Cossacks had in the social structure of the Don Region population. Instead of military service they could go to work as horse herd wranglers for village or private herds. There were some changes in the social life of the Kalmyks as well. Along with clergymen, civil servants and military men, a new group of people belonging to the gentry appeared (they were officers and the members of their families). The reform influenced the educational system for Kalmyk children as well. They could either attend special schools for Kalmyk children or go to general educational institutions.

As a result of the reform, land use was adjusted in the settlements. Kalmyks-Cossacks being mainly cattle-breeders started to use free land for agriculture. It also allowed the Kalmyk population to enter into the controlled and official system of the Don Region and contributed to its rapid transformation into the social structure of the Cossacks.

Keywords: Don Cossack's Region, Cossacks, Kalmyks-Cossacks, Kalmyk nomadic territory, reform, Kalmyk District, governance, administrative and territorial structure, uluses, squadrons, servitors, retired Cossacks, clergy, education, cattle-breeding, tillage.

После завершения Отечественной войны 1812 г. царская администрация приступила к реформе управления Войска Донского, в том числе и калмыцких кочевий. С этой целью в мае 1819 г. манифестом императора Александра I был образован Комитет по устройству Войска Донского под руководством представителя от государя

— генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта А. И. Чернышева.

По решению Комитета от 20 августа 1819 г., должность пристава над калмыцким народом, учрежденная в 1799 г., временно сохранялась. Но пристав вводился в систему военного управления и в вопросах установления и соблюдения очередности

калмыков на военную службу, учета малолеток наделялся полномочиями военного окружного начальника. В его подчинении находились помощник и письмоводитель. Пристав должен был избираться по положению о порядке выборов окружного войскового начальства. На этом же заседании Комитет установил определенное количество калмыцких священнослужителей: на одну сотню — 4 гелюнга (всего на 13 сотен — 52). При этом было принято решение «освободить их от военной и внутренней службы, дабы сим самым поселить в калмыцком народе более уважения к сим званиям».

На заседании 26 апреля 1820 г. Комитет постановил: на должность пристава над калмыцким народом с окладом 1200 руб. в год рекомендовать, как правило, из служилых старших офицеров. Предлагалось ввести в штат его аппарата управления двух помощников — одного из служилых в чине сотника, второго — из отставных обер-офицеров, с окладом каждому по 450 руб. в год. К помощникам назначались 2 писаря с окладом по 100 руб. и 2 посыльных, назначаемых из числа калмыков, работа которых приравнивалась к внутренней службе [РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 241. Л. 15, 16, 39–40; Записки 1999: 187].

К концу XVIII в. калмыцкое население на Дону почти полностью стабилизировалось, и в динамике до начала 1820-х гг. заметного увеличения не наблюдалось. В 1819 г. в 10 сотнях Верхнего, Среднего и Нижнего улусов, в 3 самостоятельных сотнях — 5-й Беляевской, Верхне-Таранниковской и Нижне-Таранниковской — Калмыцкого правления числилось 3439 кибиток (семей), калмыцкое население составляло 13326 человек, из них мужчин — 6737, женщин — 6589. По списку военное сословие донских калмыков составляло: служилых казаков — 1446 (в том числе 1 хорунжий и 2 урядника). Детей до 14 лет имелось 3662, малолеток — 479, отставных — 1221 (в том числе 4 урядника), гелюнгов — 226, гецулей — 9, манджиков — 18.

В том же году в донских военных полках и командах несли службу 403 калмыка, в Атаманском полку — 88, артиллерийских ротах — 18, а также в 18 донских полках на кордонных линиях — 401 калмык-казак. Помимо этого на внутренней службе находились 13 сотников, приравненных к атаманам станицы, и 13 пятидесятников на правах помощников сотников. Значитель-

ное количество донских полков находилось в Грузинском корпусе под командованием генерала А. П. Ермолова, управляющего по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии, чрезвычайного и полномочного посла в Персии [РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12. Л. 25, 55; Д. 38. Л. 575, 581; Д. 357. Л. 64 – 68; Д. 182. Л. 8; Д. 241. Л. 204, 241; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 83, 85; Ф. 383. Оп. 29. Д. 114. Л. 15; Лесин 2011: 317, 318, 349, 351, 375, 383, 384, 391, 392].

В послевоенный период калмыков-казачков стали активно привлекать к новому виду внутренней службы — в качестве табунщиков. Правление Войска Донского отмечало, что вместо военной службы многие калмыки стали «употребляться для присмотра на частных конских заводах под именем табунщиков» и это никакими документами не регулируется. Если в 1798 г. служили табунщиками в своих сотнях 44 калмыка, то в 1819 г. работали табунщиками у донских помещиков и в станичных общественных табунах 805 калмыков-казачков: 368 служилых и 363 отставных калмыка-казака, 74 малолетка (19-ти – 20-летних).

С целью упорядочения порядка прохождения строевой и внутренней службы калмыков Главный штаб Военного министерства с 1 января 1828 г. официально разрешил станицам и коннозаводчикам производить набор в табунщики из числа служилых калмыков и малолеток от 17 до 19 лет. В 1827 г. служило табунщиками 445 калмыков-казачков, из них служилых — 304, из внутренней службы — 98, малолеток — 43. Служилые калмыки освобождались от полевой и внутренней службы и исключались из очереди по спискам на все время нахождения в табунщиках. Оформление в табунщики производило Калмыцкое правление, взимая с него взнос в сумме 21 руб. 43 коп. Коннозаводчики-наниматели в военную казну (военный капитал) вносили: за служилого — 75 (с 1831 г. по 60 руб.), малолетка — 50 руб. ассигнациями, за перечисленного во внутреннюю службу — 25 руб. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 238. Л. 3–4, 4 об., 5].

На демографической ситуации донских калмыков, видимо, так же как и на всем казачьем населении Дона, отразились длительные войны начала XIX в. Лишь к 1822 г. калмыцкое население на Дону, несмотря на уменьшение количества кибиток до 3378, начало увеличиваться и достигло 14 597 (4 % общего населения на Дону) человек

(мужчин — 6832, женщин — 7765), служилых — 1490 (в том числе малолеток — 131) и отставных — 1370 (в том числе урядников — 4) калмыков-казаков. В военных полках и командах несли службу 453 калмыка-казака (в полках и артиллерийских ротах).

Экономика калмыцких улусов и сотен в 1820-е гг. была представлена в основном экстенсивным животноводством и выглядела следующим образом. В 1822 г. донские калмыки имели 25605 лошадей (7 % общего поголовья на Дону), в том числе маточного поголовья — 11105; 47090 крупного рогатого скота (5,7 %), из них волов и быков — 26632; 51229 овец (2,1 %), в том числе маточного поголовья — 31638; 2012 верблюдов. Если сравнивать с донской казачьей семьей, то калмыцкая семья в имущественном отношении не уступала казачьей. В среднем на душу населения Дона приходилось до 1 лошади, 2,8 коров и 7 овец, а на 1 калмыка-казака — соответственно: лошадей — 1,7, КРС — 3,2 и овец — 3,5 головы. Эти показатели у жителей Среднего улуса были заметно выше: лошадей — 2,4, КРС — 3,4, овец — 5,5 головы.

Калмыцкое кочевье занимало земли общей площадью 1908641 десятин, из них под пашни — 32323 дес., под сенокосы — 1708192 дес., под хлебопашество обрабатывалось земли до 2 дес. на душу населения. На землях Калмыцкого кочевья хлебопашеством в основном занимались казаки и помещичьи крестьяне, имевшие здесь хутора и зимовники. С ноября калмыки начинали подкармливать скот заготовленным сеном, загоняя его в сараи, построенные из дерна и покрытые камышом. Свои кибитки зимой они утепляли, обкладывая и покрывая камышом [Кабузан 1963: 225; Статистическое описание 1891: 96, 161, 188, 189, 198; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 12. Л. 86; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1729. Ч. 1. Л. 159; Ч. 2. Л. 339, 343; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 83, 94–96, 99].

В последующие годы наблюдается постепенное увеличение калмыцкого населения на Дону и улучшение его экономического состояния. С 1823 г. к 1830 г. численность калмыков выросла с 15649 (мужчин — 7499, женщин — 8150) до 16512 человек (мужчин — 7916, женщин — 8596). Правда, в 1828 г. была возможность несколько увеличить население донских калмыков, поскольку астраханские дербеты численностью до 1 тыс. кибиток сделали попытку

самовольно перекочевать на земли Войска Донского. Однако наказный атаман Войска Донского генерал-лейтенант Д. Е. Кутейников категорически воспротивился принять дербетов. В эти же годы происходит заметный рост и служилых калмыков-казаков. По списку начала 1825 г. малолеток числилось 184, служилых — 1419 человек, из них проходили службу в 38 полках (из 52 полков на Дону) — 532, в артиллерийских ротах — 10, находились на внутренней службе — 299 человек. К 1830 г. количество служилых калмыков увеличилось незначительно и составило 1439 человек (в том числе 10 урядников), из них в полках проходили службу 477, в артиллерийских ротах — 11. Отставных калмыков-казаков в 13 сотнях числилось 1833 человека, малолеток увеличилось до 4414 человек [РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 98 об.; Оп. 3. Д. 66. Л. 6 об.; Ф. 383. Оп. 29. Д. 56. Л. 1–20; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 357. Л. 337; Д. 358. Л. 6–12, 119; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 76–76 об.].

Донские калмыки продолжали традиционно заниматься животноводством, отдавая предпочтение преимущественно разведению лошадей, крупного рогатого скота и овец. В 1825 г. в Верхнем, Среднем, Нижнем улусах, 5-й Беляевской, Верхне-Таранниковской и Нижне-Таранниковской сотнях имелось 24256 лошадей (9 % от всего поголовья лошадей Дона), крупного рогатого скота — 50399 (5,4 %), овец — 50229 (2,2 %), верблюдов — 1849 голов. В структуре скотоводства донских калмыков к 1830 г. произошли существенные изменения: поголовье лошадей увеличилось и составило 32156 (11,7 % общего поголовья Дона), уменьшилось поголовье крупного рогатого скота — 47238 (5,4 %) и овец — 39349 (1,1 %). Количество верблюдов составило 1583 головы. Снижение доли калмыцкого овцеводства в регионе объяснялось тем, что пуд шерсти овец простой калмыцкой породы стоил всего 7–10,5 руб., шленской и испанской пород, которые преобладали в овцеводстве Дона, — от 25 до 35 руб. Калмыки разводили овец в основном в продовольственных целях, а шерсть и овчина использовались для внутренних потребностей. Наиболее выгодной отраслью животноводства стало коневодство [РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 16. Л. 83–84, 85–86, 131–133, 146, 157; Д. 17. Л. 83–86; Оп. 3. Д. 66. Л. 30].

Начатая реформа по введению донских калмыков в казачье сословие и в систему его управления полностью завершилась в январе 1836 г., в соответствии с «Положением об управлении Войском Донским» от 26 мая 1835 г., изменившим порядок управления Войском. Звание Войскового атамана окончательно передавалось наследнику престола. За наказным атаманом (назначаемым), наделенным правами военного губернатора и управляющего гражданской частью, сохранялось непосредственное управление Войском. Вместо Войсковой канцелярии для осуществления гражданской власти учреждалось Войсковое правление в составе 4 экспедиций (исполнительная, хозяйственная, поземельная, контрольная), а Войсковая экспедиция реорганизовывалась в Войсковое дежурство. Высшая власть сосредоточивалась в руках войскового наказного атамана, при котором состояли канцелярия, адъютанты, войсковые есаулы, и начальника штаба Войска Донского. Войско Донское подразделялось на четыре округа во главе с окружными генералами. Службу казаков разделили на полевую (в строевых и линейных частях сроком на 25 лет) и внутреннюю (в качестве прислуги и полиции сроком до 5 лет). Несколько раньше (в 1828 г.) высочайшим указом Николая I в Войске Донском были введены казачьи чины: казак, урядник, хорунжий, сотник, есаул, войсковой старшина, подполковник, полковник, генерал. В Положении предлагалось в 54 казачьих полках и 4 артиллерийских ротах, за исключением Лейб-гвардии казачьего полка и Казачьего его императорского величества цесаревича полка, оставить способных к службе штаб- и обер-офицеров, остальных уволить. Предусматривалось образование в Новочеркасске и округах войсковых депутатских дворянских собраний, войсковых (уголовных и гражданских) и коммерческих судов, ряда отраслевых органов управления. В администрацию станицы входили станичный атаман и двое судей, которые избирались на три года, и двое станичных писарей.

В соответствии с Положением 1835 г., донские казаки подразделялись на: а) простых; б) дворян поместных, имеющих в своих владениях крестьян; в) чиновников; г) торговых казаков; д) калмыков-казаков. Предусматривалось, что калмыки-казаки несут военную службу наравне с донскими казаками. Все казаки должны были отбы-

вать воинскую повинность на собственных лошадях, а огнестрельное оружие получать от казны. Все лица казачьего сословия, достигшие 18 лет, зачислялись в служилый состав войска, где службу проходили 20 возрастов, начиная с 18 и до 38 лет. Служилым калмыкам-казакам, согласно положению 1828 г., разрешили поступать в качестве табунщика в станичные табуны и табуны частных владельцев. Калмыки-казаки, поступившие в табунщики, на период работы в этом качестве освобождались из очередей призыва на военную службу.

Согласно Положению, упразднялась должность калмыцкого пристава, и для управления донскими калмыками учреждалось Калмыцкое правление Калмыцкого округа. Официальное его открытие состоялось 25 января 1836 г. с участием сенаторов, генерал-лейтенанта Б. Я. Княжнина и тайного советника В. И. Болгарского, наказного атамана генерала от кавалерии Д. Е. Кутейникова, судьи Калмыцкого правления войскового старшины Исаева (бывший пристав донских калмыков), заседателя суда сотника Демьянова, депутата от калмыцкого населения Чурюма Бальзарова. Калмыцкое правление по военной части подчинялось Войсковому дежурству, по гражданским делам — Войсковому правлению. В штат Калмыцкого правления входили судья (годовой оклад в 600 руб.) и два заседателя (с окладом в 400 руб.), назначаемые наказным атаманом из состава войсковых чиновников, два депутата (с окладом в 200 руб.) — от зайсангов и духовенства сроком на три года, назначаемые калмыцким населением в соответствии с правилами казачьих станиц.

Канцелярия правления состояла из секретаря (300 руб.), двух старших (по 100 руб.) и двух младших писцов (по 75 руб.), переводчика (200 руб.). Административно-территориальное устройство Калмыцкого кочевья Дона (4 сотни в Верхнем улусе, 2 сотни в Среднем, 4 сотни в Нижнем, Верхне-Таранниковская сотня, Нижне-Таранниковская сотня и 5-я Беляевская сотня, которые делились на хотоны) и структура управления на местах были сохранены в прежнем состоянии. Сотники (приравнивались к станичным атаманам) и их помощники по представлению Калмыцкого правления утверждались войсковым наказным атаманом сроком на 3 года, приказные избирались хотонным обществом и утверждались Калмыцким правлением на 3 года. Уголовные

преступления калмыков решались в соответствии с общегосударственным уголовным правом, имущественные споры рассматривались судьями правления, гражданские дела — калмыцким духовенством [Пальмов 2007: 334, 342, 343, 345; Маслаковец 1874: 17, 50; Номикосов 1884: 338, 342; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 68. Л. 3, 5; Оп. 3. Д. 4. Л. 1.].

В соответствии с новым Положением, в феврале-апреле 1836 г. прошли выборы сотников и их помощников, судей и заседателей, и одновременно хотонными обществами избирались хотонные приказные. Выборщики сотен улусов избрали сотников и их помощников, судей. Сотниками и судьями сотен были избраны в основном служилые казаки-калмыки в звании урядников. Все кандидатуры, избранные на эти должности сроком на 3 года, принесли присягу на верность и честность службы. 11 мая 1836 г. 13 сотников и 26 их помощников, 26 судей и 26 заседателей были утверждены в должностях наказным атаманом Войска Донского, генерал-лейтенантом Д. Е. Кутейниковым, а хотонные приказные — Калмыцким правлением [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 85. Л. 44 об., 5, 8, 10, 15–29, 37–37 об., 38–38 об., 47–47 об.].

Донские калмыки по-прежнему несли службу по нарядам в казачьих полках не только на Дону, но и в разных регионах страны. В 1825–1828 гг. в 59 военных и 2 рабочих донских полках с общей численностью 31429 казаков несли службу 607 калмыков. В полках внутренней службы числилось от 400 до 460 калмыков-казаков. В начавшихся в 1827 г. походах и рейдах на Кавказе участвовали 16 донских казачьих полков, в которых находились 178 калмыков-казаков. Помимо того в 1826–1828 гг. в составе 12 донских полков и конноартиллерийской роты, участвовавших в Персидской войне, находилось 113 калмыков-казаков [РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 358. Л. 6–12, 204; Д. 359. Л. 1, 61, 46–54; Казачьи войска 1912: 106].

Значительное количество донских полков участвовало в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. По имеющимся неполным сведениям, в 24 из 36 донских казачьих полков, принимавших участие в этой войне, числилось 256 калмыков-казаков. Из всех участников русско-турецкой войны, по сохранившимся архивным спискам, известны фамилии лишь 10 калмыков-казаков (Абуш Чурминов, Манжик Маштанов из 1-й сотни Нижнего улуса, Перушка Добчинов из 1-й

сотни Среднего улуса, Музурка Шарманджинов из 2-й сотни Среднего улуса, Патин Дибиков из 3-й сотни Верхнего улуса, Санжа Буринов из 1-й сотни Верхнего улуса, Шинтя Манжиков из 2-й сотни Среднего улуса, фамилии трех неизвестны — двое умерли, один находился на службе в полку), отличившихся в ней. Спустя много лет (в 1836 г.) они получили серебряные медали. 9 калмыков из одного только полка № 43 Андриянова (Абуш Чуркин, Куташ Балзаров, Минко Неминов, Амула Яшинов, Адучи Сумьянов, Санжи Кушинов, Минко Дженгуров, Бурха Бединов, Манжи Батинов) удостоились «Знаков отличия за воинское достоинство» 5-й степени [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 72. Л. 2–3; Д. 359. Л. 1, 2, 8; Д. 360. Л. 2; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 359. Л. 50–54; Казачьи войска 1912: 106].

В соответствии с расписанием всех казачьих войск на 1831 г., утвержденным наказным атаманом на четырехлетний срок службы, в 63 донских полках и 3 артиллерийских ротах, находившихся в составе действующей армии, на Кавказской линии, в Финляндии, Царстве Польском и в других местах, проходили службу 1 346 калмыков-казаков [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 14. Л. 2, 6; Д. 79. Л. 2; Д. 81. Л. 2 об.; Д. 367. Л. 2; Оп. 3. Д. 3. Л. 218–237; РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 359. Л. 231].

22 мая 1836 г. по предписанию наказного атамана Войска Донского М. Г. Власова в состав депутации Дона, выезжавшей в Петербург «для принесения его императорскому величеству верноподданнических чувств и признательности за всемиловейшее дарование войску нового положения» от калмыков были назначены гелюнг Джембя Ганджиков (2-я сотня Среднего улуса) и казак Мусган Нохин. Но М. Нохин внезапно тяжело заболел, и вместо него был рекомендован казак Баджа Санджинов. В числе депутации гелюнг Джембя Ганджиков и Баджа Санджинов в декабре 1836 г. были награждены императором золотыми медалями с надписью «За усердие» на зеленой ленте для ношения на шее [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 96. Л. 4, 9; Д. 361. Л. 3].

К началу реформирования (январь 1836 г.) управления в 13 сотнях — трех улусов (Верхнего — 4, Среднего — 2, Нижнего — 4) и Верхне-Таранниковской, Нижне-Таранниковской и 5-й Беляевской сотнях Калмыцкого (окружного) правления — находилась 4 241 кибитка, население насчитывало

уже 16 981 калмыка (мужчин — 8 155, женщин — 8 826). Донские калмыки по служебным обязанностям распределялись на лиц духовного звания, служилых, малолеток. Согласно перечневой ведомости на март 1836 г., служилых казаков-калмыков числилось 1383, в том числе 3 урядника, отставных — 1954, в том числе 4 урядника, 521 человек на внутренней службе.

В течение 14 лет (1822–1836 гг.) ежегодный прирост калмыцкого населения на Дону составил по 163 человека. Только в 1836 г. во всех 13 сотнях улусов родилось 608 детей, в том числе 337 мальчиков и 271 девочка. Количество духовных лиц, несмотря на строгую регламентацию государственной властью, даже по сравнению с 1834 г. увеличилось со 165 (54 гелюнга, 55 гецулей, 56 манджиков) до 205 человек (1 лама, 68 гелюнгов, 68 гецулей и 68 манджиков) [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 352. Л. 1, 7].

Основным занятием донских калмыков продолжало оставаться кочевое скотоводство. К началу 1835 г. из-за трудной предыдущей зимовки поголовье скота в калмыцких кочевьях несколько сократилось и составило: крупного рогатого скота — 40 889 голов, овец — 12 483, верблюдов — 1 251, лошадей — 31 266 голов. Причины уменьшения поголовья скота, видимо, можно объяснить и резким снижением (вдвое) цен на крупный рогатый скот и овец после 1822 г. В связи с этим несколько ухудшилось экономическое положение калмыцкого населения. Некоторые семьи оказались не в состоянии снарядить полным комплектом на службу детей первоочередного призыва. Стоимость полного комплекта снаряжений призываемого юноши составляла 214 руб. 50 коп. (только лошадь стоила 80 руб., седло — 30 руб., куртка и шаровары — 32 руб. и т. д.).

Положение в животноводстве в калмыцких кочевьях лишь к концу 1830-х гг. стало заметно улучшаться. В 1839 г. донские калмыки имели: лошадей — 31 078, крупного рогатого скота — 55 721, овец — 36 133, верблюдов — 1 119 голов. Однако они по-прежнему почти не занимались хлебопашеством, за исключением жителей Беляевской сотни. В 1834 г. в этой сотне было посеяно 20 четвертей пшеницы (четверть — до 200 кг), 5 четвертей ржи, 6 четвертей проса и 10 четвертей овса. Получили урожай с 1 га: пшеницы — 6, 5 четв., ржи — 6 четв., проса — 40 четв., овса — 7,5 четвертей. В некоторых сотнях улусов калмыки отдавали

крестьянам или чиновникам в аренду своих волов и получали в виде оплаты вспаханные нивы небольшой площади. Учитывая трудности зимовки скота в суровые годы, калмыки нередко обращались в органы управления с просьбой дать им разрешение на специально отведенных землях заниматься хлебопашеством и сенокошением. Так, в марте 1836 г. в Калмыцкое правление обратились жители 5-й сотни Среднего улуса — сотник Хурсан Шовгуров, урядник Иринцын Афанасьев, казаки Арабдун Чурюмов, Нимгир Холвашинов — с просьбой о землях для кочевий, сенокошения и пахоты. В отчете за 1838 г. в МВД наказный атаман Войска Донского М. Г. Власов писал, что «в общем числе Войсковых обитателей считается до 17 637 калмыков, которые, питаясь преимущественно мясом и молоком, мало употребляют хлеба» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–85; Д. 81. Л. 2–2об.; Д. 87. Л. 1–2; Д. 100. Л. 5, 19; Д. 367. Л. 1–2; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1740. Л. 120–121; Краснов 1863: 244; РГИА. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 66. Л. 6–7, 29, 32.]. Калмыки-казаки зимой охотились на волков, лисиц, зайцев, а летом — на сайгаков. Шкуры зверей в основном продавали, немного оставляли себе.

В соответствии с новой системой землеустройства, установленной Положением, на каждую станицу по числу душ мужского казачьего сословия должно было отводиться удобной земли по норме 30 десятин на одного калмыка-казака, а фактически приходилось значительно больше — от 63 до 107 десятин. Площадь земли, отведенная определенной станице, называлась станичным юртом. В общественном владении казачьих станиц и трех калмыцких улусов находилось 8837 тыс. десятин земли. Но отведенные земли являлись собственностью общества каждого улуса, сотни (хотона). Эти земли, как правило, делили на участки (для сенокосов, пашни, пастбы скота и конских табунов и т. д.). Упорядочивая выделяемые земли, особенно под задонское коннозаводство, которое быстро увеличивалось (к 1835 г. имелось 137 зимовников — конских заводов), государство в лице Войскового правления не только брало его под контроль, но и облагало определенной арендной платой за пользование войсковой землей. Если раньше существовала полная свобода в выборе места для конезаводов, бесконтрольность в ведении дела, отсутствие каких-либо налогов и повинностей, то теперь на каждые 500 голов

табуна отводился участок земли «на 1,5 версты в ширину по реке и 5 верст в глубину степи» и устанавливалась плата за каждую лошадь в войсковой доход — 50 коп. ассигнациями или 15 коп. серебром [Ходецкий 1853: 74; Труды Донского 1867: 120; Басов 1935: С. 9–10].

К началу 1841 г. на Дону насчитывалось 4 672 калмыцкие кибитки, и население достигло уже 18 462 человека (мужчин — 9 058, женщин — 9 404), то есть в течение 5 лет (1836–1841 гг.) ежегодный прирост составил почти 300 человек. За это же время число служилых калмыков-казаков увеличилось до 1 731 (7 урядников), из них 629 служили в полевых полках и командах, табунщиками, отставных же — до 2 229 (5 урядников), из них на внутренней службе числились 599. Число малолеток 21-летнего возраста достигло 242 человек. Существенно увеличилось за последние 5 лет количество служителей духовенства — с 205 человек в 1836 г. до 258 человек, то есть практически этот показатель, несмотря на решение правления о его сокращении, достиг уровня 1819 г. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 790. Л. 4–17; Оп. 3. Д. 7. Л. 2, 3].

Калмыки-казаки, занимаясь в основном скотоводством, на свободных землях постепенно начали приобщаться к хлебопашеству. Так, в 1840 г. калмыки убрали свой урожай и собрали зерна 1034 четвертей, т. е. свыше 2 тыс. тонн. Но доминирующей отраслью продолжало оставаться животноводство. Большая часть населения двух сотен (Чоносовской и Бурульской) занималась рыболовством, солением и сушением тарани на рыбозаводах.

Судя по общему поголовью скота, более зажиточными были семьи Среднего улуса, где в среднем на кибитку приходилось до 10 лошадей, 18–19 коров и 8–9 овец. Тогда как в Нижнем улусе — соответственно, до 5,2, 12 и 5, в Верхнем улусе — соответственно, до 4,0, 8,6 и 5,2 [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 790. Л. 4–17; Оп. 3. Д. 7. Л. 2, 3; Донские 1876]. Это, видимо, можно объяснить природными условиями, в которых находились сотни Верхнего улуса (трудности с водой, засушливая степь), по сравнению со Средним и Нижним улусами, по территории которых равномерно распределялись реки и балки с водой.

Динамика роста калмыцкого населения на Дону сохранялась на достаточно высоком уровне, и в декабре 1846 г., несмотря

на сохранение почти прежнего количества кибиток — 4598, там проживало уже 20 620 калмыков (муж. — 10 055, жен. — 10 565), из них мальчиков от 1 года до 19 лет — 5432, от 19 до 21 года — 215. Если в 1841 г. в среднем калмыцкая семья состояла из 3,95 человек, то в 1846 г. она увеличилась до 4,5. Однако естественный прирост населения резко колебался по годам. Если в 1845 г. родилось 574 мальчиков и 568 девочек, а умерло, соответственно, 130 и 119, то в следующем году родилось мальчиков всего лишь 247 и девочек 212, умерло, соответственно, 222 и 154. Народонаселение калмыцких улусов и сотен, составленное по табелю на 31 декабря 1846 г., выглядело следующим образом.

За последние 5 лет появились заметные изменения в его социальной структуре. Наряду с духовными лицами, чиновниками, военным сословием появились лица, получившие дворянское звание в соответствии с «Положением об управлении Войском Донским», изданным в 1835 г. В 1846 г. во 2-й сотне Среднего улуса калмык обер-офицер и два (супруга и дочь) члена его семьи удостоились введения в это социальное сословие. В это время на учете в Калмыцком округе служилых казаков насчитывалось: 1 хорунжий, 10 урядников и 1 664 рядовых, из них находились в полках и командах в качестве табунщиков 828 человек, отставных — 11 урядников и 2 283 казаков, из них продолжали службу 555 человек, малолеток 19-летних — 213, лиц духовного звания — 264 человека [ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 10–11, 36, 77; Д. 19. Л. 21–22, 23; Оп. 1. Д. 1379. Л. 1–2, 111–112, 153–154, 159; Оп. 2. Д. 11. Л. 1–2].

В 1846 г. были произведены некоторые изменения в административно-территориальном устройстве Калмыцкого округа. В соответствии с положением Военного совета, высочайше утвержденным 12 марта 1846 г., его земельная площадь в связи с передачей станичным юртам сократилась на 400 000 десятин. В общинных владениях 13 сотен, фактически приравненных к станичным юртам, трех улусов осталось 1 038 183 десятин, т. е. в среднем на душу населения с 75 уменьшилось до 52,5 десятин.

После реорганизации в Верхний улус вошли 1-я сотня прежнего Верхнего улуса, 1-я и 4-я сотни Нижнего улуса и Беляевская сотня; в Средний улус — 1-я сотня этого же улуса, 2-я и 3-я сотни прежнего Верхнего

улуса, Верхне-Таранниковская и Нижне-Таранниковская сотни; в Нижний улус — 2-я сотня прежнего Нижнего улуса, 4-я сотня Верхнего улуса, 2-я сотня Среднего улуса и 3-я сотня Нижнего улуса.

Сотни в новых улусах получили соответствующие названия: в Верхнем улусе 1-я сотня — Харьковская (Цевднякинская), 2-я — Беляевская, 3-я — Балдырская (Потаповская), 4-я — Эркетинская; в Среднем улусе объединенная 1-я сотня — Чоносовская (Бага-Чонос) или Таранниковская, 2-я — Бемдякинская (Ики-Чонос), 3-я — Геленгекинская, 4-я — Кебютская, объединенная 5-я — Бурульская (Бага-Бурул) или Таранниковская; в Нижнем улусе 1-я сотня — Рынцановская (Зюнгарская), 2-я — Бултуковская (Богшракинская), 3-я — Багутовская, 4-я — Намровская (Ики-Бурул).

Администрация Войска Донского в эти же годы приступила к упорядочению сети хурулов в калмыцких улусах, ограничивая их количеством сотен и необходимостью построения для них деревянных зданий, и штатов духовных служителей в них. Военный совет военного министерства 29 июля 1849 г. принял решение одобрить предложение от 12 ноября 1848 г. наказного атамана Войска Донского М. Г. Хомутова о целесообразности ограничения количества хурулов в Калмыцком кочевье и сокращении в них духовенства. Военный совет поручил наказному атаману не допускать превышения количества хурулов количеству сотен и установить типовое штатное расписание хурула — 4 гелюнга, 4 гецула и 4 манжика. Этим же решением Военного совета поручалось наказному атаману ввести в штат Калмыцкого правления должность медика.

Генерал-лейтенант М. Г. Хомутов, в соответствии с указанием министерства, поручил судье Калмыцкого правления войсковому старшине Сидорову вместе с бакшой Джембей Ганджиковым провести сокращение в хурулах с 220 до 168 духовных лиц. Предлагалось на освобождающиеся вакантные должности не принимать новых лиц, а производить перемещение в сотенных хурулах и в манжикки принимать только выпускников Калмыцкого училища, владеющих русским языком. Последние два предложения бакша отверг, мотивируя тем, что священнослужитель должен служить только в одном хуруле, а выпускники училища не владеют тибетской письменностью и не изучают буддийское учение.

Бакше Джембе Ганджикову в течение 1850 г. удалось привести штаты хурулов в соответствие с решением Военного совета и в конце того же года представить списочный состав калмыцкого духовенства на утверждение наказного атамана Войска Донского. Список штатных 52 гелюнгов, 52 гецулей и 52 манжиков калмыцких хурулов был утвержден наказным атаманом 7 апреля 1851 г. и представлен Калмыцкому правлению [ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 10–11; Оп. 1. Д. 1983. Л. 1–7, 14–19; Труды 1874: 57–58].

Несмотря на значительное увеличение поголовья скота, к 1846 г., когда окончательным утверждением территории Калмыцкого кочевья и его улусов, постепенно переходя на оседлость, земледелием занималось уже более 100 калмыцких семей, совместно обрабатывая участки полей 128 плугами. Помимо того калмыки-казаки стали заниматься сенокосением, производством продуктов животноводства и вступать в рыночные отношения. Калмыцкая порода крупного рогатого скота считалась наиболее приемлемой на Дону, особенно для производства мяса. В 1845 г. донские калмыки продали быков — 571, коров — 2 625, в 1846 г. — 410 быков и 3 203 коровы, кожи крупного рогатого скота — 666 штук, лошадей — около 4 тыс. голов. На рынке бык калмыцкой породы, от которого выход мяса до откорма получался до 11–13 пудов, сала — 3–4 пуда, в среднем стоил 15 руб. (серебром), корова — 8 руб., кожа — 1,5 руб., верблюд — 23 руб. и верблюдица — 14 руб., лошадь донской породы — до 40 руб. В эти же годы калмыки стали вывозить на рынок овечью шерсть и верблюжий пух. В 1845 г. настриг шерсти составил 3 925 пудов, в 1846 г. — 4 611 пудов. Калмыки занимались разведением в основном крупной, курдючной породы овец [ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 12–13, 20–21, 28–29, 43, 109; Краснов 186: 245; Маслаковец 1874: 62.].

Наиболее выгодной отраслью животноводства являлось коневодство, поскольку на коня был постоянно растущий рыночный спрос и стоимость его была высока. Поэтому немалое внимание в животноводческом хозяйстве калмыков отводилось коневодству. Калмыки-казаки, заботясь о воспроизводстве лошадей, уделяли особое внимание соблюдению структуры коневодства. В 1846 г. в табунах 13 сотен насчитывалось 938 жеребцов (3,1 %), 15 283 кобылиц

(50,5 %), 3 189 мерин, 10 845 голов молодняка приплодов 1845 и 1846 гг. В благоприятном следующем году поголовье лошадей увеличилось до 32917, волов до 4 117, коров до 57451, овец до 56604 [Басов 1935: 10; ГА РО. Ф. 309. Оп. 3. Д. 17. Л. 12–13; Д. 19. Л. 24, 25; Д. 34. Л. 115, 118, 156–157, 169, 189; Оп. 1. Д. 1980. Л. 33–33об., 34–34 об.].

Процесс инкорпорации калмыков в донское население вызвал объективную необходимость поднятия их образовательного уровня, совершенствования социальной инфраструктуры. Поэтому не случайно в Положении от 26 мая 1835 г. указывалось, что детям донских калмыков доступны общие учебные заведения как в Войске Донском, так и в прочих местах Российской империи. В 1839 г., по высочайшему повелению императора Николая I, для обучения детей донских калмыков было открыто в слободе Орловской, находившейся близко ко всем улусам, Калмыцкое приходское училище. Главная задача училища состояла в обучении детей русскому языку и математике с целью дать начальное образование и подготовить их к гражданской и военной службе. А с 1843/44 учебного года император разрешил принимать детей калмыцких чиновников и казаков на обучение не только в приходское училище, но и в гимназии, освободив их от повинностей на время учебы. Об этом 20 ноября 1842 г. войсковой наказный атаман уведомил Калмыцкое правление. Для этого родители должны были подать к 1 января 1843 г. заявку в земские учреждения. С этого времени калмыцким детям стало доступно обучение в войсковых школах на общих основаниях со всеми казачьими детьми [РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 9–10; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1 313. Л. 1–1 об.; Труды 1867: 120].

13 июня 1844 г. император Николай I, следуя поездом из Брауншвейга в Магдебург, высочайше повелел открыть два высших класса окружного училища при Калмыцком приходском училище Войска Донского. Отделение по иррегулярным войскам департамента военных поселений военного министерства сообщило об этом министру народного просвещения России письмом № 1921 от 14 июня 1844 г. В высочайшем повелении императора указывалось: «1) При Калмыцком приходском училище, в Войске Донском, открыть два высших класса окружного училища. 2) В

классах этих преподавать все те предметы, которые положены в первых двух классах окружных училищ Войска Донского; сверх того дети калмыков должны быть обучаемы правилам их языка и веры, упражняться в переводах с калмыцкого на русский язык, и обратно. 3) В классы сии, по окончании учения в приходском училище, дозволить поступать для обучения детям не только калмыков, но и казаков и крестьян из ближайших станиц и селений. 4) Курс полного учения в оных определить три года, полагая на каждый класс по полтора года, с тем чтобы в течение двух с половиной лет были пройдены все предметы, положенные в первых двух классах окружного училища, и правила калмыцкой грамматики, по последнее полугодие назначить для повторения всех сих предметов и для упражнения калмыцких детей в переводах и в письме под диктовку на языках русском и калмыцком. 5) Для преподавания наук в двух классах окружного училища назначить трех учителей: а) арифметики и географии; б) русского языка и чистописания; в) калмыцкого языка и веры, с жалованием из войсковых сумм, наравне с учителями Новочеркасского училища по 143 руб. серебром в год. Преподавание закона Божия для казачьих и крестьянских детей возложить на учителя арифметики или русского языка, с добавлением за сей труд к получаемому им окладу по 28 руб. 57 коп. серебром в год. 6) Исправление должности штатского смотрителя Калмыцкого училища возложить на одного из русских учителей, с добавлением за сей труд к получаемому окладу по 28 руб. 57 коп. серебром ежегодно. 7) Кроме того, применяясь к главным потребностям и штатам войсковых окружных училищ, назначить для сих классов ежегодно: на библиотеку и приобретение учебников, пособий — 28 руб. 57 коп. серебром; на награду учеников — 14 руб. 28,5 коп.; на наем дома — 100 руб.; на содержание училищного дома, как-то: отопление, освещение, канцелярские расходы — 128 руб. 57 коп.

Сверх того, для поощрения недостаточных родителей отдавать охотно детей своих в Калмыцкое училище и содержать их в оном до окончания полного курса учения, на основании 46 и 50 пунктов приложения к 159 статье 2 п. свода гражданских законов, назначить ежегодно пособие 8-м ученикам из детей калмыков бедного состояния, пола-

гая на каждого, как определено для учеников Новочеркасского окружного училища, по 13 руб. 80 коп., а на 8 учеников 110 руб. 40 коп. 8) Из числа суммы 867 руб. 96,5 коп. серебром, потребной на содержание Калмыцкого училища, причитающиеся на жалование учителям, на библиотеку, в награду ученикам и на наем дома до постройки здания для училища — всего 628 руб. 99,5 коп. серебром, отнести на войсковые суммы Войска Донского; потребные на содержание дома и другие расходы 128 руб. 57 коп. серебром производить из экономического училищного капитала, хранящегося в войсковом приказе общественного призрения, а следующие в пособие 8 ученикам бюджетного состояния 110 руб. 40 коп. по примеру прочих окружных училищ, отпускать из сумм войскового приказа» [РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 1–3].

Это императорское повеление было направлено военным министром А. И. Чернышевым министру народного просвещения С. С. Уварову. Последний уже 19 июня 1844 г. направил письма аналогичного содержания управляющему учебным округом и наказному атаману Войска Донского с резолюцией «для исполнения». 6 июля 1844 г. управляющий учебным округом, ректор Харьковского университета доложил министру народного просвещения о ходе выполнения императорского повеления. Затем 25 января 1845 г. управляющий учебным округом подробно доложил министру народного просвещения о том, что 9 декабря 1844 г. состоялось торжественное открытие в слободе Орловской Калмыцкого окружного училища, на котором присутствовали 42 человека (наказный атаман М. Г. Власов, бакша донских калмыков Джембя Ганджиков, директор училищ Войска Донского полковник Золотарев, судья Калмыцкого правления войсковой старшина Марков, депутаты и представители от всех сотен улусов). Все участники торжественного открытия внесли в дар Калмыцкому окружному училищу 285 рублей. В 1845 г. в Калмыцком окружном училище учились 12 человек, в приходском училище — 22 калмыцких детей [РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 311. Л. 8–14]. А в 1853 г. начались занятия на новом отделении восточных языков при Новочеркасской гимназии, куда поступали в основном дети зажиточных калмыков-казаков.

Таким образом, к концу 1840-х гг. в Калмыцком кочевье на Дону завершилось адми-

нистративно-территориальное переустройство, перераспределение населения между улусами, упорядочение сети калмыцких хурулов и численности духовенства в них. Все эти мероприятия были рассчитаны на развитие калмыцких улусов, подъем культуры, образования и благосостояния населения. По мере введения донских калмыков в единую управляемую систему Дона, освоения ими одной из основных производящих сфер хозяйства — земледелия, а также перехода к качественному уровню развития культуры — организованному обучению детей в учебных заведениях, началась социокультурная трансформация калмыцкой этнической группы на Дону. Однако, несмотря на вхождение в замкнутое военно-служилое сословие — донское казачество, калмыки сохраняли главные факторы самоидентификации.

Источники

Государственный архив Ростовской области (ГА РО).

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Литература

Басов А. Ф. Донская лошадь. М.; Л.: Отд-е изд-ва Наркомобороны, 1935. 90 с.

Военное обозрение земли Войска Донского. СПб., 1864. 247 с.

Донские областные ведомости. 1876. № 56 (Неофициальная часть).

Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВИРД, 1999. 256 с.

Кабузан В. М. Народонаселение России с XVIII — пер. пол. XIX в. М.: АН СССР, 1963. 231 с.

Казачьи войска (Хроники гвардейских казачьих частей помещены в книге «Императорская гвардия»): Справочная книжка Императорской главной квартиры / под ред. В. К. Шенка, сост. В. Х. Казин. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1912. 462 с.

Краснов Н. А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Земля Войска Донского. СПб.: Тип. Смирнова, 1863. 462 с.

Лесин В. И. Генерал Ермолов. М.: Вече, 2011. 544 с.

Маслаковец Н. А. Физическое и статистическое описание кочевых донских калмыков. Новочеркасск, 1874. 192 с.

- Номикосов С.* Статистическое описание Войска Донского. Новочеркасск: Изд. Обл. правления Войска Донского, 1884. 774 с.
- Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Статистическое* описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск: Изд. Обл. правл. Войска Донского, 1891. 314 с.
- Труды* Донского войскового статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск: Изд. Войск. Донск. статкомитета, тип. газ. «Донской вестник», 1867. 267 с.
- Труды* Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск: Обл. Войск. Донск. тип., 1874. 364 с.
- Ходецкий С. М.* Очерки земли Войска Донского // Материалы для хозяйственной статистики. СПб., 1853. 163 с.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАЛМЫКИИ 1920–1930-х гг.: ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

The Industrial Development of Kalmykia in 1920s–1930s: Specifics and Outcomes

Е. Н. Бадмаева (E. Badmaeva)¹

¹ доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of History, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru

В статье на примере отдельно взятого региона СССР — Калмыкии — рассматривается процесс ускоренного индустриального развития, реализованный в рамках нескольких типов общественно-политических и экономических систем. Анализируя особенности и результаты индустриального развития Калмыкии 1920–1930-х годов, автор приходит к выводу о том, что данный процесс обусловил превращение региона из аграрного в аграрно-индустриальный и вместе с тем вызвал кризисные явления в сельском хозяйстве, приведшие к ухудшению экономического положения крестьянства.

Ключевые слова: форсированная индустриализация, Калмыкия, промышленность, социалистическая модернизация, капиталовложения, первая и вторая пятилетки.

The present study considers the rapid industrial development in Kalmykia in the framework of the socio-economic policy of the Soviet state aimed at leveling its regions economic expansion. Due to some historical, geographical, economic reasons the process of industrialization in Kalmykia and its working class formation during this period as well as their further development were characterized by some specific national traits and distinctive features which largely determined the success and failure in the implementation of major national objectives.

The industrialization conducted primarily at the expense of agriculture and the forced collectivization of the peasantry demanded incredible efforts of all the population in the region causing a huge number of human casualties, breaking the centuries-old way of life, changing nomadic mentality in this ethnic outskirts of the Soviet Russia.

Keywords: forced industrialization, Kalmykia, industry, socialist modernization, investment, first and second five-year plan.

В настоящее время в российских научно-политических кругах активно дискутируется тема обновления и ускорения социально-экономического развития страны, осуществления эффективного механизма реструктуризации экономики. В связи с этим представляется актуальным взвешенное и объективное осмысление, изучение советского опыта преобразований в экономике — в особенности процесса ускоренной индустриализации на региональном уровне в общем контексте развития страны в 1920–1930-х гг.

Индустриальное развитие представляет собой важнейшую характеристику общества в целом, определяет формирование всего мирового экономического хозяйства, является основополагающим фактором выравнивания уровней экономического развития регионов страны. Изучение индустри-

ального развития именно в таком понимании, безусловно, заслуживает специального внимания. Субъект Российской Федерации — Республика Калмыкия являет собою беспрецедентный пример уникального опыта ускоренного индустриального развития, реализованного в рамках нескольких типов общественно-политических и экономических систем. В национальной республике, каковой является Калмыкия, процессы возникновения и развития промышленности, а также формирования рабочего класса в период социалистической индустриализации и последующего развития в силу исторических, географических, экономических причин, безусловно, имели национальную специфику, характерные особенности и черты, во многом определившие как успехи, так и неудачи в ходе реализации важнейшей общегосударственной задачи. Объектом

предпринятого исследования является индустриальное развитие Республики Калмыкия с его существенными специфическими особенностями и конечными результатами.

В Калмыкии проводимая в конце 1920-х и в 1930-е годы директивным путем форсированная индустриализация натолкнулась на ряд серьезных проблем и трудностей. Главной из них была социально-экономическая отсталость, в условиях которой калмыцкому народу, по замыслам руководства страны, предстояло совершить стремительный переход от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В послереволюционный период, как и в дореволюционное время, сельское хозяйство, в частности, животноводство во многом определяло характер и содержание всей экономической жизни региона. Вследствие этого еще в период проведения нэпа в автономии получили определенное развитие такие сельскохозяйственные отрасли, как мукомольная, маслодельная, наряду с овчинно-шубным, сапожным, портняжным, соляным производствами [Бадмаев 1975: 133]. Появление и наличие таких производств обусловлено многовековыми традициями калмыцкого населения, исконно занимавшегося животноводством, изготовлением товаров из сельхозсырья и приготовлением продуктов животного происхождения. Удельный вес животноводства в совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1928 г. составил 62 % [Десять лет Калмыцкой автономной области 1930: 35; Очерки истории Калмыцкой АССР 1970: 151].

Для создания на территории области промышленности и формирования национального рабочего класса необходимо было в первую очередь перевести степных кочевников на оседлость. Первые попытки в этом направлении были сделаны еще в нэповский период, когда по экономическим и социальным причинам активно продолжилось начатое еще до революции отходничество части калмыцких крестьян на рыбные промыслы Астраханской губернии, в основном как временное отвлечение от хозяйства. Небольшая группа обедневших калмыков, главным образом из Яндыко-Мочажного улуса, пыталась перейти к самостоятельному рыболовству и к оседлому образу жизни в рабочих поселках.

Калмыцким обкомом партии и Облисполкомом был принят ряд постановлений,

направленных на перевод кочевых и полукочевых хозяйств Калмыкии на оседлый образ жизни, для чего были выделены значительные финансовые средства. Только в 1921–1937 гг. капитальные вложения для осуществления поставленной задачи составили 77,4 млн руб. [Василенко 1969: 66].

Сложные природно-климатические условия Калмыкии, разбросанность ее территории, недостаточная развитость транспортной сети, крайняя ограниченность трудовых ресурсов также определили сложности процесса приобщения калмыков к индустриальному труду.

В июне 1929 г. на пленуме Калмыцкого ОК ВКП (б) был утвержден первый пятилетний план, в основе которого лежал принцип централизованного планово-директивного, лимитно-распределительного механизма. Общий объем капитальных вложений в народное хозяйство Калмыкии на первую пятилетку планировался в 69,9 млн руб., в том числе в промышленность — 4,9 млн руб., что составляло 7 % [Очерки истории Калмыцкой организации КПСС 1980: 98]. Валовая продукция промышленности должна была увеличиться за пятилетие в 2,2 раза [НА РК. Ф. Р.-90. Оп. 1. Д. 393. Л. 2].

Политика советского государства учитывала в таких слаборазвитых территориях, как Калмыцкая автономная область, особенности социально-экономического развития, связанные с региональной компонентой. В первой пятилетке в связи с тем, что в промышленности Калмыкии ведущее место занимало мелкое производство, выпускавшее в основном предметы потребления, располагавшее лишь предприятиями по обработке продуктов земледелия и животноводческого сырья, планировалось строительство шерстостойной фабрики, мясохладобойни, овчинно-шубного, консервного и утилизационного заводов.

В соответствии с планом индустриализации Калмыкии наибольшее внимание уделялось ускоренному и динамичному развитию рыбной промышленности, куда направлялись значительные ассигнования. Стремление государства развивать рыбную промышленность объяснялось тем, что рыбные продукты были источником производства дешевого белкового продукта для обеспечения населения растущих городов и строек первых пятилеток. Первым пятилетним планом предусматривалось расширение и реконструкция действовавших рыбо-

промысловых предприятий в республике, а также строительство нового плавучего консервного завода.

В рыбной промышленности большое внимание уделялось экономическому развитию предприятий союзного значения. Калмыцкий государственный рыбный трест входил во Всесоюзное отраслевое объединение рыбной промышленности и хозяйства «Союзрыба» [Максимов 2009: 418]. Укрепление материально-технической базы Калмгосрыбтреста положительно повлияло на его производственные показатели, валовая продукция значительно увеличилась: с 117 тыс. ц в 1929 г. до 234,9 тыс. ц в 1932 г., т. е. почти в два раза. Удельный вес Калмгосрыбтреста в Волго-Каспийском районе увеличился с 9,6 % в 1929 г. до 11,6 % в 1931 г. [НА РК. Ф. Р.-136. Оп. 1. Д. 796. Л. 54].

В годы первой пятилетки крупнейшей стройкой союзного значения в Калмыкии стало строительство Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината, начатое в мае 1932 г. Строительство комбината с самого начала осуществлялось в тяжелых условиях. Сказывалось отсутствие строительных материалов и квалифицированных кадров, нехватка транспорта, в том числе гужевого для подвоза материалов. Значительное число рабочих, особенно малоквалифицированных, составляли крестьяне из разоренных коллективизацией деревень и аймаков (сел). Как следствие, резко упала производительность труда и производственная дисциплина. В целях поддержки строительства указанного объекта Калмыцкий обком ВКП (б) и Облисполком в июне 1932 г. объявили его ударной стройкой, шефство над которой взял на себя комсомол области. Строительство комбината находилось под контролем федерального правительства. Так, в апреле 1935 г. строительство Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината посетили нарком пищевой промышленности СССР А. И. Микоян, секретарь Сталинградского крайкома ВКП (б) И. М. Варейкис и секретарь Калмыцкого обкома партии А. П. Пюрбеев.

Завершение строительства первой очереди комбината в ноябре 1935 г. (холодильник мощностью на 250 ц, утильзавод на 240 ц в сутки, электростанция, водопровод) и второй очереди в октябре 1937 г. (консервный завод мощностью 7 млн условных банок консервов) состоялось благодаря во

многом всесторонней помощи союзного правительства, которая проявлялась в разнообразных формах: в выделении крупных капиталовложений, в геологическом изучении природных богатств, в снабжении комбината материалами, современной техникой, в подготовке профессиональными специалистами, обеспечении квалифицированной рабочей силой, шефстве, участии в подготовке кадров из числа коренного населения, а также в других акциях. Процесс интенсивного промышленного развития Калмыкии непосредственно был связан с крупными финансовыми дотациями со стороны центра. Так, на строительство Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината государством выделено в годы первой и второй пятилеток более 10 млн руб. [Ленинский путь 1940: 1].

Благодаря этим и другим мерам Лаганский рыбоконсервно-холодильный комбинат превратился в крупную кузницу национальных промышленных кадров Калмыкии. Из ее рядов вышли знатные рабочие и талантливые руководители.

Ранее в строй действующих предприятий в годы второй пятилетки вступили икорно-балычный комбинат (1933 г.) и плавучий консервный завод им. Кирова (1934 г.) [Индустриализация Советского Союза 1999: 248]. Одновременно со строительством новых предприятий осуществлялось укрупнение и частичная реконструкция действовавших промыслов. Вместо 28 промысловых предприятий в 1931 г. в Калмгосрыбтресте в 1937 г. было сформировано 12 укрупненных предприятий [НА РК. Ф. Р.-136. Оп. 1. Д. 796. Л. 60].

Интенсивные работы по укреплению материально-технической базы рыбной промышленности дали неплохие результаты. Стоимость валовой продукции Калмгосрыбтреста в 1937 г. увеличилась по сравнению с 1932 г. в 1,8 раза и составила 8,4 млн руб. Выпуск нестандартной продукции за указанный период сократился на 9,7 %. Качественно изменился ассортимент выпускаемой продукции: начался выпуск консервов, мороженых рыботоров, технической муки, жиров и т.д. При этом производство их с каждым годом значительно увеличивалось [Санжиева 1977: 22].

В годы первых пятилеток намечалось также сооружение ряда предприятий по переработке природных богатств Калмыкии: камыша, кермека (многолетнее растение,

содержащее особое вещество — танин, употребляющееся в кожевенной промышленности для дубления кожи), глины, песка. В частности, было запланировано строительство экстрактивного завода по переработке кермека, кирпично-черепичного и камышитового заводов. Хотя при составлении первого пятилетнего плана зачастую допускалась переоценка экономических возможностей Калмыкии.

К особенностям индустриализации области следует отнести то, что промышленность создавалась фактически с нуля, в соответствии с политикой выравнивания уровней экономического развития национальных окраин и регионов этот процесс проходил форсированными темпами. По мере индустриализации автономной области начинал складываться региональный отряд рабочего класса из вчерашних крестьян. Однако недостаточное количество квалифицированных рабочих, завышенные планы усугубляли трудности строительства и работы промышленных предприятий. Поэтому запланированное строительство ряда заводов было перенесено на вторую и третью пятилетки.

Политика «социалистической индустриализации» осуществлялась на основе государственного сектора с планово-экономическим централизованным механизмом, общественной собственностью, с использованием методов принуждения, активного стимулирования рабочего класса на трудовые достижения. Это означало, что она осуществлялась за счет снижения уровня жизни народа. В итоге в 1929–1934 гг. значительно возрастает инфляция, не выполнены годовые планы по выпуску продукции легкой промышленности, но, несмотря на это, наблюдается некоторый рост промышленного производства и увеличение удельного веса промышленной продукции в экономике Калмыкии. В 1937 г. в республике насчитывалось 39 предприятий крупной промышленности с общей численностью рабочих 2610 чел. и основными производственными фондами на 11,4 млн руб. Стоимость произведенной ими валовой продукции составляла 11,3 млн руб. Продукция рыбной промышленности составляла 74 % от всей валовой продукции крупной промышленности [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 260. Л. 46].

Предприятия мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, прежде занимавшие незначительное и ограниченное место в

хозяйстве региона, благодаря дальнейшему развитию и коренной реконструкции стали одними из динамично развивающихся в республике. В 1931 г. был создан Областной союз кустарной промышленности, на 1 января 1932 г. объединивший 965 кустарей. В 1932 г. действовало уже 66 артелей с общей численностью 1369 чел., совокупно выпущенная ими продукция составила 1,5 млн руб. В результате укрупнения артелей в 1934 г. их численность уменьшилась до 8 в 1935 г., а выпуск валовой продукции увеличился до 1,8 млн руб. [НА РК. Ф. Р.- 90. Оп. 1. Д. 10. Л. 6. Л. 5-6. 14; Ленинский путь 1940: 1; Калмыкия к первому съезду... 1935: 52]. В 1937 г. на 64 предприятиях работало 515 чел. Ими было произведено продукции на 1 млн руб. [Пюрбеев 1936: 40]. Кроме того, предприятия мелкой промышленности находились в подчинении колхозов, совхозов и государственных учреждений и предприятий. В 1937 г. на 480 предприятиях мелкой промышленности работали 1665 чел., было выпущено продукции на 8 млн руб., что составило около половины стоимости валовой продукции всей промышленности Калмыкии. При этом стоимость продукции пищевой промышленности составляла 5,5 млн руб., или 68,2 % стоимости валовой продукции мелкой промышленности [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 1684. Л. 121].

Другой особенностью индустриального развития Калмыкии в этот период стало выдвижение на передний план электроэнергетической базы. Рост индустрии позволил вместо коммунальных электростанций, собственных электрических станций промышленных предприятий, колхозов, совхозов, МТС ввести в строй в 1937 г. 9 электростанций, в том числе две электростанции промышленных предприятий (Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината и кирпичного завода «Керамик»). Самой крупной из них была дизельная электростанция Лаганского рыбоконсервно-холодильного комбината мощностью 581 квт, построенная в 1935 г. В 1936 г. она вырабатала 961 тыс. квт-ч электроэнергии, из них 715 тыс. квт-ч использовано в производственных целях. Валовая продукция всех электростанций республики в 1937 г. составила 45 тыс. руб. (в ценах 1926/1927 г.) [ГА РФ. Д. 1666. Л. 124; Д. 1684. Л. 121]. Таким образом, в рассматриваемый период в системе электроснабжения произошли качественные изменения, позволившие про-

должить форсированную индустриализацию во всех отраслях народного хозяйства республики.

Промышленность Калмыкии, в частности, металлообрабатывающая в начале 1930-х гг. располагала небольшими мастерскими и кузницами по ремонту автомобилей, сельскохозяйственной техники и оборудования. Если в 1926 г. она была представлена 107 маломощными заведениями и общим штатом в 136 чел., то в предвоенные годы в республике насчитывалось 165 ремонтных мастерских и кузниц, из которых 10 считались крупными. Все предприятия металлообрабатывающей промышленности выработали продукции на 2,3 млн руб., в том числе крупные — на 0,9 млн руб., что в 5 раз больше, чем в 1932 г. На крупных предприятиях в 1937 г. работало около половины (45 %) рабочих, занятых в данной отрасли [НА РК. Ф. Р.-26. Оп. 1. Д. 241. Л. 1].

Вторая пятилетка отличалась от первой более широкими масштабами строительства. В этот период в республике вступили в строй: известковый завод мощностью 3,2 млн т извести в год (сырьем служил ракушечник), крупный механизированный алебастровый завод, третий по счету в республике кирпичный завод, завершилась реконструкция завода «Керамик» и др. В 1937 г. в ведении Наркомата местной промышленности республики находились 8 предприятий по производству строительных материалов, в том числе и перечисленных выше. Кроме того, строительные материалы производили еще 12 небольших кирпичных заводов, находившихся в ведении промысловой кооперации, колхозов и государственных предприятий [НА РК. Д. 260. Л. 1.; Д. 505. Л. 57–58]. В конце второй пятилетки стоимость валовой продукции предприятий промышленности строительных материалов составила 826 тыс. руб., что в 2,6 раза превышало выпуск валовой продукции 1928 года. Основные производственные фонды крупных предприятий увеличились с 375 тыс. руб. в 1928 г. до 856 тыс. руб. в 1937 г., а валовая продукция — более чем в 2 раза, до 705 тыс. руб. [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 1711. Л. 41]. В этот период налажено производство новых видов строительных материалов: кроме кирпича, изготавливались кровельная черепица, алебастр, известь, велась добыча бутового камня и т.д.

В последующие годы происходил дальнейший процесс концентрации промышленности. Численность мелких кустарно-ремесленных предприятий сокращалась. В 1937 г. в республике насчитывалось 64 предприятия с 276 рабочими деревообрабатывающей промышленности, в том числе 3 крупных, где трудилось 203 рабочих. Деревообрабатывающая промышленность выпустила продукции на 531 тыс. руб., в том числе крупные предприятия — на 408 тыс. руб. [Там же. Д. 1711. Л. 14; Д. 1712. Л. 36].

Помимо рыбной продукции в республике производились хлебобулочные, мясомолочные, кондитерские изделия, безалкогольные напитки, мука, крупы и другие продукты питания. Предприятия по их производству были в основном мелкими, кустарного типа. Находились они в ведении промысловой, инвалидной и потребительской коопераций, колхозов и совхозов Калмыкии. В 1937 г. в республике насчитывалось 180 небольших кустарно-ремесленных заведений общей численностью в 687 рабочих, производивших пищевую продукцию. Стоимость произведенной ими валовой продукции составила 6,2 млн руб. [НА РК. Ф. Р.-112. Оп. 1. Д. 310. Л. 10].

Итак, за годы первых двух пятилеток в Калмыкии вошли в строй несколько действующих предприятий. Среди них — Лаганский рыбоконсервно-холодильный комбинат, третий по мощности в СССР, который по-прежнему оставался одним из основных и являлся объектом союзного значения в республике, превращаясь в индустриально мощное предприятие с постоянно возрастающим составом рабочего класса.

Именно в эти годы было положено начало электроэнергетике, промышленности строительных материалов, пищевой, металлообрабатывающей, полиграфической промышленности. Между тем, в производстве товаров народного потребления значительное место еще занимала кустарная промышленность.

Еще к одной особенности индустриализации республики следует отнести то, что в ходе реконструкции сложился республиканский отряд рабочего класса, появилась местная инженерно-техническая интеллигенция. Рабочие коллективы в основном комплектовались из вчерашних крестьян. Вместе с тем в республику прибывали рабочие, инженеры и техники из центральных областей страны, что, в свою очередь, яви-

лось важным фактором подготовки местных квалифицированных кадров, в том числе из калмыков. Рабочий класс формировался не как национальный, а как многонациональный, при сравнительно небольшой доле калмыков в его составе. Как известно, формирование слоя наемных рабочих в Калмыкии относится к началу XX в., когда бедняки из числа неимущих крестьян были вынуждены либо пополнять ряды наемных сельскохозяйственных рабочих, либо наниматься на рыбные промыслы. Только на рыбных промыслах в Астраханской губернии по найму работали более 10 тыс. чел. [ГА РФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 1711. Л. 41].

Источниками формирования рабочего класса Калмыкии в период реконструкции были крестьяне-единоличники, батраки, безработные, в годы индустриализации и в последующий период — колхозное крестьянство республики. В советский период в 1920 г. уже на 37 предприятиях, выпускавших промышленную продукцию, работали около 1 тыс. чел., в то время как численность населения Калмыкии составляла 131,8 тыс. чел. Дальнейшее развитие и восстановление производительных сил республики увеличило число рабочих. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. рабочие составляли только 1,07 % к числу трудоспособного населения. Между тем абсолютное большинство (93,64 % населения) в аграрном регионе было занято в сельском хозяйстве [Бюллетень областного Статистического бюро... 1922: 20].

Темпы роста капиталовложений в промышленность республики в годы первых пятилеток были достаточно высокими. С одной стороны, это свидетельствовало о форсированном развитии промышленности Калмыкии в соответствии с политикой ликвидации экономического неравенства, а с другой — о низкой стартовой базе республики.

Индустриализация, начавшаяся в конце 1920-х гг., несмотря на чрезвычайную сложность и трагичность политических процессов, обусловила большие изменения в жизни народов Калмыкии, вызвала крупные социально-экономические последствия. К их числу следует отнести: превращение республики из аграрной в аграрно-индустриальную, увеличение роста городов и поселков городского типа

и удельного веса горожан в составе населения; формирование рабочего класса, начало создания инженерно-технической интеллигенции, а также другие социально-демографические изменения в составе населения.

С позиций современности, давая оценку социалистической модернизации, выбранной Сталиным, можно признать, что данный вариант развития, в общем, оказался точным. При этом в ее проведении выявились серьезные изъяны. Так, индустриализация в значительной степени проводилась за счет сельского хозяйства, крестьянства, пережившего катаклизмы коллективизации. Прежде всего необходимо отметить, что сельское хозяйство стало источником первичного накопления — за счет низких закупочных цен на зерно и реэкспорта по более высоким ценам. В дальнейшем советское крестьянство также обеспечивало рост тяжелой промышленности в качестве рабочей силы. Ускоренным результатом политики сталинской индустриализации в России явилось падение сельскохозяйственного производства: животноводство сократилось почти в два раза и смогло вернуться на уровень 1928 г. только в 1938 г. В связи с этим значительно ухудшилось экономическое положение самого крестьянства. Долговременным последствием политики стала деградация сельского хозяйства. В результате жесткой социалистической модернизации в экономической сфере, голода и чисток между 1926 и 1939 гг. страна лишилась, по различным оценкам ученых, от 7 до 13 млн и даже до 20 млн человек [Красильщиков 1998: 112].

Индустриализация, проведенная в первую очередь за счет сельского хозяйства, насильственная коллективизация крестьянства потребовали героических усилий большей части советского общества, вызвали огромное число человеческих жертв, жестокую ломку многовекового уклада жизни, изменение крестьянского и этнического менталитета в национальных окраинах Советской России.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Бадмаев С. Б.* Сельское хозяйство Калмыкии в восстановительный период // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 12. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 126–144.
- Бюллетень областного Статистического бюро при ЦИК Калмыцкого трудового народа. № 2. Июль–сентябрь. Астрахань, 1922. 35 с.
- Василенко Н. В.* К вопросу оседания кочевых и полукочевых хозяйств в Калмыкии (годы предвоенных пятилеток) // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 8. Сер. истор. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 65–76.
- Десять лет Калмыцкой автономной области (1920–1930). Астрахань: Калмиздат, 1930. 135 с.
- Индустриализация Советского Союза: Новые документы. Новые факты. Новые подходы / редкол. и сост.: Хромов С. С. (отв. ред.) и др.; Ин-т рос. истории РАН. М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 1999. 303 с.
- Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX в. с точки зрения мировых цивилизаций. М.: РОССПЭН, 1998. 264 с.
- Ленинский путь. 1940. 6 ноября.
- Калмыкия к первому съезду Советов Сталинградского края. Материалы к докладу Калмоблисполкома на первом краевом съезде Советов. Сталинград: Крайгосиздат, 1935. 57 с.
- Максимов К. Н.* Коллективизация сельского хозяйства. Социально-экономическое положение в области (1928–1934 гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 839 с.
- Пюрбеев А. П.* Калмыкия на подъеме: Доклад на I республиканском съезде Советов о советском и культурном строительстве Калмыцкой АССР. Элиста: Калмиздат, 1936. 54 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Санжиева В. Ш.* Промышленность Калмыцкой АССР в период строительства социализма // Промышленность и рабочий класс Советской Калмыкии. Элиста, 1977. С. 3–26.

ЭКСПЕДИЦИЯ П. Ю. БЕРЛИНА В КАЛМЫКИЮ (1925 г.) И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

P.Y. Berlin's Expedition to Kalmykia in 1925 and its Significance for Developing the Republic's Health Service

М. В. Бадугинова (М. Baduginova)¹

¹аспирант отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Post-graduate Student of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru

В 1925 г. на территории Калмыцкой автономной области под руководством П. Ю. Берлина работала научная экспедиция Наркомздрава. В течение нескольких месяцев ее участниками был собран значительный объем демографических, социальных, антропологических и других показателей, которые позволили установить причины сокращения численности калмыцкого народа. В статье, основанной на архивных материалах, значительная часть которых ранее не вводилась в научный оборот, рассмотрена деятельность экспедиции, выявлены основные проблемы в ее работе, определено значение в дальнейшем развитии региона.

Ключевые слова: история здравоохранения Калмыкии, экспедиция Наркомздрава, социальные болезни, демографическое исследование.

In 1925, the scientific expedition of the People's Commissariat for Healthcare under the guidance of P.Y. Berlin worked on the territory of the Kalmyk Autonomous Region. The warnings on the population reduction of the Kalmyks were periodically made by the officers and those enthusiastic doctors who worked selflessly in the Kalmyk steppe, but the issue was seriously considered only after the Russian revolution when the Kalmyks got the right to solve their problems. The preliminary commission was sent to the Kalmyk region in order to evaluate the situation with the ethnic group. The conclusion was made that the Kalmyk population was in danger, and it was necessary to send another scientific expedition to explore the issue in details.

Under the leadership of the Professor A.V. Molkov — the Director of the State Institute for Social Hygiene — the monitoring program, the plans and forms for investigating family and individual issues as well as housing conditions were worked out. During several months, the expedition members gathered considerable amount of demographical, social, anthropological and other data that helped to analyze the reasons for the Kalmyk population reduction. The researchers identified the underdeveloped economy as the main influence on the lack of the natural population increase. In 1928, the outcomes of the Scientific Expedition were published in the Digest «The Kalmyks. The Research on the Health Situation and Stamina».

The article considers the archival material on P.Y. Berlin's expedition much of which has not been used in the scientific research yet. The basic problems concerned with the field study have been identified and considered. Special attention has been paid to the role of the expedition in attracting attention to some political issues in the USSR.

Keywords: history of healthcare in Kalmykia, the expedition of the People's Commissariat for Healthcare, population diseases, demographic research.

Образованная в период Гражданской войны Автономная область калмыцкого народа была разорена и обескровлена вследствие боевых действий, голода и эпидемических заболеваний. Разрыв в социальном, экономическом, культурном отношении между калмыками, населявшими степь, и жителями других областей страны был огромен. К 1920 г., времени установления советской власти в регионе, калмыки продолжали вести кочевой образ жизни, придерживаясь

того же уклада, что и столетия назад. Один из важных факторов сохранения и развития того или иного народа — полноценная система здравоохранения отсутствовала вплоть до начала XX века. На протяжении более чем 250-летнего пребывания калмыцкого народа на территории Нижнего Поволжья вопрос о строительстве больниц не решался, хотя высокая заболеваемость и смертность населения настоятельно требовали создания лечебных учреждений [Дой-

никова, Сусеев 1967: 162]. Больные, как правило, находились на попечении своих родственников, местных меценатов, хурулов. Лишь малой части больных оказывалась поддержка из средств общественного капитала [Команджаев 2009: 576–577]. Все это, наряду с тяжелым материальным положением основной части населения и несоблюдением ряда правил гигиены, создало благоприятные условия для распространения таких эпидемических и заразных заболеваний, как тиф, сибирская язва, дизентерия, холера, сифилис и другие, имевших социальное происхождение [Команджаев 2009: 577].

Предупреждения об угрозе вымирания калмыков, тревога об их тяжелом материальном положении, частых эпидемиях многократно высказывались чиновниками и теми немногими врачами-энтузиастами, которые бескорыстно работали в калмыцкой степи и знали проблемы народа. В годовом отчете за 1869 г. Главный попечитель калмыцкого народа К. И. Костенков констатирует вымирание калмыков в целом как *«неизбежное следствие обеднения и разорения калмнарда, а также как результат тех губительных условий, в которых проходила жизнь женщин-калмычек»* [Лебединский 1927: 104]. Но дальше принятия «к сведению» этих фактов дело не шло. В годовых отчетах Главного попечителя калмыцкого народа за 1891, 1892 и 1893 гг. указано, что, *«по циркулирующему в обществе и печати мнению, наблюдается вымирание калмыцкого народа, но за неточным ведением метрических записей не представляется возможным это подтвердить»* [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 18]. Доктор С. Р. Залкинд в 1896 г. в своем письме попечителю Харахусовского улуса отмечал: *«Констатированные мною в большем числе простудные заболевания обуславливаются несомненно тою жалкою обстановкою, в которой живут бедствующие калмыки. Картина их житейя до того неприглядна, условия до того плачевны и потрясающи, что при наличности таких условий перенесение простого даже по существу заболевания тяжело для крепкого организма, не говоря уже об ослабленном, вследствие недостаточного питания. Дырявые кибитки, джолоны, едва прикрытые разорванными кошами, отсутствие пищи, теплой одежды и обуви — вот жизненная обстановка бедствующих калмыков»* [Цит. по: Лебединский 1927: 128–129].

Экспедиции, отправлявшиеся время от времени в Калмыцкую степь, в своих отчетах также отмечали плохие социальные условия, высокую смертность и низкую рождаемость у местного населения [Дойникова, Сусеев 1967: 163]. Как правило, приезжавшие ученые занимались изучением только отдельных вопросов. Однако комплексное решение проблемы «вымирания» калмыков оставалось вне поля зрения этих экспедиций [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 18].

Только после революции 1917 г., когда жители степи получили право разрешать свои вопросы, тема вымирания калмыков стала звучать с высоких трибун. На 1-м (1920 г.) и 4-м (1923 г.) Общекалмыцких съездах заведующий Калмыцким областным отделом здравоохранения доктор Улюмджи Душан поставил вопрос о вымирании народа как один из самых злободневных. На съездах принимались решения обратиться в центр с просьбой о посылке научной экспедиции. Заведующим Калмоблздравом и Представительством Калмыцкой автономной области в Москве было возбуждено соответствующее ходатайство перед Наркомздравом РСФСР. В октябре 1924 г. в Калмобласть была направлена предварительная комиссия для общего ознакомления с вопросом состояния этноса в составе врачей Бархана, Миловидова и инспектора-инструктора Серчугова. Комиссия пришла к заключению, что положение калмыцкого народа является угрожающим и что необходимо более детальное ознакомление с этим вопросом, отправив в Калмыцкую область научную экспедицию из специалистов, причем было указано, что наиболее распространенные и опасные болезни в регионе — социальные: туберкулез и сифилис [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 18].

Здесь стоит отметить, что, по данным венерологических отрядов Наркомата здравоохранения, опубликованным в «Бюллетене НКЗ РСФСР» № 3 за 1926 г., пораженность сифилисом среди калмыков достигала 14,5 %, тогда как у «бурято-монголов» — 61 % от всего населения [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 346. Л. 3]. Профессор А. В. Мольков в своей статье «Основные факторы общественного здоровья», констатируя широкое распространение сифилиса среди разных этнических групп Советской России, отмечал, что *«эта форма (заболевание сифилисом. — М. Б.) при отсутствии вра-*

чебной помощи является прямо фактором вырождения» [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 346. Л. 1].

Научная экспедиция Наркомздрава по изучению вопроса о вымирании и вырождении калмыцкого народа с первых дней своего формирования столкнулась с множеством проблем. Начальник экспедиции П. Ю. Берлин писал в своем отчете: *«Небезынтересно остановиться на одном моменте, который мог ликвидировать экспедицию до ее осуществления. 6-го июля во время самого разгара хлопот и подготовки к экспедиции мне сообщили из НКЗдрава, что экспедиция наша откладывается на неопределенный срок по совету проф. Никанорова, Директора Областного Юго-Восточного Микробиологического Института в Саратове, ведущего борьбу с эпидемиями на юго-востоке, в частности с свирепствовавшей в то время в Калмыцкой Области чумой»* [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 19–19об.]. На эпидемиологическом заседании П. Ю. Берлину было рекомендовано отложить экспедицию, но его настойчивость и искренняя заинтересованность в важности ее работы для калмыцкого народа позволили ей состояться [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 19об.]. Недостаточное финансирование (бюджет сократили в 2 раза вместо запрошенных Калмыцким облисполкомом и Наркомздравом 10 тыс. рублей [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 55. Л. 194] Совнарком выделил лишь 5 тыс. рублей [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 1]), отсутствие методологической базы, организационные трудности могли в любой момент прервать работу экспедиции [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 8]. Свою роль в том, что она смогла состояться, сыграло и то, что экспедиция должна была стать примером заботы советского правительства о малочисленных народах.

Еще одним обстоятельством в пользу экспедиции была давно назревающая проблема обоседления калмыцкого народа. Кочевой образ жизни калмыков в условиях становления нового строя считался символом феодальной отсталости. Переход от экстенсивного скотоводства, находившегося в сильной зависимости от погодных условий, к интенсивному земледелию и животноводству являлся экономической необходимостью. Да и управление народом, у которого нет постоянного места жительства, сопряжено с определенными трудно-

стями, что для советского руководства в будущем могло стать проблемой. Но обоседление калмыков проходило с большим трудом: кочевникам было сложно менять привычный образ жизни, тем более переходить от традиционного для них скотоводства к земледелию, о котором калмыки почти ничего не знали. В Калмыцкой степи основную часть составляли бедняцкие хозяйства, которые не могли позволить себе иметь хорошую войлочную кибитку. Принужденные к обоседлению степняки переселялись в землянки, саманные домики, которые представлялись бывшим кочевникам тесными, холодными зимой и душными летом. В этот период был зафиксирован рост возникновения и развития многих заболеваний [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 131. Л. 21об.]. Против обоседления была и статистика смертности. На встрече КалмЦИК с участниками экспедиции У. Д. Душан на примере Больше-Дербетовского улуса определил тенденцию вымирания (народа) вскоре после обоседления [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 20об.]. Тем не менее, ко времени проведения экспедиции процент хозяйств, перешедших на оседлость, в Калмообласти равнялся 58,5 %, а процент оседлого населения — 62,5 % [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 32об.]. Несмотря на то, что участники экспедиции, поддерживая руководство страны, должны были выступать в роли агитаторов обоседления, они на совещании в Калмоблздраве, а затем и в КалмЦИК, к вопросу обоседления призывали *«подойти осторожно, так как переход калмыков из кочевого состояния сразу в оседлое может пагубно отразиться на состоянии здоровья»* [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 20об.].

Организацию и руководство экспедицией Наркомздрав поручил Государственному институту социальной гигиены, который под руководством директора института профессора А. В. Молькова выработал программу, план и формы карточек обследования — жилищной, семейной, индивидуальной — и монографического описания населенного пункта, также была принята форма обследования бюджета питания жителей степи. Проведенную подготовительную работу представители экспедиции вынесли на обсуждение заседания Совета научных институтов Наркомздрава, состоявшегося 22 июня 1925 г., на котором было утверждено четыре направления исследования: демографическое, клиническое и антропометри-

ческое, жилищное, по бюджету питания. Вместе с тем было отмечено, что экспедиция должна ставить перед собой три основных задачи — выяснить факт вымирания и вырождения калмыцкого народа, установить причины его и выяснить мероприятия, какие могут быть предприняты [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 18об–19].

В состав экспедиции вошли: врач-фтизиатр П. Ю. Берлин (назначен начальником), врач-статистик Е. С. Тимм (с 25 сентября 1925 г. его сменил Н. Н. Проскурин), санитарный врач Ю. В. Водковская, венеролог Е. Э. Альтгаузен (с 20 августа 1925 г. ее сменил С. И. Рудченко), студенты-антропологи Д. И. Арон и А. В. Пушкинская [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 19]. В помощь участникам экспедиции из Астраханского мединститута было выделено пять студентов-медиков (М. А. Герт, Л. М. Динабург, А. С. Жилко, Д. П. Микулин, В. Л. Харченко), причем их оплату из-за скромного бюджета экспедиции взяло на себя правление Астраханского мединститута. В качестве волонтера с экспедицией отправился сотрудник кафедры биологии Астраханского мединститута С. И. Богомолов. КалмЦИК вместо предложенных ранее полуграмотных переводчиков выделил экспедиции, по словам П. Ю. Берлина, «совершенно культурных переводчиков»: учителей Лиджи Нармаева, Церена Петькиева, студенток-медиков Бальджирму Манцину и Бамбу Бакаеву. Содержание переводчиков взял на себя КалмЦИК [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 21об.].

14 июля 1925 г. экспедиция выехала из Москвы в Астрахань, где стала ожидать прибытия медикаментов, лабораторного оборудования, медицинских инструментов. Параллельно участники экспедиции решали организационные вопросы, создававшие для них серьезные затруднения. Врачам приходилось искать средства передвижения, места для ночлега, закупать продукты, налаживать связь с местным начальством и организациями в соответствии с наказом от Государственного института социальной гигиены [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 346. Л. 51], причем без отрыва от своих основных задач. Поэтому свою работу в Калмыцкой степи экспедиция начала только 11 августа 1925 г., отправившись в п. Яшкуль [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 22–20об.].

Маршрут экспедиции, выработанный совместно с заведующим Калмоблздрава

У. Д. Душаном, охватывал по возможности все социальные группы и слои населения Калмобласти. Поэтому в маршрут попали Икицохуровский улус (как скотоводческий), Манычский улус (как смешанный скотоводческо-земледельческий), Больше-Дербетовский улус (как земледельческий), Яндыко-Мочажный улус в его прибрежной полосе (как рыболовецкий), а также Калмыцкий Базар с его смешанным населением и интернатом на 250 человек, куда съезжались учащиеся со всей степи. Затем в Астрахани предстояло обследовать ответственных работников Калмобласти, учащихся Калмтехникума и Калмсовпартшколы, а также калмыков, заключенных в Исправдоме, как живущих при особых условиях и находящихся в постоянном общении с русскими [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 19об–20].

Участники экспедиции работали по двенадцать, а то и более часов, наверстывая упущенное в больших переездах время. В своем отчете П. Ю. Берлин пишет: «Рабочий день бывал у экспедиции не меньше 12 ч. в сутки, а зачастую гораздо больше, без перерывов воскресных и праздничных <...> ни у кого из нас не было ни одной минутки свободного времени, чтобы черкнуть даже домой лишних 2–3 слова. Сообщения в Москву, как и все прочее, приходилось обыкновенно писать глубокой ночью, когда совершенно покончено со всякой очередной работой и когда все товарищи уже спят после усталого дня. В это же время приходилось составлять и план работы следующего дня» [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 25].

По воспоминаниям переводчика Л. Нармаева, обследование жителей степи проходило следующим образом: «<...> сперва делали прививку на руке, а потом расспрашивали об их отцах, матерях, дядях, тетях, родственниках матери, братьев, сестер, мл. братьев, детей и пр. Если кто из них умер, то расспрашивали, когда умер, от чего, от какой болезни; не подвергался ли сам каким-нибудь болезням, падность на спиртные напитки, курит ли и т.д. С этими заполненными анкетами и с ним (т. е. обследуемым. — М. Б.) передавали двум врачам-антропологам для измерения тела, веса и проч.; после этого передавали врачам по туберкулезу, сифилитической части для обследования» [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 55. Л. 250–250об.]. Если человек был болен, то врачи выписывали ему рецепт и

выдавали лекарство. Статистик и санитар экспедиции осматривали его жилище, подробно расспрашивали про употребляемую пищу, воду, обычаи, привычки, проводили санитарно-гигиенический ликбез, советовали, как воспитывать и ухаживать за детьми. После основной работы врачи экспедиции вели прием больных, как живущих в данном населенном пункте, так и приезжих. Были случаи, когда больные по 3–4 дня следовали за экспедицией ради того, чтобы получить какую-нибудь помощь [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 55. Л. 250об.].

Местные жители вначале с настороженностью отнеслись к приезду экспедиции. Врачам при обследовании приходилось иногда прибегать к помощи властей, чтобы отмеченные семьи приходили в полном составе, хотя другие калмыки, лишенные предрассудков, являлись сами и выстраивались в очередь, чтобы полечиться у «настоящих врачей». Со временем степняки стали охотнее отвечать на вопросы и даже шутили между собой на осмотрах. *«Нужно сказать, что наша экспедиция была очень популярна в степи, между прочим, одной из причин являлось то, что мы обследовали отдельно мужчин и отдельно женщин, причем при измерении женщин разрешали им по мере возможности без вреда для точности оставаться в кальсонах и вообще относились очень бережно к степной женской стыдливости»*, — писал в своем отчете начальник экспедиции [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 23об.]. Здесь стоит отметить и такой любопытный факт: некоторые представители калмыцкого духовенства, для которых приезжие врачи являлись чем-то вроде конкурентов, поддерживали работу экспедиции. *«Передовые, сознательные старики, гелюнг рассказывали о целях экспедиции массам, приносили благопожелания как экспедиции, так и Народн. Комиссариатам»*, — отмечал Л. Нармаев [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 55. Л. 250об.–251].

Малый бюджет экспедиции не позволял расширить штат врачей и их помощников, поэтому все ее участники совмещали несколько видов работы. Б. Манцина и Б. Бакаева собирали анамнез у обследуемых, были переводчиками, другие студенты помогали статистику и санврачу, заведовали аптекой и готовили лекарства [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 24об.–25], переводчик Л. Нармаев занимался организационной и санитарно-просветительской работой,

выезжая раньше основной группы вместе с П. Ю. Берлиным. Они устраивали медицинские кабинеты, подыскивали жилье для участников экспедиции, проводили разъяснительную беседу с местным населением и ответственными работниками, чтобы врачи, не теряя времени, могли бы приступить к обследованию [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 24–24об.].

В Калмыцкой степи деревянные и каменные здания были не во всех населенных пунктах, и передвижная амбулатория не всегда могла в них расположиться. Чаще всего участники экспедиции работали и жили в традиционном доме кочевника — кибитке, и на себе испытывали все недостатки такого жилья. На одной из стоянок местные жители даже прозвали восемь кибиток, в которых расположились приезжие, «хотоном Берлина» [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 24]. Работа в экспедиции для всех ее участников явилась большим испытанием: тяжелые природные и бытовые условия, постоянные переезды, совмещение нескольких специальностей. В самом начале работы экспедиции возник конфликт между П. Ю. Берлиным и венерологом Е. Э. Альтгаузен. Согласившись сначала с условиями работы в полевом исследовании (кроме основной работы венеролога, Е. Э. Альтгаузен должна была вести общетерапевтический прием и заменять П. Ю. Берлина в лаборатории), она затем передумала, из-за чего начальнику экспедиции пришлось ехать в Астрахань за другим врачом, потеряв при этом двое суток в пути [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 76. Л. 36–37].

Большой успех у населения Калмыкии имела передвижная санитарная выставка. Из наблюдений П. Ю. Берлина: *«Представьте себе впечатление степной калмычки, когда она рассматривает такой скажем плакат, как: «Всем Вам бабы надо знать, как ребенка воспитать» с параллельными рисунками отдельных моментов как не надо воспитывать, и тут же, как надо воспитывать. То лицо ее напряжено серьезно, то вдруг от смеха открывается на смуглом лице ряд белых зубов <...> и боязливая калмычка, молчаливая при посторонних людях, в особенности мужчинах, временами начинает даже задавать вопросы по поводу виденного и слышанного. И вы чувствуете, что она на это решилась, будучи уже заинтересованной»* [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 24об.].

За время своей работы в Калмобласти экспедиция приняла участие в IV улусной Больше-Дербетовской беспартийной женской конференции, на которой П. Ю. Берлин выступил с докладом «О роли калмыцкой женщины в борьбе с социальными болезнями и вредными бытовыми условиями в Калмыцкой степи». В ответ участницы конференции *«устроили для экспедиции вечер калмыцкого пения и танцев, представлявший для нас большой интерес, при чем устроители были так внимательны к интересам экспедиции, что начали его в 12 час. ночи, к каковому только времени мы могли прибыть, закончив работу и поужинав»* [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 26].

Большая заслуга в том, что экспедиция Наркомздрава по изучению вопроса о вымирании и вырождении калмыцкого народа смогла состояться, собрать богатый и обширный полевой материал, несмотря на сжатые сроки, урезанный бюджет, тяжелые бытовые условия, огромные объемы работ и иные препятствия, принадлежит ее начальнику — доктору П. Ю. Берлину. Студенты-медики, принявшие участие в экспедиции, отмечали его *«ревностное, беззаветное отношение к делу, не знающее отдыха ни днем, ни ночью, целеустремленность, силу воли и энергию, не знающие и не признающие никаких препятствий на пути»*, и в своем коллективном письме по окончании экспедиции искренне благодарили его за приобретенный профессиональный опыт [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 55. Л. 252–252об.]. Очень принципиальный и дисциплинированный, П. Ю. Берлин был требователен к себе и своим коллегам, но, благодаря своему доброму отношению ко всем окружающим, высоким моральным качествам, оптимизму и полному погружению в работу, стал примером для всех участников экспедиции, на который они старались равняться, не замечая многих трудностей, сопровождающих их работу [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 55. Л. 252].

Из-за долгих переездов работа экспедиции затянулась на полмесяца и завершилась только во второй половине октября 1925 г. Всего по индивидуальным карточкам было обследовано 2700 человек (из них 2456 калмыков и 244 прочих национальностей) [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 115], по семейным карточкам — 378 семейств, по жилищным карточкам — 355 жилищ. Кроме того, были обследованы больницы, школы,

общежития, колодцы, вода, воздух. Привезены предметы быта и свыше 100 фотографических снимков [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 27–27об.]. На основе глубокого изучения демографических показателей рождаемости, физического развития детей и взрослых, заболеваемости, условий жизни, питания, жилища, водоснабжения, труда и быта калмыков, природно-климатических данных и состояния медико-санитарного дела экспедиция пришла к выводу, что уменьшение численности народа связано с длительным крайне тяжелым социально-экономическим положением калмыцкого народа [Сусеев 2006: 70]. Экспедиция особо отметила, что отсутствие *«естественного прироста населения, какое мы имеем среди населения СССР, лежит в отсталой экономике Калм.Области. Укрепив и подняв хозяйство Калмобласти, мы тем самым создадим верную предпосылку для ликвидации опасности «вымирания» калмыцкого народа»* [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 131. Л. 21об.].

Материалы экспедиции были рекомендованы к публикации, но из-за отсутствия средств их обработку приостановили. Об этом в своем письме от 30 января 1926 г. в Совет Народных комиссаров сообщал заместитель Представителя Калмобласти при Президиуме ВЦИК [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 76. Л. 95]. Только в марте 1927 г. было проведено заседание Комиссии по разработке конкретного плана необходимых мероприятий по оздоровлению калмыцкого населения [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 347. Л. 164]. И, наконец, в 1928 г. итоги экспедиции были опубликованы в сборнике «Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил» [Калмыки 1928].

Экспедиция Наркомздрава в Калмыцкую область положила начало подобным экспедициям в другие регионы [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 1]. Несмотря на множество трудностей, отсутствие опыта проведения подобных мероприятий, она стала важным прецедентом для системы здравоохранения СССР. Накопленные в ходе экспедиции сведения и информация послужили отправной точкой для решения проблемы вымирания народа путем социально-экономических и духовно-культурных преобразований в Калмыкии, позволившим сохранить степной этнос.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Дойникова Е. А., Сусеев П. Н. На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.

Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил. Под. ред. проф. А. В. Молькова (Гос. Институт Социальной Гигиены. Экспедиция 1925–1926 гг.) М.; Л. 1928. 347 с.

Команджаев А. Н. Система здравоохранения в начале XX века // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: «Герел», 2009. С. 576–581.

Лебединский А. К вопросу о вымирании калмыков // Калмыцкая область. Астрахань. 1927. № 1–2 (7–8). С. 104–145.

Сусеев П. Н. К истории здравоохранения Калмыкии // Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра). Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 58–76.

ОТ КАЗАКА (РЯДОВОГО) ДО ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА: ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ О. И. ГОРОДОВИКОВА

From Cossack (Soldier) to Colonel-General: the Military Biography of O.I. Gorodovikov

У. Б. Очиров (*U. Ochirov*)¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). (Ph.D. of History, Associate Professor, Leading Researcher of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: utash@elista.ru

Статья посвящена военной биографии Оки Ивановича Городовикова — донского калмыка-казака, который в течение 43 лет прослужил Родине в званиях от рядового до генерал-полковника, был удостоен звания Героя Советского Союза, награжден 11 орденами. Активно привлекая новые материалы (в том числе архивные), автор воссоздает и во многом уточняет военную биографию известного военачальника, разоблачает ряд неисторических мифов о нем, появившихся в последние годы.

Ключевые слова: калмыки-казаки, Ока Городовиков, Гражданская война, Великая Отечественная война, кавалерия Красной армии.

The article is devoted to the military biography of Oka Ivanovich Gorodovikov (October 1, 1879 – February 26, 1960) – Don Kalmyk-Cossack who started his military service as an ordinary Cossack in the Russian Imperial Army in 1903 and finished it in the rank of the Colonel-General of the Soviet Army in 1947. Forty three years of service to the Motherland included his participation in the First World War, the Civil War and the Great Patriotic War. For his merits Oka Ivanovich Gorodovikov was awarded the title of the Hero of the Soviet Union, was decorated with ten orders, Cross of St. George, ten medals, one foreign country order.

Actively involving the new materials (including archival ones), the author describes and elaborates the military biography of the famous military leader and refutes some ahistorical myths which have appeared recently.

Oka Ivanovich Gorodovikov was born in 1879 in the homestead of Mokraya Elmuta of Platovskaya (Iki-Burul) stanitsa of Sal'ski district. He was first drafted to the Army in 1903, then he served in the 9th Don Cossack Regiment to the position of the Senior Sergeant. In 1915, he joined the First World War, was wounded and awarded with Cross of St. George and medals. At the beginning of the Civil War he organized the self-defense group in his native village.

The article attentively analyses Gorodovikov's service in the White Army. Since spring of 1918 he served in Platovski group, then in the 1st Peasantry punitive cavalry regiment, the 1st Don cavalry brigade, the 1st Don (since March 1919 – the 4th) cavalry division. He subsequently took the positions of the platoon's leader and the squadron's commander, then he became the executive commander of the 2nd (later the 20th Sal'ski) cavalry regiment, the commander of the Joint brigade of the 4th Cavalry division, later of the 19th Manych cavalry regiment of the 4th cavalry division. In May 1919, he substituted S.M. Budennyi in the position of the commander of the celebrated 4th Cavalry division which fought in the battle fields starting with Tsaritsyn till Voronezh, then till Rostov and Novorossiisk, took part in suppressing F.K. Mironov's revolt, in Voronezh-Kastornensk battles, in Donbass, Rostov-Novocherkassk, Don-Manych and other military operations. He was awarded the Order of the Red Banner, the first among the Kalmyks.

In summer 1920, O.I. Gorodovikov formed the 2nd Cavalry Army made of the remainders of the Joint cavalry corps, together with which he participated in two raids to the enemy's rear. Later he returned to the 1st Cavalry Army

Between the wars, he went the way from the Cavalry division commander to the inspector (in fact, the commander) of the Red Army Cavalry.

When the Great Patriotic War started, he worked actively on organizing new cavalry divisions and corps, visited the front many times as the delegate of the Headquarters of the State Committee of Defense. There is Oka Ivanovich Gorodovikov's merit as well in the praiseworthy contribution of the Soviet cavalry made to the Victory over Fascism.

In 1947, 67-year-old Colonel-General O.I. Gorodovikov retired.

Keywords: Kalmyk-Cossacks, Oka Ivanovich Gorodovikov, the Civil War, the Great Patriotic War, the Red Army Cavalry.

Калмыки с самого начала своего поселения в Нижнем Поволжье стали нести военную службу Российскому государству, что было основным условием их вхождения в состав империи. На протяжении четырех веков они сражались в войнах России, поначалу выставляя союзные контингенты, а затем непосредственно в составе ее вооруженных сил. Силу калмыцких сабель и стрел испытывали на себе Восток (казахи и туркмены), Юг (Крым и Кавказ) и Запад (солдаты Карла XII, Фридриха II и Наполеона I — лучших армий Европы). В составе Российской императорской армии калмыки участвовали во взятии Парижа и Варшавы, Бахчисарая и Берлина, сражались в лесах Прибалтики, степях Украины и горах Кавказа. Они бились у Полтавы и при Гросс-Егерсдорфе, под Бородино и Вильманстрандом. В послужных списках калмыцких воинов есть отметки за Хотинский и Персидский походы, за осаду Модлина и Майнца, за Лейпциг и Лесную, за Салгир и Калаус, за Люцен и Бауцен. Во многом усилиями калмыцких войск была покорена Кубань и завоеван Крым [Очиров 2009: 410–420].

Многие калмыцкие воины за подвиги на ратной службе были награждены различными знаками отличия, ряд военачальников сделали блистательную карьеру, получили высокие чины по «Табели о рангах»: контр-адмирал Денис Калмыков, бригадир Иона Дондуков, полковники Алексей Дондуков, Сербеджаб Тюмень, также награжденный 4 орденами (в том числе прусским), Золотым оружием и 3 медалями [РГВИА. Ф. 395. Оп. 227. Д. 775. Л. 1–Зоб.], Батыр Мангатов. Ряд калмыков служили зауряд-полковниками различных казачьих войск, то есть исполняли должность, но формально чина по «Табели» и соответствующих привилегий не имели (Семен Авксентьев, Петр и Павел Торгоуцкие, Кирилл Шарап, Никита и Иван Дербетевы, Семен Хошеутов, Василий Дельдеш, Андрей и Иван Анчуковы, Федор Болоткоев, Яков Калмыков, Кирилл Баглюнов, Владимир Барышевский и др.). Впрочем, некоторые из них за свои заслуги производились в действительные чины, например, майоров (Авксентьев, Баглюнов, Болоткоев, Калмыков) [Шовунов 1992: 139, 143, 165, 166].

Все же для калмыков, воспитанных в традиционной культуре и религии, возможности карьерного роста в чинах Российской императорской армии были заметно огра-

ничены. Гораздо больше возможностей для этого имели потомки калмыков, полностью интегрированные в российское имперское общество, как, например, праправнук хана Дондук-Омбо — князь Александр Дондуков-Корсаков, ставший генералом от кавалерии (II класс по «Табели»). Правнуками донских калмыков были генерал-лейтенанты (III класс по «Табели») Василий Сысоев 3-й, герой наполеоновских войн, занимавший должности атамана Черноморского (будущего Кубанского) войска и походного атамана Донского войска, и Африкан Богачевский — атаман Донского войска периода Гражданской войны.

После революции 1917 г., когда рухнули сословные преграды, в значительной степени ограничивавшие возможности простолюдинов для несения военной службы, количество генералов-калмыков в военных и милитаризованных структурах заметно выросло. Но среди них самую головокружительную (на данный момент) карьеру сделал Ока Иванович Городовиков (1879–1960), начавший военную службу в Российской императорской армии в 1903 г. рядовым казаком и уволившийся из Вооруженных сил СССР в 1947 г. в звании генерал-полковника.

В советское время образ О. И. Городовикова — одного из 11 калмыков Героев Советского Союза, командарма и командующего кавалерией страны, дяди первого секретаря обкома республики как в отечественной научной историографии, так и в калмыцком обществе, представлял абсолютно положительным, и всякие попытки его критического анализа пресекались. В постсоветский период, когда значительная часть общества бросилась в противоположную крайность и стала огульно охаивать достижения недавнего прошлого, появились суждения, очерняющие образ О. И. Городовикова, большей частью надуманные и бездоказательные. Ярким примером того является дискуссия, развернувшаяся на форуме портала «Калмыкия.ру», содержащая в числе прочих и утверждения о том, что он *«несет ответственность за депортацию калмыков и ликвидацию Калмыцкой автономии»*, — или: *«Свой народ Ока Иванович предал, когда в угоду своему честолюбию и в выражение полнейшего верноподданничества Сталину, создал 110 ОКВД <...> целую дивизию пушечного мяса для мясников из Кремля»* [Форум]. Таким образом, необ-

ходимость объективного изучения биографии О. И. Городовикова, построенного на принципах научности и историзма, на достоверных доказательствах, очевидна.

Следует отметить, что в советский период о Городовикове было издано немало книг, в том числе его воспоминания в разных вариациях [см., напр.: Городовиков 1939, 1947, 1957, 1970, 1979]. Однако мемуары как источник не всегда оценивались высоко, поскольку подвержены влиянию времени, в отличие от дневников, писем и прочих синхронных документов. К тому же следует учесть, что все опубликованные воспоминания были написаны не самим О. И. Городовиковым, а литографчиками (Всеволодом Вишневым, Игорем Всеволожским, Эдуардом Харитоновичем, Иваном Обертасом и др.), которые могли в угоду неким общеполитическим или конъюнктурным интересам исказить текст. К сожалению, советская военная мемуаристика имеет немало примеров предоставления неточной или недостоверной информации, а то и просто откровенных выдумок и мифов [см., напр.: Буденный 1958, 1965, 1973]. Конечно, в данном исследовании мемуары О. И. Городовикова активно использовались, но все факты мы старались перепроверять по данным других источников.

Ока Иванович Городовиков родился 19 сентября (по новому стилю — 1 октября) 1879 г. в семье донского калмыка-казака Хаби (Ивана) Хардагина на хуторе Мокрая Эльмута Платовской (Ики-Бурульской) станицы Сальского округа Войска Донского. Хаби, по сведениям его внука — С. О. Городовикова (ссылающегося на слова отца), во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. воевал в Болгарии, где «стер себе ключицы до костей», таская мешки с песком [Городовиков 2013: 138]. Семья была многодетной, но из всех детей выжили лишь три сына и три дочери [Кулишов 1971: 140].

Первый (если следовать хронологическому принципу) спорный вопрос в биографии будущего командарма связан с происхождением имени и фамилии, весьма необычных как для русского, так и для калмыцкого языка. Сам Ока Иванович в воспоминаниях, обработанных Эд. Харитоновичем, писал, что свою фамилию получил из-за ошибки глухого (вариант — пьяного) писаря, который дал ребенку фамилию по имени деда (Хардагин), сделав его смысловой перевод на русский язык. «Хар дааһн» с калмыцкого переводит-

ся как «черный двухгодовалый жеребёнок (лончак)», но писарь по ошибке вместо «Городовиков» записал «Городовиков» [Городовиков 1947: 4]. Эта версия была повторена и в более поздних воспоминаниях [Городовиков 1957, 1970]. Оставив в стороне вопрос об адекватности перевода, обратим внимание на то, что фамилию Городовиков носили и оба брата Оки Ивановича — старший Бадма и младший Эренжен, а также платовские казаки Хёёче и Гаха, являвшиеся, по всей видимости, дальними родственниками. Исходя из этого, можно предположить, что фамилия Городовиков возникла намного раньше, чем в 1879 г. Что касается имени, то родственники и сослуживцы-калмыки в один голос говорят о том, что на самом деле О. И. Городовикова звали Ааку, то есть имя могло быть искажено писарем, неправильно записавшим его на слух.

По утверждению Э. А. Кулишова, юный Ока успел окончить 1-й класс в станичной школе [Кулишов 1971: 142], но из 2-го класса (в 9 лет) из-за бедности семьи ему пришлось уйти на заработки: сначала пастухом, затем батраком. Возможно, благодаря этому он так хорошо овладел конем, что выделялся даже на службе своей джигитовкой. Однако заработок, очевидно, был не велик, поскольку во время призыва на военную службу в 1903 г. Городовикову пришлось заложить свой земельный пай на 6 лет, чтобы приобрести лошадь, форму и оружие [Городовиков 1939: 4].

При царской власти Сальскому округу (единственному в Донском войске) не разрешали формировать свои полки, поэтому калмыков-казачков направляли в полки соседних округов. Платовцы поступали на службу в 9-е полковое звено (1-й Донской округ, сборный пункт — Константиновская)¹. О начале военной службы О. И. Городовикова нам известно лишь из его мемуаров. Однако факты говорят сами за себя. Уже через год он закончил 9-месячную полковую учебную команду, занимавшуюся подготовкой унтер-офицерского состава, в которую обычно принимали с образованием не ниже 4-го разряда

¹ В мирное время это звено формировало один полк — 9-й Донской казачий генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, который входил в состав 1-й Донской казачьей дивизии 14-го армейского корпуса Варшавского военного округа. Полком, базировавшимся тогда в Янове (Люблинская губ.), командовал полковник С. А. Болдырев.

(окончивших полный курс начальной школы) [Корин 2012: 23]. Принятие в учебную команду малограмотного калмыка (сам Ока Иванович о себе в те годы говорил, что был вообще безграмотным, но это противоречит известным нам фактам) свидетельствует о том, что он проявил не просто исполнительность и дисциплинированность, но и показал командирские качества, смекалку, блестящее владение конем и оружием. В автобиографии 1922 г. О. И. Городовиков писал, что эту команду «окончил в 1904 г. в числе первых». Это, скорее всего, соответствует действительности, поскольку он сразу получил звание младшего урядника, что возможно лишь при назначении на вакансии, на которые сначала направляли лучших выпускников. В 1907 г. Ока Иванович уволился в запас старшим урядником, награжденным медалью «За усердие» и знаком «За отличную стрельбу» [Кулишов 1971: 140; Под красным знаменем 1967: 233].

После увольнения в запас О. И. Городовиков (поскольку его пай еще оставался в закладе) нанялся сельхозработником в с. Воронцово-Николаевское (станция Торговая), затем занялся хлебопашеством в своем хозяйстве. В 1910 г. он был избран общиной станицы Платовской инструктором по военной подготовке допризывников, что свидетельствовало о его незаурядных способностях в джигитовке, фехтовании и стрельбе, и оставался в этой должности вплоть до второй мобилизации в 1915 г. Первые годы в должности инструктора О. И. Городовиков с семьей (к тому времени у него родились две дочери — Помпа и Какалина) жил у сестры, пока не построил землянку [Кулишов 1971: 141]. К. О. Городовикова вспоминала, что в те годы они жили в однокомнатной хате с земляным полом, русской печью и кирпичной плитой с двумя открытыми очажками; «*небольшой дворик и огород выглядели небогато*». Самой дорогой вещью в доме была швейная машинка с ножным приводом, купленная в кредит [Городовикова 1976: 242]. Эти подробности свидетельствуют не только о бедности семьи, но и показывают, что калмык-казак не был приверженцем кочевого образа жизни и не чурался заимствовать полезные навыки и изобретения оседлой цивилизации.

По словам Э. А. Кулишова, в общественной жизни станицы О. И. Городовиков занимал активную позицию: добивался уве-

личения финансирования на обучение детей «*маломощных калмыков*», учреждения пансиона для девочек-калмычек, обучающихся в Великокняжеской, возвращения брату малолетнего сироты, крещенного священником без согласия родственников [Кулишов 1971: 141-143]. Именно к этому периоду Ока Иванович относит свое знакомство и начало дружбы с С. М. Буденным [Городовиков 1939: 10], однако подтверждений этому в других источниках (включая воспоминания самого Буденного) мы не нашли.

На Первую мировую войну О. И. Городовикова призвали в 1915 г. вместе с казаками 3-й очереди (30–33 года) и направили в 43-й Донской казачий полк (3-я очередь 9-го полкового звена). Он сражался в составе 21-го армейского корпуса на Юго-Западном фронте, был награжден Георгиевским крестом и Георгиевскими медалями, ранен. Подробности участия в боевых действиях и обстоятельства получения наград нам неизвестны, в своих воспоминаниях он сообщает в основном о том, как в окопах прочел антивоенную листовку и проникся идеями большевизма и пацифизма. Действительно ли он читал листовки, распространенность которых на фронте до 1917 г. изрядно преувеличена, или сам пришел к мысли о нежелании участвовать в этой бессмысленной бойне, но после излечения он поставил «магарыч» госпитальному писарю и дал взятку фельдшеру, устроивших ему назначение взводным командиром в 39-ю отдельную казачью сотню (Сулин), в которой служил до 1917 г. [Городовиков 1939: 14].

В Сулине О. И. Городовиков, якобы связавшись с рабочими Пастуховского завода, начал распространять революционные листовки и брошюры. Когда в Сулине вспыхнуло восстание рабочих, он примкнул к бунтовщикам, а после его разгрома бежал. По дороге, в Александровск-Грушевске он записался в отряд Красной гвардии, после поражения которого отправился домой. Однако эти факты известны лишь из его воспоминаний, записанных спустя почти два десятилетия. В своей автобиографии 1922 г. он об этих первых боях против белых ничего не писал, зато упомянул о том, что занимал некие выборные должности в 39-й сотне [Под красным знаменем 1971: 233]. Обратим внимание на то, что в конце 1917 г., вернувшись из Сулина, он забрал младшего брата Эренжена, отданного в хурул послуш-

ником, и «отвез учиться в Ростов на шофера» [Кулишов 1971: 142]. Полагаем, что если бы он находился в розыске за участие в бунтах и боях против белых, то вряд ли бы он повез брата в самый центр корниловского мятежа. С другой стороны, выступление против ламаистской церкви показывает, что революционные идеи секуляризации он разделял и поддерживал.

Вернувшись домой, О. И. Городовиков, как и значительная часть казаков-фронтвиков, которым надоела бессмысленная война, обернувшаяся огромными демографическими и материальными потерями, стал активно заниматься политикой и был избран командиром казачьего отряда самообороны (80 штыков). К тому времени по всему Дону фронтвики, в противовес «старикам», придерживающимся консервативных взглядов, стали создавать ревкомы и Советы. В станице Платовской первоначально возникло два ревкома — калмыцкий (пред. О. И. Городовиков) и русский, но 12 января 1918 г. был образован первый в Сальском округе совместный Совет крестьянских и казачьих депутатов, в который вошли 12 человек¹. Накануне ревком арестовал одного из лидеров «стариков», Абуши Сарсинова, и даже хотел расстрелять его, но на съезде фронтвиков калмыцкие делегаты выступили против этого, а ночью ему удалось бежать. В Сальском округе (как и по всему Дону) начались первые попытки социализации имущества и перераспределения земли, нередко заканчивавшиеся кровопролитием, что привело к обострению отношений между казаками и иногородними. В феврале 1918 г. платовские крестьяне разгромили богатый калмыцкий хутор Шар-Булак: *«Распскивали по домам тяжелые сеялки, насыпали в мешки отборную янтарную пшеницу. Думали, к весне закончится революция, готовили семена к пахоте, <...> приглядывались к жирным землям богачей»* [Городовиков 1957: 48]. Аналогичные инциденты произошли и в других станицах. Политическую ситуацию в округе заметно осложнили репрессии против ламаистского духовенства. Несколько лам были арестова-

ны, в ряде хурулов предметы религиозного культа и священные тексты подверглись надругательству, что вызвало недовольство у верующих [Уланов 1928: 4-5].

Тем временем белогвардейцы, потерпев поражение, покинули Ростов и Новочеркасск и разделились на две группы: одна (под руководством командующего Добровольческой армии Л. Г. Корнилова) выдвинулась к Екатеринодару, другая (под руководством Донского походного атамана П. Х. Попова) отступила в Сальский округ. Отряд Попова являлся серьезной силой (1727 штыков и сабель, 5 орудий, 39 пулеметов) [Волков 2002: 543], но местные отряды, надеясь на помощь соседей, решили выступить против белых. Городовиков был командиром калмыцкой сотни из 70–80 сабель Платовского отряда Никифорова [Под красным знаменем 1967: 234]. Главный удар Попов нанес через Казенный мост на Великокняжескую, но для прикрытия левого фланга к Платовской станице был выдвинут отряд полковника К. К. Мамантова (205 чел., 4 пулемета), усиленный конно-офицерской сотней полковника Чернушенко (85 чел., 3 пулемета) и батареей есаула Т. Т. Неживова (38 чел., 2 орудия, 2 пулемета). Калмыки из Шар-Булака вывели белых к Бугуевской переправе, 21 февраля (по ст. ст.) они атаковали 300 платовских красногвардейцев у Шар-Булака. В ходе боя около 60 калмыков перешло к белым, и Никифоров, потерпев поражение, сдал Платовскую без боя. Мамантов учредил военно-полевой суд, который расстрелял 20 большевиков, однако еще несколько человек были убиты до суда [Ленинов 1932: 22-23]. Через 3 дня белые ушли из Платовской, оставив в ней отряд из 200 калмыков, который, узнав о поражении главных сил П. Х. Попова, в ночь на 3 марта покинул станицу, присоединившись к группе генерала И. Д. Попова в Орлов-Подвале².

О действиях О. И. Городовикова в эти дни мы имеем противоречивые сведения. В своих воспоминаниях он утверждал, что попал в плен, но в деталях обстоятельства пленения в разных изданиях различаются. По

¹ 6 — от калмыков-казачков (Ока Городовиков, Эренжен Кулишов, Бембе Пельшиев, Батыр и Лиджи Адучиновы, Эмгенов), 6 — от иногородних (Тит Никифоров, Сорокин, Сердечный, Панченко, Семен Буденный и др.) [Очиров 2006: 205]

² Следует отметить, что в списке казаков, награжденных знаком «За Степной поход», значатся два казака по фамилии Городовиков: урядник Эренжен (совпадает с именем младшего брата Оки Ивановича) и казак Гаха [Рудиченко 2008: 482], но, к сожалению, какой-либо еще информации нет.

утверждениям же некоторых белоказаков, Аку Городовиков был в составе калмыцких сотен, ушедших в Орлов-Подвал, но почему-то он назван подхорунжим [см., напр., Ленинов 1932: 24]. Опытный урядник даже успел отличиться во время своей короткой службы у белых, но несколько дней спустя А. Сарсинов вдруг вспомнил о его деятельности в станичном Совете и добился ареста и вынесения смертного приговора Городовикову. Однако начальником караула оказался его племянник (и член станичного Совета) Э. А. Кулишов, который вместе с двумя другими членами Совета — братьями Батыром и Лиджи Адучиновыми (сотенным писарем и взводным командиром, соответственно) подделал документы на вывод арестованного и на выезд для проверки постов 4 человек [Кулишов 1971: 147–148]. При побеге они, по словам О. И. Городовикова, увели 4 лошади с седлами, 4 винтовки (с 2 000 патронов), 4 «Нагана» (с 200 патронами), 4 шашки [Под красным знаменем 1967: 234].

По возвращении в отряд Никифорова (хотя в более поздних мемуарах сказано о возвращении в отряд Буденного) он был назначен командиром взвода пешей разведки [НМ РК]. Буденный же утверждает, что в это время из Платовского отряда был выделен эскадрон, одним из взводов которого командовал Городовиков [Буденный 1959: 56].

В мае 1918 г. красногвардейские отряды Сальского округа, отступая под давлением белых, объединились в районе Куберле. Вся конница была выделена в 1-й Крестьянский карательный конный полк (ком. Б. М. Думенко, пом. ком. С. М. Буденный). 1-й дивизион Думенко сформировал из своего Веселовского отряда, командование которым поручил Г. С. Маслакову (в 1921 г. взбунтовавшийся комбриг перейдет к Махно и будет штурмовать Элисту), 2-й дивизион (ком. Н. К. Баранников) — из Платовского эскадрона Буденного (который возглавил Городовиков) и Куберлеевской сотни К. Я. Наумецкого (в 1942 г. он возглавит 311-й кавполк 110-й ОККД), 3-й дивизион — из Зимовниковского и Мокрогашунского отрядов (ком. Скиба).

Сальская группа (позже переименованная в 1-ю Донскую стрелковую дивизию) несколько месяцев воевала в полуокружении, но сумела отойти к Царицыну, вывезя

огромное количество обозов и беженцев. В конце июля — начале августа 1918 г. 1-й кавполк (будущий 19-й Манычский) участвовал в рейде по выводу из окружения Мартыновско-Орловского отряда, в который помимо местных ополченцев вошла большая группа украинских красногвардейцев. Из конников выведенного из окружения отряда был сформирован 2-й Крестьянский карательный конный полк (будущий 20-й Сальский), который вместе с 1-м полком составил 1-ю Донскую кавбригаду (ком. Б. М. Думенко, пом. ком. С. М. Буденный). В октябре 1918 г. было решено назначить во 2-й полк более опытного пом. командира полка, и в обход трех ком. дивизионов 1-го полка (Маслаков, Баранников, Скиба) эту должность получил ком. эскадрона Городовиков. За свою отвагу и умелое руководство частями Ока Иванович первым из калмыков был награжден орденом Красного Знамени (№ 2911, приказ РВСР № 357 от 25.07.1920).

В эти дни шел второй штурм Царицына, положение защитников города было отчаянным. Однако буквально накануне решающего наступления в тыл Астраханского особого отряда нанесла удар Стальная дивизия Д. П. Жлобы, завершившая таким образом свой легендарный 800-километровый поход с Кавказа. Второй штурм был сорван, и казаки Мамантова снова оказались отброшены от Царицына. Вскоре Жлобу сняли с поста, а его закаленную дивизию рассасировали по другим соединениям. Прославленного начдива послали в Астрахань, где ему поручили сформировать для прикрытия Нижнего Поволжья партизанскую группу для рейдов в Калмыцкой степи.

Успехи белоказачьей конницы на широких пространствах Юга России ясно показывали необходимость развития кавалерии и ее концентрации в крупных соединениях, которые можно было бы использовать в интересах армии или фронта. 28 ноября 1918 г. кавалерию Стальной дивизии свели в отдельный полк (1242 сабли и 26 пулеметов), который вместе с Крымским полком С. К. Тимошенко и Сербским дивизионом Д. Ф. Сердича (278 сабель и 11 пулеметов) должен был составить 2-ю сводную кавбригаду. Обе кавбригады (1-я Донская и 2-я сводная) объединили в Сводную кавдивизию (ком. Б. М. Думенко, пом. ком. С. М. Буденный): на 15 де-

кабря 1918 г. 3 291 сабля, 102 пулемета и 8 орудий, что составляло почти половину кавалерии 10-й армии и четверть кавалерии всего Южного фронта [РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 103. Л. 164]. Буденный совмещал свою должность с командованием 1-й бригадой. Комбригом-2 был назначен Городовиков. Взлет за два месяца на три ступени (от комэска до комбрига) показывает, что и Думенко, и вышестоящее командование (сначала 1-й Донской дивизии, затем 10-й армии) высоко оценили командные способности Городовикова — выше, чем Маслакова или Тимошенко.

В январе 1919 г. белоказаки начали третий штурм Царицына. Вместо того, чтобы использовать кавдивизию как стратегическое соединение, ее раздергали на части: кавбригада Буденного севернее Царицына рубилась с Голубинцевым, а кавбригада Городовикова, усиленная Донским кавполком Попова, сражалась южнее. В самый напряженный момент конники бывшей Стальной дивизии (составлявшие большую часть 2-й кавбригады) стали требовать своего бывшего командира — «батюку Жлобу». Узнав, что его направили в Черный Яр, «жлобинцы» дезертировали и ускакали в Калмыкию. Остатки сводной кавбригады откатились к Царицыну. Городовикова после этого поражения понизили до второго помощника ком. бригады — это было первое из трех понижений в его карьере. Обвинять его в этом поражении вряд ли будет справедливо. Части РККА к тому времени еще не изжили «вождизма» и «партизанщины», и очень многое зависело от отношения подчиненных к своим командирам. Городовиков командовал бригадой меньше месяца и еще не успел заработать достаточно авторитета, чтобы превзойти харизму предыдущего начдива.

Узнав о развале 2-й бригады, Думенко приступил к формированию новой кавдивизии — Особой Донской (с марта 1919 г. — 4-й): в качестве 2-й в ее состав влили кавбригаду К. Ф. Булаткина из Доно-Ставропольской дивизии, позже отдельной частью — Иловлинский казачий полк Н. Колесова. В январе Особая кавдивизия ушла в свой знаменитый рейд по тылам врага, остановивший штурм Царицына. Из остатков сводной кавбригады и других частей 10-й армии С. К. Тимошенко сформировал 3-ю кавбригаду. В феврале 1919 г. Го-

родовиков возглавил 1-й (с марта — 19-й, будущий Манычский) кавполк — одну из самых прославленных частей красной конницы.

Вскоре деморализованные и распропагандированные казаки открыли фронт, и красные устремились к Дону и Манычу. 4-я кавдивизия, действуя на острие удара, весной 1919 г. вошла на территорию Сальского округа. В степях Калмыкии 10-й армии удалось соединиться со ставропольскими и элистинскими частями, в том числе 1-й Ставропольской кавдивизией (с марта 1919 г. — 6-й), усиленной 1-м Элистинским и 1-м Черноморским кавполками. В начале апреля Думенко стал пом. командарма по кавалерии (де-факто — командующим кавалерии 10-й армии), а 4-ю кавдивизию принял Буденный. Военачальников красной конницы отличали не только командные качества, но и личная храбрость и воинское мастерство. Они сами нередко вели в атаку отряды, выбирая точку удара и переламывая ход боя в свою пользу. Однако к тому времени Добровольческая армия, разгромив 11-ю армию на Северном Кавказе, начала переброску сил на Дон. 4-й кавдивизии пришлось вступить в противоборство с Кубанскими корпусами В. Л. Покровского, С. Г. Улагая и П. Н. Шатилова, но одолеть их она не могла — требовались более сильные соединения. Ряд красных командиров в сабельных рубках погибли или были ранены. В мае в жесточайшем бою под Камышевахой тяжелое ранение получил Городовиков, отказавшийся уезжать в тыл. Вскоре ранения получили Думенко и командарм А. И. Егоров, но к тому времени они успели решить вопрос о формировании конного корпуса путем объединения 4 и 6-й кавдивизий. Новым комкором стал Буденный, а его дивизию (в обход 3-х комбригов — Маслакова, Г. Мироненко, Тимошенко) принял Городовиков [Под красным знаменем 1967: 235].

С этим прославленным соединением комдив в составе 1-го конного корпуса (с ноября — 1-й Конной армии) прошел боевой путь от Царицына до Воронежа, затем до Ростова и Майкопа, а оттуда на польский фронт. Опишем этот известный путь предельно кратко, поскольку он практически не подвергался сомнениям. Летом 1919 г. казачьи корпуса неоднократно прорывали Южный фронт, в том числе и в ходе извест-

ного рейда 4-го Донского корпуса Мамантова, сорвавшего планы красных. Поэтому командование Южного фронта сняло корпус Буденного из-под Царицына и перебросило под Воронеж. По пути 4-я кавдивизия перехватила взбунтовавшийся и выступивший на фронт Донкорпус Ф. К. Миронова; арест мятежного комкора произвел лично Городовиков.

Уже в середине октября 1919 г. буденовцы начали ожесточенные бои с корпусами Мамантова и Шкуро в районе Таловой и Хренового и отбросили их к Воронежу. К тому времени белые мечтали о взятии Москвы и параде на Красной площади, но красные, сконцентрировав резервы, ударами по флангам атакующей группировки, Воронежско-Касторненской и Орловско-Кромской операциями остановили этот разбег. В победе под Воронежем ключевую роль сыграл конкорпус, причем особо отличилась 4-я кавдивизия.

С освобождения Орла и Воронежа началось стремительное продвижение красных войск на юг. В ноябре 1919 г. конкорпус, усиленный 11-й кавдивизией и кавчастями, был развернут в 1-ю Конную армию (ком. С. М. Буденный, член РВС К. Е. Ворошилов) и стал стратегическим объединением, действующим в интересах фронта. В ходе Харьковской и Донбасской операций буденовцам пришлось сражаться с конной группой, составленной из корпусов Мамантова, Шкуро и Улагая, переброшенного с царицынского направления. Несмотря на прибытие свежего корпуса и других резервов, отчаянное сопротивление деникинцев было сломлено: в течение полутора месяца их отбросили от Орла к морю и рассекли на две части. 4-я кавдивизия, как старейшее соединение, состоявшее из закаленных ветеранов, сыграла в этих сражениях важную роль, действуя в центре Конной армии, и Городовиков, безусловно, заслужил второй орден Красного Знамени, но повторные награждения орденом были разрешены лишь в 1920 г.

В январе 1920 г. в ходе Ростово-Новочеркасской операции буденовцы разгромили Донскую армию, 4-я кавдивизия заняла Нахичевань. Последовавшие затем лобовые атаки по льду Дона в пешем строю успеха не имели, но командование 1-й Конной армии после долгих споров добилось разрешения на фланговый марш-маневр в район Тор-

говой. Деникин бросил наперерез элитную конгруппу генерал-лейтенанта А. А. Павлова, однако из-за сильного мороза белоказаки потеряли почти половину личного состава. 1-я Конная армия, управляемая бывшими унтерами и урядниками, действовала более грамотно и потерь от мороза почти не имела. В решающем сражении на Егорлыке, где в сабельных рубках сошлись почти 25 тыс. кавалеристов, Городовиков лично вел свои бригады в атаку, снова был ранен. В итоге буденовцы и части 10-й армии повторно разгромили корпуса В. В. Крыжановского, А. А. Павлова, А. Д. Юзефовича и А. П. Кутепова [Городовиков 1979: 53-76]. Деморализованные белогвардейцы начали бегство к морю. Огромное количество белоказачков сдавалось в плен и переходило на службу к красным, в первую очередь — в Конармию.

В 1920 г. Ока Иванович успел принять участие в боях с поляками, но в июне он был отозван в Харьков, где получил новое назначение — командующим 2-й Конной армии. Ему пришлось организовывать армию из остатков Сводно-конного корпуса Жлобы, разгромленного Врангелем в июне. Городовиков справился с задачей: создал боеспособное объединение из 4 кавдивизий и уже 26 июля вступил в бой, хотя силы (около 4 800 сабель, 600 штыков, 55 орудий, 16 бронемашин) не соответствовали штатам даже одной кавдивизии. Тем не менее, 2-я Конная успешно отразила атаки противника, а в конце августа прорвалась в тыл Врангеля и совершила 220-километровый рейд до Каховки. Однако по политическим соображениям было принято решение о назначении командармом Ф. К. Миронова, которого ранее Городовиков арестовал за участие в мятеже (членом РВС 2-й Конной назначили Д. В. Полуяна, который за тот бунт вынес ему и его соратникам смертный приговор). Городовиков был назначен пом. командарма, однако Миронов полностью ему доверял. В Александровско-Никопольской операции, которая закончилась сокрушительным поражением белых, Ока Иванович командовал отдельной левофланговой группой 2-й Конной армии.

Однако при первой возможности Городовиков вернулся в родную 1-ю Конную армию, прибывшую с польского фронта, и 25 октября 1920 г. был назначен командиром 6-й кавдивизии [Под красным знаме-

нем 1967: 247], нуждавшейся в укреплении дисциплины¹. Это было второе понижение в его карьере, вызванное не отсутствием командных качеств или ошибками в управлении армией, а политическими и личными мотивами.

В Северо-Таврической операции 1-я Конная должна была отрезать главные силы Врангеля от Крыма. Первоначально замысел был успешно реализован, но затем Буденный допустил крупную ошибку, разделив свои силы на две группы. 6 и 11-я кавдивизии под руководством Городовикова подверглись атакам элитных врангелевских корпусов при поддержке бронетехники: 1-го армейского (3 «цветные» дивизии), Донского (2 Донские кавдивизии) и Конного (3 кавдивизии, включая Кубанскую). В сражении под Агайманом (в ходе боя погибли начдив-11 Ф. М. Морозов и военкомдив-6 П. В. Бахтуров) группа Городовикова отразила все атаки и закрыла выход к Перекопу, но задержать прорыв к Чонгару, где стояла группа Буденного (4 и 14-я кавдивизии), не смогла. Врангелевцы отбросили группу Буденного и прорвались в Крым, который теперь надо было штурмовать через Перекоп и Чонгарский пролив. 6-ю кавдивизию бросили на штурм Чонгара *«отмывать кровью свою вину»* за недавние погромы. За массовый героизм в ходе штурма это соединение получило почетное наименование «Чонгарская».

После окончания Гражданской войны Оку Ивановича наградили вторым орденом Красного Знамени (№ 208/2, приказ РВСР 1922 г.) и представили к третьему ордену. В сражениях Гражданской войны он получил 5 ран и 1 контузию, был награжден (помимо

¹ В ходе марша конармейцы, среди которых было много казаков-антисемитов, «прославились» еврейскими погромами, грабежами и расстрелами совработников и красноармейцев на Правобережной Украине. Особо «отличилась» 6-я кавдивизия, в которой даже застрелили собственного комиссара Г. Г. Шепелева. Пришлось произвести «чистку» рядов соединения, многих зачинщиков расстреляли или вынесли приговоры с отсрочкой. Полки лишились Почетных красных знамен, три из них лишились даже номеров. Для удержания «буйной» дивизии в железном кулаке дисциплины требовались незаурядные командиры, в числе которых (кроме Городовикова) оказались Х. Б. Кануков (начальник Особого отдела) и Э. А. Кулишов (начальник разведотдела).

двух орденов) золотыми часами (№2019227 с надписью «Честному воину РККА от ВЦИК» в 1919 г.) [НМ РК], серебряными часами, портсигаром и другими подарками.

В ходе демобилизации многие командиры были уволены или понижены в должности, но Городовиков остался на должности командира 6-й кавдивизии (параллельно с 1 ноября 1921 г. по 23 августа 1922 г. он обучался на Высших академических курсах). В мае 1924 г. Буденный был назначен инспектором (командующим) кавалерии страны, бывший член РВС 1-й Конной армии Ворошилов стал ком. Московским военным округом и членом Президиума РВС страны, а в ноябре 1925 г. — наркомом по военным и морским делам (с 1934 г. — наркомом обороны). С этого момента карьера «первоконников», ранее усиленно затиравшихся троцкистами, уверенно пошла вверх. В июне 1924 г. Городовиков стал инспектором кавалерии Северо-Кавказского военного округа. В октябре 1925 г. был назначен командиром 1-го кавкорпуса Червоного казачества [Под красным знаменем 1967: 247] (параллельно в 1927 г. прошел Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава). В 1930 г. Городовикова в составе группы «первоконников» в честь юбилея Конармии наградили 3-м орденом Красного Знамени (№ 55/3, приказ РВС СССР № 153 от 22.02.1930), в качестве условной компенсации за представления, не прошедшие в «гражданскую». В октябре 1930 г. он был направлен на обучение на Особый факультет Военной академии им. Фрунзе².

По окончании Особого факультета в августе 1932 г. Городовиков был назначен зам. командующего по кавалерии Среднеазиатского военного округа. Наиболее ярким эпизодом службы в Средней Азии для него стало командование гуманитарным конвоем, который он в конце 1935 г. — начале 1936 г. через занесенный снегами Памир провел в Мургаб, доставив в голодающий город жизненно важные грузы и продо-

² На этом факультете обучался, как правило, высший комсостав РККА, не имевший достаточного базового образования. Вместе с Городовиковым Особый факультет в 1932 г. закончили такие известные командиры, как И. Р. Апанасенко, Я. П. Гайлит, Г. И. Кулик, Д. Ф. Сердич и др.; в следующем году — Буденный, М. Г. Ефремов, В. И. Книга, Н. Н. Криворучко, в 1934 г. — В. Ф. Водопьянов, И. С. Конев, Т. К. Коломиец (в период боев в Калмыкии командарм-51) и др.

вольствие. Действительно, проведение каравана из 60 грузовиков и 3 тракторов через высокогорные перевалы, Алайскую долину и Маркан-Су («страну смерчей») в 45-градусный мороз при высоте снежного покрова от 3 до 12 метров стало важным достижением, притом, что первый автокараван из 75 машин, оказался погребен под снегом и погиб [Городовиков 1979: 154]. В этот период Городовиков активно занимался строительством РККА, в первую очередь, национальных кавдивизий: 4-й Туркменской, 6-й Узбекской, 7 и 8-й Туркестанских (с 1936 г. — соответственно, 18, 19, 20 и 21-й). Опыт формирования подобного рода соединений пригодился в годы Великой Отечественной войны.

В 1935 г. при введении персональных воинских званий ему было присвоено звание комкора. На период службы в Средней Азии пришлось и репрессии 1937–1938 гг., когда 60 % высшего командно-начальствующего состава РККА оказались в тюрьмах (большинство из них погибли). Ока Иванович хорошо понимал, что наиболее пристальный интерес органы госбезопасности проявляют к крупным фигурам, поэтому, по воспоминаниям его сына, *«каждый вечер, ложась в постель, поворачивался лицом к стене и молился всем богам (калмыцкому и русскому), чтобы его не назначили командующим»* [Городовиков 2013: 139]. Однако нарком обороны, без разрешения которого не производился ни один арест «ромбовых» командиров, благоволил к ближнему кругу соратников, и из репрессий «первоконники» вышли с наименьшими потерями [Очиров 2013: 254–255]¹.

Тем не менее, в феврале 1938 г. ему пришлось занять пост инспектора, позже генерал-инспектора (фактически — командующего) кавалерии РККА. Тогда же он был произведен в командармы 2-го ранга и награжден медалью «XX лет РККА». В 1939 г. он участвовал в Польском походе на Украинском фронте. В 1940 г. при введении генеральских званий О. И. Городовикову присвоили звание генерал-полковника, а

¹ Из 77 высших военачальников, получивших в 1935 г. звания Маршалов Советского Союза, командармов 1 и 2-го рангов, комкоров, к началу войны репрессий избежали лишь 7 человек, 6 из которых были «первоконниками»: Ворошилов, Буденный, Апанасенко, Городовиков, Тимошенко и бывший командующий артиллерией 1-й Конной армии Г. И. Кулик.

14 июня 1940 г. наградили орденом Ленина (№ 6280) [Под красным знаменем 1967: 245–246].

С началом войны, продолжая исполнять обязанности генерал-инспектора кавалерии РККА, он выехал как представитель Ставки ВГК на Северо-Западный фронт. Управление фронтом в первые дни оказалось нарушено, была даже потеряна связь с одной из армий. Положение серьезно осложнило массовое дезертирство из прибалтийских корпусов. Городовикову поручалось контролировать отход дезорганизованных войск на рубеж Западной Двины, чтобы он не превратился в бегство. Однако ситуация была настолько сложной, что ему довелось быть не только представителем Ставки, но и несколько дней командовать 8-й армией.

После начала Смоленского сражения командование Западного фронта решило нанести удар на южном фланге из района Жлобина силами 21-й армии. Одновременно с этим туда перебросили несколько кавдивизий с целью проведения рейда по тылам 4-й армии вермахта, подготовка и общее руководство которым возлагалось на представителя Ставки ВГК генерал-полковника Городовикова. Кавгруппа А. И. Бацкалевича (32-я кадровая, 43 и 47-я легкие кавдивизии), организованная Городовиковым, 22 июля через Полесские леса вышла в тыл 43-му армейскому корпусу вермахта². Он также организовал кавгруппу из 21-й горнокавалерийской и 52-й легкой кавдивизий, но она не успела уйти в рейд. Однажды под Рославлем Городовиков с группой офицеров столкнулся с немецкой мотопехотой [Карпачев 1976: 119–124]. Кавгруппа в тылу 4-й армии вермахта отвлекла части 87, 162 и 252-й пехотных дивизий, кавполка СС «Флориан Гейер» и люфтваффе и до начала августа неоднократно фиксировалась в дневнике начальника Генштаба сухопутных войск Ф. Гальдера.

13 августа 1941 г. было создано Главупраформ, позже Главное управление формирования и укомплектования Красной армии (далее — ГУФУКА), сконцентрировавшее все вопросы формирования и обучения новых войск. Городовикова назначили зам. начальника ГУФУКА по вопросам кавалерии (т.е. фактически он продолжал исполнять обязанности командующего кавале-

² Некоторые историки даже называют группу Бацкалевича «Группой Городовикова» [см., напр.: Великая 1985: Карты]

рией). В течение последующих месяцев он руководил формированием кавалерийских частей, их боевой подготовкой. Если к началу 1941 г. в РККА было 13 кавдивизий, то к концу года их стало уже 82 [Великая 1985: 311]. Еще более 30 кавдивизий в этот период формировались, среди них были 110 и 111-я ОККД. 22 января 1942 г. Ставка ВГК, отмечая блестящие действия конницы в Битве за Москву, наградила О. И. Городовикова 4-м орденом Красного Знамени (№ 71/4).

Последнее время в его адрес раздаются критические суждения в связи с формированием 110-й ОККД. Считается, что концентрация калмыков на небольшом участке фронта привела к их массовой гибели. Начало этим обвинениям положил бывший начальник штаба коллаборационистского Kalmückenverband Дорджи Арбаков, служивший в одном из полков 110-й ОККД писарем и позже вынужденный оправдываться за свое предательство: *«Началом конца убийства калмыцкого народа была инициатива, проявленная генералом-полковником Окой Ивановичем Городовиковым. В ноябре 1941 г. он подал прошение Сталину об организации двух калмыцких кавалерийских дивизий из калмыков республики»* [цит. по: Гучинова 2004: 76]. Учитывая, что отход и якобы массовое дезертирство 110-й ОККД послужили одной из официальных причин депортации калмыцкого народа, некоторые участники интернет-форума, скрываясь за никами-псевдонимами, бросают и такие обвинения: *«Не было-бы ее, не было-бы и трагедии при обороне Дона. Не было-бы и депортации калмыков»* (орфография источника сохранена) [Форум].

На самом деле формирование 110-й ОККД являлось составной частью более масштабных проектов, развертываемых в рамках всей страны. Постановление ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. ставило задачу формирования в союзных и автономных республиках СССР 19 национальных кавдивизий (в том числе двух — в Калмыкии) и 15 стрелковых бригад [Постановление]. Необходимость создания таких соединений диктовалась наличием языкового барьера, поскольку значительная часть призывников этих республик не знала или плохо владела русским языком, а офицеры других национальностей не могли грамотно управлять подчиненными. Создание национальных дивизий и бригад позволяло концентрировать в частях офицеров соответствующих

национальностей или, по крайней мере, владеющих языком подчиненных.

Утверждения о том, что планируемые дивизии не соответствовали возможностям республик, также расходятся с фактами. Количество вновь формируемых дивизий рассчитывалось из сведений местных военкоматов, поданных в ГУФУКА. Если говорить о Калмыкии, то ее демографические ресурсы вполне позволяли сформировать две кавдивизии. Согласно докладу военкома Калмыцкой АССР майора Г. П. Карцева, на 1 октября 1941 г. на учете республиканского военкомата находился 8 241 калмык 1901–1921 гг. рождения, не говоря уже о более чем 2 тыс. призывников-калмыков 1922–1924 гг. [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 5]. Для формирования двух кавдивизий по штатам того времени достаточно было 7 тыс. чел. (притом, что специальные подразделения разрешалось комплектовать из славян), а не 20 тыс., как утверждает Арбаков [цит. по: Гучинова 2004: 76]. Правда, в феврале 1942 г., когда 110 и 111-я ОККД были укомплектованы, штат кавдивизий увеличили до 4,5 тыс. человек в каждой. Но и 9 тыс. человек (с учетом 18–20-летней молодежи) было вполне по силам республике, однако часть призывников оказалась на строительстве железной дороги и оборонительных рубежей. К началу марта 1942 г. Калмыкия полностью укомплектовала 111-ю ОККД и почти на 90 % — 110-ю ОККД, но в этот момент пришел неожиданный приказ о расформировании ряда кавдивизий, в том числе укомплектованной 111-й (в аналогичной ситуации оказались и другие соединения, например, 113-я Башкирская и 114-я Чечено-Ингушская кавдивизии). Выбор расформировываемой дивизии показывает, что решение принималось без учета реальных данных, наспех. Начальник ГВСУ КА генерал-полковник, академик АМН СССР Е. И. Смирнов в своих мемуарах упоминает о том, что начальник ГУФУКА Е. А. Щаденко, не поставив в известность Городовикова, расформировал ряд кавчастей [Смирнов 1991: 159]. Возможно, что речь шла о мартовском расформировании кавдивизий.

Тот факт, что 110-я ОККД, успешно отражавшая атаки панцергренадерских дивизий, была атакована с тыла немецкими танками и понесла при отходе тяжелые потери, следует отнести к превратностям

войны. При этом 110-я ОККД не разбежалась и трижды с успехом прорывалась из окружения (хотя некоторые эскадроны и части по дороге отстали и вошли в состав других объединений). В то же время 115-я Кабардино-Балкарская кавдивизия, находившаяся вместе с танковыми частями в резерве, попала под удар танковых дивизий противника и понесла такие потери, что через месяц ее пришлось расформировать. На наш взгляд, если бы командование Южного фронта имело в резерве не одну, а 4 кавдивизии (110, 111, 114, 115-ю), то оно вполне могло бы удержать позиции в своих руках, учитывая тот факт, что западнее в резерве стоял 17-й казачий корпус из 4 кавдивизий.

Что касается обвинений Городовикова в организации депортации калмыков, то они основаны исключительно на сведениях из художественного романа «Тайный советник вождя» и одной фразе из справочника К. Залесского, не пользующегося авторитетом у специалистов советского периода [Успенский 1991; Залесский 2000]. Никаких документальных подтверждений этому пока нет.

В период войны О. И. Городовиков 18 раз выезжал на фронт, где курировал различные вопросы по применению кавалерии в ходе важнейших операций. Так, например, в период операции «Уран» он в качестве представителя Ставки ВГК инспектировал кавкорпуса Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов. В 1943–1944 гг. несколько раз выезжал на Южный и Западный фронты; проверял работу запасных частей и училищ по формированию конницы и ее комплектованию. Всего за годы войны в ходе 18 командировок Городовиков проехал 68 600 км, причем большую часть — на автотранспорте [НМ РК].

28 января 1943 г. Сталин учредил специально для Буденного, дважды отстраненного от командования фронтами после предложения сдать Киев (в сентябре 1941 г.) и прорыва превосходящих сил противника на Кавказ (в августе 1942 г.), должность командующего кавалерией. Городовиков стал заместителем Буденного — это было третьим понижением в карьере, которое, как видно, было обусловлено конъюнктурными причинами, а не какими-то личными ошибками Городовикова, что подтверждает его награждение 4 июня 1944 г. орденом Отечественной войны 1-й степени [ЦАМО

РФ. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 44. Л. 111]. Кроме того, О. И. Городовиков был награжден по Указам Верховного совета СССР: 3 ноября 1944 г. — 5-м орденом Красного Знамени (№ 3/5, 20 лет выслуги в РККА), 14 февраля 1945 г. — 2-м орденом Ленина (№ 27953, 25 лет выслуги в РККА), 6 ноября 1947 г. — 6-м орденом Красного Знамени (№ 299672, 30 лет выслуги в РККА). Также его наградили «орденом Республики» Тувинской Народной Республики (№ 127, 1 июня 1943 г.), медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «В память 800-летия Москвы» и «30 лет Советской армии и флота» (1944–1948 гг.).

15 апреля 1947 г. 67-летний генерал-полковник О. И. Городовиков по собственному желанию (из-за болезни) был уволен в отставку по возрасту.

10 марта 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР присвоил Оке Ивановичу Городовикову звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая звезда» (№ 10826) и ордена Ленина (№ 371639) «за выдающиеся заслуги в деле создания Вооруженных Сил СССР и защиты Советского государства от врагов и проявленный героизм».

Источники

- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Архив Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, фонд О. И. Городовикова (НМ РК).
Российский государственный военный архив (РГВА).
Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).
Форум – форум портала «Калмыкия.ру» // [электронный ресурс] URL: <http://forum.kalmykia.ru/topic/17290-городовиков-ои/> (дата обращения: 15.09.2014).

Литература

- Будённый С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М.: Воениздат, 1958. 448 с.; Кн. 2. М.: Воениздат, 1965. 392 с.; Кн. 3. М.: Воениздат, 1973. 408 с.
Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.
Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: «Нева»; М.: «ОЛМА-Пресс», 2003. 672 с.

- Городовиков О. И.* В боях и походах. Воспоминания (лит. запись И. Всеволожского). Изд. испр. и доп. М.: Дет. лит., 1970. 221 с.
- Городовиков О. И.* В рядах Первой конной: Рассказы конармейца (лит. обработка И. Всеволожского). М.: Воениздат, 1939. 120 с.
- Городовиков О. И.* Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. 153 с.
- Городовиков О. И.* О доблести, о славе. Воспоминания, статьи, заметки / сост. И. В. Ставицкий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 249 с.
- Городовиков О. И.* Степь и кибитки. Из воспоминаний детства / Лит. запись Эд. Харитоновича // Смена. 1947. № 9. С. 4–6.
- Городовиков С. О.* «Без громких слов служа Отчизне...». Элиста: НПП «Джангар», 2013. 199 с.
- Городовикова Е. О.* Тепло отцовского сердца // Ока Городовиков. Воспоминания, исследования, документы. Изд. 2-е, доп. и испр. / сост. И. В. Ставицкий. Элиста: Калмиздат, 1976. С. 242–250.
- Гучинова Э.-Б. М.* Улица «Kalmuk Road»: История, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.
- Залесский К. А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. 605 с.
- Карпачев П. С.* След его жизни // Ока Городовиков. Воспоминания, исследования, документы. Изд. 2-е, доп. и испр. / сост. И. В. Ставицкий. Элиста: Калмиздат, 1976. С. 106–129.
- Корин С. А.* Подготовка унтер-офицеров сверхсрочной службы в военно-учебных заведениях русской армии в конце XIX — начале XX века // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 22–27.
- Кулишов Э.* Об Оке Ивановиче Городовикове, как о человеке и общественном деятеле дореволюционного периода // О. И. Городовиков — видный советский военный деятель. Мат-лы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 140–148.
- Ленизов А.* В Калмыцких степях // Ковыльные волны. № 4. [Париж, 1932]. С. 22–28.
- Очиров У. Б.* К вопросу о влиянии репрессий высшего командного состава Красной армии на поражение советских войск на начальном этапе Великой Отечественной войны // Проблем истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. Ч. I. 420 с.
- Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: «НПП «Джангар», 2006. 448 с.
- Очиров У. Б.* Участие калмыков в войнах в 1724 – 1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 410–420.
- Под красным знаменем.* Сборник документов, очерков, статей, рассказов, писем, телеграмм / сост. И. Л. Обертас. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. 290 с.
- Постановление № ГКО-894сс от 13 ноября 1941 г.* «О формировании национальных войсковых соединений» [электронный ресурс] // URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/0894.html> (дата обращения: 15.09.2014).
- Рудиченко А. И.* Награды и знаки белых армий и правительств. 1917–1922 гг.: учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. [Б. м.]: Collector's Books, 2008. 496 с. (режим доступа [электронный ресурс] // URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/archPersonaliiArtText.aspx?pid=22&id=33> (дата обращения: 15.09.2014).
- Смирнов Е. И.* Фронтовое милосердие. М.: Воениздат, 1991. 430 с.
- Уланов Б. Н.* Десять лет Советской власти // Улан залат. № 3 [март 1928 г.]. С. 4–5.
- Успенский В. Д.* Тайный советник вождя: Роман-исповедь. М.: Воениздат, 1991. 525 с.
- Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН РАН, 1992. 320 с.

1920-НОД ОНЫ ИЖИЛ МӨРНИЙ САВ ДАГУУХ ӨЛСГӨЛӨН БА ХАЛИМАГУУДЫГ МОНГОЛ УЛСАД НҮҮЛГЭН ШИЛЖҮҮЛЭХ ГЭСЭН АСУУДЛЫН ТУХАЙ

**(О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и вопросе
о переселении калмыков в Монголию)**

**On the Famine in the Volga Region in the 1920s
and on the Issue of the Kalmyk's Resettlement to Mongolia**

Н. Наранжаргал (N. Naranjargal)¹

¹аспирант Калмыцкого государственного университета (Post-graduate Student at Kalmyk State University).
E-mail: naranjargal_85@yahoo.com

1920 он гарсанаар Ижил мөрний сав дагуух нутгуудаар ихээхэн ган, зуд болсоноор тухайн бүс нутагт өлсгөлөнгийн аюул нүүрлэсэн билээ. Халимагийн ард түмэн энэхүү хүнд цаг үед уг гарал, шашин шүтлэг нэгтэй монгол ах дүү нараасаа тусламж гуйхад, Монголын засгийн газар энэ хэрэгт шуурхай арга хэмжээ аван албан хаагчдын цалингаас хоёр удаа хасаж, дээр нь улсын сангаас мөнгө гарган, мөн 1000 шар үхрээр тусласан билээ. Энэхүү тусламжийг аваад Халимагийн ард түмэн өлсгөлөнгийн аюулыг үл гэтлэж чадсанд тэднийг монгол нутагт нүүлгэн авч ирэхээр шийдсэн бөгөөд харамсалтай нь энэхүү үйл хэрэг Зөвлөлт Оросын эрх ашигт харшилж байсан тул бүтээгүй билээ.

Түлхүүр үг: өлсгөлөн, Ижил мөрний сав, нүүлгэн шилжүүлэх, тусламж үзүүлэх.

В статье исследуются вопросы, связанные с голодом в Поволжье в 1920–1922 гг. и попытками переселения в связи с этим калмыков в Монголию. Жестокая засуха 1921 г., а также разрушительные последствия Гражданской войны стали главными причинами массового голода на территориях Поволжья и Южного Урала. Руководство Калмыцкой автономной области, оказавшись в сложной ситуации, направило запрос о помощи к Монголии. Правительство Монголии приняло экстренные меры по оказанию гуманитарной помощи, которая стала существенной поддержкой в преодолении последствий голода. Руководство Монголии также предприняло попытку по переселению калмыков на историческую родину, которое, однако не входило в планы Советской России.

Ключевые слова: голод, Калмыкия, Поволжье, гуманитарная помощь, Монголия, переселение.

In the 1920s, two disastrous droughts and rash happened in the Volga region which led to crop damage and famine. The Kalmyk people were in a difficult situation and had to ask the Mongolian people for help. The Government of Mongolia adopted some emergency measures to provide humanitarian assistance. Firstly, wages of some state employees were reduced; secondly, the Mongolian Government borrowed some funding from the state treasury; and thirdly, several thousand heads of cattle were sent to Kalmykia. Thus, the Kalmyk people got timely help from Mongolia and overcame all the difficulties. The Government of Mongolia decided on possible relocation of the Kalmyks to their historical homeland, but it was not in the plans of the Soviet Union.

Keywords: famine, Kalmykia, the Volga region, humanitarian aid, Mongolia, migration.

1920 оны эхэлснээр Ижил мөрний сав дагуух нутгуудаар ган болсны улмаас ургац алдаж, улмаар тухайн нутагт мал аж ахуй голлон эрхэлж байсан Халимагуудад ган, зуд, өлсгөлөнгийн аюул нүүрлэсэн байна.

Энэхүү хүнд бэрх цаг үед Халимагийн автономит муж дахь зөвлөлийн төлөөлөгч Насуновоос «Халимаг ард түмэн эртнээс монголчуудтай харилцаатай байсан одоо тусгаар улс болсонд баяр хүргэж энэ үйл хэрэгт Халимагууд бас тусласан. Эдүгээ

Халимаг нутагт өлсгөлөн болж хэцүү нөхцөл үүссэн тул туслана уу» гэсэн агуулга бүхий Халимагийн автономит мужийн зөвлөлийн №958 тоот бичгийг Зөвлөлт Орост суух Монголын элчин сайдын яаманд [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 19] 1922 оны эхээр ирүүлсэнд «Халимаг ардын өлсгөлөнд туслах зүйл байгааг тогтоон шийтгэж хариу ирүүлнэ үү» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 2] хэмээн МУ-ын гадаад яаманд мэдэгдсэн.

Тухайн үед Халимагийн автономит мужийн зөвлөлийн дээрхи тусламж хүссэн бичгийг ЗОУ-ын зөвлөл дахь Халимагийн төлөөлөгч Амарсанаагаас №883 тоот бичгээр ЗОУ-с МУ-д суугаа элчин сайд Охитинаар дамжуулан МУ-ын засгийн газарт [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 1], Халимагын автономит мужийн төлөөлөгчдийн дарга Номто Очировоос Ерөнхий сайд Цэрэндоржид №2820 тоот бичгээр [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 5] тус тус ирүүлжээ.

Энэхүү өлсгөлөн нь Халимагийн ардуудад маш хүндээр туссан тул ЗОУ-ын элчин сайд 1922 оны 2 сарын 24-д [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 4] өлсгөлөнгийн хэргийг хэрхэн шийдэж байгаагаа мэдэгдэхийг хүссэн албан бичиг явуулжээ.

Халимагийн тал Монгол улсаас тусламж гуйх ажлыг тухайн үед Монгол ардын армид алба хааж байсан Итрах Вакунаев¹ хариуцуулсан [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 1] ба дараа нь өлсгөлөнд тусламж цуглуулах комисс байгуулагдахад дарга нь Ц.-Д. Номинханов болов.

Энэхүү комиссын ажилд тухайн үед монголд цэргийн алба хааж байсан цэргүүд ихээхэн идэвхитэй оролцсон байна. МАА-ын нэгдүгээр бригадын сургагч торгууд Балданцэрэн² цэргийн алба хааж байгаа 8 сургагчийн хамтаар 1922 оны 2 сарын 7-д Богд хаанд «...гачигдал тохиолдсон ард түмний байдлыг гэгээнээр толидон, үлэмжхэн тусламж хүртээн хайрлаж, тусгайлан Гандан хүрээний олон лам нарт уламжлан зарлиг буулгаж тусламж олгуулахыг чин зүрхний голоос хүснэ...» [МУУТА. Х. 1. Д. 1. ХН. 81] хэмээн өргөх бичиг хүргэсэн бол, мөн цэрэгт алба хааж буй 56 хүн «... олон аймаг хошуудад тусгай ухуулга буюу тушаах бичгүүдийг тараан зарлаж өлсгөлөнд тохиолдосон торгуудын ардуудад туслана уу...» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 39. Х. 2] гэсэн № 8 тоот бичгийг 1922 оны 2 сарын 23-д засгийн газарт хүргүүлэх зэргээр хамтран ажиллаж байв.

МУ-ын засгийн газар Халимагийн өлсгөлөн тохиолдсон ардуудад тусламж хүссэн дээрхи бичгүүдийг хүлээн аваад 1922 оны 3 сарын 23-ны өдрийн засгийн газрын 12-р хурлын 7-р зүйлд хэлэлцээд «... язгуур үндэс нэгтэй өлсгөлөнд тохиолдосон ардад

эрх биш тусламж олговол зохих, ...гагцхүү санхүүгийн зүйл хомс учир олон яам ба албан газруудын албан хаагчдад ухуулан зарлаж хэрхэн тусламж олговол зохихыг нэг мөр шийдэж, тусламжыг цуглуулаад уг цугларсан тусламж дээр засгийн газраас 2000 орос төгрөгийг нэмэн гаргаж олгохоор...» [МУЗГА. ЗГТ. 1922. Х. 4] шийдэн дотоодын зэрэг 5 яам [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 39], ардын намын төв хороонд [МҮТАхМАНБТ. Х. 1. Д. 4. ХН. 172. Х. 19–20] мэдэгдэн явуулсан.

Энэхүү туслах үйлсэд «...Нийслэл хүрээний ажил үйлдвэрийн ба албан хаагчдийн захиргаа 1922 оны 4 сарын 1-ний өдрийн нийтийн хурлынхаа шийдвэрийн дагуу хоёр болон гуравдугаар сарын цалингаасаа ...сар дутам 25 лангаас доош хэрэглэлтэй хүнээс 5 %, 25 лангаас дээш 80 лан хүртэл хэрэглэлтэй хүнээс 10 %, 80 лангаас дээш хэрэглэлтэй хүнээс 15 % аар тооцон хасан» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 38] авч, мөн «Дамбадорж дарга 1922 оны 4 сарын 24-д, ...албан хаагчдийн хоёрдугаар сард авбал зохих цалингаас 10 %-аас 1 %-ийг авч...» [МҮТАхМАНБТ. Х. 4. Д. 1. ХН. 88. Х. 95–96] халимагын ардуудад хүргүүлнэ үү? хэмээн сангийн яаманд мэдэгдэх зэргээр монголын албан хаагчид маш идэвхтэй оролцсон байна.

ЗГ-ын олон яамны бүх албан хаагчдын цалингаас хоёр удаа тусалсан мөнгө бүгд 1932 лан 52 пун хагасыг [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 40], улсын сангаас туслах 1000 лан даацах Орос таван цэнгийн [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 42] төгрөг 2000-ыг [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 41] харьяат комиссын дарга Номинхановт 1922 оны 7-р сард шилжүүлэн өгчээ. Энэхүү тусламжийг цааш хэрхэн шилжүүлэн өгсөнийг эргэн мэдэгдэхийг сангийн яамнаас, ЗОУ дахь элчин сайдад 1922 оны 9 сарын 1-ны өдөр мэдэгдсэн ажээ [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 15].

Монгол улсаас Халимагийн ард түмэнд тусласан тусламжийг хүлээн аваад 1923 оны 6 сарын 26-ны өдөр Халимагийн автономит мужийн ерөнхий хурлын газар [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 54], ерөнхий хурлын дарга [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 52] нараас «...Монгол улсаас тусламж болгон илгээсэн алтаар 220 рубль, 50 копейкыг хүлээн авч туйлын их баярласан бөгөөд дахин тусламж үзүүлвэл татгалзахгүй бөгөөд боломжтой бол дахин тусламж үзүүлнэ гэдэгт найдаж байгааг

¹ Х. Б. Кануковын нууц нэр.

² Х. Б. Кануковын нууц нэр.

МУ-ын ЗГ-т мэдэгдэнэ үү...» гэсэн № 3654 тоот бичгийг Москва дахь элчин сайдын яаманд илгээсэн. Энэ тухай 1923 оны 8 сарын 30-ны өдөр Москва дахь элчингээс Монголын гадаад хэргийн яаманд № 128 тоот бичгээр [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 53] мэдэгдэн ирснийг Гадаад хэргийн яам хянан үзээд мөн өдөртөө ардын засгийн газарт «...манай засгийн газраас Халимагийн өлсгөлөнд тусласан алтан төгрөг 220, мөнгө 50 пун хүлээн авлаа гэсэн нь ноднин жил 7-р сард Номинхановт хүлээлгэн өгсөн 2000 рублей, 1932 лан 52 бум хагас мөнгөнөөс зөрж байгаа тул хэрхэн шийдэх бэ...» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 56] гэсэн бичгийг илгээсэн байна.

Засгийн газраас чиглэл өгсөний дагуу 1924 оны 2 сарын 13-ны өдөр Гадаад яамнаас Сангийн яаманд хандуулан «...Халимагийн өлсгөлөнд тусласан мөнгө зөрж байгаа тул үүнийг яаралтай ЗОУ-д суугаа элчин сайдад цахилгаанаар мэдэгдэн, ...хэдий хэрийн, ямар ямар мөнгийг хэдний өдөр авсныг цаасаар гаргуулан нарийвчлан тогтоон эргэн мэдэгдэнэ үү...» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 43] гээд энэ хэргийг Сангийн яаманд [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 44] шийдвэрлүүлэхээр өгсөн байна.

Москва дахь элчин сайдын яамнаас 1923 оны 9 сарын 27-ны өдөр Халимагийн төлөөлөгч Насуновт «МУ-ын ЗГ-аас Халимагийн өлсгөлөнд тусласан мөнгө дутаж байгаа тул энэ хэргийг харьяат ерөнхий хурлын газарт уламжлан тусламжийн мөнгө яагаад зөрөх болсныг мэдэгдэнэ үү? Манай улсаас тусласан бүх мөнгө нь 4189 алтан рублей, 31 хагас копек болно...» [ХУҮА. Ф. Р-112. Д. 1. ХН. 4] гэсэн 146 тоот бичгийг хүргүүлсэн байна. Насунов энэхүү бичгийг хүлээн аваад Халимагийн автономит мужийн төлөөлөгчид 1923 оны 10 сарын 26-д мэдэгдсэн [ХУҮА. Ф. Р-112. Д. 1. ХН. 4] байдаг. Халимагийн автономит мужийн төлөөлөгчийн газар энэ асуудлыг авч хэлэлцээд 1923 оны 12 сарын 1-ний өдөр № 1123 тоот бичгээр Москва дахь элчинд «Монголоос өлсгөлөн тохиолдсон Халимагуудад тусласан мөнгөний дүн нь: 1922 оны 6 сарын 6-д Монгол улсын бүх цэргийн штабын дарга Хувагаас нэг төгрөгний цагаан мөнгө зоосоор 2000 рублей, жижиг бутархай цагаан мөнгө 255, Хятад доллараар 3 янчан 50 мөнгө, зоос 1, Хятад улсын цаасан 10 копек, Зөвлөлт оросын 1921 онд хэвлэсэн цаасан 4000 рублын хамт хүлээн авсан бөгөөд 1922

оны 11-р сард Монгол улсад ЗОУ-ын элчин сайдын яамнаас мөн улсын гадаад хэргийн яамаар дамжуулан хүргүүлсэн 811 рубль, 37 копек ба цагаан мөнгөөр 154 фунт 28 /зол/ хүлээн авсанаас гадна, 1923 оны 6 сарын 6-нд ЗОУ-ын элчин сайдын яамнаас мөн улсын гадаад хэргийн яамаар хүргүүлсэн 220 алтан рублей, цагаан мөнгөөр 50 копек ба бас 1400 грамм задгай цагаан мөнгийг хүлээн авсан. Эдгээр мөнгийг Астарахань хотод буй Халимагийн өлсгөлөнд тохиолдсон ардууд тусламж үзүүлэх комиссд хүргүүлсэн бөгөөд гагцхүү 154 фунт, 28 /зол/ цагаан мөнгийг ЗОУ-ын улсын банкинд тушааж хадгалуулсан» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 46] хэмээн мэдэгдэжээ. Элчин сайдын яам энэ бичгийг 1923 оны 12 сарын 11-ны өдөр Монгол улсын гадаад хэргийн яаманд илгээсэн [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 48] байна.

МУ-аас Халимагт үзүүлж байсан энэхүү тусламжийг аваад өлсгөлөнгийн аюулыг гэтлэж чадаагүй тул Халимагийн өлсгөлөнд тусламж үзүүлэх комиссоос 5 хүн [Очиров 2010: 179] монголд очин дахин тусламж цуглуулахаар шийдсэнд Халимагийн засгийн газраас Оле Лиджиевич Рокчинский, Дандыр Бадушев-Баслиев, Эрдэни Эрендженев нарыг [Бадмаева 2010: 175] явуулахаар болж тэд 1922 оны 9 сарын 28-нд Москвад суугаа элчин сайдаас 41 тоот бичигт зөвшөөрөл авсан. Энэхүү комиссын дарга Бадушев-Баслиев 1922 оны 10 сарын 4-ний өдөр элчин сайд Даваад өргөдөл гарган «Алтан-булагаас Нийслэл хүрээ хүртэл өртөө улаа...» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 17] шийтгүүлэн Монголд ирсэн.

Тэрээр 1923 оны дундуур Халимагт буцаж ирсэн байдаг. Бадушев-Баслиевын Монголын засгийн газарт бичсэн өргөдөлд «Авч гарсан бага мөнгө дууссан тул замын зардалд 500 лан мөнгө олгоно уу? гэснийг засгийн газрын 1923 оны 1 сарын 25-ны өдрийн 60-р хурлын 7-р зүйлд хэлэлцээд ...Бадушев-Баслиев нь зөвхөн Халимагийн өлсгөлөнгийн хэргээр бус Орос сангийн худалдааны хэргийн хамтатган ирсэн тул туслах нь зүй бус» [МУЗГА. ЗГТ. 1922. Х. 39] хэмээн үзсэнээс харахад тэрээр Халимагийн өлсгөлөнд тусламж гуйхаас гадна Оросын худалдааны хэргийг хавсарч ирсэн аж. Халимагийн ардуудаас хувийн хэргээр хүмүүс ирж өлсгөлөнд ядарсан ардуудыг эмнэх, эмийн ургамал түүн авах [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194] зэргээр энгийн ардууд монголд цөөн бус ирж байв.

Бадушев-Баслиев нь Монголд ирээд «Монголын засгийн газраас олгосон 1500 лан болон 2000 рублийг аваад Халимагийн ард түмэн Монголын ах дүү нартаа маш их баярлаж байгаа, гэсэн хэдий ч өлсгөлөнгийн аюул өнгөрөөгүй тул олон түмэн ах дүүгээ үхэж, сөнөхийн аюулаас хэлтэрүүлмүй... манай мал урьд 1816200 байсан бол одоо 609291 болсон, Оросуудын тарьсан тариа энэ жил бага зэрэг ургасан, жаахан хоолтой байгаа харин малчин бид нар урьдын хэвээр өлсгөлөн байна. Хонь малгүй болсноор гэр хийх эсгий олодохгүй болж өлсгөлөн дээр амьдрах оронгүй болж байна» [МУТАхМАНБТ. Х. 4. Д. 1. ХН. 126] гэх зэргээр тухайн үеийн нөхцөл байдлыг өгүүлэн дахин тусламж олгоно уу? гэсэн № 76 тоот бичгийг 1922 оны 12 сарын 12-ны өдөр засгийн газар өргөн мэдүүлсэн ажээ. Энэ асуудлыг засгийн газрын 7-р хуралын 3-р зүйлд хэлэлцээд МАН-ын төв хороонд хүргүүлэн хэрхэн тусалваас зохих шийдвэр [МУТАхМАНБТ. Х. 4. Д. 1. ХН. 218] гаргуулахаар явуулжээ.

Намын төв хорооноос чиглэл болгосны дагуу энэ асуудлыг Засгийн газар 1923 оны 1 сарын 2-ны өдрийн 58-р хурлын 6-р зүйлд хэлэлцээд «Бидний ардын засгийн газар бол бүх Монгол овогтныг элбэрэх нигүүлсэхийг гол зорилгоо болгон эрмэлзэж, ...нэгэн үндэсний торгууд нар өлсгөлөнгийн зовлонд хэтэрхий нэрвэгдэн амьдрахад бэрхтэй болсоныг мэдсээр байж үл мэдэгчлэн өнгөрүүлж төвдөхгүй. Иймд манай Монгол нутаг уудам, газрын ашиг үлэмж тул эдгээр өлсгөлөнгийн газар буй Торгууд нарыг бүрэн нүүлгэн ирүүлж монголын харьяат болгон амьдрах аргыг бодож хүмүүжүүлэн тохиуулах нь зөв» [МУЗГА. ЗГТ. 1923. Х. 37] гэж үзээд энэ тухай «харьяат төлөөлөгчид Батушевт [Бадушев-Баслиев. — Н. Наранжаргал] мэдэгдэн Халимагын ардуудыг нүүхэд бэлтгүүлэх, гадаад явдлын яамнаас Оросын элчин сайдад мэдэгдэх [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 105], мөн ардын засгийн газрын 5-н яам болон намын төв хороонд мэдэгдсэн» [МУТА. Х. 4. Д. 1. ХН. 218. Х. 11–17] байна. Гадаад яам энэ тухай 1923–1–23-ны өдөр ЗОУ-ын элчин сайдад № 461 тоот бичгээр мэдэгдсэн [МУТА. Х. 4. Д. 1. ХН. 218. Х. 5–10] байна.

Халимагийн төлөөлөгч Бадушев-Баслиев дээрхи бичгийг хүлээн аваад «... харьяат өлсгөлөнд тохиолдсон ардуудыг Монгол газар хэрхэн нүүлгэн ирүүлэх, хэрхэн хүмүүжүүлэхийг тогтоон

шийтгэмүй» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 81] хэмээн хариу ирүүлснийг Монгол улсын засгийн газрын 1924–3–1-ний өдрийн 1-р хурлын 5-рт хэлэлцээд «Нэг, Энэхүү Халимаг ардуудыг нүүлгэн ирүүлэхэд зүй нь харьяат Халимаг ардуудаас өөрсдөө комисс томилвоос зохих бөгөөд манай Монгол ардын засгийн газраас ЗОУ-д суугаа элчин сайдыг ойрхон байгааг үндэслэн Монголын талын төлөөлөгчөөр томилон харьяат комисст суулгая. Хоёр, Энэхүү Халимагуудыг нүүлгэн ирүүлж тэнхэрүүлэн хүмүүжүүлэх хэрэг маш хүнд, манай Монгол ардын засаг тусгаар тогтоож санхүүгийн хувьд ариажин хараахан чадаагүй байгаа тул замын хэрэглэлийг хараахан ганцаараа гаргаж дийлэхгүй. Зүй нь харьяат Халимагийн автономит мужийн төлөөлөгч ба ЗОУ, МУ-ын засгийн газар гурван этгээдээр зөвлөн хэлэлцэж хавсран гүйцэтгэвээс зохино. Гурав, Эдгээр халимаг ардуудыг нүүдлэн хүрч ирмэгц, харьяат олон аймгуудын дотор тэдний өөр өөрийн амьдран хүмүүжиж болох зохистой газар, тусгай нутаг заан олгож хуваан суулгамай. Дөрөв, Халимагуудад суух орон гэрийг манай засгаас бэлтгэн олгохоос гадна, бас өрх бүрт үнээ мал олгон тэжээн тэнхэрүүлэх явдлыг засгийн газраас хойш тушааж гүйцэтгэнэ» [МУЗГА. ЗГТ. 1924] хэмээн шийдээд ардын засгийн газрын 5 яам, намын төв хороо [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194], ЗОУ-ын элчин сайдын яам [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 81], ЗОУ-д суугаа элчин сайд [МУУТА. СнЗБ. Х. 1. Д. 6. ХН. 62], Халимагийн өлсгөлөнгийн төлөөлөгч [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 14] нарт тус тус мэдэгдэн явуулсан байна.

Халимагуудыг Монгол газар нүүлгэн ирүүлэх гэсэн энэхүү хэргийг «Өлсгөлөнгийн аюул, туйлын гачигдал өнгөрсөн» [МУЗГА. ЗГТ. 1924. Х. 2] хэмээн ЗОУ-ын талаас зөвшөөрөөгүй юм. Гэсэн хэдий ч тухайн үед Монгол ардын журамт цэрэгт алба хааж байсан Х. Б. Кануков «70 өрх торгуудыг Халимагийн Донский мужаас Ховдын хязгаарт нүүлгэн ирүүлж, цэргийн болон боловсронгуй ажил үүсгэх үүр байгуулах хийгээд гэгээн засгийн соёлд багтах хүсэлтэй... бидний нүүн ирэх асуудлыг шийдэж өгнө үү» [МУЗГА. ЗГТ. 1924. Х. 2] хэмээн «уг 70 өрх айлын дэлгэрэнгүй бүртгэлийн» [МУУТА. Х. 1. ХН. 29] хамт өргөсөннийг засгийн газрын 1924 оны 2 сарын 15-ны өдрийн 1-р хурлын 15-р зүйлд хэлэлцээд «...эдгээр 70 халимаг

өрхийг нүүн ирэхийг дэмжиж байгаа бөгөөд, хэрхэн нүүлгэн ирүүлэхийг урьд нэгэнт хэлэлцэн тогтсон журмын дагуу шийднэ”¹. Энэ асуудлыг хариуцан гүйцэтгэх комиссыг «Сангийн яамны сайд Дорж, хянан байцаах хэлтсийн дарга Цэдэн-Иш, гадаад, дотоод яамны эрхэлсэн түшмэл Довчин, Дэндэв, ардын намын төв хороо, Оросын элчин сайдын яам ба торгуудын төлөөлөгч нийж-гээдийг оруулж байгуулах»-ыг [МУЗГА. ЗГТ. 1924. Х. 2] тогтоосон ажээ. Энэ тухай гадаад яамнаас Оросын элчин сайдын яаманд 1924 оны 2 сарын 19-ний өдөр № 31 тоот бичгээр [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 12] мэдэгдэн явуулсанд элчин сайд Васильев «уг асуудлыг хэлэлцэх комисст зөвлөлт оросын элчин сайдын яамнаас А. П. Минкиныг томилсоныг» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 66. Н. 2] 1924 оны 2 сарын 22-ны өдөр № 269 тоот бичгээр мэдэгдэн ирүүлсэн. Энэхүү 70 өрх Халимагууд Монголд нүүн ирэх хэрэгт Монголын засгийн газар ихэд ач холбогдол өгч байсан бөгөөд уг комиссыг ажлаа тайлагнахыг удаа дараа шаардаж засгийн газрын хуралдаанаар уг комиссын шийдвэрийг хэлэлцэж байсан. 1924 оны 3 сарын 24-ний өдрийн засгийн газрын 5-р хурлын 3-р зүйлд энэ асуудлыг хэлэлцэхэд уул комиссоос мэдэгдэсэн нь «Торгуудын төлөөлөгч нартай санал зөрөлдөж байгаа тул дахин сайтар зөвлөлдөөд засгийн газарт мэдэгдэ» ээ [МУЗГА. ЗГТ. 1924. Х. 4] илэрхийлсэн. Энэхүү комисс нь Халимагийн төлөөлөгч Халиновтой [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 13] удаа дараа санал зөрөлдсөнөө мэдэгдэхэд асуудлыг шуурхай шийдэх үүднээс уг комиссыг шинэчлэн байгуулж байв. Энэ бүхний эцэст засгийн газар удаа дараа байгуулагдсан комиссын шийдвэрүүдийг 1924 оны 3 сарын 28-ны өдрийн 7-р хурлын 5-рт хэлэлцээд нэгтгэн батлаж [МУЗГА. ЗГТ. 1924. Х. 6] ЗОУ-д явуулсан байдаг.

ЗОУ-ын тал эхэндээ энэхүү «70 өрх айлыг монгол руу нүүхийг зөвшөөрсөн» [МУГХЯА. Д. 2. ХН. 592]. Энэ үед ЗОУ нь МУ-д өөрийн олж авсан нөлөөгөө улам бэхжүүлэхийг эрмэлзэж байсан нь энэ шийдвэрийг гаргахад нөлөөлсөн бололтой. Энэхүү 70 өрхийн хүмүүс нь

¹ Монгол улсын засгийн газрын 1924-3-1 өдрийн 1-р хуралын 5-рт өлсөглөнгийн газар байгаа бүх халимагуудыг нүүлгэн ирүүлэх орос, халимаг, монгол гурван этгээд хамтран гүйцэтгэх бөгөөд хэрхэн нүүдлийг зохион байгуулах тухай 4 зүйлтэй журам гаргасан.

Х. Б. Кануковтай хамт Монголд ирсэн болон түүний удирлагад ажиллаж байсан ойр дотны нь хүмүүс байсан бөгөөд тэд Кануков болон ЗОУ-ын төлөөлөгчийн даалгавараар ихэвчлэн тагнуулын хэрэгт оролцож байсан байна. Энэхүү Халимагуудын амьдрах нөхцөл маш хүнд байсан бөгөөд Оросууд тэднийг огт хайхрахгүй байсанд тэд энэ тухайгаа асуудлаар удаа дараа зарга үүсгэж байсан. Ийнхүү Монгол дахь халимагууд асуудал гаргах болсоноор, ЗОУ-ын тал «энэхүү 70 өрхийн асуудал, Кануков болон түүний командын тухай нууц мэдээллүүдийг цуглуулж эхэлсэн» [МУГХЯА. Д. 2. ХН. 592] байна. Улмаар 1924 оны 6 сард Ховдоос Х. Б. Кануковыг Халимаг сургагч Цебилов, Налхаев, Морхадыков нарын хамт баривчлан Өргөөд хүргүүлсэн. Тэднийг Зөвлөлтийн сургагчийн амь насанд заналхийлсэн, цэргийн үүрэг гүйцэтгэхээс татгалзсан, Кануковыг Ховдын монголчуудын дунд хагалган бутаргах үндэсний үзэл гаргасан, Донын Халимагийн 70 цэргийн сургагчыг өрх бүлийн хамт нүүлгэн ирүүлж, учир битүүлэг дайнд бэлдэх гэх мэт хэд хэдэн үндэслэлээр буруутган [ХУУТА. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 2. Л. 40], 8 сард Монголоос гарган явуулсан. Ингэснээр энэхүү 70 өрх айлыг нүүх асуудал зогссон.

Монгол улсаас Халимагийн өлсгөлөнд тусласан тусламжийн зүйлүүд дотор тодорхой бус нэг зүйл байгаа нь 1000 шар үхрээр тусалсан хэрэг юм.

Энэхүү өлсгөлөнд тусласан малыг «ЗОУ-аас зээлдэн авсан мөнгөний төлбөрт өгсөн үхрийн хамт хилээр гаргасан» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 27] байна. Энэхүү «1000 шар үхрийг цэргийн хэрэглэлийн мал гаргаагүй баруун хоёр аймгаас гаргуулахаар 1922 оны 6-р сард шийдсэн» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 25] боловч «ирээгүй тул Засагт хан аймгийн бэйл Цэдэндорж, Далай гүний хоёр хошуунаас дараа жилийн татвараас урьдчилан 713 үхэр гаргуулан Мөрөнгийн хүрээний газарт ЗОУ-ын төлөөлөгчид хүлээлгэн өгөөд үлдсэн 287 үхрийг цаг оройтсон тул дараа жил нь өгөхөөр» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 29] болсон байна. 1923 оны 10 сарын 25-д өнгөрсөн жилийн 1000 шар үхрийг «Мөнөөх баруун хоёр аймгаас гаргуулан энэ оны 9-р сарын шинийн нэгэнд Мөрөнгийн хүрээнд хүргэн ирсэн» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 28] -ийг ЗОУ-ын элчинд мэдэгдэсэн байна. Энэхүү үхрийг хүлээн авах ЗОУ-ын төлөөлөгч болзсон газартаа

ирээгүй 1923 оны 11 сарын 29-нд сангийн яамнаас гадаад яаманд илгээсэн № 1145 тоот бичгээр «зохих газарт нь мэдэгдэнэ үү» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 31] хэмээн ирүүлснийг 1923 оны 12 сарын 4-ний өдөр №1089 тоот бичгээр [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 32] ЗОУ-д мэдэгдсэн. ЗОУ-ын тал эдгээрт хариу үл өгсөнд «энэхүү ЗОУ-ын өлсгөлөн ардуудад туслахаар илгээсэн малыг хүлээлгэн өгхөөр удаан хугацаанд хүлээж байгаагийн улмаас газар нутаг болон, эдийн засгийн хувьд хохирол хүлээж буй» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 34] 1923 оны 12 сарын 28-д № 1589 тоот бичгээр, мөн «энэ хүлээлтийн улмаас уг малаас хорогдол гарвал нөхөн олгохгүйг» [МУГХЯА. Х. 1. Д. 1. ХН. 194. Н. 33] 1923 оны 12 сарын 29-д № 1210 тоот бичгүүдээр удаа дараа сангийн яамнаас гадаад яаманд мэдэгдсэн байдаг.

Энэхүү 1000 шар үхэр хүлээн авсан тухай Халимагийн засгийн газрын албан ёсны хариу одоо хүртэл олдоогүй. Харин Монголын эрдэмтэн Д. Даш «Халимагийн ард түмэнд 1000 толгой шар бэлэглэсэн» [Даш 1979: 159], Халимагийн түүхч Ю. О. Оглаев «1923 оны 3 сар хүртэл монголоос 15000 лан мөнгө, 1000 толгой амбан шараар Халимагийн өлсгөлөнд тусласан» [Оглаев 1970: 23], Е. Н. Бадмаева «Ижил мөрний дагуух Оросын өлсгөлөнд нэрвэгдсэн ардуудад монголоос 1000 толгой мал өгсөн» [Бадмаева 2010: 176] гэх зэргээр тэмдэглэсэн бол, «Дальневосточный телеграф» сонины 1921 оны 9 сарын 16-ны өдрийн дугаарт «өлсгөлөнд нэрвэгдэгсдэд зориулж Монголын засгийн газар 1000 шар үхэр өгөв. Мөн бүх орон даяараа өглөг хуримтлуулахаар шийдвэрлэжээ» хэмээн мэдээлсэн байна.

Ийнхүү 1920 оны эхээр Ижил мөрний сав дагуух нутагт тохиолдсон өлсгөлөнгийн улмаас тухайн үеийн Халимагийн төлөөлөгч, монголд цэргийн алба хааж байсан сургагч нараас Богд хаан болон Монгол улсын засгийн газарт хандан тусламж гуйхад, ардын засгийн газар бүх албан хаагчдын цалингаас 2 удаа хасан 1932 лан 50 пун хагас дээр засгийн хөрөнгөөс 2000 рубль нэмэн Халимагийн өлсгөлөнд тусламж цуглуулах Монголын комиссын дарга Ц.-Д. Номинхановоор дамжуулан Халимагийн засгийн гарт хүлээлгэн өгсөн нь тодорхой байна.

Мөн МУ-ын засгийн газраас Халимаг болон өлсгөлөн тохиолдсон Ижил мөрний

сав дагуух Оросын харьяат ардуудад зориулан 1000 шар үхэр цуглуулж 1923 онд удаа дараа ЗОУ-ын талд хүлээлгэн өгсөн нь судлаачдын баримт, тухайн үеийн сонины мэдээ зэргээс тодорхой болж байна.

Энэхүү тусламжийг аваад Халимагийн өлсгөлөнд тусламж цуглуулах комиссоос өлсгөлөнгийн аюулыг гэтэлж чадаагүй улмаас дахин туслана уу хэмээхэд 1923–1–1-ний өдрийн 58-р хурлаар хэлэлцээд өлсгөлөнгийн газар буй үндэс угсаа нэгтэй Халимаг ахан дүүсийг Монгол газар бүрэн нүүлгэн ирүүлэх тухай тогтсонд ЗОУ-ын тал өлсгөлөнгийн аюул нэгэнт өнгөрсөн хэмээн нүүхийг зөвшөөрөөгүй тул Монгол газар цэргийн алба хашиж байсан сургагч Х. Б. Кануков Донын мужаас 70 өрх нүүлгэн ирүүлж Монгол улсын Ховдын хязгаарт суулган боловсронгуй ажил үүсгэн суухыг хүссэнд ЗОУ-ын элчин сайдын яамнаас анхандаа зөвшөөрч байсан боловч дахин шалган нягталж үзээд энэхүү Монголд ажиллаж буй Халимаг сургагч нар Зөвлөлт Оросын өгсөн хувьсгалт даалгаврыг үл гүйцэлдүүлэн, үндэс угсаа нэгт Монголчуудын эрх ашгийн төлөө ажиллах болсон хэмээн үзэж тус бүлгийн толгойлогч Х. Б. Кануков зэрэг хүмүүсийг баривчлан Монгол улсаас гаргасанаар Халимагуудыг Монгол улсад нүүх ирэхийг хориглож, тухайн үед Монголд ажиллаж байсан бүх Халимаг сургагч нарыг Монгол улсаас эргүүлэн татсан юм. Энэ нь тухайн үед монгол болоод халимагийн хоорондох харилцаа гүнзгийрч, монгол дахь оросын итгэл үнэмшил буурах болгоомжлол байсантай холбоотой.

Товчилсон үг (Сокращения)

МУГХЯА — Монгол улсын гадаад хэргийн яамны архив (Архив Министерства иностранных дел Монголии)

МУУТА — Монгол улсын үндэсний төв архив (Монгольский национальный центральный архив)

МУУТАхМАНБТ — Монгол улсын үндэсний төв архивын харьяа Монгол ардын намын баримтын төв (Центр документов Монгольской народной партии Монгольского национального центрального архива)

МУЗГА — Монгол улсын засгийн газрын архив (Архив Правительства Монголии)

ХУУТА — Халимаг улсын үндэсний төв архив (Национальный архив Республики

Калмыкия)
СнЗБ — Сайд нарын зөвлөлийн баримт
(Документы Совета Министров)
ЗГТ — Засгийн газрын тогтоол (Постановления
Правительства)
Хн — Хадгаламжийн нэгж (Единица хранения)
Х — Хөмрөг (Фонд)
Д — Данс (Опись)
Н — Нугалбар (Лист)

***Ашигласан архивын эх сурвалж
(Архивные источники)***

Монгол улсын ГХЯ-ны архив — Архив
Министерства иностранных дел Монголии
Монгол улсын ҮТ Архив — Монгольский
национальный центральный архив
Монгол улсын ЗГ-ын архив — Архив
Правительства Монголии
Монгол улсын ҮТА-йн харьяа МАН-ын баримтын
төв — Центр документов Монгольской
народной партии Монгольского
национального центрального архива

Халимаг улсын ҮТ Архив — Национальный
архив Республики Калмыкия

Ашигласан ном (Литература)

Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги
реализации государственной политики в
социально-экономической сфере (1921–
1933 гг.) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста:
НПП «Джангар», 2010. 544 с.
Очиров У. Б. Вклад репрессированных народов
СССР в победу в Великой Отечественной
войне 1941–1945 гг. Том 1. Элиста: НПП
«Джангар», 2010. 575 с.
С интернациональной миссией: воспоминания
участников Монгольской народной
революции / сост. Ю. О. Оглаев; под общ.
ред. И. Я. Златкина. Элиста: Калм. кн. изд-
во, 1970. 143 с.
Даш Д. Халимагийн түүхэнд холбогдох хоёр
баримт // МАХН-ын түүхийн асуудал № 14.
Улаанбаатар, 1979.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ДИАСПОРЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА *The Karachay-Balkar Diaspora's Intercultural Cooperation in the Information Society*

А. И. Тетевев (A. Tetuev)¹

¹доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Ph.D. of History, Associate Professor, Chief Researcher of the Institute for Humanities at the Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences). E-mail: alim-tetuev@mail.ru

В статье на основе новых статистических материалов и других источников исследуется проблема сохранения и развития культуры карачаево-балкарской зарубежной диаспоры в условиях информационного общества. Анализируется роль социальных сетей в системе межкультурных коммуникаций карачаево-балкарской диаспоры. Определены рекомендации по совершенствованию межкультурного взаимодействия карачаево-балкарской зарубежной диаспоры.

Ключевые слова: Карачаевцы, балкарцы, диаспора, адаптация, общественные объединения, культура, язык, социальные сети, портал, сайт, взаимодействие.

The article considers some new statistical data and other sources to investigate the issue of maintaining and developing the Karachay-Balkar diasporas' culture in the information society. The expanding cooperation between the foreign diasporas and the regions of the North Caucasus in the spheres of education, science, culture and economy proves the relevance of this issue. The research of the Karachay-Balkar diasporas' intercultural cooperation is of great importance for scientific purposes as well as for practical aims such as developing political, diplomatic and cultural interrelations. The article investigates the Karachay-Balkar diasporas' demographics and location. The process of the diasporas' adaptation to the living conditions in the new areas, the issues of the cultural conservation and development as well as the role of social networks in intercultural communication are considered in the research. The diachronic and synchronic approaches as well as some empirical methods applied in the research allowed to show the history of the diasporas' making up, their evolution and modern state. The article analyses the cultural and educational activities of the Karachay-Balkar diasporas' public associations, their work on preserving the national and cultural identity, the ethnic immigrants' way and quality of life in different cultural settings. The importance of using the global information network «Internet» for maintaining the ethnic identity of the diaspora is considered and its functions are discussed. The study allowed to work out the main direction in developing the Karachay-Balkar foreign diasporas' intercultural interaction and to recommend the more effective means to be used for improving the communication process.

Keywords: Karachays, Balkars, diaspora, adaptation, public associations, culture, language, social networks, portal, website, cooperation.

История российской зарубежной диаспоры представляет значительный интерес в научно-практическом плане. Стратегической линией политики России по отношению к соотечественникам за рубежом является содействие их добровольной интеграции в политическую, социальную и экономическую жизнь государств, в которых они проживают, адаптации к местной культуре при сохранении собственной культурной самобытности. В этом контексте изучение проблем взаимодействия карачаево-балкарской зарубежной диаспоры с общественными объединениями и государственными структурами республик Северного Кавказа

в сфере образования, науки, культуры и экономики приобретает особую актуальность.

В настоящее время свыше 40 тысяч потомков иммигрантов карачаевцев и балкарцев проживают в основном в Турции, Сирии, странах Западной Европы, США, Киргизии, Казахстане. По подсчетам доктора социологических наук Уфук Таукула, в Турции в настоящее время проживают около 25 тысяч карачаевцев и балкарцев. Потомки мухаджиров из Карачая и Балкарии, эмигрировавших в конце XIX – начале XX вв., живут в городах, в том числе в Стамбуле, Анкаре, Эскишехире, Афьоне, Конье, Адане, Измире — более 20 тысяч человек,

в 13 населенных пунктах — Яллыпынар, Якапынар, Белпинар, Язылыккая, Килиса, Доглат, Болвадин, Эрейли, Башхюйюк, Эйрисоют, Эмирлер, Арпаджи, Чилехане — около 5 тысяч человек [ПМА 1]. По данным исследователя З. Б. Кипкеевой, в настоящее время карачаевцев и балкарцев, проживающих в Сирии — около 3000 человек, Германии и Голландии — примерно 2000, Соединенных Штатах Америки — около 5000 человек [Кипкеева 2000: 79, 80].

Несмотря на трудности морального и материального порядка, связанные с процессом адаптации в новой среде обитания, одной из главных проблем для карачаево-балкарских иммигрантов стало сохранение своего этнического самосознания, национально-культурных традиций и языка. Организованные в странах Ближнего Востока и США в 60–70-е гг. XX в. карачаево-балкарские общины стали центрами не только культурной, религиозной, но и всей социальной жизни переселенцев. Так, важную роль в деле сохранения и развития культуры карачаевцев и балкарцев играет созданное в 1991 г. общественное объединение «Национально-культурный центр» карачаево-балкарской диаспоры в Турции (Карачай-малкъар дернеги), филиалы которого функционируют в Анкаре, Эскишехире, Конье, Афьоне, Башхюйюке, Чифтлик-кёу, Токате.

Процесс формирования карачаево-балкарской диаспоры в странах Центральной Азии связан с драматическими социально-политическими событиями, происходившими в СССР в первой половине XX века. Появление первых групп карачаевцев и балкарцев в этом регионе связано с политическими репрессиями. В 20–30-е гг. XX в. на спецпоселение были высланы 877 карачаевцев и 544 балкарцев, в том числе и «раскулаченных» со стандартной формулировкой за «антисоветскую деятельность» [Всесоюзная перепись населения 1939]. Затем, в первой половине 40-х гг. XX в., карачаевский и балкарский народы по ложному обвинению в «пособничестве оккупантам» и «бандитизме» были депортированы в основном в Казахскую и Киргизскую ССР. В конце 1950-х гг. карачаевский и балкарский народы были реабилитированы, необоснованные обвинения с депортированных народов были сняты. После восстановления государственности балкарского и карачаевского народов в 1957–1959 гг. возвра-

тились на историческую родину 9327 балкарских семей (35274 чел.), а в Карачаево-Черкесскую автономную область — 20514 семей (73442 чел.) [Сабанчиев 2008: 204; Карачаевцы. Выселение и возвращение 1993: 29, 143–144]. Вместе с тем, по итогам Всесоюзной переписи 1989 года, накануне распада Союза ССР, по разным причинам около 5,1 % от общей численности балкарцев и карачаевцев в СССР остались жить за пределами РСФСР. В странах Центральной Азии проживали 5693 балкарца, что составляло 84 % от общей численности проживающих за пределами РСФСР, и 5144 карачаевца (92 %) [Всесоюзная перепись населения 1989]. В основном они проживали в Казахстане и Кыргызстане. По итогам переписи 2009 г., в Республике Казахстан проживали балкарцев — 1798 человек, карачаевцев — 995 [Национальный состав... Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан: 2010: 4, 9, 10, 16, 17].

В Республике Кыргызстан по итогам переписи 2009 г. проживали балкарцев — 1302 человека, карачаевцев — 1731 человек [Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2010: 91]. Всего в Казахстане и Кыргызстане карачаево-балкарская диаспора составляет 5826 человек, в том числе балкарцев — 3100, карачаевцев — 2726.

Большое значение для сохранения и развития национально-культурных традиций национальных меньшинств имеют созданные Ассамблеи народов Казахстана и народов Кыргызстана. Деятельность этого уникального института содействует созданию благоприятных условий для культурного и этнического взаимодействия всех народов Казахстана и Кыргызстана. Членом Ассамблеи является и созданное карачаево-балкарской диаспорой Общественное объединение Карачаево-Балкарский национальный культурный центр «Минги-Тау» (1996). Он имеет филиалы в городах Талды-Курган, Астана, Тараз, Шымкент, Павлодар, центр в Шерактинском и Успенском районах Павлодарской области [Минги-Тау 2009: 18–19].

В рамках Ассамблеи Кыргызстана, куда входят 32 культурно-национальных центра народов Кыргызстана, с 1996 г. осуществляют свою деятельность Общественное объединение балкарцев и кабардинцев «Минги-Тау» (руководитель Мисиров С. Д.)

и Международная ассоциация карачаевцев «Ата-Джурт» (руководитель Б. Х. Гогаев) [ПМА 2].

В местах компактного проживания балкарцев и карачаевцев функционируют воскресные школы по изучению балкарского и карачаевского языков. Важную роль в деле сохранения этнической культуры и традиций карачаевцев и балкарцев в условиях продолжающегося процесса ассимиляции сыграли средства массовой информации, организованные в начале 1990-х гг. в среде карачаево-балкарской диаспоры. Были созданы несколько десятков печатных изданий, каждое из которых внесло свой вклад в дело национального возрождения.

Вместе с тем наметившаяся в начале XXI в. тенденция к сокращению традиционных СМИ коснулась и печатных изданий карачаево-балкарской диаспоры за рубежом. Их сокращение, а также развитие глобальной информационной сети Интернет обусловили активное обращение карачаево-балкарской диаспоры к социальным сетям, использование их для защиты от ассимиляции, для сохранения своего языка, культуры и религии. Особое значение для карачаевцев и балкарцев начинает приобретать такая стремительно развивающаяся часть Всемирной паутины (WWW), как Карачаево-Балкарский Интернет. Он включает совокупность сайтов органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, карачаево-балкарских национально-культурных центров и общественных организаций, электронных средств массовой информации и новостных лент, размещающих информационные материалы о карачаевцах и балкарцах, молодежных клубах, любительских web-страничках, одним словом, все те сайты, что каким-либо образом связаны с карачаево-балкарской тематикой. Анализ сайтов Карачаево-Балкарского Интернета по языку общения позволил выявить деятельность трех групп.

В первой, самой многочисленной группе пользователи — в основном, из России и стран СНГ общаются на русском и карачаево-балкарском языках. Со второй половины 1990-х гг. в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии функционируют на русском языке официальные сайты законодательных и исполнительных органов власти. Здесь можно найти основные сведения о деятельности органов государственной

власти КБР и КЧР, информацию о социально-экономическом и культурном развитии регионов, обзоры прессы, новостную ленту, анонсы событий, официальные нормативно-правовые документы и массу других полезных сведений [Официальный сайт Главы КБР].

Представители карачаево-балкарской диаспоры имеют возможность по сети «Интернет» читать на родном языке республиканские газеты «Заман», «Карачай», смотреть и слушать телерадиопередачи на родном и английском языках. Особый интерес представляют передачи «Уроки балкарского языка» [Официальный сайт газеты «Заман»...]. Заслуживает внимания опыт работы некоммерческой организации Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид» по созданию условий для сохранения культуры и языка карачаевцев и балкарцев. Фонд создан в Москве в 2004 г. известным предпринимателем и меценатом А. Х. Тоторкуловым. Филиалы фонда «Эльбрусоид» функционируют в городах Нальчик, Черкесск, Ставрополь. На портале фонда имеются 11 разделов: форум, блоги, фотогалерея, музыкальный раздел, библиотека, чат и другие. На портале «www.elbrusoid.org» размещено около двух тысяч статей, 48 книг по истории, языку, литературе, культуре карачаевцев и балкарцев, а также электронные Карачаево-балкарско-русский словарь и Русско-карачаево-балкарский словарь. В архивах видеораздела имеются 76 видеороликов, в аудиоразделе более 1500 композиций, в том числе 799 песен, «Аудиосказки», «Стихи», «Радиоспектакли». Выпущена первая аудиокнига на карачаево-балкарском языке — сборник стихов поэта К. Отарова «Журавли вернутся» о депортации, а для детей — приложения для планшетов и смартфонов: «Бешик джырла», «Джомакъла», «Тилбургъучла» и одно приложение для взрослых — «Сёзлюк». Продублированы на карачаево-балкарский язык 30 мультфильмов, 25 документальных и 11 художественных фильмов [Официальный портал Фонда...]. Порталом фонда «Эльбрусоид» живо интересуются не только молодежь, но и представители старшего поколения. По состоянию на 04.05.2014 г. на форуме зарегистрировано более 3500 индивидуальных пользователей. Кроме того, в социальных сетях «ВКонтакте», «Майл.Ру», «Одноклассники», «Facebook» пользовате-

лями созданы группы «Эльбрусоид». Всего разделами Портала фонда «Эльбрусоид» пользуются десятки тысяч карачаевцев и балкарцев. Об этом свидетельствуют отзывы, трансляции публикаций аудио-видео материалов из Портала фонда «Эльбрусоид» на сайтах карачаево-балкарской зарубежной диаспоры.

Большой материал по истории, литературе и культуре карачаевцев и балкарцев содержится на сайте «karachays» [Информационный портал]. В Карачаево-Балкарском Интернете значительное место занимают индивидуальные культурные проекты, которые очень быстро перерастают в виртуальные сообщества, приобретая очевидное социальное значение. В этом плане большой интерес представляет сайт, созданный при финансовой поддержке фонда «Энергия созидания» (руководитель Б. Жангуразов). В сайте содержатся интересные материалы, посвященные жизни и творчеству основоположника балкарской поэзии Кязима Мечиева, народному поэту КБАССР, лауреату Ленинской и Государственной премии СССР Кайсыну Кулиеву, народному артисту Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии Омару Отарову, ученому-историку с мировым именем, автору более 200 научных работ, в том числе 12 монографий, Исмаилу Мизиеву [Официальный сайт Кязима Мечиева].

Карачаево-балкарская диаспора в странах Центральной Азии проживает дисперсно. Территориальная разобщенность, несомненно, является дезинтеграционным фактором в жизни диаспоры, препятствующим ее консолидации. Поэтому именно Интернет мог бы выступить средством их консолидации, по крайней мере, в информационном пространстве. Но руководители Карачаево-Балкарских национально-культурных объединений, видимо, еще не осознали значимости использования сети Интернет в своей многогранной деятельности. Об этом свидетельствует полное отсутствие сайтов диаспоры. Возможно, причина кроется в том, что более крупные по численности карачаевские и балкарские общины Алматы и Бишкека проживают компактно и им для контакта между собой и с внешним миром достаточно традиционных каналов коммуникации, средств массовой информации. Может быть, отсутствие своих сайтов у диаспоры связано и с тем, что представители карачаево-балкарской диаспоры в соци-

альных сетях Рунета пользуются Порталом фонда «Эльбрусоид», являются участниками группы «Эльбрусоид» «ВКонтакте», «Одноклассники». В зарубежной социальной сети пользуются сайтами карачаево-балкарской диаспоры дальнего зарубежья и являются участниками групп карачаево-балкарской диаспоры в «Facebook».

Вторая группа — представители карачаево-балкарской диаспоры дальнего зарубежья, которые общаются на турецком, карачаево-балкарском и английском языках в порталах и в группах по переписке. Со второй половины 1990-х гг., в связи с бурным развитием сети Интернет, диаспора в глобальном мире становится продолжением гражданского общества. Интернет предоставляет возможности для укрепления и развития связей между диаспорой, исторической родиной и страной-реципиентом, с соотечественниками в других странах мира, а также для решения организационных и иных проблем диаспоры. В настоящее время функционируют десятки интернет-сайтов, созданных как общественными объединениями карачаево-балкарской диаспоры (дернеками), так и отдельными энтузиастами, на турецком и английских языках.

Так, Аппаевым Адильханом (Адилоглу) из Турции создан сайт Karachay-Malkar Turkiye. На 6 разделах сайта размещены, в основном на турецком языке, 127 статей, 11 книг по истории, языку, литературе, культуре карачаевцев и балкарцев, а также аудио-видео материалы (карачаево-балкарские песни и музыка). Авторами печатных материалов являются представители карачаево-балкарской диаспоры, ученые и творческие работники Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Некоторые материалы размещены латинским шрифтом на карачаево-балкарском языке. Численность зарегистрированных индивидуальных пользователей на сайте — более 1600 человек [Официальный сайт «Karachay-Malkar Turkiye»]. Представляет интерес личный сайт «Caucasus» доктора социологических наук Уфук Таукула (Тохчуков) из Турции. В 5 разделах сайта размещены его труды по истории, литературе, языку, культуре карачаевцев и балкарцев [Официальный сайт «Caucasus»]. На сайте «AfyonKarasyu» размещены видео-аудиозаписи карачаево-балкарской музыки и песен. Количество просмотров сайта по состоянию на 10.05.2014 составляет 31111 [Официальный сайт г. Афьон].

В октябре 1989 г. создана некоммерческая организация Американская Карачаевская благотворительная ассоциация (АКБА) с целью сохранения и передачи карачаевского культурного наследия новым поколениям. В АКБА функционируют танцевальная и музыкальная школа, а также сайт, где размещена фотогалерея достопримечательных мест Карачево-Черкесии и видеозаписи карачаево-балкарской музыки и песен [Официальный сайт АКБА].

В самой популярной социальной сети «Facebook» представителями зарубежной карачаево-балкарской диаспоры созданы 10 наиболее многочисленных групп: «Karachay-Malkar Türkiye», «Karachay Arts Cultures», «Къарачайлыла-Малкъарлыла», «Кавказ Къарачай дернеги», «АКБА» «Къарачайлар», «Къарачай адет, намыс», «Ас-алан культур дернеги», «Karacay-malkar-dernegi-eskisehir», «Karacay-malkar-dernegi/doglat/» Участниками указанных групп являются более 30000 пользователей. Они обмениваются публикациями по истории, литературе, языку, культуре карачаевцев и балкарцев, а также видео-аудиозаписями карачаево-балкарской музыки и песен [Группы facebook].

В связи с началом гражданской войны в Сирии карачаево-балкарская диаспора в Турции в декабре 2012 г. создала сайт «Сирияда къарачай-малкъар миллет» — Ассоциацию общественных объединений и благотворительный фонд для поддержки карачаевцев и балкарцев, проживающих в зоне боевых действий в Сирии. За период 2013–2014 гг. за счет благотворительного фонда 200 семей беженцев — карачаевцев и балкарцев были размещены в Турции [Официальный сайт «Сирияда къарачай малкъар миллет»]. В условиях дисперсного проживания карачаево-балкарской зарубежной диаспоры большое значение имеет сайт «Karacay Malkar'ıların Duyuru Platformu», где размещается различная информация о мероприятиях общественных объединений, памятных датах, а также объявления различного характера [Официальный сайт «Karacay Malkar'ıların Duyuru Platformu»].

Третья группа — самая немногочисленная — представители карачаево-балкарской диаспоры дальнего и ближнего зарубежья, которые общаются на русском, карачаево-балкарском и английском языках. Порталом фонда «Эльбрусоид» и группами фонда «Эльбрусоид», «ВКонтакте»,

«Одноклассники», «Facebook» пользуются десятки тысяч карачаевцев и балкарцев. Традиционно сложилось так, что диаспора дальнего зарубежья и диаспора в рамках СНГ практически не общаются между собой. Проблема — в отсутствии сайтов с общим коммуникационным языком. Карачаевцы и балкарцы дальнего зарубежья, практически не использующие кириллицу для письма на карачаево-балкарском языке и не знающие русского языка, не могут установить контакт с карачаевцами и балкарцами, проживающими на исторической родине, которые либо не знают языка, либо психологически не готовы работать с латиницей. Это обстоятельство приводит к тому, что изданные в России, в том числе в республиках Северного Кавказа произведения на кириллице большинство наших соотечественников в Турции не умеют читать. Соответственно, напечатанные на латинице тексты оказываются недоступны для карачаево-балкарцев, пользующихся кириллицей. Успешные попытки решить эту проблему уже имеются. Карачаевцы и балкарцы могут свободно общаться и переводить тексты на сайте on-line по программе транслитерации (составитель — Суат Ёналан, с. Якапынар, Турция) карачаево-балкарских текстов, написанных на кириллице, на латиницу и карачаево-балкарских текстов, написанных на латинице, на кириллицу и программы перевода google translate [Программа транслитерации].

Анализ информационного материала карачаево-балкарского Интернета показал, что в настоящее время число его сайтов и пользователей неуклонно растет. Вместе с тем следует отметить, что сайтов карачаево-балкарской тематики, как количественно, так и качественно, явно недостаточно для этноса, проживающего в России в количестве 331327 человек, а насчитывающих предположительно более 70000 человек этноса живут за пределами своей исторической родины. Поэтому Интернет зачастую является для них единственным источником информации о жизни своего народа [Национальный состав Российской Федерации].

Одной из новых форм проведения мероприятий по сохранению и развитию национальной культуры в последние годы стали ежегодно проводимые в Турции с 1995 г. праздники «Нартланы кюню» (День Нартов), «Эт хычин той» (Праздник хычи-

на с мясом). В последние годы культурные центры, как правило, направляют приглашения на праздники по сети «Интернет». В праздниках принимают участие карачаево-балкарская диаспора как Турции, так и других стран: Сирии, Голландии, США. Принимают в нем участие также творческие работники Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Всего в празднике участвуют ежегодно от 1,5 до 2 тыс. человек.

В условиях жизни в эмиграции основным хранилищем этнических традиций, культуры и регулятором поведения является семья. Как и иммигранты других национальностей, карачаевцы и балкарцы стремились поддерживать узы родства. Общение в семье являлось одним из главных средств сохранения традиций народа в условиях жизни в инородном обществе. Вместе с тем, актуальной проблемой остается вопрос овладения родным языком у детей, представителей уже следующего поколения, так как они живут в условиях глобализации и поликультурного многообразия. В таком культурном многообразии и взаимодействии важно не утратить этнические ценности, которые передавались из поколения в поколение, важно сформировать у детей позитивное отношение к культурным ценностям своего народа. Именно язык позволяет семьям эмигрантов сохранить связь детей с карачаево-балкарской культурой и с культурой своей страны. Знание своих корней позволяет значительно лучше усваивать культуру и ценности нового для них общества.

Этническая идентичность проявляется в сохранении языка и национально-культурных традиций. Язык — основа этнической культуры. Роль «языка матери» — родного языка огромна для осознания себя членом этнической группы, говорящей на этом языке. Сохранение родного языка зависит от культуры самого иммигранта, а не от государственно-политических и общественно-психологических факторов. С другой стороны, отсутствие языковой среды во внесемейном общении, невозможность достаточно частых встреч с соотечественниками приводят к постепенному снижению уровня использования родного языка. К примеру, представители старшего поколения карачаевцев и балкарцев в основном говорят на турецком, бегло — на карачаево-балкарском языке. Представители молодого поколения

— только на турецком языке и немного — на английском и карачаево-балкарском. В этих условиях хранилищем родного языка должна быть семья.

Следует также учесть, что в связи с переселением во второй половине XX в. основной части карачаево-балкарской диаспоры за рубежом в города ассимиляционные процессы стали усиливаться. В результате роста удельного веса межнациональных браков, увеличения масштабов дисперсного проживания диаспоры увеличивается число молодежи, не владеющей родным языком, происходит трансформация, размывание культуры в целом.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что целенаправленная культурно-просветительская работа карачаево-балкарской диаспоры играет важную роль в сохранении национального культурного облика, образа и качества жизни иммигрантов на чужбине, адаптации их в инокультурной среде. В целях сохранения этнической идентичности, языка и культуры используются возможности глобальной информационной сети Интернет.

Вместе с тем следует признать, что современные глобализационные процессы неуклонно ведут к негативным последствиям, к еще большему культурному отрыву этнических карачаевцев и балкарцев, проживающих за пределами исторической родины, ускорению процесса их ассимиляции.

В целях сохранения и развития культуры, языка и литературы органам государственной власти КБР и КЧР, научным учреждениям и вузам, функционирующим на территории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, Научному центру гуманитарных карачаево-балкароведческих исследований фонда «Эльбрусоид» и общественным объединениям следует осуществить ряд неотложных мер, в том числе:

1. Создание единого портала, способного вместить информацию обо всех карачаево-балкарских электронных ресурсах. Его выход через систему ссылок на карачаево-балкарский интернет в России будет способствовать появлению общего информационного поля и мобильному вовлечению диаспоры в орбиту культурной, общественной, политической жизни карачаевцев и балкарцев. Но движение к виртуальному объединению должно быть обоюдным: многочисленные карачаево-балкарские

ресурсы в России и зарубежье должны постепенно стягиваться по территориальному принципу в порталы, специализированные серверы и интернет-проекты. Только подобное объединение усилий позволит достичь желаемых результатов по сохранению национальной идентичности зарубежных соотечественников и укреплению их духовной связи с родиной.

2. Создание в Интернете специально-го портала по связям с зарубежными соотечественниками с включением раздела «История и культура» народов регионов.

3. Разработка конверторов перевода с кириллической графики карачаево-балкарского языка на латинскую графику и латинской графики карачаево-балкарского языка на кириллицу, создание электронных учебников, словарей, on-line переводчиков на карачаево-балкарский язык.

4. Разработка на основе современных информационных технологий «Видеокурсов по изучению карачаево-балкарского языка».

6. Создание электронной библиотеки по истории, материальной и духовной культуре народов региона с on-line переводом на английский и турецкий языки.

7. Создание фонда поддержки порталов и сайтов, которые являются информационными ресурсами по истории и культуре народов региона.

8. Проведение конкурсов Интернет порталов и сайтов.

Особо следует отметить, что укрепление связей с зарубежной диаспорой — это двуединый процесс, в котором одинаково заинтересованы как представители диаспор, так и их соотечественники, живущие на истонной своей Родине. Чувство Родины, привязанности к родной земле — то общее начало, которое объединяет их. А через такие связи этнических общностей укрепляются и связи между другими народами и государствами.

Источники

Всесоюзная перепись населения 1939. Национальный состав по республикам ССР [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=11 (дата обращения: 05.02.2014).

Всесоюзная перепись населения 1989. Национальный состав по республикам ССР [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 05.02.2014)

Группы facebook: Karachay-Malkar Turkiye [элек-

тронный ресурс] // URL: <http://www.facebook.com.kamatur.org>; Karachay Arts Cultures// www.facebook.com/culduz?fref=tl_fr_box; Къарачай-лыла-Малкъарлыла // www.facebook.com/groups/karachaymalkarlila/files/; Кавказ Къарачай дернеги // www.facebook.com/gokceyayla.kafkas.karacay.dernegi?hc_location=timeline; АКБА // www.facebook.com/AKBAorg; Къарачай адет, намыс// www.facebook.com/groups/karacay2011; Къарачайлар // www.facebook.com/groups/KARACHAYMALKAR/; Ас-алан культур дернеги // www.facebook.com/groups/asalanbashuyuk; Karacay-malkar-dernegi-eskisehir//115639165234051?fref=; Karacay-malkar-dernegi /doglat/ www.facebook.com/groups/doglat/ (дата обращения: 05.02.2014).

Информационный портал [электронный ресурс] // URL: <http://www.karachays.com/board/> (дата обращения: 05.02.2014).

Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Астана, 2010. 295 с.

Национальный состав Российской Федерации по Всероссийской переписи 2010 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/fru_doc-new-site/perepis2010/croc/results.html (дата обращения: 05.02.2014).

Официальный портал Фонда содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрус-ид» [электронный ресурс] // URL: <http://www.elbrusoid.org> (дата обращения: 05.02.2014).

Официальный сайт АКБА [электронный ресурс] // URL: <http://www.akba.org> (дата обращения: 05.02.2014).

Официальный сайт газеты «Заман» [электронный ресурс] // URL: <http://www.zaman.smikbr.ru/downloads.php> (дата обращения: 05.02.2014).

Официальный сайт газеты «Карачай» [электронный ресурс] // URL: <http://www.karachay.smi09.ru/487-karachajj-25-aprelni-5.html>; // www.pravitelstvokbr.ru/k-br/kbr-main.nsf/html/RUKOVODSTVOMINPOSMIKBR (дата обращения: 05.02.2014).

Официальный сайт Главы и Правительства КЧР [электронный ресурс] // URL: <http://www.kchr.ru> (дата обращения: 05.02.2014).

Официальный сайт Главы КБР [электронный ресурс] // URL: <http://www.president-kbr.ru> (дата обращения: 05.02.2014).

Официальный сайт ГТПК «Кабардино-Балкария» [электронный ресурс] // URL: <http://www.vestikbr.ru>; Официальный сайт ГТПК «Карачаево-Черкесия» [электронный ресурс] // URL: <http://www.gtrkkch.ru> (дата обращения: 05.02.2014).

- Официальный сайт* Исмаила Мизиева [электронный ресурс] // URL: [http:// www.misieva.ru](http://www.misieva.ru). (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* Кайсына Кулиева [электронный ресурс] // URL: [http:// www.k-kuliev.ru](http://www.k-kuliev.ru) (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* Кязима Мечиева [электронный ресурс] // URL: [http:// www.k-mechiev.ru](http://www.k-mechiev.ru) (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* Народного Собрания (Парламента) КЧР [электронный ресурс] // URL: <http://www.parlament09.ru> (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* Омара Отарова [электронный ресурс] // URL: [http:// www.omarotarov.ru](http://www.omarotarov.ru) (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* Парламента КБР [электронный ресурс] // URL: [http:// www.parlament-kbr.ru](http://www.parlament-kbr.ru) (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* Правительства КБР [электронный ресурс] // URL: [http:// www.pravitelstvokbr.ru](http://www.pravitelstvokbr.ru) (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* Karachay-Malkar Türkiye [электронный ресурс] // URL: [http:// www.kamatur.org](http://www.kamatur.org) (дата обращения: 05.02.2014).
- Официальный сайт* «Caucasus» [электронный ресурс] // URL: [http:// www.caucasus.8k.com/index-eng.htm](http://www.caucasus.8k.com/index-eng.htm) (дата обращения: 05.02.2014).
- Перепись* населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Кн. II. (ч. 1.) в табл. Население Кыргызстана. Бишкек, 2010. 282 с.
- Программа* транслитерации [электронный ресурс] // URL: <http://www.facebook.com/groups/321318214576924/?fref=ts> (дата обращения: 05.02.2014 г.).
- Программа* переводчик [электронный ресурс] //URL: [http:// www.translate.google.com/#tr/ru/hastane](http://www.translate.google.com/#tr/ru/hastane) (дата обращения: 05.02.2014 г.).
- Сирияда* къарачай малкъар миллет [электронный ресурс] // URL: <http://www.facebook.com/groups/396368827114218> (дата обращения: 05.02.2014).
- AfyonKaracay* [электронный ресурс] // URL: [http:// www.youtube.com/user/AfyonKaracay](http://www.youtube.com/user/AfyonKaracay) (дата обращения: 05.02.2014).
- Karacay Malkar'ıların Duyuru Platformu* [электронный ресурс] // URL: [http:// www.Facebook.com/groups/220857634594935/](http://www.Facebook.com/groups/220857634594935/) (дата обращения 05.02.2014)

Литература

- Карачаевцы*. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы. Черкесск: Пул, 1993. 175 с.
- Кипкеева З. Б.* Карачаево-Балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. 184 с.
- Минги-Тау*. Общественный журнал. 2009. № 1. 43 с.
- Сабанчиев Х.-М. А.* Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик: Эльбрус, 2008. 437 с.

Полевые материалы

1. *Полевые материалы* автора (ПМА). Информатор Уфук Таукул (Тохчуков), профессор Анкарского университета. Записано 24.07.2008 в г. Анкара.
2. *Полевые материалы* автора (ПМА). Информатор Бапинаев Н. Ш., руководитель национального ансамбля «Къуанч». Записано 20.05.2011 в г. Бишкек.

ПРОБЛЕМА ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЧЕЧНИ

The Issue of the Chechen People's Deportation in the Contemporary Historiography of Chechnya

С. С. Цуцулаева (*S. Tsutsulaeva*)¹

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Чеченского государственного университета (Ph.D. of History, Associate Professor of the Ancient and Middle Ages History Department at Chechen State University). E-mail: mail@chesu.ru

Анализ источников, проведенный в статье, показывает, что за последние десятилетия исследователями Чечни проделана большая работа по изучению истории депортации чеченского народа в 1944 г. Процесс формирования источниковедческой базы по данной проблеме набирает ускорение, что позволит исследователям создать комплексные труды о депортации чеченского народа.

Ключевые слова: Историография, историческая литература, исследователи, анализ, депортация, реабилитация, чеченский народ.

During the Great Patriotic War, while the fierce military operations were expanding at the Soviet-German front, the Soviet authorities were carefully preparing the deportation of the Soviet Germans, Karachays, Kalmyks, Chechens, Ingushes, Balkars and Crimean Tatars. On February 23, 1943, the Chechens and Ingushes were deported.

In the Soviet historical science the issue of deportation of the Chechens has not practically been studied for a variety of reasons. First of all, those were ideological ones. That is why the elimination of «the white spots» in Vainakh History Studies is a relevant topic of the contemporary historiography. Not only historians, but also sociologists, political scientists, writers, journalists as well as politicians have been investigating the subject of the Chechen people's deportation lately. It proves once again a special relevance of the issue irrespective of the chronological remoteness of those years.

In particular, for the first time the archival materials on the Chechen people's deportation have been introduced into the scientific use in the works considering various aspects of such a complex problem. It is obvious that the published memoirs are of great value. A noticeable contribution to the research of the deportation issues was also made by a number of the scientific conferences held in the Chechen Republic as well as in Kalmykia, Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria in the last decade of the 21st century.

Thus, in recent years some local researchers have done considerable work on studying the deportation, the life in special settlements and the Chechen people's rehabilitation. Many aspects of this complex problem such as the life in the republic on the eve of the deportation, the deportation process, especially from the mountain areas, the issues of the republic's autonomy restoration, etc. are in the center of attention of the local scholars. The data collection and study base creation process has been expanding. It will allow the researchers to create substantial integrated works on the deportation of the Chechen people in 1944.

Keywords: Historiography, historical literature, researchers, analysis, deportation, rehabilitation, Chechen people.

Всестороннее и глубокое исследование любой исторической проблемы — трудный и длительный процесс. Особенно это характерно для такого сложного и чрезвычайно явления, каковым является депортация целых народов в СССР, сопровождавшаяся страданиями и трагедией миллионов людей. Так, в обстановке ожесточенных военных действий, происходивших на советско-германском фронте, советским руководством

были тщательно подготовлены операции по выселению советских немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар.

Так уж сложилось в нашей истории, что переселения, выселения, депортации и т. д. стали неотъемлемой частью бытия многих поколений чеченцев за последние два столетия. Народ терял в результате этих потрясений до половины численности населения,

но всегда удивительным образом находил в себе силы вновь возродиться, пройдя с достоинством эти, как пишет М. М. Ибрагимов, «круги ада».

Вопросы депортации чеченского народа в советской исторической науке практически не изучались в силу ряда причин, прежде всего идеологических. Ликвидация «белых пятен» в тематике вайнаховедения — актуальная задача новейшей историографии. К теме депортации чеченского народа за последнее время обращаются не только историки, но и общественно-политические деятели социологи, политологи, писатели, журналисты. Это лишний раз доказывает особую актуальность изучаемой проблемы, независимо от хронологически далеких событий депортации.

Надо отметить, что в последние годы высшее руководство страны стало говорить о трагических событиях в истории чеченского народа 1944 г. 12 декабря 2005 г. в работе первого заседания Парламента Чеченской Республики принял участие Президент Российской Федерации В. В. Путин. В своем выступлении глава государства, в частности, отметил: *«В ходе истории чеченский народ очень много страдал, особенно за десятилетия советской власти, несмотря на то, что воины Советской Армии чеченского происхождения, чеченской национальности героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны, защищая общенациональные интересы; их имена навечно вписаны в память нашей страны как имена защитников нашего единого Отечества. Несмотря на все это, в вагонах для скота... жители Чечни были депортированы в Сибирь и казахстанские степи. Мы знаем, какая это огромная трагедия»* [Белов 2005].

В 2003 г. была опубликована совместная работа Мусы Ибрагимова и Мовсара Ибрагимова «Чечня: через круги ада». В книге на основе большого фактического материала исследуется трагическое переселение чеченцев во второй половине XIX в. в Турцию, поголовная депортация народа в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 г., а также причины и последствия двух российско-чеченских войн конца XX в. По мнению авторов, одним из самых тяжелых периодов в жизни народа был период советской власти, когда основная часть чеченцев и ингушей, после длительного противостояния царской России, поверила новой государственной системе, называемой «социалистической».

Но и она не оправдала чаяния чеченского народа на свободное развитие: сталинская «национальная политика» привела народ на грань физического уничтожения. Авторы подчеркивают, что репрессии чеченского народа начались задолго до февраля 1944 г.

Содержательные данные приведены авторами в главе под названием «Раздел добычи». В ней рассказывается о том, как безжалостно уничтожались горные средневековые замки, башни, склепы, мечети. Из 300 башен Аргунского ущелья уцелело менее 50. Однако на фоне всего этого были и примеры, о которых чеченцы вспоминают с благодарностью. Когда в 1944 г. солдаты начали бесчинствовать в бывшей Республиканской библиотеке, стали свозить и сжигать книги и бесценные рукописи на чеченском и ингушском языках, бывший директор библиотеки им. А. П. Чехова, русский интеллигент Иван Сергеевич, рискуя своей жизнью, спас их и в течение 13 лет хранил у себя, веря, что придет время, когда они будут возвращены жителям, вернувшимся на родную землю [Ибрагимов, Ибрагимов 2003: 47–49]. Аналогичных примеров авторы приводят немало.

Возвращение чеченцев и ингушей авторы называют драматическим. Так оно и было. Если возвращение балкарцев на свои родные земли проходило достаточно мирно, и это объяснялось тем, что партийные органы и местное население положительно относились к их возвращению, то стихийное возвращение карачаевцев вызвало конфликты с русскими и грузинскими переселенцами. Что же касается чеченцев и ингушей, то жители Грозненской области, Дагестанской АССР и Северо-Осетинской АССР категорически выступили против их возвращения. Местное население из русских, дагестанцев, занимавших дома и земли депортированных чеченцев и ингушей, враждебно встретило возвращающихся на свою историческую родину. Вот одно из их характерных высказываний, которое приведено в книге: *«В республику едут бандиты, их не надо пускать или придется уезжать отсюда»* [Ибрагимов, Ибрагимов 2003: 58]. Действительно, в республике на тот момент сложилась напряженная обстановка, а потому чеченцам и ингушам приходилось доказывать, что они будут возвращаться и жить на своей исторической родине.

В 2004 г. Архивным управлением Правительства Чеченской Республики была

издана большая книга, в которой представлено большинство материалов Халида Ошаева, посвященных участию чеченцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и два рассказа писателя о выселении чеченцев и ингушей в 1944 г. [Ошаев 2004]. Заключительный раздел сборника — «Под кровавыми сапогами» — содержит рассказы на самую трагическую в истории чеченцев и ингушей тему — тему депортации [Ошаев 2004: 447–462]. Главная идея рассказов «Нарушители его воли» и «Чайра» — это неистребимая любовь героев к Родине, их всепоглощающее стремление жить на родной земле, преданность ей до конца, готовность пожертвовать ради нее всем, даже собственной жизнью. Именно эта идея определяет поведение и поступки главных действующих лиц этих былей. Почему данные рассказы называются былями? Потому что в их основе лежат действительные события, о которых писатель узнал от самих участников. Прототипов рассказа «Нарушители его воли» писатель Халид Ошаев встретил в лагерях на Колыме, где отбывал заключение «за политику» еще в 1930-х гг. Во второй половине 1940-х здесь же оказались и некоторые из чеченцев, уклонившиеся от выселения. Их живые свидетельства легли в основу рассказа. Вот как говорил писатель об этих «нарушителях» в письме от 24 декабря 1975 г. на имя первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС А. В. Власова: *«После выселения чеченцев и ингушей в горы осталось много людей, которые не были согласны с политикой Сталина по поводу выселения целых народов. Эти люди не желали покидать свою историческую родину. Их причисляли к бандитам, стали преследовать и отправлять в лагеря по стандарту. Я был в лагерях на Колыме, ... И видел из них многих. И представляю себе, что это были за бандиты»* [Ошаев 2004: 482]. Халид Ошаев в этих рассказах-былях выдвинул и внес для дальнейшего обсуждения ряд серьезных вопросов на тему депортации.

Справедливости ради надо отметить, что благодаря гражданскому подвигу сына Халида Ошаева — Майрбека, рукопись отца стала достоянием общественности. Сколько сил, энергии и мужества пришлось проявить Майрбеку, чтобы уберечь материалы, собранные его отцом, от уничтожения в ходе двух последних войн в Чеченской

Республике. Это его последний подвиг. Его уже нет с нами.

Издание книги Х. Ошаева состоялось благодаря усилиям руководителя Национального Архива Правительства Чеченской Республики, известного историка и уважаемого в республике человека — Музаева Магомеда Нурдиновича, сына известного писателя и участника Великой Отечественной войны.

Большую ценность представляют опубликованные воспоминания ветерана войны, бывшего министра сельского хозяйства республики Василия Русина [Русин 2008]. Автор подробно описывает период восстановления Чечено-Ингушской АССР, описывая трудности размещения возвращавшихся чеченцев и ингушей. В целом книга В. Ф. Русина вносит существенный вклад в историографию проблемы.

В феврале 2006 г. в Грозном Правительством Чеченской Республики, Министерством Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации совместно с Интеллектуальным центром Чеченской Республики была проведена Республиканская научно-практическая конференция «Депортация чеченского народа: последствия и пути ее реабилитации». В резолюции конференции, в частности, сказано: *«...в феврале 1944 г. Сталиным и его кликой было совершено чудовищное преступление против чеченского народа. Он, как и ряд других народов, по абсурдному обвинению в измене Родине и массовом бандитизме был обманом и силой заключен в товарные вагоны и вывезен в далекие, скованные зимней стужей, безлюдные степи Казахстана и Средней Азии. Была ликвидирована национальная государственность чеченского народа, он был лишен конституционных прав и поставлен вне закона, подвергался массированному третированию, унижению и оскорблению... Совершенное против чеченского народа хищническое преступление привело к неимоверным страданиям детей, женщин, стариков, гибели половины чеченцев. Народ оказался отброшенным на десятки лет назад в своем национальном развитии, в образовании, подготовке специалистов, формировании политической, интеллектуальной элиты...»* [Материалы 2006: 186–187]. Отмечая актуальность обсуждаемой проблемы, участники конференции подчеркнули, что она все еще не получила должного освещения.

В сборник материалов конференции вошли 22 доклада историков, политологов, социологов, юристов, филологов, экономистов, представителей органов власти и общественных объединений Чечни и Ингушетии. В них рассматриваются проблемы депортации, жизнь на спецпоселении и реабилитация. Авторы использовали большой круг источников, некоторые материалы ими впервые вводятся в научный оборот. Так, статья Х. А. Гакаева посвящена причинам выселения чеченского народа — т. е. правде и вымыслу о депортации. Автор приходит к выводу: *«абсурдны были обвинения чеченского народа, как и других народов, в «бандитизме», «массовом дезертирстве» в годы войны, за этим стояла задача Сталина и его команды лишить их родины, политических и национальных прав. Это было сделано и потому, — указывает далее автор, — что в силу своей внутренней природы, психологии они были склонны к безудержной монополии на безграничную власть, на право господствовать навечно во всех сферах жизни советского общества. Поэтому они старались безжалостно убирать со своего пути инакомыслящих политических, военных и государственных деятелей, а также не удобные им народы»* [Материалы 2006: 45].

Интересные данные приводятся в статье М. Р. Овхадова. Главная цель автора — показать основные цифровые данные о последствиях депортации чеченского народа в сфере развития языка и образования. Действительно, депортация привела к катастрофическому сокращению социальной базы родного языка спецпереселенцев; в сфере образования — после 13 лет депортации по общему удельному весу лиц с высшим и средним образованием чеченцы занимали последнее место в СССР с показателем 19,1 человек на 10 тысяч населения при среднем показателе по стране 326,3 человека, т. е. чеченцы отставали от всех в среднем 17 раз [Материалы 2006: 136]. И таких данных автор приводит множество.

Известный этнолог С.-М. Хасиев в своей статье задается вопросом: как повели себя чеченцы в условиях депортации, и почему именно так, а не иначе? Исследовав все аспекты этой проблемы, автор приходит к выводу: чеченцы сумели сохранить свою идентичность, так как

- оказались изолированными от наиболее мощного соблазна — власти, это сделало их едиными;

- никому не приходило в голову, что чеченец и мусульманин не одно и то же;
- единство тут признавалось полное и безоговорочное;
- аналогичное единство, как никогда ранее, прослеживалось и на другом векторе — по линии «нохчо-кьонах-адам», где речь идет о национальности человека с человеческими качествами. Это все, в свою очередь, предопределило, что самодостаточность есть основной признак личности. Самодостаточность проявляется независимостью личности, — указывает автор [Материалы 2006: 100–110].

На основе новых источников начальник Архивного управления Правительства Чеченской Республики М. Н. Музаев впервые определил этапы подготовки выселения чеченцев и ингушей. В исторической литературе принято считать, что начальным этапам подготовки выселения чеченцев и ингушей является первая половина 1943 г. Однако М. Н. Музаев считает, что первая половина февраля 1943 г. является не началом, а вторым этапом подготовки выселения чеченцев и ингушей. Первым этапом автор называет время с осени 1942 г. по 11 февраля 1943 г. [Материалы 2006: 74–75] и в этом трудно не согласиться с автором. Кроме того, целый ряд фактов подтверждает мнение М. Н. Музаева о начальном этапе подготовки депортации чеченцев и ингушей.

В целом материалы конференции подытожили и обобщили результаты работы исследователей за последние десятилетия и в свою очередь дали импульс для дальнейшего изучения проблемы депортации чеченского народа в годы Великой Отечественной войны.

Заметную роль в изучении и расширении данной проблематики сыграла также научная конференция, состоявшаяся 25 января 2007 г. в г. Грозном, и опубликованные материалы конференции. 26 научных докладов посвящены анализу процесса политической реабилитации чеченского народа, начало которому положил XX съезд КПСС 1956 г. [Восстановление 2007: 5–20, 52–71, 177–189]. Особое внимание уделено вопросам государственного строительства, развития экономики, социальной сферы, межнациональных отношений в период восстановления национальной автономии

чеченцев и ингушей [Восстановление 2007: 20–30, 79–87, 152–160]. В сборнике представлены также материалы, рассматривающие пути и проблемы реализации закона «О реабилитации репрессированных народов» как в целом в России, так и в Чеченской Республике [Восстановление 2007: 100–114, 123–134].

В данном сборнике опубликована статья В. Х. Акаева, посвященная этническим конфликтам в местах спецпоселений и в период восстановления национальной государственности чеченцев. По данным автора, насильственных столкновений русских с чеченцами и ингушами в годы депортации и репатриации было 13, а с осетинами и аварцами — 3 [Восстановление 2007: 22]. По мнению В. Х. Акаева, основной причиной столкновений между репатриантами и переселенческим населением из Центральной России и малоземельных регионов Северного Кавказа являлась конфискация государством у депортированных имущества, которым пользовались новые хозяева. Действительно, апогеем межэтнической напряженности в восстановленной ЧИАССР явилось античеченское выступление 27–29 августа 1958 г. в г. Грозном. По справедливому мнению В. Х. Акаева, все эти события так и не получили научного анализа в нашей исторической литературе. Задача ученых заключается в том, чтобы, используя архивные материалы и свидетельства очевидцев, исследовать данную проблему, ликвидируя «белые пятна» в истории. В заключение автор предлагает выводы и рекомендации, с которыми нельзя не согласиться:

1. Депортацию чеченского народа, с точки зрения международных правовых норм, следует квалифицировать как этнический геноцид за мнимую измену и якобы имевшее место «массовое сотрудничество с немцами», так как не было оккупации территории ЧИ АССР.

2. Органам власти и общественности республики добиться исполнения закона «О реабилитации репрессированных народов» применительно к чеченскому народу.

3. Научные исследования проблемы депортации, репатриации и реабилитации рассматривать во взаимосвязи с событиями 1944 г. и трагическими событиями 90-х гг. XX столетия и начала XXI в. в Чеченской Республике.

4. Подготовить общенациональный меморандум, отражающий причины и послед-

ствия трагедии чеченцев в конце XX столетия, с перечислением лиц, непосредственно в этом повинных.

5. Разработать концепцию социокультурного развития чеченского этноса на перспективу [Восстановление 2007: 29–30].

Между тем, столь важные и необходимые мероприятия по реабилитации чеченского народа осуществляются очень медленно.

В 2007 г. выходит работа М. Ибрагимова и И. Хатуева о вкладе Чеченской республики в победу в Великой Отечественной войне [Ибрагимов, Хатуев 2007]. Интересна седьмая глава исследования, которая называется «Депортация чеченцев и ингушей в 1944 г. Тяжелый путь к реабилитации». Авторы использовали большой объем источников, в основном опубликованных. Детальному анализу подвергнуты вопросы, связанные с этапами подготовки депортации чеченцев и ингушей. Вслед за М. Н. Музаевым авторы выделяют два этапа подготовки депортации; приводится обширный цифровой материал; показана жизнь спецпереселенцев со всеми тяготами и трудностями, которые выпали на их долю в степях Казахстана и Средней Азии; обстоятельно изучен период восстановления Чечено-Ингушской АССР после Указа от 9 января 1957 г. «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области» — с приведением указов, постановлений и законов о реабилитации чеченцев и ингушей. Авторы считают, что в этих федеральных и республиканских законодательных актах однозначно и безоговорочно определены и в правовом отношении оформлены два основных вопроса:

1. О том, что обвинение чеченцев, как и других репрессированных народов, в предательстве — это «политика клеветы», «клеветнические нападки» на целые народы.

2. Депортации народов, в том числе чеченцев и ингушей, — это «тяжелейшие преступления» против «основ международного права», против «собственного государства», это — «произвол и беззаконие», «трагедия всей России» [Ибрагимов, Хатуев 2007: 280].

Определенным вкладом в исследование проблемы депортации является работа уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике Н. Нухажиева и публициста Х. Умхаева, посвященная 65-й годовщине депортации чеченского народа. Она

состоит из пяти разделов: крымские татары, чеченцы и ингуши, прибалтийские народы, заключительная часть и приложение. Как отмечают авторы, их исследование является ответом на шовинистические выпады некоего И. Пыхалова, подрывающие основы российской государственности. Авторы считают, что попытки И. Пыхалова и ему подобных авторов, пытающихся оправдать циничные и жестокие действия сталинского режима в отношении ряда народов, являются несостоятельными, и задают вполне резонный вопрос: «Почему молчат соответствующие государственные органы власти России, когда в открытую подвергаются ревизии основополагающие решения государства по реабилитации репрессированных народов, проповедуется национализм и расизм?» [Нухажиев, Умхаев 2009: 136]. События последних лет свидетельствуют, что безнаказанность приводит к дальнейшему обострению межнациональных отношений. Необходима твердая политика государства, если оно хочет сохранить себя, не дав расчленить, а затем и уничтожить.

Высокой оценки заслуживают подготовленные Архивным Управлением Правительства Чеченской Республики книги «Память». Первая увидела свет в 2010 г., вторая — в 2013 г. [Память. 1941–1945 2010, 2013]. Составителями книг «Память» проделана огромная работа по выявлению всех, кто принимал участие в Великой Отечественной войне, поскольку с февраля 1944 г. всех чеченцев и ингушей снимали с фронтов и отправляли на лесозаготовки в Костромскую, Ульяновскую и Владимирскую области. Данный труд — одно из наиболее значительных достижений в изучении и обобщении проблемы депортации, которая, в свою очередь, должна дать импульс для ее дальнейшего изучения.

В Элисте в 2010 г. был опубликован первый том книги «Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Эта работа посвящена шести депортированным народам — советским немцам, карачаевцам, калмыкам, чеченцам, ингушам и балкарцам. Материалы в книге представлены в порядке хронологической последовательности депортации народов. Раздел «Ратные и трудовые подвиги представителей чеченского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» написан И. С. Хатуевым, И. А. Сардаловым, Х. С. Умхаевым,

С. С. Шавхаловым и М. Ю. Гусевым [Вклад 2010: 375–446]. Он состоит из 5 глав. В главе пятой публикуются воспоминания депортированных чеченцев. Авторы книги, несмотря на трудности с источниками, все-таки сумели показать реальную обстановку в республике накануне выселения, привели документы, которыми регламентировалась жизнь чеченцев-спецпереселенцев, описали тяготы и невзгоды депортированного народа до прихода долгожданного дня — 9 января 1957 г. Хотя материалы в книге даны очень сжато, многие важные аспекты этой сложной проблемы все-таки нашли свое отражение в данном исследовании. Книга оснащена богатым библиографическим аппаратом. Авторы делают выводы о том, что чеченский народ, как и другие депортированные народы СССР, лишённые гражданских прав и подвергнутые геноциду, проявил трудовой героизм и внес свой посильный вклад в общую победу над врагом.

Определенным вкладом в исследование истории депортации народов явилось документальное издание коллектива авторов «Депортация чеченского народа: факты, свидетельства, документы», опубликованное в 2012 г. В работе предпринята попытка обобщить и систематизировать разные материалы по проблемам депортации. Сборник содержит многие акты, ранее опубликованные в разных печатных изданиях, а также ряд неопубликованных документов. Книга состоит из 4 глав. В четвертой главе публикуются документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) и Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ). Всего 322 документа, свидетельствующих о трагической судьбе чеченского народа, о страданиях и потерях близких людей, нанесенном материальном и моральном ущербе, о выживании людей вдали от родной земли. Составители сборника — И. Хатуев и И. Сардалов проделали большую работу, собрав воедино свидетельства о депортации чеченского народа [Депортация 2012].

Однако работа, на наш взгляд, могла бы выиграть, если бы в основу сборника был положен тематический принцип подачи материала в сочетании с хронологическим по разделам: документы, анализирующие обстановку на Северном Кавказе накануне депортации чеченского народа; документы, характеризующие сам процесс выселения народа; документы, касаю-

щиеся проблем трудового, хозяйственного, бытового устройства спецпереселенцев-чеченцев; организация спецрежима и надзора за ними; восстановление автономии чеченского народа; процесс реабилитации народа и т. д.

Таким образом, за последние годы исследователями Чечни проделана значительная работа по изучению проблемы депортации, жизни на спецпоселении и реабилитации чеченского народа. Многие аспекты этой сложной проблемы: освещение обстановки в республике накануне выселения, сам процесс выселения, особенно в горных районах, восстановление автономии чеченского народа и т. д. — находятся в центре внимания ученых. Процесс формирования источниковедческой базы данной проблемы набирает ускорение, что позволит исследователям создать капитальные труды о депортации чеченского народа в 1944 г.

Литература

- Белов С. Вчера президент Путин открыл первое заседание парламента Чечни // Российская газета. 2005. 13 декабря.
- Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Том 1. Элиста: НПП «Джангар», 2010. 576 с.
- Восстановление Чечено-Ингушской АССР — решающий фактор реабилитации чеченского народа»: Мат-лы Республик. науч.-практ. конф. 25 января 2007 года / отв. ред. М. М. Ибрагимов. Грозный: ГУП «ИПК «Грознен. рабочий», 2007. 274 с.
- Депортация чеченского народа: факты, свидетельства, документы / сост. И. Хатуев, И. Сардалов. Грозный: ГУП «Кн. изд-во», 2012. 736 с.
- Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсар. Чечня: через круги ада. (Переселения и депортации чеченского народа). М.; Саратов: Аквариус, 2003. 114 с.
- Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик: Издат. Центр «Эль-Фа», 2007. 316 с.
- Нухажиев Н. С., Умхаев Х. С. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 328 с.
- Материалы научно-практической конференции 18 февраля 2006 года, г. Грозный / под общ. ред. А. А. Манкиева. Грозный: ГУП «ИПК «Грознен. рабочий», 2006. 191 с.
- Ошаев Х. Д. Брест — орешек огненный. Грозный: Книга, 1990. 87 с.
- Ошаев Х. Д. Слово о полку Чечено-Ингушском. Сборник документально-художественных произведений / сост. М. Х. Ошаев. Нальчик: Издат. Центр «Эль-Фа», 2004. 493 с.
- Память. 1941–1945: В двух кн. Книга 1. Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа», 2010. 750 с.; Книга 2. Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа», 2013. 702 с.
- Русин В. Ф. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Изд. 2, испр. и доп. Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа», 2008. 672 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ БУДДИЗМА В КАЛМЫКИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

The Research on Buddhism History in Kalmykia at the Present Stage

Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)¹

¹д-р ист. наук, зам. директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D of History, Deputy Director at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru

В статье предпринят обзор основных работ по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе. Отмечается, что исследование буддологических проблем в целом и истории буддизма в Калмыкии, в частности, началось в республике лишь в 1970-е гг., что было обусловлено отсутствием официально зарегистрированных религиозных организаций и объединений в Калмыкии после восстановления ее автономии (1957 г.) до начала перестройки в СССР, а также атеистической политикой, проводившейся в целом в стране. Обширная историография изучения буддизма в Калмыкии, сформировавшаяся к настоящему времени, демонстрирует широту охвата тематики и глубину исследовательских интересов. Она позволяет выявить наиболее крупные из проблем, стоящих перед учеными-калмыковедами: продолжение введения в научный оборот новых исторических источников; изучение раннего периода распространения буддизма среди калмыков и их этнических предков — ойратов; сравнительно-сопоставительный анализ традиций калмыков и ойратов; исследование специфики калмыцкой буддийской культуры с позиций междисциплинарного подхода; выявление путей возможного формирования централизованной общероссийской буддийской организации; а также изучение неизвестных трагических страниц прошлого, в том числе репрессий против буддийского духовенства и церкви.

Ключевые слова: Калмыкия, буддизм, источники и переводы, буддийская община, буддийская культура, буддийское духовенство, буддология.

In the article the attempt is undertaken to review the main works on the history of Buddhism in the present-day Kalmykia. It is noticed that the research of the Buddhist issues as a whole and those in Kalmykia in particular started in the Republic only in 1970s as it was preconditioned by the fact that there were no officially registered religious organizations and associations in Kalmykia after its autonomy was re-established (1957) before the beginning of Perestroika in the USSR as well as by the atheistic policy pursued in the country.

The extensive historiography of Buddhism research in Kalmykia formed by the present time reveals the comprehensiveness of the subject areas and the depth of the issues being investigated. It also allows to highlight the main problems the scholars in the field of the Kalmyk Studies have to face: further introduction of the new historical sources into the scientific research; study of the early period of Buddhism spread among the Kalmyks and their ancestors – the Oirats; comparative analysis of the traditions of the Kalmyks and Oirats; interdisciplinary approach to investigation of the specifics of the Kalmyk Buddhist culture, identification of possibilities for establishing a centralized Buddhist organization as well as research of unknown tragic pages of the past including the repressions against the Buddhist clergy and church.

Keywords: Kalmykia, Buddhism, sources and translations, Buddhist community, Buddhist culture, Buddhist clergy, Buddhist Studies.

В современных отечественных исследованиях по буддизму наблюдается всплеск активности, что во многом обусловлено процессами возрождения данной конфессии и ее институтов на постсоветском пространстве. Кроме целого ряда религиозных организаций во многих городах России [см.: Жуковская 1997; Кузнецова 2008; Островская

2009; Очирова Н. 2010; Сафронова 1998, 2006 и др.¹], наличие трех основных центров

¹ Информацию о буддийских организациях современной России можно почерпнуть также из трехтомного «Атласа современной религиозной жизни России» [2005, 2006, 2009], составленного на основе материалов, собранных в 1997–2004 гг. группой ученых в рамках проекта

развития буддизма в России в регионах его распространения (среди калмыков, бурят и тувинцев), характеризующихся тесными связями с зарубежными буддийскими центрами, способствует развитию буддологии как науки и в старейших отечественных центрах востоковедения, и в научных учреждениях Бурятии, Калмыкии, Тувы. В данной статье предпринят обзор основных работ по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе. В монографических работах приводились сведения об историографии по истории буддизма в Калмыкии [Дорджиева 1995, 2009, 2012; Бакаева 1994; Китинов 2004; История буддизма 2010 и др.], отдельные сведения о состоянии буддологических исследований приводились и в работах общего характера по калмыковедению и монголоведению [Очирова Н. 2002, 2003, 2004а, 2011 и др.]. Между тем в последние годы накоплен значительный материал, появились новые исследования, порой неизвестные широкому кругу читателей.

Исследование буддологических проблем в целом и истории буддизма в Калмыкии, в частности, началось в республике лишь в 1970-е гг., что было обусловлено отсутствием официально зарегистрированных религиозных организаций и объединений в Калмыкии после восстановления ее автономии (1957 г.) до начала перестройки в СССР, а также атеистической политикой, проводившейся в целом в стране. Лишь в 1977 г. в Калмыцком научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ) впервые был издан сборник статей «Ламаизм в Калмыкии», в предисловии к которому сообщалось, что он является «первым в задуманной КНИИЯЛИ серии публикаций по истории ламаизма в Калмыкии» [Ламаизм в Калмыкии 1977: 4].

«Энциклопедия современной религиозной жизни России». Однако данное издание содержит неточности и недостаточно отражает информацию о буддийских организациях России. Так, в материалах по Калмыкии есть ошибки в терминологии (ойроты *вм.* ойраты и т.п.) и в изложении фактического материала (к примеру, утверждается, что предки калмыков — ойраты прикочевали на территорию современной Калмыкии после разгрома Китая Джунгарского ханства [Атлас 2005: 122]); из 16 страниц, посвященных конфессиональной ситуации в Калмыкии, информация о буддизме занимает 9 строк [Атлас 2005: 138], что не соответствует роли данной религии в регионе.

Следствием религиозной политики советского государства по отношению к буддизму и другим верованиям стало забвение связанных с конфессиональной тематикой проблем в течение длительного периода. Разрыв в преемственности исследований по истории буддизма в Калмыкии составил почти полвека: сборнику статей КНИИЯЛИ предшествовала публикация в 1928 г. книги Х. Б. Канукова «Будда-ламаизм и его последствия» [Кануков 1928], которую можно считать продолжением первых работ по религиозной тематике, появившихся в начале XX в. [Бадмаев 1898, 1899; Очиров 1909; Уланов 1902; Ульянов И. 1910; Ульянов Д. 1913 и др.] и опиравшихся на традиции отечественных буддологии и монголоведения как направлений российского востоковедения. Уже в XIX в., кроме общих работ, посвященных культуре и быту калмыков, из которых можно почерпнуть информацию о состоянии буддизма в Калмыкии в дореволюционный период [Нефедьев 1834, Небольсин 1852 и др.], были созданы исследования, заложившие основы изучения буддизма тибетского направления: книга А. М. Позднеева [1887] о буддизме Монголии и его рукописи, посвященные описанию буддийских монастырей Калмыкии [Позднеев 1910, 1911, 1919 и др.], труды православных миссионеров [Львовский 1898; Смирнов 1999; и др.], представителей царской администрации и ученых. Характеристика основных направлений дореволюционной историографии по истории буддизма Калмыкии содержится в работах Г. Ш. Дорджиевой [1995; 2012].

Работа над буддологической проблематикой в КНИИЯЛИ (ныне Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН — КИГИ РАН) в 1970-х гг. была начата в с целью изучить историю буддизма в регионах его распространения в СССР — данная задача была поставлена в трех региональных научных центрах¹. В последующем вышли в свет сборники «Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма» [1980] и «Вопросы истории ламаизма в Калмыкии» [1987], в которых освещались вопросы истории буддизма среди ойратов [Санчиров 1977]

¹ Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ, затем КНИИ ИФЭ, ныне КИГИ РАН), Бурятский институт общественных наук БФ СО АН СССР (ныне ИМБит СО РАН), Тувинский НИИ языка, литературы и истории (ныне ТИГИ).

и калмыков [Авляев 1977; Бурчинова 1977; Дорджиева 1977, 1980; Орехов 1977 и др.], буддийского культа [Бакаева 1987; Митиров 1987] и изобразительного искусства [Батырева 1987], письменных памятников [Чуматов 1980] и др.

Монографические работы о калмыцком буддизме появились только в конце 1980-х – 1990-х гг. В книге Г. Ш. Дорджиевой [1995] обобщен опыт религиозной политики правительства Российской империи по отношению к буддизму и христианству в Калмыкии середины XVII – начала XX вв., в монографии Э. П. Бакаевой [1994] дана характеристика этноспецифической формы буддизма, бытовавшей в этот же хронологический период, в работе С. И. Убушиевой [1986] освещены методы и практика атеистической пропаганды в Калмыкии в годы советской власти. Нравственные аспекты буддизма рассматриваются К. А. Наднеевой [Наднеева 1994]. Следует отметить, что в названиях диссертаций, которые составили основу указанных работ, использовался термин «ламаизм», однако в дальнейшем авторы отказались от его употребления в пользу термина «буддизм». Особенности методологии исследования, использовавшейся отдельными учеными в период до перестройки, продолжали отражаться на содержании первых публикаций о буддизме начала 1990-х гг. Так, в анонсе журнала «Буддизм России» [1995: 36] по поводу книги К. А. Наднеевой [1994] (основу которой составили поданные с новых позиций материалы кандидатской диссертации [Наднеева 1969]) указывалось на недостатки в освещении основ буддийского учения и необходимость проведения консультаций с буддийскими учителями.

В конце 1990-х гг. уже были изданы обобщающие работы по истории буддизма в Бурятии [Ламаизм в Бурятии 1983] и Калмыкии [Дорджиева 1995; Бакаева 1994; Убушиева 1986]. Основные этапы истории буддизма в России были освещены в монографии Е. С. Сафроновой [1998], содержащей анализ работ отечественных и зарубежных буддологов.

Широкой общественности были адресованы книга И. В. Борисенко о храмах Калмыкии [1994] и работа, написанная им в соавторстве с Б.В. Мошулдаевым [1989], о судьбе Хошеутовского хурула — единственного из старых буддийских храмов, сохранившегося до конца XX столетия.

Вкладом в практическое изучение буддизма и его возрождение в эти годы стали перевод и издание сочинений о калмыцком календаре и астрологии, предпринятые Э. У. Омакаевой [1995], а также публикация (в формате брошюры) текстов буддийских молитв и предсказаний [Зальвр 1996; Заклинания¹ 1994; Предсказание² 1995], записанных в 1970-х гг. В. П. Дарбаковой³. В настоящее время эти книги, востребованные в среде буддистов, стали раритетами. Подобные издания в 1990-х гг. осуществлялись и самими верующими. Так, Н. М. Дандыровой были подготовлены к изданию книги «Сутра Белого старца» и «Калмыцкие молитвы» [Цаган аавин судр 1999; Калмыцкие молитвы 1999]. В начале 1990-х гг. появились журналы «Мандала» и «Шамбала», в которых публиковались научные статьи и материалы по буддийскому учению. Востребованность литературы по буддизму, а также «открытие» для верующих республики геше Вангьяла — знаменитого земляка, буддийского монаха, основавшего в США буддийскую общину и школу последователей [Турман 2009; Хопкинс 2009; Cutler J. and D. 2012; Urubshuraw 2012; Поваева 2012 и др.], обусловили в начале 1990-х гг. подготовку и публикацию текстов, переведенных в свое время монахом с тибетского на английский язык для новообращенных буддистов Запада и опубликованных под общим названием «Лестница, украшенная драгоценностями» [Вангьял Геше 1994].

В конце 1990-х гг. событием стало издание в КИГИ РАН перевода на русский язык работы ученого из СУАР КНР Ш. Норбо «Зая-пандита. Материалы к биографии» [Норбо 1999], выполненного В. П. Санчировым, Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой. Книга содержит изданный на старописьменном монгольском языке полный текст ойратского сочинения «Лунный свет», принадлежащего ученику Зая-пандиты Ратнабадре. Ш. Норбо снабдил его обширными историческими комментариями, исправленными и

¹ На обложке: «Тэрнс».

² На обложке: «Ээлдхл».

³ В. П. Дарбакова также опубликовала брошюру под названием «Йор» [2009], в которой во вступительной статье на калмыцком языке дала общие сведения о приметах в культуре калмыков. Основное содержание научно-популярного издания — молитвы, читавшиеся буддистами, калмыками России и ойратами Монголии, и записанные В. П. Дарбаковой во время полевых экспедиций.

дополненными историком В. П. Санчиroyвым.

В целом последнее десятилетие XX в. стало этапом бурного развития буддийских институтов, регистрации религиозных организаций, а также накопления знаний о самом буддизме и его истории, что определило обострение интереса к данной актуальной проблематике. Если в советский период и даже во время перестройки изучение буддизма проводилось, в основном, с позиций атеизма, то уже в 1990-х гг. наблюдались расширение исследовательских интересов и источниковой базы, совершенствование методологических подходов и стремление к разнообразию тематики, в том числе диссертационных исследований. В кандидатской диссертации Б. У. Китинова [1996]¹, в которой автор на основе неизвестных ранее источников из Архива тибетских рукописей и ксилографов (Дхарамсала, Индия) поставил проблему взаимосвязи субэтнических подразделений ойратов с разными тибетскими школами в XIII — середине XVII в., осветив основные этапы распространения и особенности буддизма у ойратов. Истории буддийской церкви 20–40 гг. XX в. посвящена диссертация А. Н. Басхаева (1999)². В диссертационной работе М. С. Уланова [2000]³, посвященной влиянию русской философской мысли на отечественную буддологию, освещаются вопросы взаимовлияний между русской и калмыцкой культурами. В этот период буддийская тематика стала широко обсуждаться на научных конференциях («Буддизм и проблемы образования», 1997 г., «Буддийская культура и мировая цивилизация», 1998 г., «Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия», 2000 г., и др.⁴).

Анализ состояния буддологических исследований в Калмыкии показывает, что основной акцент сделан на историю буддизма среди ойратов и калмыков и изучение буддийских памятников.

¹ Монография Б. У. Китинова, основанная на диссертации, опубликована в 2004 г. [Китинов 2004].

² Монография А. Н. Басхаева, основанная на диссертации, опубликована в 2007 г. [Басхаев 2007].

³ На основе диссертации М. С. Улановым подготовлена монография: см. [Уланов 2003].

⁴ Материалы указанных конференций, а также проводимых и в последующие годы, опубликованы. См., например: [Буддийская культура 2003].

Специальные разделы по истории буддизма в Калмыкии опубликованы в трехтомной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [Дорджиева 2009] и томе «Калмыки» [Бакаева 2010]. В монографии Г. Ш. Дорджиевой [2012] проанализированы пути и результаты вероисповедной политики в Калмыкии и борьба духовенства за сохранение своих позиций и привилегий в ходе реализации «Положений по управлению калмыцким народом» 1834 и 1847 гг. Исследование М. С. Уланова посвящено месту и роли буддизма в социокультурном пространстве России [Уланов 2009].

Обобщающий характер имеет монография, подготовленная коллективом авторов, представляющих Калмыкию, Бурятию, Туву и Республику Алтай [История буддизма 2010]. Она посвящена проблемам развития буддизма в Российской Федерации [Бакаева, Очирова Н. 2010г], особенно в перестроечный и постперестроечный периоды, но книга содержит и краткий очерк по истории буддизма в каждом из регионов его распространения [Бакаева, Абаев и др. 2010а; Бакаева, Очирова Н. 2010в], сведения о буддийских религиозных организациях в России и их численности, анализ правового положения буддийской церкви и отношений с государством [Очирова Н. 2010, 2010а]. Отмечается, что вопрос о численности буддистов в России представляет особую сложность в связи с отсутствием точных данных о религиозной принадлежности бурят, калмыков и тувинцев, составляющих подавляющую часть буддистов страны, а также сведений о точном числе последователей буддизма в других регионах [Очирова Н. 2010: 135]. Согласно приведенным данным, количество верующих буддистов по разным источникам может колебаться, но в среднем составляет около 1 % населения страны [Очирова Н. 2010: 138]. Авторы констатируют: «Централизация всех буддийских организаций России до настоящего времени не состоялась. Одной из актуальных проблем конфессиональной жизни буддистов и буддийских объединений остается координация деятельности буддийских религиозных организаций» [Бакаева, Очирова Н. 2010г: 16]. В целом же, несмотря на имеющееся в историографии мнение о необходимости «преодоления пережитков этнизации» мировой религии, такое развитие конфессиональной ситуации «в условиях существования самих этносов и их культу-

ры не представляется возможным» [Бакаева, Очирова Н. 2010д: 176]. Поэтому необходимо признать не только наличие многообразных форм существования буддийских объединений в России, но и право этих объединений на свободный выбор самой конфессиональной традиции. Коллективная монография «История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.» содержит обширные приложения, включающие глоссарий, сведения о буддийских монастырях и учебных заведениях, список персоналий с краткими биографическими данными, списки буддийских религиозных организаций, документы (законы, уставы религиозных организаций, коммюнике и др.), сведения о религиозных организациях, зарегистрированных Министерством юстиции РФ на 1.07.2008, и т. д.

Основные этапы истории буддизма у калмыков также охарактеризованы в работах Э. П. Бакаевой [Бакаева 1994, 2008, 2009, 2010; Бакаева, Абаев и др. 2010а], Г. Ш. Дорджиевой [2012], А. А. Курапова [2007]. Отдельные публикации посвящены истории взаимосвязей калмыков и других народов, исповадовавших буддизм [Китинов 2004; Кукеев 2009; Омакаева 1994; Уланов 2007 и др.], личности Зая-пандиты и тематике, связанной с его деятельностью [Артыкбаев 2002; Тепкеев 2011 и др.], распространения разных буддийских школ в прошлом и в настоящее время [Сартикова 2011; Кукеев, Шантаев 2009; Шантаев 2008; Марзаева 2007, 2008, 2008б, 2009а].

В историографии до настоящего времени высказываются различные мнения по вопросу о датировке принятия буддизма монгольскими народами. Так, мнение о наличии двух «волн» распространения мировой религии (в XIII и XVII в.) впервые высказано Г. Ш. Дорджиевой [1977]. Б. У. Китинов считает, что первая, предшествовавшая им «волна» могла пройти уже в конце XII в. [Китинов 2004]. И хотя в общественном мнении и появляются утверждения о том, что распространение буддизма на территории Монголии в период существования Тюркских каганатов могло означать и знакомство монгольских народов с данной религией, в научной историографии по буддизму ойратов и калмыков утвердились только две вышеуказанные даты — XIII и XVII вв.

Особый интерес ученых неизменно вызывают события начала XX в., когда в сре-

де верующих Калмыкии наметились более активные связи с буддийскими центрами мира. В эти годы калмыцкие буддисты совершали паломничества, изучали Тибет, Монголию и их культуру, а также постоянно поддерживали взаимосвязи с посланником Далай-ламы XIII в России, хамбо-ламой А. Доржиевым [Дорджиева 2001; Очиров 2008; Очирова Б. 2007, 2009; Очирова Н. 2004; Бакаева, Очирова Б. 2010б; Тибет... 2014; Путешествие ... 2014; и др.]. Исследование этих и других вопросов по истории калмыцкого буддизма начала XX в. активно продолжается.

Новые страницы в изучении истории буддийской религии в Калмыкии открылись после «перестройки» в нашей стране, когда ученые обратили пристальное внимание на проблемы репрессий в СССР и их последствий. Трагические страницы истории репрессий в Калмыкии подробно освещены в монографии К. Н. Максимова [2004], в которой анализируется и политика советского государства в отношении духовенства. Ученым охарактеризованы основные исторические источники по изучению репрессивной политики советского государства против буддийского духовенства в 1920 – начале 1930-х гг. [Максимов 2011], особенности антирелигиозной политики советской власти в Калмыкии [Максимов 2013]. Под его руководством защищена диссертация Д. А. Дорджиевой, посвятившей исследование драматической судьбе калмыцкого духовенства и буддийской церкви в 1917–1940-е гг. [Дорджиева Д. 2007]. Отдельные страницы истории калмыцкого буддизма в 1940-е гг. раскрываются и в фундаментальной монографии К. Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» [2007]. В целом религиозная политика советского государства и репрессии против буддийской церкви также освещаются в книге Г. Ш. Дорджиевой, основанной на материалах архива ФСБ [Дорджиева 2014], в статьях А. И. Андреева [1992], Э. П. Бакаевой [1997, 2011, 2013 и др.], Г. Ш. Дорджиевой [2009а], К. В. Орловой [1997], Е. Н. Бадмаевой [2000, 2009, 2009а, 2009б, 2011, 2012] и др.

В ряде современных работ рассматриваются система монастырей Калмыкии [Авляев 1977; Дорджиева 1980, 2009, 2012; Бакаева 2013 и др.], особенности государственно-конфессиональных отношений [Очирова Н. 2010а; Марзаева 2008а], причин отсутствия

значительных успехов православной миссии среди буддистов в прошлом [Орлова 2006] и современной религиозной ситуации [Очирова Н. 2010, 2011а; Марзаева 2005, 2008в, 2009, 2010; Бичеев 2001; Кукеев 2011], а также роль буддизма в развитии культуры калмыков [Марзаева 2011]. Религиозный фактор в аспекте анализа угроз и рисков в неоднозначной религиозной ситуации на Юге России освещался в работе М. Б. Марзаевой [2010а].

Важной задачей исследования буддизма в Калмыкии является определение его роли в формировании и сохранении этнического сознания. На материале социологических опросов, проведенных в Калмыкии, Л. В. Намруева [2009 и др.] пытается показать значимость конфессионального фактора в идентификационных процессах и приходит к выводу, что сложившаяся конфигурация социальных идентификаций отличается большим своеобразием, актуализируется проблема «модернизации» в современном буддизме, что должно послужить повышению его роли в этнической идентичности, сохранении калмыцкого языка и т.п.

Взаимовлияние культур и конфессий — тема, актуальность которой не снижается и в настоящее время. Географический и этнополитический факторы существенно влияют на религиозную ситуацию в Калмыкии, которая подверглась изучению в работах М. Б. Марзаевой [2005, 2008в], Э. У. Омакаевой [2005] и др. При этом большое значение имеет роль буддийской религии и ее компонентов в аспекте развития этнической культуры, которая значительно возросла в жизни общества. Исследователи утверждают, что буддизм приобретает особое значение — символа национальной идентичности и культуры, способствует росту национального и духовного самосознания.

В последние два десятилетия в Калмыкии наблюдается всплеск религиозной жизни, выражающийся как в организации религиозных обществ, так и в их деятельности, в том числе и возведении буддийских культовых объектов (субурганов, храмов и др.). Сакральным объектам прошлого [Бакаева 2004, 2012а; Митиров 2008] и настоящего [Кукеев, Шантаев 2009; Марзаева 2013; Санджиев 2009 и др.] посвящен ряд публикаций калмыковедов, акцентирующих внимание на следующих фактах: в начале XX в. в Калмыкии действовало более

ста храмов и молитвенных домов, ныне же происходит активное возрождение данной традиции. Несмотря на то, что в целом многие компоненты этнической культуры утрачены, в целом сохраняется взаимосвязь между этническими группами калмыков и определенными буддийскими хурулами [Шараева, Батырева 2008; Бакаева 2013 и др.], сохраняется самосознание этнической группы шабинеров¹, имеющей социальное происхождение [Очиров 2007 и др.]. Возродились многие обычаи и традиции, интерес к которым не исчезал и в научных исследованиях [Меняев, Санджиев 2010; Шантаев 2007 и др.]. Особо активно дискутируемыми оказались традиции, связанные с добуддийским пластом в верованиях калмыков [см. Бакаева 2003 и др.], которые и определяют национальную специфику бытовых формы буддизма калмыков [Бакаева 2001, Омакаева 2002]. Неоднозначно трактуются традиционные обряды калмыков: одни исследователи признают их взаимосвязь с социальной и духовной составляющими древнего периода протокалмыцкой истории [Бакаева 2003; Викторин 1989, 2003], другие акцентируют только их связь с «черной верой» [Бичеев 1999; и др.].

Роль личности в истории всегда привлекала исследователей, и отдельным буддийским священнослужителям-калмыкам посвящена научная литература [Алексеева 1988; Курапов 2007; Буддийская традиция 2008; Дорджиева 2012; Бембеев 2013; Орлова 2013; Омакаева 2013 и др.]. Институт главы буддийской церкви изучен недостаточно: процедура выборов Ламы калмыцкого народа освещалась в работе Э. П. Бакаевой [2001а], список их опубликован в работах Г. Ш. Дорджиевой [1995; 2012]. Ламам донских калмыков посвящена публикация А. Борманджинова [1997]. А. Гордеев [1995] издал небольшую брошюру о буддийской сангхе, в которой попытался изложить некоторые факты об истории буддизма в Калмыкии. Состоялся ряд научных конференций, посвященных памяти калмыцких буддийских священнослужителей — О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) [Буддийская традиция 2008], геше Вангъяла [Буддизм в России 2012], Бааза-багши Менкеджиева [Бааза-багши 2013], Д. У. Ульянова [Тибет 2014].

Вопросы управления буддийскими организациями в Калмыкии и стране в целом

¹ Шабинеры — подвластные буддийских монастырей или известных священнослужителей.

имеют большое значение для ее социально-политической жизни. Однако все еще не решенной остается проблема централизации управления религиозными организациями буддистов России [Бакаева 2012], поскольку существует множество религиозных организаций, представляющих как традиционные для российских буддистов направления тибетского буддизма, так и относительно «новые» направления, связанные с традициями других буддийских стран. «Традиционные» же буддисты имеют собственные организации и, хотя официально хамбо-лама Д. Аюшеев считается главой буддистов России, не во всех регионах страны это признается верующими.

Следует отметить также искусствоведческое направление исследований, представленное работами С. Г. Батыревой [1987, 2002, 2009, 2009а и др.], Г. В. Нуровой [2010, 2011, 2012, 2013 и др.].

В целом для исследований по истории буддизма Калмыкии последних лет характерны расширение тематики, постановка актуальных проблем, внимание к богатому фактическому материалу.

Буддийская литература калмыков, изучение которой в России началось еще в XIX в., явилась предметом глубокого исследования калмыцких ученых после восстановления национальной автономии в 1957 г. Событием в 1960-х гг. стало издание «Биографии Зая-пандиты» и других калмыцких историко-литературных памятников в переводе на русский язык [Калмыцкие... 1969], подготовленное А. В. Бадмаевым, впоследствии исследовавшим сочинения «Ключ разума», «Улигерийн далай», «Субхашида» и др. Изучение буддийских письменных памятников продолжалось в 1970–80-х гг., когда были изданы записки паломника Пурдаш Джунгуева [Хождение 1988, 1995], переводы с ойратского языка медицинских сочинений [Трактаты 1987] и др. В начале 1990-х гг. были подготовлены диссертационные исследования в данной области — К. В. Орловой «Ойратская версия “Комментария к “Книге примеров, собранию драгоценностей”»» [1991] и Д. Н. Музраевой «Тибетское повествовательно-дидактическое сочинение “Повесть о Лунной кукушке” и его распространение в Центральной Азии» [1994].

Одним из направлений исследования буддийских текстов стала каталогизация собраний рукописей и ксилографов, находящихся в собраниях г. Элисты. К. В. Орловой

опубликованы каталоги ойратских памятников из различных фондохранилищ Республики Калмыкия [Орлова 2002], Д. Н. Музраевой подготовлен каталог тибетской части коллекции Научного архива КИГИ РАН, составлен и опубликован каталог тибетских и ойратских письменных памятников из общественных и частных коллекций [Музраева 2012], в котором дана общая характеристика коллекций и обзор сочинений, пользовавшихся наибольшей популярностью среди калмыков. Коллекции письменных памятников буддийских хурулов в г. Лагань, пос. Комсомольский, хурула «Геден Шеддуб Чойкорлинг» и одна частная коллекция описаны А. Г. Кукеевым [2007; 2008а; 2011а], им же совместно Б. В. Меняевым составлен каталог фонда Бага-Чоносовского хурула [Кукеев, Меняев 2008]. Фонд О. М. Дорджиева (Тугмед-гавджи) из Научного архива КИГИ РАН, а также коллекция Н. Д. Кичикова из общественного музея пос. Кетченеры исследованы Д. Н. Музраевой [Музраева 2006, 2009], которая в своих публикациях анализирует и основные проблемы каталогизации фондохранилищ [Музраева 2008а]. Сведения о некоторых памятниках, хранящихся в качестве родовых святынь в калмыцких семьях, даны в статье Б. В. Меняева [2007]. Ученые также предпринимают усилия по введению в научный оборот буддийских памятников на ойратском «ясном письме» из синьцзянских и монгольских коллекций [Бичеев 2011; Орлова 2014 и др.], что необходимо для сравнительного изучения традиций ойратов и калмыков.

В ряде работ рассматриваются буддийские тексты различного характера. Так, работы Б. А. Бичеева посвящены исследованию текстов буддийского «символа веры» — «Иткл» [2004, 2010б], ойратских переводов «Сутры сердца Праджняпарамиты» [2010а], поучений Джебцзун Дамба хутухты [2010], а также письменным памятникам, представляющим произведения народного буддизма [2006а, 2013 и др.]. Обращаясь к символической системе произведений «народного буддизма», ученый исследует религиозные основы этнического сознания с опорой на мифологические начала, изложенные в буддийских текстах [Бичеев 2006, 2006а и др.]. В калмыцком буддизме важная роль принадлежит образу божества Цаһан аав, называемого в литературе Белым старцем. Тексты, посвященные этому божеству, имевшие широкое хождение в Калмы-

кии, анализируются в работах Б. А. Бичеева [1999], А. Г. Кукеева [2006, 2013], синкретический образ божества и его иконография исследуются Э. П. Бакаевой [2003 и др.], С. Г. Батыревой [2002 и др.].

Исследования, посвященные письменному буддийскому наследию калмыков, имеют разносторонний характер. А. В. Бадмаев, с 1960-х гг. посвятивший научную деятельность изучению калмыцкой старописьменной традиции [1968, 1968а, 1971 и др.], опубликовал калмыцкие историко-литературные памятники [Сарин герл 1991; Лунный свет 2003], издал ряд произведений [2014 и др.]. Ученым создано комплексное исследование калмыцкой буддийской письменной традиции, легшее в основу его труда «Калмыцкая дореволюционная литература» [1984], вошедшего впоследствии в «Историю калмыцкой литературы».

Весомый труд Д. Н. Музраевой — публикация монгольской версии буддийского сочинения «Повесть о Лунной кукушке» в транслитерации, переводе с комментариями и приложениями, а также факсимиле ксилографа [Повесть о Лунной 2004]. Ряд ее работ посвящен особенностям перевода тибетского сочинения «Сутра о мудрости и глупости», выполненного Тугмюдом-гавджи [2008, 2012а] и других памятников из коллекции известного буддийского учителя. Обращаясь и к другим текстам, выявленным в частных коллекциях Калмыкии, исследователь анализирует малоизвестные рукописи на ойратской письменности — «Изречения Будды Милы» [Музраева 2009а], сутру, именуемую «Способная усмирить и подавить землю и воду», из коллекции Н. Д. Кичикова [2009а] и др. Д. Н. Музраева изучает буддийские памятники как с литературоведческих позиций, так и в аспекте переводоведения [2006а, 2008, 2012а, 2013]. Владение несколькими языками — необходимое условие для исследователей буддийской письменной традиции, и в работах Д. Н. Музраевой к анализу привлекаются буддийские тексты на тибетском, монгольском и ойратском языках. Проблемы перевода буддийской лексики и адекватной передачи буддийских понятий осмысливаются и в работах А. Г. Кукеева¹ [2008, 2010], ко-

торым анализируются обрядовые тексты на тибетском языке и ойратской письменности [2006, 2010, 2013], медицинские сочинения [2005], а также памятники, содержащие сведения по символике и иконографии изображений [2006а, 2007а]. Буддийские сочинения на тибетском языке и ойратской письменности исследует и Ч. А. Санджиев², в статьях которого анализируются произведения класса «лам-рим» (на примере шастры «Драгоценное украшение освобождения» и др.) [2009], буддийские притчи [2010], ставятся вопросы, связанные с понятиями «народный буддизм», «синкретизм» [Кукеев, Санджиев 2011], и др. Буддийское сочинение «Сказание нектарного учения» [Меняев 2008, 2008б, 2011] и другие буддийские памятники на ойратском «ясном письме» анализируются в ряде статей Б. В. Меняева [2005, 2010].

Благодаря публикациям Э. У. Омакаевой [1994а] и Б. В. Меняева [2008] широкой общественности стали доступны тексты о бодхисаттве Авалокитешваре. Тексты гимнических восхвалений этому божеству, которые имели хождение в устной и письменной формах³, размещены на буддийских сайтах, активно используются верующими.

Обширная историография изучения буддизма в Калмыкии, сформировавшаяся к настоящему времени, демонстрирует широту охвата тематики и глубину исследовательских интересов. Она позволяет выявить наиболее крупные из проблем и определяет задачи, стоящие перед учеными: поиски и введение в научный оборот новых исторических источников; изучение раннего периода распространения буддизма среди калмыков и их этнических предков — ойратов; сравнительно-сопоставительный ана-

² Ч. А. Санджиев также является выпускником Калмыцкого государственного университета, получившим религиозное образование в одном из тибетских монастырей Индии.

³ Текст гимна Арьябале (Авалокитешваре), опубликованный Б. В. Меняевым [2008а], хранится в Научном архиве КИГИ РАН (ф. Д-15, оп. 1., ед. хр. 447). Устная версия восстановлена по записи, сделанной жительницей пос. Сарпа Саранговой Б. Г. со слов Дари-ээджи (Цаган-Халги Манджиевны Эрдниевой, 1875–1967 гг.). В статье Э. У. Омакаевой [1994а] приведен текст восхваления «Арьябала» в современной калмыцкой графике и в переводе, но не приведены сведения об оригинале — ойратской рукописи.

¹ Разносторонние интересы А. Г. Кукеева определены, на наш взгляд, тем, что, помимо высшего образования в университете, он получил и образование в одном из тибетских монастырей Индии.

лиз традиций калмыков и ойратов; исследование специфики калмыцкой буддийской культуры с позиций междисциплинарного подхода; выявление путей возможного формирования централизованной общероссийской буддийской организации; изучение неизвестных трагических страниц прошлого, в том числе репрессий против духовенства и церкви.

Исследования, посвященные буддологической тематике, проводятся в ряде научных центров Калмыкии, прежде всего в КИГИ РАН и КГУ. Их плодотворное развитие — актуальная задача будущего.

Литература

- Авляев Г. О. Калмыцкие хурулы в XIX веке // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 56–69.
- Алексеева П. Э. Калмыцкие путешественники конца XIX – начала XX вв. // Теегин герл. 1988. № 2. С. 94–96.
- Андреев А. И. О закрытии высшей буддийской конфессиональной школы Цаннид Чойра в Калмыкии. Письмо А. Доржиева председателю ЦИК СССР М. И. Калинину // Orient. Альманах. Вып. I. «Буддизм и Россия». СПб.: [б.и.], 1992. С. 152–158.
- Атлас современной религиозной жизни России. Т. I–III. Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005, 2006, 2009. Т. I. 621 с. Т. II. 687 с. Т. III. 864 с.
- Артыкбаев Ж. О. По маршрутам Зая-пандиты. Топонимические этюды // Монголоведение. № 1. Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 135–144.
- Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. 160 с.
- Бадмаев А. В. Зая-Пандита: (списки калмыцкой рукописи «биография Зая-Пандиты») Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968а. 75 с.
- Бадмаев А. В. Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 168 с.
- Бадмаев А. В. Ойратская рукопись по фармакопее // Мир «ясного письма» Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 88–98.
- Бадмаев А. В. Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 100 с.
- Бадмаев А. В. Роль Зая-Пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 28 с.
- Бадмаев Н. Домашне-религиозный быт приволжских калмыков // Астраханский вестник. 1898. № 3006. С. 2–3.
- Бадмаев Н. Из калмыцкой жизни (калмыцкие праздники) // Астраханские епархиальные ведомости. 1899. № 8. С. 401–402.
- Бадмаева Е. Н. Государственная политика и религиозная ситуация в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. С. 25–30.
- Бадмаева Е. Н. Историко-документальные материалы о репрессированных буддийских священнослужителях Калмыкии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. М.: РГГУ, 2011. С. 285–292.
- Бадмаева Е. Н. Религиозная политика Советского государства в период нэпа: на примере Калмыцкой автономной области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. Вып. № 9. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (56). С. 107–113.
- Бадмаева Е. Н. Религиозная ситуация в Калмыкии в 20-е гг. XX в. // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009а. С. 332–335.
- Бадмаева Е. Н. Религиозный фактор в трансформационном пространстве российского общества: опыт исторического прошлого // Северный Кавказ в современной геополитике России. Мат-лы рег. науч. конф. «Россия и Дагестан в новом геополитическом измерении» 25 сентября 2008 г. Махачкала: ИПФ «Наука-Дагестан», 2009б. С. 159–163.
- Бадмаева Е. Н. Церковная политика советского государства в Калмыкии в 1921–1922 гг. // Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2000. С. 203–205.
- Бакаева Э. П. Буддизм // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 406–429.
- Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии в 1957–1988 гг. // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. М.: РГГУ, 2011. С. 118–136.
- Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории // Буддизм России. 2009. № 42. С. 9–17.
- Бакаева Э. П. Буддизм в современной Калмыкии и проблемы изучения шаманизма // Проблемы современного калмыковедения. Элиста: КГУ, 2001. С. 174–180.

- Бакаева Э. П. Глава калмыцкой церкви (шаджин-лама): процедура избрания // Российское монголоведение. Бюллетень V. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001а. С. 312–324.
- Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: НПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Бакаева Э. П. Из истории Большого монастыря (хурула) Его Святейшества Далай-ламы «Раши Лхунбо» / Буддизм России. 2004. № 38. С. 85–90.
- Бакаева Э. П. Из истории процесса над буддийским духовенством Калмыкии: «дело Тепкина и других» // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.) Докл. рос. делегации. М.: ИВ РАН, 1997. С. 3–5.
- Бакаева Э. П. Календарные праздники калмыков: проблемы соотношения древних верований и ламаизма (XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 71–87.
- Бакаева Э. П. Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монгоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 161–200.
- Бакаева Э. П. Об этнических группах калмыков и буддийских хурулах Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 2. С. 91–112.
- Бакаева Э. П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чеея в Калмыкии // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 4. С. 7–14.
- Бакаева Э. П. Сакральные места Калмыкии // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Элиста: НПП «Джангар», 2012а. С. 31–42.
- Бакаева Э. П. Центральное духовное управление буддистов: представления и реальность // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 34–44.
- Бакаева Э. П., Абаев Н. В., Бичелдей У. П., Ванчикова Ц. П., Лепехов С. Ю. Краткий очерк истории буддизма на территории России (до 1985 г.) // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под общ. ред. Н. Г. Очировой (Н. В. Абаев, Э. П. Бакаева, У. П. Бичелдей, Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов, Т. М. Садалова). М.: Фонд современной истории, 2010а. С. 17–67.
- Бакаева Э. П., Очирова Б. В. Открытие высших конфессиональных школ цанит-Чеея в Калмыкии: исторический контекст // Становление и развитие высшего профессионального образования в национальных республиках Юга России. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2010б. С. 39–43.
- Бакаева Э. П., Очирова Н. Г. Буддизм в Калмыкии // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под. общ. ред. Н. Г. Очировой. М.: Фонд современной истории, 2010в. С. 69–103.
- Бакаева Э. П., Очирова Н. Г. Введение // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под. общ. ред. Н. Г. Очировой. М.: Фонд современной истории, 2010г. С. 7–17.
- Бакаева Э. П., Очирова Н. Г. Заключение // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под. общ. ред. Н. Г. Очировой. М.: Фонд современной истории, 2010д. С. 173–177.
- Басхаев А. Н. Буддийская церковь в Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 240 с.
- Батырева С. Г. Архитектурно-художественные традиции хурулов «Сякюсн-сюме» и «Бурхн Багшин Алтн Сюме». Этнические особенности искусства буддизма Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 58–66.
- Батырева С. Г. Буддийские тенденции в изобразительном искусстве Калмыкии // Буддизм России. 2009а. № 42. С. 33–36.
- Батырева С. Г. К вопросу региональной специфики иконографии Белого старца: монголо-ойратские и бурятские параллели в живописи буддизма. Образ Белого старца в культуре калмыков // VIII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г. Доклады рос. делегации. М., 2002. С. 171–177.
- Батырева С. Г. Калмыцкая национальная школа культовой скульптуры и живописи // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 40–57.
- Бембеев Е. В. Бааза-багши: биография и духовная деятельность // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 9–12.
- Бичеев Б. А. Буддизм в Каспийском регионе // Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия. Астрахань: Изд. дом «Астрахан. ун-т», 2001. С. 101–102.
- Бичеев Б. А. Буддийский текст как сакральное пространство (на примере сургала Джибзун Дамба хутукты) // Мир буддийской

- культуры: наследие и современность. Чита: Экспресс-изд-во, 2010. С. 27–31.
- Бичеев Б. А. Два списка ойратского перевода «Сутры сердца Праджняпарамиты» // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2010а. С. 72–80.
- Бичеев Б. А. «Иткл» — обет прибежища в буддизме: традиционалистский ресурс психотехники в этническом сознании калмыков. Элиста: КалмГУ, 2004. 80 с.
- Бичеев Б. А. «Иткл» – символ буддизма Махаяны // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2010б. С. 49–55.
- Бичеев Б. А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2006. 42 с.
- Бичеев Б. А. Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай хатун»). Элиста: КИГИ РАН, 2013. 248 с.
- Бичеев Б. А. «Сказание о Багамай хатун» (символическая система произведения народного буддизма) // IX Междунар. конгресс монголоведов, г. Улан-Батор, 8–12 авг. 2006 г.: докл. российской делегации. М., 2006а. С. 233–238.
- Бичеев Б. А. «Сутра Белого Старца» (к проблеме адаптации культового персонажа «Черной веры») // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. Горно-Алтайск, 1999. С. 268–274.
- Бичеев Б. А. Фонд ойратских рукописей комитета по делам национальностей СУАР КНР // Память мира: историко-документальное наследие буддизма М.: РГГУ, 2011. С. 240–244.
- Борисенко И. В. Храмы Калмыкии Элиста: НПП «Джангар», 1994. 120 с.
- Борисенко И. В., Мошуддаев Б. В. Хошеутовский хурул. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 28 с.
- Борманджинов А. Ламы калмыцкого народа: Ламы донских калмыков. Элиста: КИОН РАН, 1997. 59 с.
- Буддийская культура и мировая цивилизация. Мат-лы III Рос. науч. конф. 22–26 сент. 2003 г. Элиста: КалмГУ, 2003. 214 с.
- Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 190 с.
- Буддизм России. 1995. №23. 38 с.
- Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 136 с.
- Бурчинова Л. С. Ламаистская церковь Калмыкии в системе российской государственности: разработка правового статуса калмыцкого духовенства в первой половине XIX в. // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 26–33.
- Вангъял Геие. Лестница, украшенная драгоценностями / пер. с англ. Н. Овшиевой. Элиста: Либон, 1993. 192 с.
- Викторин В. М. Ритуал «гал тьялган» у калмыков в сравнительно-историческом и этногенетическом аспектах изучения // Обычаи и обряды монгольских народов. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 36–54.
- Викторин В. М. Ритуальный жертвенный праздник священного места – земли и воды («газр-усн оваа тьялгн») у «мочажных» калмыков-торгутов: по наблюдениям и записям в с. Восточное (Кисин) Икрянинского района Астраханской области 22 июня 1986 г. // Традиции живая нить. Материалы по этнографии Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. консерватории, 2003. Вып. 8. С. 59–68.
- Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. 132 с.
- Гордеев А. Буддийская сангха Калмыкии. Элиста: б/и, 1995. 70 с.
- Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 128 с.
- Дорджиева Г. Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.
- Дорджиева Г. Ш. Буддизм у калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 3. С. 218–259.
- Дорджиева Г. Ш. Буддийская церковь Калмыкии в конце XIX – первой половине XX в. М., 2001. 181 с.
- Дорджиева Г. Ш. Ламаистская церковь в Калмыкии как феодальный собственник и эксплуататор // Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста: КНИИЯЛИ, 1980. С. 8–22.
- Дорджиева Г. Ш. Религиозная политика Советской власти в Калмыкии в конце 20-х – 30-х гг. XX века // Буддизм России. 2009а. № 42. С. 18–24.
- Дорджиева Г. Ш. Репрессированное буддийское духовенство в Калмыкии. Элиста: изд-во КалмГУ, 2014. 191 с.
- Дорджиева Г. Ш. Социальная роль ламаизма и основные вехи его распространения среди ойратов и калмыков // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 5–13.

- Дорджиева Д. А.* Репрессии против духовенства в Калмыкии (1917–1940-е гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007. 22 с.
- Жуковская Н. Л.* Буддийские организации Москвы // Москва: народы и религии. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 118–133.
- Заклинания.* На калм. яз. / сост., подготовка текста В. П. Дарбаковой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 98 с.
- Зальер.* Автор-составитель В. П. Дарбакова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 144 с.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.* / под общ. ред. Н. Г. Очировой (Н. В. Абаев, Э. П. Бакаева, У. П. Бичелдей, Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов, Т. М. Садалова). М.: Фонд современ. истории, 2010. 392 с.
- Йор.* Автор-составитель В. П. Дарбакова. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 160 с.
- Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 204 с.
- Калмыцкие молитвы* / сост. Дандырова Н.М. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 160 с.
- Кануков Х. Б.* Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Калмиздат «Красный калмык», 1928. 94 с.
- Китинов Б. У.* Основные этапы распространения и особенности буддизма у ойратов (XIII – сер. XVII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 23 с.
- Китинов Б. У.* Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII – XVII вв.). Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. 190 с.
- Кузнецова А. И.* Буддийские организации Москвы // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н.Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 256–292.
- Кукеев А. Г.* Калмыцко-тибетские культурно-религиозные отношения на современном этапе // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., г. Элиста, 13–18 сент. 2009 г.: в 2 ч. Ч. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2009. С. 580–582.
- Кукеев А. Г.* К вопросу о современном состоянии буддизма в Калмыкии // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1 (65). Ч. 2. С. 123–126.
- Кукеев А. Г.* Коллекция буддийских письменных памятников хурула «Геден Шеддуб Чойкорлинг» // Взаимодействие культур народов Прикаспия. Элиста: Изд-во КГУ, 2011а. С. 114–118.
- Кукеев А. Г.* Коллекция предметов религиозного культа из хурулов г. Лагань и п. Комсомольский // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф., г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.: в 3 ч. Ч. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2008а. С. 48–50.
- Кукеев А. Г.* Неизвестный текст об обряде поклонения Белому старцу // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 72–75.
- Кукеев А. Г.* О коллекции книг Лобсанг Шерапа (В. Н. Мияева). 1970–2003 гг. // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Вып. IV. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2007. С. 96–100.
- Кукеев А. Г.* О медицинских сочинениях из разряда «Лхан-таб», хранящихся в Рукописном фонде КИГИ РАН // Трофим Алексеевич Бертагаев (к 100-летию со дня рождения). Элиста: НПП «Джангар», 2005. С. 337–340.
- Кукеев А. Г.* О проблеме перевода буддийских терминов с тибетского на русский язык // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 137–140.
- Кукеев А. Г.* О синкретическом образе Цаган Аав // Философия и проблемы гуманитарного образования в условиях обновления общества. Элиста: Изд-во КГУ, 2006. С. 114–121.
- Кукеев А. Г.* Символическое значение образов буддийской танки «шинэ» // Источниковедение и историография стран Азии и Африки: мат-лы XXIV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 10–12 апр. 2007 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007а. С. 95–97.
- Кукеев А. Г.* Символическое значение образов танки с изображением сипахо // Научная мысль Кавказа. 2006а. № 3 (спецвыпуск). С. 160–162.
- Кукеев А. Г.* Текст воскурения и жертвоприношения «Erketu dedu mongko tenggeriyyin sang orosubui» // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 61–64.
- Кукеев А. Г., Меняев Б. В.* Коллекция письменных памятников из Бага-Чоносковского хурула // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 42–46.
- Кукеев А. Г., Санджиев Ч. А.* Религиозный синкретизм в современном буддизме (к постановке вопроса) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1(65). Ч. 2. С. 117–120.
- Кукеев А. Г., Шантаев Б. А.* О ступах школы Кагью, построенных в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 39–41.

- Курапов А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве: XVII–XVIII вв. Астрахань; Элиста: НПП «Джангар», 2007. 248 с.
- Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX вв. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.
- Ламаизм в Калмыкии / ред. В. П. Дарбакова, А. И. Наберухин, Н. Л. Жуковская. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. 112 с.
- Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. 157 с.
- Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Львовский Н. (Мефодий). Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы: Происхождение и история. 2-е изд. Ставрополь, 1898. 172 с.
- Максимов К. Н. Антирелигиозная политика советской власти в Калмыкии (1918–1928 гг.) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Мат.-лы VIII Междунар. науч. конф. Ч. II. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 167–178.
- Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки / КИГИ РАН. М.: Наука, 2007. 374 с.
- Максимов К. Н. Исторические источники по изучению репрессивной политики советского государства против буддийского духовенства в 1920 – начале 1930 гг. // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. М.: РГГУ, 2011. С. 275–284.
- Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Марзаева М. Б. Буддийская община Карма Кагью // Проблемы развития региона в условиях трансформации общества. Элиста: КТИ ПГТУ, 2007. С. 170–175.
- Марзаева М. Б. Буддийская традиция Сакья в современной Калмыкии // Мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, г. Грозный, 16 нояб. 2007 г. Нальчик, 2008. С. 241–244.
- Марзаева М. Б. Буддийские культовые объекты Калмыкии // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 63–72.
- Марзаева М. Б. К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях в современной Калмыкии // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2008а. С. 74–77.
- Марзаева М. Б. К вопросу об этноконфессиональной ситуации в Калмыкии // Народы Калмыкии: проблемы национальной идентичности и менталитета. Элиста: КГУ, 2005. С. 94–98.
- Марзаева М. Б. «Красношапочный» буддизм в современной Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008б. № 2. С. 42–46.
- Марзаева М. Б. О роли буддийской конфессии в развитии современной калмыцкой культуры // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1(65). Ч. 2. С. 126–130.
- Марзаева М. Б. Особенности процесса возрождения буддизма в Республике Калмыкия // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 7. С. 32–36.
- Марзаева М. Б. Религиозная ситуация во 2-ой половине XX века // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 343–362.
- Марзаева М. Б. Роль буддизма в Калмыкии // Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010а. С. 47–50.
- Марзаева М. Б. Толерантность и воспитание культуры межнационального межрелигиозного общения в условиях Республики Калмыкии // Народы Калмыкии: проблемы национального самосознания и толерантности. Элиста: ФПГТУ, 2008в. С. 63–72.
- Марзаева М. Б. Церковь и государственные органы в современной Калмыкии // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. В 2 ч. Ч. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2009а. С. 587–589.
- Меняев Б. В. Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание нектарного Учения» // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1 (65). Ч. 2. С. 76–78.
- Меняев Б. В. К истории изучения «Алмазной сутры» // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Вып. II. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 96–100.
- Меняев Б. В. О некоторых буддийских терминах в ойратском сборнике «Сказание нектарного учения» // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 134–136.
- Меняев Б. В. О некоторых памятниках буддийской литературы, хранящихся в семьях хошутов, проживающих в поселке Сарпа Кетченеровского района Калмыкии // Россия и Центральная Азия: историко-культур-

- ное наследие и перспективы развития. Ч. I. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 95–96.
- Меняев Б. В. Ойратский перевод истории одного деяния Будды // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 11–16.
- Меняев Б. В. Рассказы с мотивом посещения ада из сборника «Сказания нектарного учения» // Научная мысль Кавказа. 2008б. № 4. Ч. 2. С. 18–21.
- Меняев Б. В. Тексты, посвященные культу бодхисатвы Авалокитешвары, у калмыков // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008а. С. 75–89.
- Меняев Б. В., Санджиев Ч. А. О калмыцких оберегах «мирде» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 62–63.
- Митиров А. Г. К истории Арши Бакшин хурула // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 146–149.
- Митиров А. Г. Об особенностях ламаистской культовой практики калмыков // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 58–70.
- Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 224 с.
- Музраева Д. Н. О коллекции буддийской литературы гавджи Тогмед-Очира (Тугмюда Гавджи) (1887–1980) // IX Междунар. конгр. монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Докл. рос. ученых. М: ИВ РАН., 2006. С. 293–297.
- Музраева Д. Н. О лексических особенностях перевода тибетского сочинения «Сутра о мудрости и глупости», выполненного Тугмюдом-гавджи // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 174–178.
- Музраева Д. Н. О малоизвестной ойратской рукописи, именуемой *Mila buxanī zarlıq* («Изречения Будды Милы») // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. В 2 ч. Ч. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2009а. С. 262–266.
- Музраева Д. Н. О памятниках буддийской литературы на тибетском и ойратском языках из коллекции Намки Кичикова (1901–1986): по материалам экспедиции 2006 г. // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 234–236.
- Музраева Д. Н. Опыт археографического и переводоведческого анализа текста *Oülgurun Dalai* («Моря притч») (на материале VI главы рукописи перевода Тугмюд-гавджи) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012а. № 3. С. 167–185.
- Музраева Д. Н. Сутра, именуемая «Способная усмирить и подавить землю и воду» (*Gazar usuni nomoyodxon dariüülün čidaqči kemekü sudur*) из коллекции Н. Д. Кичикова (1901 – 1986) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009б. № 2. С. 87–95.
- Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводы письменных памятников на монгольском и ойратском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2013. 150 с.
- Музраева Д. Н. Тибетские и монгольские письменные памятники в государственных и частных собраниях Калмыкии: проблемы описания исследований и перевода // VI съезд российских востоковедов. г. Улан-Удэ, 17–21 окт. 2008 г. М.: ИВ РАН, 2008а. С. 64–65.
- Музраева Д. Н. Тибетское повествовательно-дидактическое сочинение «Повесть о Лунной кукушке» и его распространение в Центральной Азии. Автореф. дис... канд. фил. наук. СПб., 1994. 14 с.
- Музраева Д. Н. Традиция ойратских переводов с тибетского языка (на материале перевода «*Üligeriyin dalai*», выполненного Тугмюдом Гавджи (О. М. Дорджиевым) // Владимирцовские чтения–V. Доклады Всерос. науч. конференции. М., 2006а. С. 165–173.
- Наднеева К. А. Буддизм в Калмыкии: нравственные основы. Элиста: Калм. кн. из-во, 1994. 75 с.
- Наднеева К. А. Критика некоторых нравственных доктрин ламаизма. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1969. 16 с.
- Намруева Л. В. Конфессиональный фактор в идентификационных процессах (по итогам опроса 2008 года в Калмыкии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 59–64.
- Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошотовского улуса. СПб.: Тип. Крайя, 1852. 199 с.

- Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. Крайя, 1834. 290 с.
- Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Нурова Г. В. Об изготовлении скульптуры Зая-пандиты // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 157–160.
- Нурова Г. В. Об образе и культе Будды Майтрейи в культуре калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 61–65.
- Нурова Г. В. Понятие пространства в сакральной живописной культуре калмыков // Вестник Майкопского Государственного технологического университета. 2011. № 4. С. 130–134.
- Нурова Г. В. Танкопись как константа буддийской культуры // Вестник Майкопского Государственного технологического университета. 2010. № 2. С. 90–94.
- Омакаева Э. У. Агван Доржиев и калмыцкие паломники // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность. Мат-лы Респ. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 1994. С. 53–54.
- Омакаева Э. У. Бодхисаттва Авалокитешвара: калмыцкая молитва «Арьябала» // Шамбала. 1994а. № 2. С. 2–3.
- Омакаева Э. У. К проблеме взаимодействия буддийской и православной культур в Калмыкии (на материале архивных источников) // Юг России: взаимодействие народов и культур. Элиста: НПП «Джангар», 2005. С. 77–82.
- Омакаева Э. У. Калмыцкая астрология. Календарь (Хальмг зурха. Лит). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 176 с.
- Омакаева Э. У. Тибетская медицина и народное врачевательство у калмыков (по архивным и полевым источникам) // Сарепта и народы Поволжья в истории и культуре России. Волгоград, 2002. С. 77–82.
- Омакаева Э. У. Феномен личности Бааза-багши и его паломничество в Тибет в буддийском культурном и топонимическом пространстве // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 21–32.
- Орехов И. И. Ламаистское духовенство Калмыкии в начале XX века // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 50–55.
- Орлова К. В. Дунду хурул и Бааза-багши / Бааза-багши и его духовная деятельность. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 13–18.
- Орлова К. В. История христианизации калмыков. Середина XVII – нач. XIX вв. М.: Наука, Вост. лит., 2006. 207 с.
- Орлова К. В. Ойратская версия «Комментария к “Книге примеров, собранию драгоценностей”». Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л., 1991. 17 с.
- Орлова К. В. Ойратские источники в Монголии (предварительные итоги экспедиции в Западную Монголию в 2013 г.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 150–154.
- Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и киелографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: ИВ РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.
- Орлова К. В. Цанид Чоре в Калмыкии // Бурят-монголы накануне I тысячелетия опыт кочевой цивилизации Россия – Восток – Запад в судьбе народа. 24–28 авг. 1997 г. Улан-Удэ, 1997. С. 111–112.
- Островская Е. А. Российские буддийские НГО: перспектива консенсуса // Буддизм Ваджраяны в России: История и современность. СПб.: Unlimited Space, 2009. С. 47–57.
- Очиров Н. О. Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд «хара келе утулган» у калмыков // Живая старина. СПб., 1909. Вып. II – III. Кн. 70–71. С. 84–87.
- Очиров У. Б. Деятельность Агвана Доржиева на территории Калмыкии в период Гражданской войны 1917–1920 гг. // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Вторые Доржиевские чтения: Мат-лы конф. СПб.: Петербург. востоковед., 2008. С. 26–31.
- Очиров У. Б. Шабинеры в торговых улусах XVIII в. // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 77–84.
- Очирова Б. В. Из истории высших буддийских философских академий «Чойра» в Калмыкии в первой трети XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2009. Вып. 8. С. 48–55.
- Очирова Б. В. Обновленческое движение в Калмыкии в первой половине 20-х гг. XX в. // Востоковедные исследования в Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 2007. Вып. 3. С. 203–207.
- Очирова Н. Г. Буддийские организации современной России и проблемы создания централизованной организации // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под общ. ред. Н. Г. Очировой (Н. В. Абаев, Э. П. Бакаева, У. П. Бичелдей,

- Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов, Т. М. Садалова). М.: Фонд современ. истории, 2010. С. 114–133.
- Очилова Н. Г. Буддийское духовенство и развитие калмыцкой культуры // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 5–13.
- Очилова Н. Г. Гуманитарные исследования в Калмыкии // Вестник ЮНЦ РАН. 2004а. № 1. С. 97–101.
- Очилова Н. Г. Монголоведение в КИГИ РАН // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 4–12.
- Очилова Н. Г. Правовое регулирование государственно-церковных отношений в СССР и России // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. М.: Фонд современ. истории, 2010а. С. 157–172.
- Очилова Н. Г. Развитие академической науки в современной Калмыкии // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1(65). Ч. 2. С. 5–12.
- Очилова Н. Г. Религиозные процессы в Республике Калмыкия в переходный период (90-е гг. XX века) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск. 2011а. № 6. С. 82–88.
- Очилова Н. Г. Современное состояние монголоведения в Калмыкии // Монголоведение. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 9–4.
- Поваева Е. Б. Геше Вангъял — калмыцкий лама // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. С. 94–100.
- Повесть о Лунной кукушке. Монгольская версия. Факсимиле ксилографа / отв. ред. И. В. Кульганек; предисл., транслит., пер., коммент., глосс. и прилож. Д. Н. Музраевой; КИГИ РАН, Санкт-Петербург. филиал Ин-та востоковедения. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 576 с.
- Позднеев А. М. Дневник поездки к донским калмыкам // АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 61. 1919 г.
- Позднеев А. М. Докладная записка министру внутренних дел П. А. Столыпину с отчетом о командировке в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и Области Войска Донского // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 590. Ед. хр. 146. 1910 г.
- Позднеев А. М. Отчет о командировке в калмыцкие стойбища Терской и Уральской областей и Оренбургской губернии // Архив востоковедов института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 60. 1911 г.
- Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 492 с.
- Предсказание. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 76 с.
- Путешествие Д. Ульянова и Н. Уланова в Тибет. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 193 с.
- Санджиев Ч. А. Краткий анализ произведений класса «лам-рим» на примере шастры «Драгоценное украшение освобождения» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 96–97.
- Санджиев Ч. А. Ойратский перевод буддийской притчи «Будда и брахман» // Мир «ясного письма». Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 17–21.
- Санджиев Ч. А. Хулхутинская ступа Анджатан ламы // Народы Прикаспийского региона: диалог культур. Элиста: Изд-во КГУ, 2009. С. 143–145.
- Санчиров В. П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 14–25.
- Сарин герл. Хальмг литературин дурсхлмуд (XIII–XX зун жилмүдин эклц) / орчулснь Бадмин А. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1991. 234 х.
- Сартикова Е. В. Религиозное образование у народов Поволжья в начале XX века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 42–46.
- Сафронова Е. С. Буддизм в России. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 1998. 171 с.
- Сафронова Е. С. Современный буддизм в России на нетрадиционных территориях распространения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2006. № 1–2. С. 175–188.
- Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста, 1999. 248 с.
- Тепкеев В. Т. Русские источники о пребывании хутугты Зая-пандиты у волжских калмыков в 1645–1646 гг. (по материалам РГАДА) // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 258–263.
- Тибет глазами российских путешественников. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-лет. Д. Ульянова. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 182 с.

- Трактаты* об иглоукаливании и прижигании / пер. с ойрат. Д. Б. Гедеевой, Ц. К. Корсункиева, К. В. Орловой и др.; КНИИИФЭ. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1987. 414 с.
- Турман Роберт. Раздумья о жизни досточтимого дрепунгского геше Наванга Вангьяла, выходца из Цаган Булукха в Калмыкии // Буддизм России. 2009. № 42. С. 59–62.
- Убушиева С. И. Атеистическая пропаганда в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986. 71 с.
- Уланов М. С. Буддизм в истории русской философии XIX – первой половины XX вв. Элиста: КалмГУ, 2003. 178 с.
- Уланов М. С. Буддизм в истории русской философской мысли конца XIX – первой половины XX вв. Дис.... канд ист. наук. М., 2000. 172 с.
- Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. с.
- Уланов М. С. Калмыцко-монгольские религиозные связи: исторический опыт и современность // Востокведные исследования в Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 2007. Вып. 3. С. 43–49.
- Уланов Н. Э. Буддийско-ламайское духовенство донских калмыков и его современное положение. СПб., 1902. 16 с.
- Ульянов Д. Предсказание Будды о доме Романовых и краткий очерк о моих путешествиях в 1904–1905 годах. СПб.: [б.и.], 1913. 118 с.
- Ульянов И. И. Астраханские калмыки, их домашне-религиозный быт и общественно-религиозные нужды. СПб.: Тип. Астр. О-ва Тип. «Герастр», 1910. 48 с.
- Цаган аавин судр / сост. Дандырова Н. М. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 21 с.
- Хождение* в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Ч. 1. Путь в Тибет // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики, 1995. С. 125–144.
- Хождение* в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Ч. 2. У святынь Тибета // Проблемы монгольской филологии. Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики, 1988. С. 135–153.
- Хопкинс Джеффри. Калмыцкий вклад в развитие буддизма на Западе // Буддизм России. 2009. № 42. С. 25–27.
- Чуматов В. О. К вопросу о происхождении ойратской версии «Вессантара джатаки» // Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма. Элиста, 1980. С. 103–128.
- Шантаев Б. А. История школы / Карма-Кагью в Калмыкии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 201–214.
- Шантаев Б. А. Калмыцкие формы гаданий // Монголоведение. № 4. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 160–171.
- Шараева Т. И., Батырева С. Г. Этническая группа Баһ хурла шевнр: к вопросу об ее основателе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 4. С. 20–25.
- Cutler Joshua and Diana. Students of Geshe Wangyal // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. С. 70–71.
- Urubshurow D. Geshe Wangyal: a remembrance and appreciation // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. С. 71–80.

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ И МАТЕРИАЛА

The Hand-Written Book in the Culture of Mongol Peoples: the Evolution of the Form and Material

А. Т. Баянова (A. Bayanova)¹

¹ заведующий научной библиотекой Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук, соискатель (Head of the Scientific Library at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

В данной статье рассматривается эволюция книжной культуры монголов и ойратов (калмыков). В сложном процессе становления и развития культуры монгольязычных народов рукописная книга сыграла большую роль в распространении знаний, была проводником буддизма. Основное внимание уделено процессу создания книги, так как уникальность и эстетическое своеобразие ойратской книги в значительной степени определялось материалами (бумага, краска, инструменты для письма) и формой. Автором статьи выявлены особенности формы книги и материалов, из которых она изготовлялась.

Ключевые слова: книга, рукопись, форма, материал, «бодхи», «гармоника», «тетрадь», бумага, чернила.

Purpose: At all times, the intellectual capacity and cultural level of any nation has been determined by existence of scripts and books. More than 7 centuries ago, the Oirats started using Mongol writing system, and later developed their own written language called 'clear script'. Booklore had a decisive impact on the genesis of the Mongol peoples, the development of education, science and culture.

Methods: The author examines the evolution of the Oirat books commencing with stone sutras and metal boards which were the first examples of fixing a written word, moving further to transition to a qualitatively new stage in book culture development – the emergence of a real handwritten books. The stone sutras as well as the first handwritten books are a significant part of the Oirat's (Kalmyk's) cultural heritage and the evidence of the historical development of their writing system.

Results: The author of the article reveals some specific features of book design. The main attention is given to the process of book creation as the originality of the Oirat book and its aesthetic uniqueness were largely determined by the materials (paper, paint, writing tools) it was made of. The researcher provides a detailed description of the book forms which were absolutely different from European ones. Equally important were the conditions in which the books were stored as well as the attitude to them as to sacred objects.

This article discusses some aspects of the book culture of the Mongols and Oirats (Kalmyks). The handwritten book played an important role in disseminating knowledge and religion in the complex process of Mongolian ethnic groups formation and their culture development.

Discussion

The handwritten book is an integral part of the Kalmyk people's cultural heritage, their spiritual history and material culture. It is a unique phenomenon which incorporated many fields of life such as the art and skills of craftsmen and calligraphers as well as those of paper, ink and paint manufacturers.

Keywords: book, handwritten book, form, material, "bodhi", "harmonic", "copy-book" paper, ink.

В процессе становления и развития цивилизации книга играла важную роль и была неотъемлемой частью и показателем степени культуры того или иного народа. Книга как объект материальной культуры, имеющий многовековую историю, претерпела за время своего существования значительные изменения. Глиняные таблички

и пергаментные кодексы, берестяные грамоты и свитки папируса, каменные сутры и металлические пластинки были первыми письменными артефактами, фиксирующими культурное и историческое наследие человечества.

Цель данной статьи — рассмотреть на примере рукописной книги монгольязыч-

ных народов эволюцию ее форм и материалов, из которых она изготовлялась.

Ранние образцы оформления письменно-го слова связаны с древней традицией кочевых народов высекать слова на камне. Первым известным камнеписным памятником является «Чингисов камень», воздвигнутый в 1225 г. в честь племянника Чингис-хана, Есунке. Надписи в несколько строк, высеченные на камне или металле, трудно назвать книгой, но ее формальные признаки в них присутствовали: соразмерность текста и поверхности камня, написание заголовка, выделение начала строки, узорная рамка (бордюр). Главной функцией подобных надписей являлась фиксация исторического события, имевшего определенное значение для общества и прославляющего имя того или иного исторического деятеля. Лаконичная надпись «Чингисова камня» прославляет подвиг Есунке, выстрелившего из лука дальше всех в состязании воинов, устроенном Чингис-ханом после возвращения из очередного военного похода. Известны также надписи на каменных памятниках Мунке-хагану (1257 г.) и в Эрдэни-дзу (1346 г.), более поздние наскальные надписи халхаского Цокту-тайджи (1624 г.). Орудием письма для камнеписных памятников служили различные резцы и металлические стержни.

С распространением книги традиция «камнеписания» не только не утратила прежней, но и обрела новую функциональную значимость. Распространение буддизма привело к появлению камней с надписями коротких молитвенных формул на тибетском языке и ойратском «ясном письме». В некоторых местах на камнях высекались целые тексты буддийских сутр. Такие «книги» получили название «чолун судр» («каменные сутры») или «бичгтэ чолун» («камни со священными текстами») [Батужав 2012: 133]. Со временем техника исполнения записей на камнях совершенствовалась. Найденные в Синьцзяне каменные сутры свидетельствуют о высокой квалификации мастеров, высекавших красивую вязь «ясного письма». Каменные сутры — значимая часть книжной культуры ойратов и одно из свидетельств исторического развития письменности. Являясь одним из важных компонентов культурного наследия ойратов, камнеписные памятники активно изучались учеными, что позволило проследить эволюцию ойратской письменности [Владимирцов 1927; Котвич 1948; Поппе 1929].

Для записей употребляли также металлические пластины (пайцзы, в некоторых написаниях — пайзе). Традиция письма на пайцзах пришла к монголам из Китая (кит. «пай-дзы» — дощечка, табличка). Китайские императоры использовали пайцзы для различных верительных и охранных грамот. Для надписей использовались различные благородные металлы, камень, дерево, бамбук, шелк, полудрагоценные камни (нефрит). Время появления пайцз у монголоязычных народов определить трудно. Так, Марко Поло утверждал, что эта традиция была введена во время правления Хубилая (1215–1294) [Книга 1956: 17], но истории известны факты более раннего их использования. Д. Банзаров приводит сведения о вручении Чингис-ханом клятвенной грамоты и золотого значка (пайцзы) одному из своих полководцев в 1218 г. [Банзаров 1955: 158]. Монголами использовались только золотые и серебряные пластины. Пайцзы у монголоязычных народов были двух видов: знаки отличия, которыми за особые заслуги отмечались воины, и простые дорожные документы, своеобразные охранные грамоты для чиновников, посланников хана. В соответствии со званием младшие военные чины награждались серебряными, старшие — золотыми пайцзами. Вес пластин был от 600 г (120 саджи¹) для рядовых воинов до 1500 г (300 саджи) для высших чинов армии. Наличие пайцзы в 300 саджи наделяло человека исключительными правами и привилегиями, о чем Марко Поло упоминает в своих записках [Книга 1956: 228]. Пайцза, врученная ханом братьям Поло, позволяла беспрепятственно передвигаться по территории страны, они были приняты везде «с должным уважением», «давалось им все необходимое, и лошади, и провожатые» [Книга 1956: 48].

По форме пайцзы были овальными (пайцза Узбек-хана, 294×98 мм, 470 г, хранится в Государственном историческом музее), прямоугольными (Нюкская пайцза, найдена в Забайкалье, хранится в Государственном Эрмитаже), круглыми (Боготольская, 155×120 мм, хранится в Государственном Эрмитаже). Размеры пластинок были различны. Так, Рубрук сообщает о пайцзе шириною в ладонь и длиною в пол-локтя²

¹ Саджи — 1/6 унции, унция — примерно соответствовала 30 г.

² Локоть — старинная мера длины, соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки.

[Путешествия в восточные страны 1957: 141] (примерно 23 см x 7 см). Марко Поло описывает «золотые доски, каждая в поллоктя длины и пять вершков ширины весом в три или четыре золотые марки» [Книга 1956: 46]. Текст наносился на металлические пластины с помощью различных резцов и металлических стержней.

С течением времени способы фиксации письменного слова на камнях и металлических пластинах перестали удовлетворять общество. Появились предпосылки для перехода к качественно новому этапу в развитии книжной культуры — появлению настоящей рукописной книги.

Одно из ранних упоминаний о книге у монголоязычных народов зафиксировано в письменных источниках XIII века. Согласно тексту «Сокровенного сказания монголов», основатель монгольской государственности Чингис-хан повелевает: «...запиши Синюю книгу и переплети. Пусть из поколения в поколение записанное <...> мной будет законом, и никто не смеет оспаривать Синее письмо на белой бумаге!» [Сокровенное 1941: 160] Таким образом, сказанное властелином фиксирует сакральное содержание («записанное <...> будет законом») и оформление в виде книги («запиши Синюю книгу и переплети») его повеления.

В книжной культуре монголов существовали три основные формы книг — «бодхи», «гармоника» и тетрадь [Кара 1972: 118, 120]. Наиболее распространенной была форма пальмового листа («бодхи») с определенной соразмерностью сторон. Длинная сторона была в 3–5 раз больше короткой. Листы «бодхи» складывались стопкой и зажимались с двух сторон дощечками, выполнявшими роль обложки книги и по размеру равными листу рукописи. Строки в книге шли параллельно короткой стороне (лист горизонтальный), листами снизу вверх. Книга формы «бодхи» хранилась в матерчатой обертке, которая представляла собой кусок хлопчатобумажной или шелковой ткани в форме квадрата размером, соответствующим книге. К одному углу платка пришивали тесьму или ленту. Книгу помещали по диагонали, заворачивали с четырех углов и обматывали тесьмой. Хранили иногда в деревянных ящичках, изготовленных

из тонких досок. Они раскрашивались краской, расписывались орнаментами и лакировались. Э. Гюк и Ж. Габэ отмечали, что книги монголоязычных народов похожи «на большую колоду игорных карт ... они не переплетаются и не сшиваются, но кладутся меж двух деревянных досок и обвязываются желтой лентой» [Гюк, Габэ 1866: 14].

«Гармоника», которая состояла из длинного листа бумаги, сложенного напоподобие ширмы, была заимствована у уйгур. Она тоже имела формат «бодхи», то есть в ширину совпадала с длиной «пальмового листа», а бывшая длина разделялась на полосы, равные ширине книги. Соотношение длины и ширины было 3 к 1. Эта форма книги отличалась тем, что ее можно быстро открыть на любой странице и пользоваться ею, не раскладывая, что было удобно при чтении молитв в хурулах. Длина «гармоники» достигала 3–4 м. Отличительной чертой «гармоники» было то, что направление строк могло быть как вертикальным (параллельно ширине бумажной полосы), так и горизонтальным (параллельно длине бумажной полосы). К первой и последней странице «гармоники» подклеивали листы в несколько слоев, что служило своеобразной обложкой. На верхней стороне обложки наклеивали ярлык с названием. Обложка могла быть и матерчатой [Кара 1972: 130].

Книга в виде тетради состояла из сшитых листов. По расположению строк они были как вертикальными (чаще), так и горизонтальными. В отличие от «бодхи» и «гармоники» формы тетрадей были различными — узкими, широкими, квадратными. Листы сшивались конским волосом, текстильной нитью или бумажной лентой. Существовали тетради европейского типа, когда листы сшивались по средней линии сгиба.

Ко времени появления письменности у монголоязычных народов бумага как материал для письма была уже известна, и ею пользовались повсеместно. Вплоть до XVII в. в книжном деле широко использовалась бумага китайского производства. В середине XVII в. на смену китайской приходит бумага российского производства. В приказе Казанского дворца воеводе И. В. Мосальскому указано, что калмыки покупали бумагу в Сибири в обмен на лошадей [Русско-монгольские отношения 1959: 24–25]. В конце XVIII – начале XIX вв. при изготовлении бумаги русские мастера

¹ Под деревом бодхи (*figus religiosa*) Будда Шакьямуни обрел просветление. Форма листа бодхи имеет, таким образом, сакральное значение.

стали добавлять в сырье медный купорос, и она приобрела голубовато-зеленый оттенок. Поэтому ойратские, монгольские и бурятские рукописи и ксилографы этого периода созданы на бумаге зеленоватого и голубого цветов. Во второй половине XIX в. употребляли тонкую и мягкую белую бумагу с рельефными штампами Сурской фабрики Сергеева (1862–1866), Пластунова (1870), наследников Сумкина (1862, 1869, 1909), Троицкой фабрики Говарда (1856–1857), Татаровской фабрики Протасова (1865–1883) [Сазыкин 1988: 273, 283, 291].

Опираясь на опыт других народов, монголы создавали и свою бумагу. Мощные ветвистые корни стеллеры (по-монгольски «далан туру») — разновидности полыни, растущей в Монголии и содержащей смолистые и дубильные вещества, служили сырьем для изготовления бумаги. Свидетельство о наличии собственного производства бумаги у монголов встречается у Д. Кары: «Среди ойратских рукописей встречаются листы из белой гляцовой, твердой и слоистой бумаги, на поверхности которой <...> виден оттиск грубой ткани, на которой сушили бумажную массу» [Кара 1972: 123].

Материалом для письма у монголоязычных народов была не только бумага, но и дерево, береста и кожа. П.-С. Паллас описывает буддийский монастырь Аблаин-кит, основанный в XVII в. ойратским тайшой Аблаем, где были найдены кусочки бересты «с черным монгольским письмом» [Паллас 1786: 268; Pallas 1801: 370]. На бересте писались не только буддийские сутры, но и юридические законы [Восемнадцать степных законов 2002: 18].

Для редактирования текстов перевода использовали деревянные доски (самбр). Две тонкие доски из пихты тщательно шлифовались и скреплялись ремнем из кожи. Внутреннюю поверхность досок покрывали в два слоя — салом и сажей, а затем посыпали золой. При написании палочкой по верхнему слою (золе) появлялся следующий слой (сажа), и буквы оказывались черными, как на бумаге [Pallas 1801: 370]. После редакции текст переносили на бумагу.

Особенность материала определяла и орудие письма. На бумаге писали каламом (пером) и кистью. Кисть представляла собой стержень из бамбука, к которому прикреплялись кусочки шерсти различных животных. Калам изготовлялся в виде палочки с острым концом (косой срез), материалом

для него служили дерево, кость, но чаще использовали бамбук [Гюк, Габэ 1866: 194]. Разновидности орудия письма определяли и характер почерка. Так, при написании каламом буквы обретали остроугольные контуры, кисточка придавала почерку мягкую гибкость линий. От длины заточки лезвия зависела толщина вертикальных штрихов, а от его ширины — тонкость и изящество написания букв [Кара 1972: 110].

В качестве краски использовали тушь и чернила. Качественная китайская тушь была слишком дорога, по цене она приравнивалась к серебру. Из-за дороговизны китайской туши были изобретены различные способы изготовления чернил из доступных материалов. В основном использовались 2 вида: чернила, изготовленные на основе продуктов обугливания и черной копоти (сажи), и чернила из сока растений, богатых дубильными веществами. Для того чтобы сажа хорошо ложилась на бумагу, ее смешивали с клеем или растительным маслом. Собственный рецепт чернил существовал у калмыков. Так называемые «мөрин бек» делали из коричневого вещества, находившегося между мускулами лошади [Pallas 1801: 369]. С конца XVII в. калмыки, а также буряты, стали пользоваться русскими чернилами из сока ореха коричневого цвета.

Традиционно рукописи оформлялись двумя цветами — черным и красным. Последним выделяли торжественные слова и имена будд и бодхисаттв. Ритмическое членение черного и красного цветов придавало манускрипту элемент декоративности и облегчало чтение. Книги, представляющие особую ценность, писались золотом, серебром, порошком коралла, бирюзы. Для этого листы пропитывали краской черного или синего цвета и лакировали. Монголы уже в XIII веке владели технологией лощения и глянцеваания бумаги. При лакировании лист бумаги сначала пропитывали краской черного или темно-синего цветов. Описывая библиотеку монастыря Аблаин-кит, Паллас указывал на множество книг, которые «весьма красиво золотом или серебряною краской писаны» [Паллас 1786: 268].

Необходимо отметить, что несмотря на появление прогрессивного метода размножения книги путем ксилографирования, а затем и книгопечатания при помощи наборных шрифтов, монгольская, а, следовательно, и ойратская коммуникационная культура пребывала в состоянии палеокуль-

турной книжности довольно долгий период. Рукописная книга являлась основной формой бытования национальной монгольской и ойратской литературы вплоть до начала XIX века.

Таким образом, специфика эволюционного развития монгольской и ойратской книжной культуры на протяжении почти восьмисотлетнего существования определила принципиальные отличия формы книги и материалов, из которого она изготовлялась, от традиций европейской книжной культуры. Монгольская (ойратская) книга имела собственную сферу распространения, особое художественное пространство, своеобразную структуру. На протяжении многих веков она сохраняла свою уникальность, неповторимое эстетическое своеобразие и как художественное явление развивалась на основе фундаментальных принципов традиционной буддийской культуры. Специфика писчего материала и инструментов для письма, традиционные особенности монгольской письменности (система знаков, особенности их начертания) обусловили конструктивные особенности бытования форм книги в виде «бодхи», «гармоники» и «тетради».

Литература

- Банзаров Д.* Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 374 с.
- Батужав До.* «Каменные сутры» Синьцзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 133–138.
- Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи // Известия Академии наук СССР. Т. 21. Вып. 2. М., 1927. С. 215–240.
- Восемнадцать степных законов: памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. монг. текста, коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербург. Востоковед., 2002. 160 с.
- Гюк Э., Габэ Ж.* Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-ламы / пер. с фр. М.: Изд-е К. С. Генриха, 1866. 324 с.
- Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Глав. ред. вост. лит., 1972. 194 с.
- Книга Марко Поло. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1956. 376 с.
- Котвич В. Л.* Монгольские надписи в Эрдэни-дзу // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 5. Вып. 1. П., 1918. С. 205–214.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1786. 572 с.
- Понне Н. Н.* Отчет о поездке на Орхон летом 1926 года // Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 4. Л., 1929. С. 1–25.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1957. 270 с.
- Русско-монгольские отношения. 1607–1638. Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 352 с.
- Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 1. М.: Наука, 1988. 512 с.
- Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niuca tobčiyau*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
- Pallas P.-S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Т. II. St. Petersburg: Akademie der Wissenschaft, 1801. 440 s.

УДК 393.05.092

ББК 63.4

МАСКИРОВКА КОНЕЙ ПОД МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРНОГО АЛТАЯ

The Disguise of Horses as Mythological Beasts in Pazyryk Culture of the Gornyi Altai

М. А. Очир-Горяева (M. Ochir-Goryaeva)¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Senior Researcher of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: mariaochir@rambler.ru

В статье впервые комплексно рассмотрены 17 конских головных уборов-масок, сохранившихся в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая (кон. VI в. – III в. до н. э.) и предназначенных для имитации мифических животных и птиц. До этого специальное исследование было посвящено только одной из них — маске с рогами оленя в натуральную величину из кургана 1 могильника Пазырык. Из всех головных уборов-масок автором выделены два типа: 1. увенчанные рогами оленя или горного барана-аргали в натуральную величину; 2. увенчанные небольшими навершиями в виде скульптурных головок оленя, рогатого тигра и фантастических птиц. Отмечается, что у коней с уборами-масками обоих типов маскировалась не только морда коня — специальными футлярами были закрыты грива и хвост.

Ключевые слова: курганы, звериный стиль, конские маски, степи Евразии, пазырыкская культура.

Thanks to permafrost the equine headdress masks made of organic materials have been well preserved in the burial mounds of the Pazyryk culture in Gornyi Altai dating back to the end of the 6th–3rd centuries B.C. The author has investigated the 17 equine headdress masks. They were divided into two types. Type 1: the equine headgear masks with full size horns of wild animals such as a mountain sheep argali or a deer. Type 2: the equine headgear masks with small finials in the form of heads of wild or imaginary animals and birds (head of a deer, a horned tiger or various birds). In the first Pazyryk barrow there was a burial of two humans accompanied by ten horses which were arranged in two rows of four animals. Two of the horses had headgear masks, one was decorated with life size deer antlers (Type 1) and the second had a finial looking like a head of a horned tiger with wings (Type 2). The horse wearing a headdress mask made of felt and deer antlers was the best on the exterior and was put in the first row. Its horns were made of leather; its tail and mane were in cases. The second Bashadarsky kurgan contained the remains of a 60–65-year-old male and a 40-year-old female accompanied by a burial of fourteen horses. One of the horses had the luxurious harness, it was also provided with a leather headdress which had horns of a mountain sheep argali. The horns, which were 46 sm long, were made of several pieces of wood glued together; their inside was covered with solid plates of silver and their outside with semicircular projections simulating annual bumps was covered with several sheets of gold. The horns had two holes at their base to use for attaching them to the horse headgear.

The horse headdress masks were made of various materials and were richly decorated. Due to their superior artistic quality and craftsmanship, they serve as excellent samples of the Scythian-Siberian animal style.

Keywords: mounds, animal style, horse masks, steppes of Eurasia, Pazyryk culture.

Особое место в изучении древностей скифской эпохи занимают материалы из курганов пазырыкской культуры Горного Алтая, где были найдены полностью сохранившиеся уздечные наборы и сбруя, законсервированные в вечной мерзлоте. В погребениях пазырыкской культуры кони, как правило, имели пышно орнаментирован-

ную церемониальную узду. В некоторых из этих курганов сохранились останки коней с головными уборами-масками.

Конские головные уборы-маски были сшиты из кожи, меха и войлока, закрывали всю морду коня, имели отверстия для глаз, ноздрей и ушей и закреплялись под подбородком посредством кожаных ремешков.

Грива и хвост коней с головными уборами-масками непременно закрывались специальными футлярами из кожи и войлока. Художественная выразительность и мастерство исполнения делают головные уборы-маски одними из лучших образцов скифосибирского звериного стиля.

Головные уборы-маски разделены нами на два типа: 1) головные уборы-маски с рогами диких копытных животных в натуральную величину; 2) головные уборы-маски с навершиями в виде голов диких и фантастических животных и птиц в уменьшенном размере.

Тип I. Конские головные уборы-маски с рогами диких копытных животных в натуральную величину

1. Во втором Башадарском кургане погребение мужчины 60–65 лет и женщины 40 лет сопровождалось захоронением четырнадцати коней. Наилучшей сохранностью отличалось снаряжение коня 2 (комплект 4), который был положен у северо-восточной стены камеры, т. е. в наибольшей степени к востоку и наиболее близко к хозяину. Конь был в узде, изготовленной из массивной бронзы. Бронзовые псалии и бляшки оголовья были покрыты листовым золотом. Ремни узды сплошь покрыты нанизанными на них литыми бронзовыми украшениями в виде асимметричной розетки. Нагрудный ремень украшен такими же бляшками, что и узда, для чего использовано 33 подвески. На седельные «луки»-валики из красного тонкого войлока были прикреплены деревянные, покрытые листовым золотом, изображения грифов: два крупных — на передних луках, два меньших по размеру — на задних. Седельная покрывка состояла из 56 расположенных в шахматном порядке квадратов, вырезанных из шкуры черного жеребенка и красного фетра. На красные квадраты нашиты деревянные, крытые золотом бляшки-крестики. Сохранилась крупная бронзовая подпружная пряжка с кнопкой-выступом. У головы коня найдено кнутовище нагайки, украшенное тремя деревянными, покрытыми золотом, последовательно уменьшающимися изображениями волчьих голов. Сама нагайка украшена золотой спирально закрученной лентой. Лента из золота была вплетена в хвост лошади. Как видно, узда и сбруя коня отличались особой роскошью.

Этот конь был снабжен кожаным головным убором с рогами горного барана. Рога были выполнены из нескольких скле-

енных вместе кусков дерева и имели длину 46 см. Внутренний край рогов был покрыт цельными пластинами серебра, а внешняя сторона с полукруглыми выступами, имитирующими годовые бугорки, была покрыта несколькими листками золота. Рога у основания имели по два отверстия — для прикрепления к головному убору [Руденко 1960: Табл. XXXIX.].

2. В первом Туэктинском кургане погребение мужчины 40–48 лет сопровождалось захоронением восьми коней. Уздечные наборы всех восьми коней были сложены в пространстве между стенами внутреннего и внешнего сруба с северной стороны. Грабители вытащили конское снаряжение в камеру, сняли позолоту и бросили ее в беспорядке. Деревянные рога были найдены в грабительском лазе, при этом неясно, все ли они находились здесь. С. И. Руденко при описании конского снаряжения отмечает, что деревянных рогов было, по крайней мере, восемь пар, т. е. количество пар рогов соответствовало количеству коней. В то же время число наборов конского снаряжения в этом кургане значительно превышало количество сопровождающих коней. В кургане было найдено 28 налобных круглых блях, седельных дужек — 73, не менее чем от 18 седел. Подробного описания и размеров рогов С. И. Руденко в публикации не приводит — судя по фотографии, они были представлены в основном во фрагментах. По оформлению рога делятся на два подварианта. Вариант 1 — со сплошными бугорками; вариант 2 — с бугорками полами, вырезанными с внутренней стороны. Две пары рогов варианта 2 имели дополнительные украшения. На одной паре рогов каждый бугорок-нарост был украшен изготовленным из кожи изогнутым рогом оленя с шестью полукруглыми отростками и ухом, поставленным вертикально. На бугорках второй пары рогов были «посажены» скульптурные фигурки львов в профиль, которые словно бы спускаются вниз с кончиков к основанию рогов. Сохранилось 10 фигурок львов на одном роге и две фрагментированные фигурки на другом (рис. 1). От кожаных головных уборов в первом Туэктинском кургане сохранились только налобные части двух из них с кожаными втулками для прикрепления деревянных рогов. Кроме них, обнаружены две вырезанные из оленьего рога втулки, внутрь которых вставлялись концы деревянных рогов [Руденко 1960: Табл. LXVIII–LXXII].

3. В кургане 11-го могильника Берель погребение молодого мужчины и пожилой женщины сопровождали 13 коней, из них три коня были снабжены головными уборами-масками с рогами горного барана. Кони были уложены в два слоя, нижний из них был образован из останков семи животных. Один из них в первом восточном ряду был снабжен головным убором с рогами горного козла. Грива коня была в футляре (рис. 2). В верхнем слое с останками остальных шести коней у двух имелись головные уборы-маски с рогами горного козла: средний конь из трех, положенных в первом восточном ряду, и средний конь во втором ряду. Этот конь имел такие же по размерам рога, как два первых, но гладкие, без полукруглых бугорков [Samashev 2002: 132–138].

4. В первом Пазырыкском кургане погребение двух человек сопровождало десять коней, положенных в два ряда по четыре, остальные два коня были положены вдоль западной стены, головой на север. Конь в головном уборе-маске из войлока с рогами оленя, самый лучший по экстерьеру, был положен в первом ряду. Рога были изготовлены из кожи. Хвост коня был забран в футляр, а грива — в нагривник (рис. 3, 1). Этому головному убору было посвящено специальное исследование [Баркова 1999: 97–101]. Курган 1, по данным радиоуглеродного датирования, является наиболее ранним из всех курганов Пазырыкского могильника. В этом кургане, кроме вышеописанной маски типа 1, была найдена маска типа 2, а во всех последующих, более поздних курганах — маски только типа 2 [Грязнов 1950; Руденко 1953: Табл. LXXI].

Тип II. Конские головные уборы-маски с небольшими наверхушками в виде голов диких или фантастических животных и птиц.

1. Головной убор-маска из войлока из первого Пазырыкского кургана с наверхушкой в виде головки рогатого тигра с крыльями принадлежал коню из второго ряда. Он имел наиболее пышное убранство в своем ряду. Кроме седла и узды, для него были положены маска, нагривник и чехол на хвост. Таким образом, он был снаряжен идентично с конем в маске с оленьими рогами из первого ряда. Идентична и кожаная часть маски: как по форме, так и по наличию распластанной фигуры тигра на носовой части маски. Только в первом случае фигура тигра была вырезана из синего меха, а во втором случае — из кожи. Наверхушке этой маски представляет

собой скульптурное изображение рогатого тигра с крыльями [Руденко 1953: Рис. 134].

2. Головной убор-маска из войлока из второго Пазырыкского кургана с наверхушкой в виде головки горного барана с птицей. Эта маска оставляла переднюю часть морды коня открытой и закрывала только верхнюю и боковые стороны, типа шапки-буденовки. Между ушами коня вшита войлочная втулка, на которой крепилось войлочное наверхушье в виде вполне реалистично изображенного горного козла, на голове которого установлена войлочная фигурка птицы [Руденко 1953: Рис. 137].

3. Головной убор-маска из кожи с наверхушкой в виде деревянной головки оленя с ветвистыми кожаными рогами из пятого Пазырыкского кургана (рис. 3, 2). Конь был также снабжен нагривником из кожи красного цвета. Маска коня из плотной кожи, обшитой тонкой кожей с внешней стороны, закрывала морду коня полностью и закреплялась ремешками. В маске были оставлены отверстия для глаз, ноздрей и пасти коня. Наверхушке, реалистичное скульптурное изображение оленя с ветвистой роговой короной, изготовленной из кожи, было вырезано из дерева. «Основание оленьей головы было поломано, часть нижнего бортика была утрачена, а изломы скреплены солидной ремешковой связкой» [Руденко 1953: Табл. LXXII].

4. В третьем Пазырыкском кургане были найдены две деревянные головки фантастических птиц, которые могли быть наверхушками конских головных уборов-масок [Руденко 1953: Табл. LXXII].

Ввиду единичности конских масок обоих типов можно лишь наметить некоторые закономерности. Например, все головные уборы-маски с рогами горного барана в натуральную величину (13 экз.) происходят из курганов западного ареала пазырыкской культуры, то есть с западной стороны реки Катунь. Они происходят как из наиболее ранних курганов (второго Башадарского и первого Туэктинского), так и из более позднего комплекса из кургана 11 Берельского могильника. В восточном ареале единственная маска в натуральную величину из первого Пазырыкского кургана украшена роговой короной оленя. Можно констатировать, что в обоих ареалах пазырыкской культуры коней маскировали под диких копытных животных: в западном ареале — под горных баранов, а в восточном — под оленя. Это интересная особенность, отражающая, скорее всего, племенные различия, которые

в то же время вряд ли носили принципиальный характер.

Кони в головных уборах-масках с рогами или навершием были положены в могилы по одному в каждом ряду, т. е. каждый из них возглавлял группу из нескольких коней. Этот факт подтверждает суждение о том, что кони в масках были «головными» и возглавляли церемониальные процессии. Следы изношенности и ремонта на маске с навершием из пятого Пазырыцкого кургана доказывают, что маски многократно использовались до того, как попали в могилу. Последний раз они были использованы в погребальной церемонии [Очир-Горяева 2014: 27–32].

Имеется целый ряд исследований, в которых достаточно убедительно показано, что в языческих верованиях в качестве божеств выступали животные, причем всегда представители дикой фауны. При публикации материалов исследования Большого Берельского кургана С. С. Сорокин высказал сомнение в плодотворности дискуссии о том, какой именно вид оленя изображен на конской маске из первого Пазырыцкого кургана и на образцах звериного стиля, поскольку для языческих верований был важен не конкретный биологический вид, а персонаж мифа — дикое копытное животное с роговой короной [Сорокин 1969: 227–232]. Это мнение поддерживал А. В. Грач, оба приводили в качестве аргумента лингвистические данные по тюркоязычным народам о существовании у них термина «бура», который в древности обозначал диких копытных и рогатых животных, а впоследствии был перенесен и на домашних животных [Грач 1980: 90–91]. Эти данные приводила Л. Л. Баркова [Баркова 1999: 97–101] в специальной публикации, посвященной конскому убору с рогами из первого Пазырыцкого кургана. Наиболее подробное и исчерпывающее исследование провел Д. В. Черемисин в статье, посвященной семантике рогатых коней в маске из пазырыцких курганов. Он подробно рассмотрел историю изучения проблемы и на примерах из этнографии тюрко-монгольских народов в значительной степени расширил и более детально обосновал явление маскировки коня как соединение в одном образа дикого мифического копытного с домашним животным, которое, таким образом, становилось сакральным и объединяло в себе мир природы и мир людей [Cheremisin 2005: 129–139].

Следовательно, коней использовали для изображения мифических животных. В од-

них случаях мифические животные представлялись в натуральную величину, в других случаях голова коня использовалась как штандарт для водружения в уменьшенном размере голов мифических животных: рогатых тигров, птиц, оленей. Тело коней в головных уборах-масках как типа I, так и типа II, также маскировалось, для этого хвост и грива закрывались специальными футлярами. В маскировке коней однозначно отображен миф. Природа этого мифа могла быть и космологической, и этногенетической — о зарождении мира или о чудесном происхождении племени и т. п. В пользу этого свидетельствует то, что маски снабжены дополнительными персонажами — фигурой тигра, распластанного на носовой части маски, которая, несомненно, несла дополнительную важную информацию.

Возвращаясь к коням, захороненным в этих головных уборах-масках, надо признать, что замаскированные кони исполняли важную миссию в церемониальных процессиях, представляя мифических животных, возможно, родовых предков тотемистического характера.

Литература

- Баркова Л. Л. Конская маска из первого Пазырыцкого кургана // АСГЭ. 1999. № 34. С. 97–101.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 255 с.
- Грязнов М. П. Первый Пазырыцкий курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 81 с.
- Очир-Горяева М. А. К вопросу о роли коня в погребальном обряде калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 1. С. 27–32.
- Сорокин С. С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1965 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока. Л.: Гос. Эрмитаж, 1969. С. 208–236. (Труды ГЭ; Вып. 7).
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 401 с.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 359 с.
- Cheremisin V. D. On the semantics of masked, horned horses from Pazyryk mounds // AEAЕ. 2005. № 2(22). P. 129–141.
- Samašev Z. S. Die Fürstengräber von Berel // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; N. Y.: Prestel Verlag, 2007. 340 s. S. 132–138.

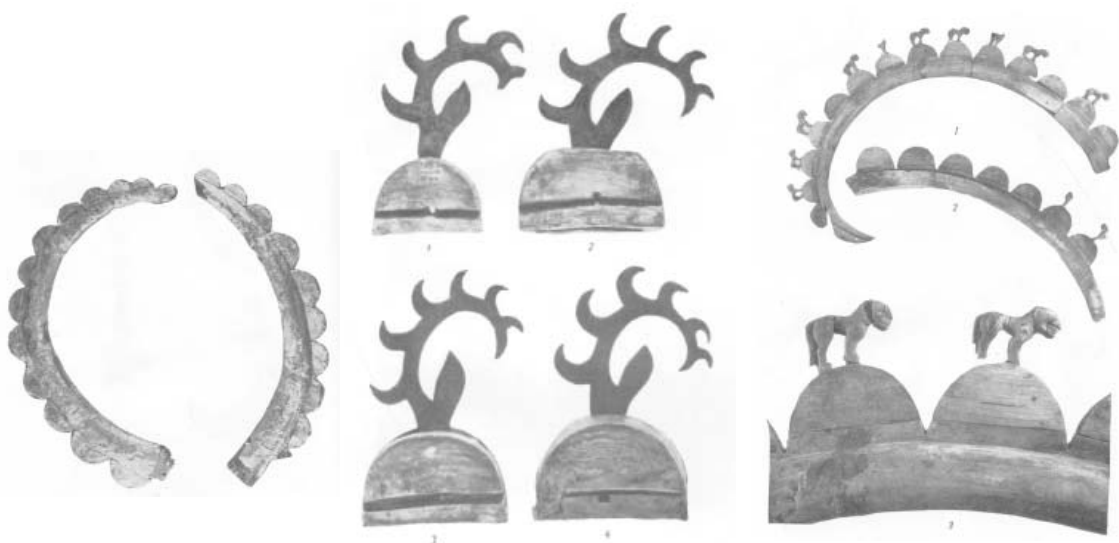

Рис. 1. Рога деревянные целые. Башадар курган 2 (по Руденко, 1960. Табл. XXXVIII); Детали рогов деревянных. Туэкта курган 1 (по Руденко, 1960. Табл. LXVII–LXVIII).

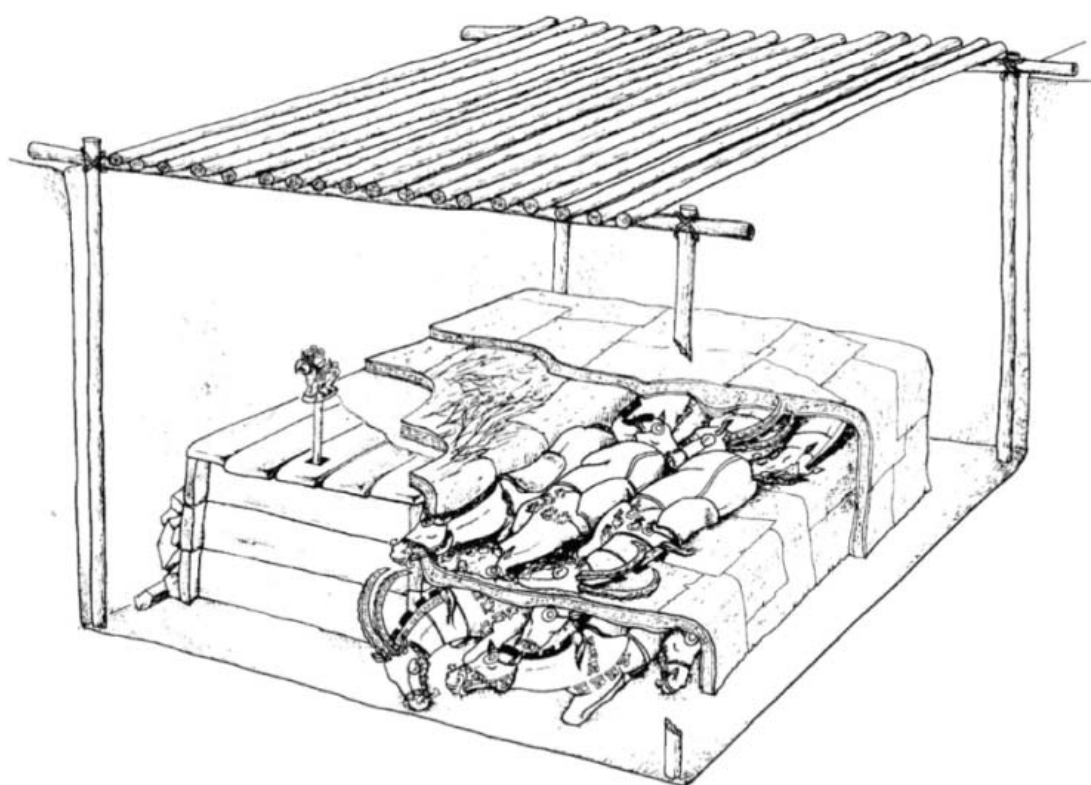

Рис. 2. Берель, курган 11. Реконструкция погребения (по: Samashev, 2007. Рис. 4).

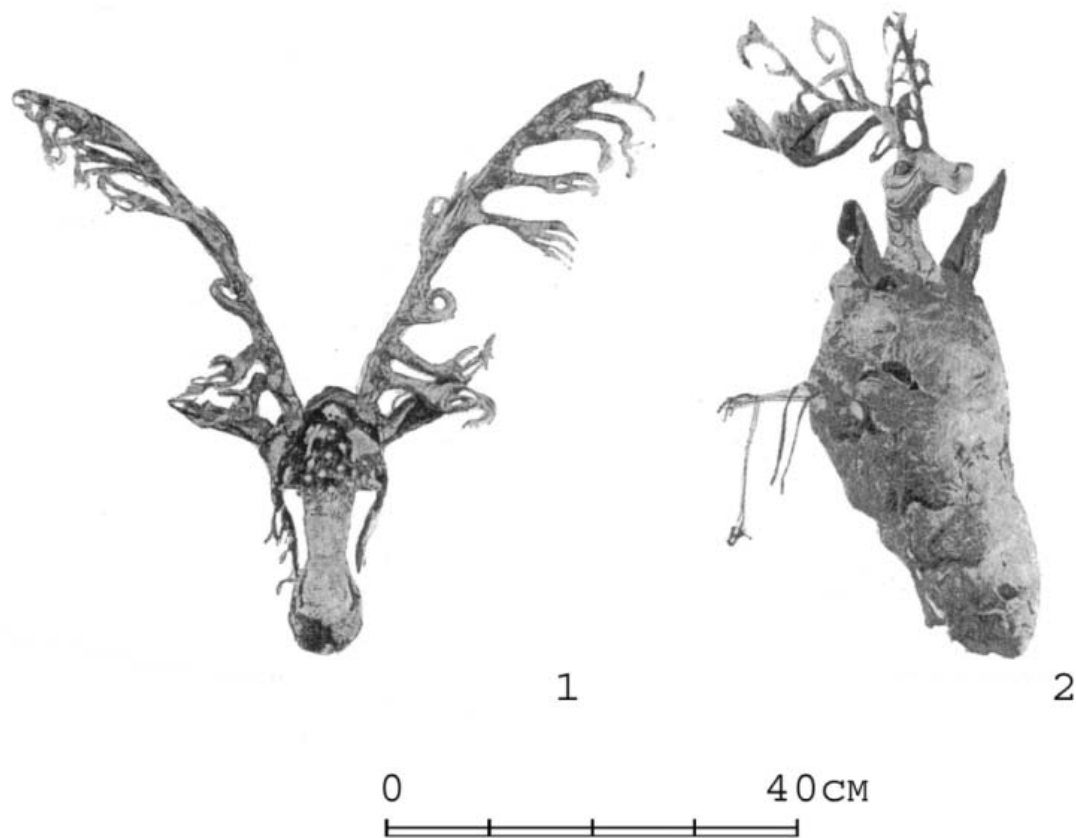

Рис. 3. Конские маски: 1 – тип 1 (Пазырык, курган 1); 2 – тип 2 (Пазырык курган 5). (по: Руденко, 1953. Табл. LXXI, CIX).

УДК 572 + 81.23

ББК 28.7+ 81.2

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ИССЫК-КУЛЬСКИХ КАЛМЫКОВ

To the Issue of Studying the Ethnic Group of Issyk-Kul Kalmyks

*Н. В. Балинова (N. Balinova)¹, В. Н. Хонинов (V. Khoninov)² **

¹кандидат биологических наук, научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of Biology, Researcher at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: balinovs@mail.ru.

²кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела Урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук (Ph.D. of Philology, Researcher of the Ural-Altaic Languages Department at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences). E-mail: altngasn@rambler.ru

В статье рассматривается история изучения этнической группы иссык-кульских калмыков (сарт-калмаков), анализируются различные мнения ученых относительно их происхождения. Отмечается, что в ходе экспедиции 2013 г. проведено комплексное исследование этнической группы сарт-калмаков: антропометрическое исследование, сбор генетического материала и опрос по лингвистической программе стословника с составлением именника, записью этнонимов и топонимов. На основании материалов антропологического исследования будут прослежены история развития и дальнейшее формирование группы иссык-кульских калмыков в сравнении с калмыками России и ойратами Китая, что позволит выявить наиболее актуальные тенденции в развитии данной этнической группы в настоящее время.

Ключевые слова: каракольские калмыки, сарт-калмаки, история изучения, этногенез, антропометрическое исследование, современная языковая ситуация, ономастический материал.

This article reviews the history of the study of the ethnic group of the Issyk-Kul Kalmyks, considers some scientists' opinions on the ethno-genesis of the Sart Kalmaks and assesses the material collected during the 2013 expedition.

The Sart Kalmaks are a small group of Oirat origin living in Ak-Suu district of Issyk-Kul province in the Republic of Kyrgyzstan now. At present it is impossible to accurately determine their number as according to the 2009 Census data 3,800 people registered as Kalmyks, but $\frac{3}{4}$ of the Kalmyks were recorded as Kyrgyz for social reasons. The population of the four villages Chelpek, Burma-Suu, Tash-Kyya and Beryu-Bash, where 90% of the residents are Sart Kalmyks, is about 12,000 people. One of the markers of their Western Mongolian origin is the language which is very close to Kalmyk. At the moment, there are only a few speakers of this language remained, and they are basically elderly people. Their traditional ethno-cultural characteristics have gradually given way to the Kyrgyz and common Muslim traditions.

The language, ethnography, history of the Karakol Kalmyks were studied by such scientists as A. V. Burdukov (1935), Sh. Dondukov (1973), E. R. Tenishev (1976), N. L. Zhukovskaya (1980), D. A. Pavlov (1984), A. N. Bitkeyeva (2006), B. Nanzatov and M. Sodnompilova (2012). The Sart Kalmyks rarely became the object of anthropological research, but were described in the works of D. O. Ashilova (1976) who made a number of conclusions based on the somatological data.

Though the ethnic group of Sart Kalmaks which became an integral part of the Kyrgyz nation in the past has close relations with other Western Mongolian groups through their common ancestry, language and culture, now they differ from the nations belonging to the Central Asian anthropological type (Kalmyks, Mongols and Buryats) in their physical type and reveal big anthropological affinity with the Kyrgyz.

During the 2013 expedition, we conducted an integrated study of the Sart Kalmaks. Within this research the native speakers of the language were interviewed in the Linguistic Program of 100 Word List. The household registers of the four villages in which Sart Kalmaks reside were used to work out the nominalia. The ethnonyms, toponyms and their semantics have been collected in the interviews with the informants. The Anthropometric

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-01-00063а.

Program involved body measurements of 84 women and 119 men. Some 830 photographs have been taken in order to create generalized portraits and fill out forms related to the Racial Program.

We also gathered some genetic material: out of 197 blood samples collected for genetic analysis 101 were taken from women and 96 from men. With respect to the ethnic component, the following distribution is observed: 111 people stated that their both parents were Sart Kalmaks, about half of them know the tribal affiliation of the parents (51 persons). 40 people are mestizos with Sart Kalmak and Kyrgyz blood lines, both parents of 29 informants are of Kyrgyz origin, 8 people are mestizos with Kazakh, Uyghur, Tatar, Bashkir blood lines.

The material collected in this field work will be implemented to trace the history of the Issyk Kul Kalmyks' development and to compare it with that of the Kalmaks living in Russia and China as well as to forecast the further evolution, to investigate the demographic and genetic structure of Karakol Kalmyks, to calculate the genetic distances and the degree of relationship with Russian Kalmyks. The photographs taken will allow to create generalized portraits of Sart Kalmak men and women. Therefore, this research will highlight the most recent trends in the development of this ethnic group.

Keywords: Karakol Kalmyks, Sart Kalmaks, history of the study, ethno-genesis, anthropometric research, current language situation, onomastic material.

Каракольские калмыки¹, или сарт-калмаки — монголоязычная этническая группа, потомки древних ойратов, имеющие богатую историю и национальную культуру. Предания гласят, что предки каракольских калмыков, олёты, до распада ойратского союза, причиной которого послужила внутренняя и внешняя политика крупных феодалов, кочевали в районе г. Токмака в устье р. Чу. В XIX в. их кочевья находились близ р. Текесу [Бурдуков 1935: 47–52]. Покинув родные кочевья в Джунгарии, они мигрировали к озеру Иссык-Куль, где были приняты в русское подданство. Они называли себя *кара калмыками* и происходили из *олётов* [Бурдуков 1935: 53], на новой родине они получили название *сарт-калмак*².

Всего на территорию России прикочевало чуть более 1 000 калмыков [Жуковская 1980: 157]. Придя к озеру Иссык-Куль, заселив территорию близ нынешнего города Каракол и образовав села Беру-Баш и Челпек, которые явились территориальным ядром этой этнической общности, они принесли богатую материальную и духовную культуру, сложившуюся в глубокой древности на

их далекой родине. Сарт-калмаки пользовались письменностью «тодо бичиг» («ясное письмо» 1648 года), создателем которой является выдающийся ойратский просветитель Зая-пандита, позже они перешли на общекалмыцкую письменность на кириллической основе.

Находясь длительное время в изоляции от других монгольских народов, на новой территории в иноязычном окружении, они постепенно утратили связь со своими сородичами, оставшимися на старых кочевьях. Вместе с тем крепили и множились их экономические, политические, культурные и бытовые связи с новыми соседями, взаимодействуя с которыми, сарт-калмаки переняли отдельные элементы их культуры, религии и языка, что обусловило изменения в укладе их жизни, обычаях и традициях. Приняв ислам, они усвоили мусульманскую культуру, что способствовало значительным изменениям в обрядовой сфере, связанной с традиционным мировоззрением калмаков.

Необходимо отметить, что история, культура, быт каракольских калмыков не были еще предметом целенаправленного комплексного исследования, хотя о них имеется немало сведений в литературе. К изучению сарт-калмыков, их языка и культуры в разное время обращались языковеды, историки, этнографы, писатели, журналисты, пытавшиеся пролить свет на историю их происхождения, расселения, а также материальную и духовную культуру калмаков Кыргызстана на основе сведений, собранных в ходе экспедиции.

¹ В историографии приняты два варианта написания данного этнонима. В данной статье используется написание «калмыки», хотя сами калмыки, в значительной степени утратившие родной язык и использующие в общении киргизский язык, уже называют себя «калмак».

² Видимо, именно потому термин сарт-калмак во всех исследованиях имеет один вариант написания.

Сарт-калмаки стали объектом научно-го исследования с 30-х гг. XX в. Впервые им была посвящена статья А. В. Бурдукова «Каракольские калмыки (сарт-калмаки)» [1935], где дается краткий обзор истории и традиционного уклада жизни калмыков Иссык-Куля. По поручению Монгольской комиссии Всесоюзной Академии наук А. В. Бурдуковым была совершена двухмесячная этнолингвистическая экспедиция к сарт-калмакам, в ходе которой ученый собрал богатый фольклорный и лингвистический материал, исторические сведения о каракольских калмыках, статистические и другие данные о населении и хозяйстве. Определенную ценность имеет небольшой по объему калмыцко-киргизско-русский словарь, составленный ученым. В своей статье автор приводит легенды, записанные от информантов и посвященные истории происхождения сарт-калмаков. Описывая уклад скотоводов, ученый отмечает, что «у середняков сохранился тип старо-монгольской юрты... На полу были разостланы узорчатые войлоки киргизского орнамента, за исключением одного монгольского ширдыка... Впереди была гора красиво сложенных одеял и подушек. От входа направо подвешен мешок с кумысом и расставлена кухонная посуда... Посередине горел огонь, на тагане стояла чугунная чаша. В чаше варят мясо, кипятят молоко, стряпают лепешки, чай же пьют из самоваров» [Бурдуков 1935: 60]. В статье приводится список этнонимов и топонимов, включая местные географические наименования микрообъектов, находящихся в окрестностях с. Челпек. Изучая каракольских калмыков, ученый приходит к выводу, что «калмыцкое население не вымирает и не находится в стационарном состоянии, а все время увеличивается... Не только в росте населения, но также и в культурно-общественном строительстве калмыки производят весьма благоприятное впечатление» [Бурдуков 1935: 71].

Каракольским калмыкам посвящена статья «Хар холын хальмгуд» [1964] известного фольклориста, профессора А. Ш. Кичикова, в которой автор делится впечатлениями о поездке в Киргизию с целью исследования быта, языка, обычаев и традиций сарт-калмаков, подробно описывает климат и ландшафт территории их проживания, приводит биографические сведения о своих информантах. Говоря о танцах и песнях иссык-кульских калмыков, ученый отмеча-

ет их сходство с танцевальной и песенной традицией древних ойратов. Большинство песен, записанных автором, являются протяжными, а две из них ученый относит к песням из героического эпоса «Джангар». А. Ш. Кичиков также обращает внимание на топонимию территории, имеющую ойратское происхождение, и приводит следующие примеры: *Хальмг зо*, *Нойна дав*, *Хуучна хальмг бух*.

У.-Ж. Ш. Дондуков в статье «Некоторые особенности говора иссык-кульских сарт-калмаков (ойратов) в сравнительном освещении с монгольскими и киргизскими языками» [1973] считает язык калмыков Иссык-Куля говором «ойратского языка монгольской семьи языков» [Дондуков 1973: 166]. Целью ученого являлось описание фонетического, морфологического и лексического строя языка сарт-калмаков, а также его взаимодействия с соседними неродственными языками. Исследуя фонетику данного языка, к числу характерных особенностей автор относит «отсутствие перелома звука *и* (*i*), тогда как у значительного большинства живых монгольских языков этот перелом давно завершился. Роль *и* (*i*) в этом говоре сводится к палатализации предшествующего ему согласного звука. Например, *нидун* 'глаза', *юрал* 'благопожелание', *алчир* 'платок', *дэвил* 'шуба', *шуры* 'бусы', *тэргин* 'телега', *бичиг* 'письмо', *чэвир бичиг* 'чистописание'. Таким образом, из-за отсутствия перелома звука *и* (*i*) произношение многих слов остается в данном говоре таким же, как и в древнемонгольском языке. Например: *чирай* 'лицо' (по-челпекски), *cirai* 'лицо' (в письм. монг.)» [Дондуков 1973: 168]. Морфологический строй языка сарт-калмаков рассматривается в аспекте сравнения с морфологической системой современного монгольского языка, бурятского и киргизского языков. Рассматривается категория множественного числа, глагольные формы, а также падежная система языка, в которой ученый выделил три отличительных падежа, сфера которых ограничивается словами, имеющими пространственно-локативное значение. Описывая и классифицируя лексический состав, автор приходит к выводу о том, что «процесс развития языка сарт-калмаков проходил в какой-то степени локализованно, не в общем русле с другими родственными языками. Поэтому одну из характерных черт его составляют специфические слова, не встречающиеся в других

современных, живых монгольских языках» [Дондуков 1973: 170].

Интерес к языку сарт-калмаков отражен в статье Э. Р. Тенишева. В статье «О языке калмыков Иссык-Куля» [1976] ученый рассматривает некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности языка сарт-калмаков. Говоря о переломе звука *и*, ученый отмечает, что данный языковой процесс произошел неравномерно, и приводит следующие примеры: *нүдн* 'глаз', (в письм. монг.) *nidün*; *нүүр* 'лицо', (в письм. монг.) *niyur*. Хотя наряду с ними встречаются слова, которые сохранили старый фонетический облик, например: *шидн* 'зуб', (в письм. монг.) *šidün*; *жүре* 'шестьдесят', (в письм. монг.) *jiran*. В отличие от калмыцкого языка в языке сарт-калмаков количественные числительные утратили конечный *-н*, исключением является числительное *нэгн* 'один', например: *дөрве* 'четыре', калм. *дөрвн*; *тāвы* 'пять', калм. *тавн*; *дбла* 'семь', калм. *долан*. Сравнение с лексикой калмыцкого языка обнаруживает в большинстве случаев совпадение терминов родства у иссык-кульских калмыков. Рассматривая язык сарт-калмаков, ученый приходит к выводу, что «язык иссык-кульских калмыков, как можно судить по речи жителей Челпека, больше всего различий от калмыцкого литературного и диалектного имеет в фонетике; в морфологии и лексике эти различия мало ощутимы, т. е. язык иссык-кульских калмыков находится на положении говора» [Тенишев 1976: 86].

Исследованием сарт-калмаков занимались и антропологи. В 50-х гг. XX в. в ходе Киргизской археолого-этнографической экспедиции Н. Н. Миклашевской было проведено соматологическое исследование иссык-кульских калмыков. Полученные данные послужили ценным материалом для сравнительно-сопоставительного анализа с этнической антропологией волжских калмыков, проведенного Д. О. Ашиловой. Автор приходит к выводу, что этническая группа сарт-калмаков в составе киргизов, в прошлом связанная с западно-монгольским этносом (общностью происхождения, языка и культуры), в настоящее время отличается по своему физическому типу от народов, принадлежащих к центрально-азиатскому антропологическому типу (калмыков, монголов и бурят) и обнаруживает наибольшую близость с киргизами [Ашилова 1976: 188].

Известный российский монголовед, этнолог, профессор Н. Л. Жуковская в статье «Иссык-кульские калмаки (сарт-калмаки)» [1980] подробно описала быт и хозяйственную деятельность каракольских калмыков. Называя их потомственными скотоводами-кочевниками, автор отмечает у них и навыки земледелия. «Вплоть до первых после революционных лет калмаки выращивали необходимый им минимум на богарных землях в горах. После революции им было предоставлено 545 га поливных полей, на которых постепенно наряду с пашнями появились сады и огороды» [Жуковская 1980: 159]. Эти занятия земледелием исследователь связывает с влиянием соседей, «прежде всего русских переселенцев, прибывших в Прииссыккулье из Воронежской, Астраханской, Курской, Полтавской губерний и быстро внедривших на новом месте высокую земледельческую культуру и технику Центральной России и Украины» [Жуковская 1980: 159], хотя известно, что в Джунгарии население также проводило земледельческие работы. Н. Л. Жуковская отмечает, что видом жилья у сарт-калмаков до 1920–1930-х гг. продолжала оставаться юрта. «Первые построенные в довоенные годы дома представляли собой длинные, с плоскими крышами саманные постройки, выходившие глухой стеной на улицу. Со стороны двора вдоль всей внутренней стены дома тянулась открытая веранда. Такой тип жилья близок к традиционному среднеазиатскому жилищу оседлого населения» [Жуковская 1980: 160]. К основным продуктам питания автор относит мясную и молочную пищу; «использование зерна и муки носило типичный для скотоводческого уклада характер» [Жуковская 1980: 161]. В ходе исследования автор приходит к выводу, что сарт-калмаки являются этнической группой в составе киргизов, а не самостоятельным этническим образованием [Жуковская 1980: 164]. Такой вывод был сделан в период, когда в исследуемой группе активно происходили ассимиляционные процессы, утрачивался язык, изменились традиционные занятия, религия, хотя сохранялись отдельные элементы собственной этнической культуры.

Тем не менее, традиционная культура и язык сарт-калмаков продолжали бытовать, и в лингвистической экспедиции 1982 г. Д. А. Павловым был собран языковой материал, анализ которого позволил ученому

сделать вывод о том, что язык иссык-кульских калмыков является торгутским, точнее цаатанским говором калмыцкого языка [Павлов 1984: 4]. В статье «Хар холын хальмгуд болн теднэ келн» [1984] Д. А. Павлов также описал быт и традиции калмыков Иссык-Куля.

Краткий обзор истории изучения языка и быта сарт-калмаков позволяет утверждать, что к настоящему времени накоплен значительный фактический материал, который представляет самостоятельную ценность и требует более детального обследования.

Летом 2013 г. нами совершена экспедиция в районы проживания сарт-калмаков. Антропологами и генетиками Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Музея и НИИ антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова проведено комплексное антропогенетическое исследование. По антропометрической программе измерены 84 женщины, 119 мужчин; сделано 830 фотоснимков для обобщенных портретов и заполнения бланков по расовой программе; собрано 197 образцов крови для генетического анализа; откопированы подворные списки 4 сел для популяционно-демографического анализа; опрошены 379 женщин, вышедших из репродуктивного возраста, для оценки репродуктивного здоровья популяции, расчета индексов потенциального отбора и социального прессинга. Сдавшие генетический материал по этнической составляющей распределились следующим образом: 111 человек заявили, что оба родителя являлись сарт-калмаками, из них примерно половина знают родовую принадлежность родителей (51 чел.). Метисами сарт-калмаков с киргизами являются 40 человек, у 29 человек оба родителя — киргизы, 8 человек — метисы с казахами, уйгурами, татарами, башкирами.

На основании полученных материалов будет прослежена история развития и дальнейшее формирование группы иссык-кульских калмыков в сравнении калмыками, проживающими на территории России, и ойратами Синьцзяна КНР; исследована демографическая и генетическая структура каракольских калмыков; рассчитаны генетические расстояния и степень родства с калмыками России. По индивидуальным фотоснимкам будут составлены обобщенные портреты мужчин и женщин сарт-калмаков. Представленное исследование

позволит осветить наиболее актуальные тенденции в развитии данной этнической группы в настоящее время.

В ходе исследования удалось собрать лингвистический и фольклорный материал, а также исторические сведения о сарт-калмаках, статистические и другие данные, характеризующие разные стороны их жизни. Следует отметить, что численность каракольских калмыков в настоящее время точно определить невозможно: по данным переписи 2009 г., учтено 3 800 человек, но от 2/3 до 3/4 калмаков записаны киргизами [Нанзатов, Содномпилова 2012: 132]. По учетным книгам сельских советов, численность населения четырех сел — Челпек, Бурмасу, Ташкия и Бору Баш (где до 90 % населения составляют сарт-калмаки) — около 12 тысяч человек. Миграция сарт-калмаков, их отдаленность от родственных народов и жизнь в иноэтническом окружении оказали большое влияние на все стороны их жизни, привели к утрате национального языка, письменности, религии, жизненного уклада. Говоря о языке калмыков Иссык-Куля, следует отметить, что он бытует только в разговорной форме и лишь среди представителей старшего поколения (начиная с 65 лет). Со слов информантов удалось записать названия некоторых родов, например: *байын-бахы* (*баян-баха*), *хар-батор*, *шонкур*, *солто*, *жедигер*, *монкуш*, *худан* (*ходон*), *керем*, *сарыталды* (*сарыбалды*), *каракоз*, *куйкунуулу* (*кюйукюйунун*), *орбендик* (*орвондик*), *жарынорку*, *чаган*, *моолмамед* (*монголмамед*), *жылмамед*, *чимид* (*чумот*), *бежиншарып* (*бейжиншарып*), *чирик* (*че рик*), *монголдор*, *таван-талха*, *таван-хар*. Отметим, что этническая система калмаков, сложившаяся в процессе длительного периода истории, восходит к общемонгольской этнической системе, в составе которой обнаруживаются и киргизские родовые наименования.

В именнике сарт-калмаков ряд имен восходит к словам общемонгольского языкового фонда. Приведем некоторые примеры: сарт.-калм. *Байырта* — калм. *Байрта*, сарт.-калм. *Бурулуш* — калм. *Буурлуш*, сарт.-калм. *Уланбатыр* — калм. *Улан Батр*, сарт.-калм. *Улан* — калм. *Улан*, сарт.-калм. *Баир* — калм. *Байр*. Наряду с этими есть имена, которые в разное время были заимствованы из других языков, так как заимствования неизбежны и являются результатом многовековых контактов между людьми разных национальностей.

В ходе опроса информантов зафиксировано несколько наименований географических объектов, которые присутствуют и в топонимии других монгольских народов, например: *Нарын, Улан, Долон, Аршан, Тамга, Борду, Челпек, Шораулан, Дархан*.

Очевидно, что ономастический материал, в котором отражены различные социально-экономические и общественно-политические аспекты, религиозные представления, непосредственно связанные с жизнью, бытом и этнической судьбой иссык-кульских калмыков, вызывает определенный интерес.

Обрядовая культура сарт-калмаков претерпела существенные изменения: родильные, свадебные и похоронные обряды сходны с соответствующей обрядностью киргизского и других мусульманских народов. Исключением является лишь чайная церемония иссык-кульских калмыков. По словам информанта Сакиевой Райке, жительницы с. Бурма-Суу, гостя встречают пиалой молочного чая с маслом, накрошив в него калмыцкую лепешку *калмак нан*, изготовленную по особому рецепту [ПМА: 1]. Интересно отметить, что изготовлением этого особого калмыцкого хлеба занимаются лишь женщины с. Челпек, его иногда называют *челпекским хлебом*.

Материалы настоящего исследования подтверждают важность изучения материальной и духовной культуры сарт-калмаков. Результаты лингвистического анализа материала, собранного по стословнику, послужат ценным источником при описании

фонетики, морфологии и лексики языка иссык-кульских калмаков, что актуально для калмыцкого языкознания и, шире, монголистики.

Сокращения

ПМА — полевой материал автора
письм. монг — письменный монгольский
калм. — калмыцкий
сарт.-калм. — сарт-калмацкий

Полевой материал автора

Сакиева Райке, уроженка с. Бурма-Суу, 1955 г. р.

Литература

- Ашилова Д. О.* Этническая антропология калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 215 с.
- Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмыки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–73.
- Дондуков Ш.* Некоторые языковые особенности говора Иссык-кульских сарт-калмаков (ойратов) в сравнительном освещении с монгольскими и киргизскими языками // Улсын монголч эрдэм // ик хурал 1 боть. Улан-Батор, 1973. С. 166–172.
- Кичиков А. Ш.* Хар холын хальмгуд // Хальмг үнн. 1964. 18 августа. № 163. С. 3–4.
- Нанзатов Б., Содномпилова М.* Каракольские сарт-калмаки (полевые очерки) // Tataria Magna. 2012. № 2. С. 128–151.
- Павлов Д. А.* Хар холын хальмгуд // Проблемы современных процессов в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 107–117.
- Тенишев Э. Р.* О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.

УДК 81. 373

ББК 81-3

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПАРЕМИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

The Grammatical Division of the Paremic Statements in the Karachai-Balkarian Language

Ас. К. Анноев (*As. Appoev*)¹, Ал. К. Анноев (*Al. Appoev*)²

¹ кандидат филологических наук, ведущий специалист-эксперт Министерства по СМИ, общественным и религиозным организациям Кабардино-Балкарской республики (Ph.D. of Philology, Leading Expert of the Ministry for Media, Public and Religious Organizations of the Kabardino-Balkar Republic). E-mail: ashatappoev@mail.ru

² кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute for Humanities at the Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences). E-mail: Appoev74@mail.ru

В статье проводится анализ паремических высказываний в карачаево-балкарском языке с точки зрения их грамматического членения. В этом случае можно говорить о главных и второстепенных членах предложения, характеризующихся многообразием средств выражения и структурной вариативностью. Обращается внимание на классификацию предложений-высказываний.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, паремия, грамматическое членение, синтаксическая единица.

The article analyzes paremic statements in terms of their grammatical structure. In this research we consider the main and secondary parts of the sentence characterized by a variety of means of expression and structural variability. The attention is drawn to the classification of sentence-utterances.

In the study of the syntax, there are a significant number of updated approaches to interpreting a sentence and its components. In particular, attention is paid to the structural, logical, semantic and communicative aspects of syntactic units. For instance, these approaches are applied in the study of the syntax of the Turkic languages.

The research employs various classifications of sentences for the analysis of paremic statements. The basic classification divides sentences into narrative, imperative and interrogative ones. So, narrative paroimia aims at providing certain information which is relevant for community. According to the classification proposed by scholars researching the syntax, we can consider complex and compound sentences. Thus, complex paremic statements can highlight some complicated ideas.

The paroimia reviewed in the research allows for talking about the variety of means of expression as well as the structural variation of the major and minor components of the considered paremic statements. All of them can structurally be divided into simple, complex and detailed.

Keywords: Karachai-Balkar language, paroimia, grammatical division, syntactic unit.

В последние десятилетия в тюркском языкознании изучению синтаксиса уделяется значительное внимание. При этом признается, что предложение является основной его единицей. Как пишет известный синтаксист Г. А. Золотова, смысл целого текста порой предопределяется типовым значением предложения, однако «признать это иногда мешает традиционный синтаксический разбор, противоречащий реальной структуре предложения» [Золотова 1982: 300].

В работах, посвященных синтаксису, актуализируется ряд дифференциальных признаков при интерпретации предложения и его компонентов. В них особое внимание уделяется структурному, логическому и коммуникативному аспектам синтаксических единиц. Они представлены и в синтаксических исследованиях по тюркским языкам.

Во многих синтаксических работах исследователи в основном опирались на собственно структурные особенности предло-

жения [Балакаев 1959; Ахматов 1968; Алиев 1973 и др.]. Такой подход имел место и в специальных исследованиях, связанных с изучением синтаксических особенностей пословиц и поговорок [Абдурахманов 1969]. Но в последние десятилетия, особенно в 1980-е годы, синтаксисты-тюркологи больше внимания стали уделять структурно-семантическому анализу предложения [Ахматов 1983; Махмудов 1984 и др.]. Такая тенденция имеет продолжение [Кетенчиев 2000; Хуболов 2002; Додуева 2003; Карчаева 2004; Алимбаева 2005; Тикеев 2008 и др.].

В рамках данной статьи релевантно отметить тот факт, что в грамматиках тюркских языков и в монографических работах по синтаксису предложение определяется с опорой на традиционную русистику, т. е. предложение представляет собой грамматически оформленную по законам данного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли [Грамматика современного русского литературного языка 1970: 65; Грамматика хакасского языка 1975: 286; Баскаков 1984: 7; Тыбыкова 1991: 5 и др.]. Данное понимание предложения в целом относится и к паремическому высказыванию, спецификой которого является репрезентация коллективной обобщенной мысли универсального или идиоэтнического характера.

Небезынтересен анализ паремий с точки зрения их грамматического членения. В этом случае можно говорить о главных и второстепенных членах предложения, характеризующихся многообразием средств выражения и структурной вариативностью. Обратимся к их рассмотрению.

В паремических высказываниях подлежащее обычно выражается именем существительным в основном падеже в форме единственного числа: **Къуру тулукъ ёре сюелмез** «Пустой мешок стоять не будет». В форме множественного числа подлежащие в паремических высказываниях употребляются достаточно редко: **Къаргъала да мыллыкга басынадыла** «И вороны теснятся у падали» [Малкъар нарт сёзле 1965]. Выражаются подлежащие также именами существительными с притяжательными аффиксами, при этом данные аффиксы репрезентируют, как правило, второе и третье лицо. Примеры: **Къанатынг жокъ эсе, учма** «Если у тебя нет крыльев, не летай»;

Киши ожагъы — тар, тур да, юйюнге бар «Чужой очаг тесен, вставай и иди домой» [Малкъар нарт сёзле 1982].

Подлежащему присущи и другие средства выражения:

а) контекстуально субстантивированное имя прилагательное: **Ач аш айырмайды** «Голодный к пище не привередлив»; **Аман тюнде къалыр** «Плохой (слабый) внизу останется»;

б) причастия в различных временных формах: **Ишлемеген тишлемез** «Не работающий не ест»; **Боллукъ бёркюнден белгили** «Кто кем станет, того по шапке видно»;

в) имена числительные: **Экеу тутушса, биреу жыгъады** «Если двое поборются, один побеждает»;

г) местоимения: **Ким да буруну бла суу ичмейди** «Никто носом воду не пьет»; **Сен — жюйюсхан, мен — жюйюсхан, къайда къара эшекге къуушхан?** «Я — господин, ты — господин, где для черного ишака подхвостник?»;

д) наречия (очень редко): **Тамбласы хар кюнню да барды** «Свое завтра есть у каждого дня».

В паремических высказываниях, приведенных выше, подлежащие в структурном отношении являются простыми. Однако в составе паремий встречаются и сложные подлежащие, которые представлены в основном двумя разновидностями. В первую группу входят дескрипции, представляющие собой неразложимые сочетания и состоящие из знаменательных слов. Примеры: **Адамла барысы да тогъуз айны баласыдыла** «Все люди являются детьми девяти месяцев»; **Бек анасы жилимаз** «У кого крепка мать, тот не заплачет»; **Кеси аман балта алып чабар** «Кто сам виновен, тот винит других»; **Къартла сёзю — акъыл кёзю** «Слова стариков — глаза ума». Во вторую группу входят дескриптивные подлежащие, состоящие из знаменательного и служебного слов: **Жауун аллы жел болур** «Перед дождем ветрено бывает» и т. п. [Къарачай-малкъар нарт сёзле, 2005].

Значительным функционально-семантическим потенциалом обладают так называемые развернутые подлежащие. Они состоят из:

а) причастных оборотов: **Бир уругъа эки жыгъылгъан — сокъур, бир адамгъа эки алдатхан — тели** «Упавший в одну яму дважды — слепой, позволивший себя обма-

нута одному и тому же человеку дважды — дурак»; **Бёрю атарыкь бёркюнден белгили** «Кто сможет убить волка, того видно по шапке»;

б) оборотов с главными конститuentами, представленными именами действия: **Ахшы бла сёлешу** — **балгъа шекер атханлай**, **аман бла сёлешу** — **итге сюек атханлай** «Говорить с хорошим [человеком], что добавить сахара в мед, говорить с плохим [человеком], что бросить кость собаке»;

в) оборотов со стержневыми словами-прилагательными: **Билеги кючлю бирни жыгъар**, **билими кючлю мингни жыгъар** «Крепкий в руках одного свалит, крепкий в знаниях тысячу свалит»; **Кёлу уллу** — **асыу**, **аягъы уллу** — **жарсыу** «Иметь большие руки — благо, иметь большие ноги — печаль»; **Малы тас атасыны-анасыны кёйюунда излер** «Потерявший скот будет искать за пазухой у отца и матери»;

г) оборотов с главными элементами-предикативами: **Акъылы жокъ неда айтыр** «Не имеющий ума все скажет»; **Кюню бар** — **нюрлю**, **кюню жокъ** — **нюрсюз** «Имеющий благополучие — приятный, не имеющий благополучия — неприятный».

В редких случаях паремические высказывания осложняются за счет однородных подлежащих, которые соединяются между собой как при помощи союзов, так и без них: **Акъыл бла эс**, **къан бла жүрек эгиздиле** «Ум и сообразительность, кровь и сердце являются близнецами».

Сказуемые паремических высказываний бывают как именными, так и глагольными, причем превалируют в количественном отношении последние. Глагольные сказуемые выражаются формами:

а) изъявительного наклонения в прошедшем, настоящем и будущем времени: **Мытыр ат излегинчи**, **жаяу жерине жетди** «Пока ленивый искал лошадь, пеший дошел туда, куда хотел»; **Бал тамгъан тилден уу да тамады** «С языка, откуда капает мед, капает и яд»; **Жумушакъ сёз кьаты таякны сындырыр** «Мягкое слово сломает крепкую палку»;

б) повелительного наклонения: **Сёзге ийнанма**, **кёзге ийнан** «Не верь словам, верь глазам»; **Кёп тур да**, **бек чан** «Много стой и быстро беги»;

в) условного наклонения (в придаточных частях высказываний): **Кёнакъ келсе**, **эт бишер**, **эт бишмесе**, **бет бишер** «Если

гость придет, мясо сварится, если мясо не сварится, лицо сгорит». Из приведенных форм меньшими функциональными возможностями отмечены сказуемые прошедшего и настоящего времени.

Именные сказуемые выражаются различными частями речи: существительными в различных падежных формах, прилагательными, числительными, наречиями, предикативами и т. д. Примеры: **Сокъур тау-укъгъа бары да** — **тау** «Для слепой курицы все — гора»; **Батырны жери** — **алда**, **сатхычны жери** — **салда** «Место батыра — впереди, место предателя на носилках (для покойника)»; **Аты бирни анты бир** «Имеющий одно имя имеет одну клятву»; **Билекден жүрек кючлю** «Сердце сильнее рук»; **Телиге тёре жокъ** «Для дурака нет суда» и т. п. [Къарачай-малкъар нарт сёзле 2005].

Спецификой паремических высказываний является то, что сложные именные сказуемые в большей степени вбирают в свой состав вспомогательный глагол **бол** «быть». Кроме того представлены сказуемые, выраженные изафетными дескрипциями и послеложными сочетаниями. Примеры: **Кёшда ёсген эр болур** «Растущий в кошаре станет мужчиной»; **Элге тели деген** — **кеси тели** «Считающий село дураком — сам дурак»; **Билмеген бла туумагъан бир кибикди** «Не зная и не родиться — одно и то же» [Къарачай-малкъар нарт сёзле 2005].

Дополнения в высказываниях рассматриваемого типа выражаются именами и их субститутами в формах дательного, винительного, местного и исходного падежей, а также послеложными сочетаниями. При этом они бывают как простыми, так и сложными и развернутыми. Приведем несколько примеров: **Тели туюгенни акъыллы тешмез** «Завязанное дураком умный не развяжет»; **Телини сорууна акъыллы жууап этмез** «На вопрос дурака умный не ответит»; **Тели кесин махтар** «Дурак самого себя похвалит»; **Жагъынлы ат къамичиден тоймаз** «Норовистая лошадь камчой не насытится»; **Баиша жерде солтан болгъандан эсе**, **туугъан жеринде олтан бол** «Чем быть в чужой стороне султаном, будь на своей родной земле стелькой»; **Айыу бла кертме ашама** «С медведем груши не кушай» и др. [Къарачай-малкъар нарт сёзле 2005].

Обстоятельствам присущи те же формы выражения и структурные типы, что и до-

полнению, но их спектр несколько шире в структурном и семантическом отношении. Примеры: **Гула кьой артдан юркур** «Глупая овца после шарахается»; **Тели батыр тез ёлюр** «Дурной батыр быстро умрет»; **Ат, абынмай, жол танымаз** «Лошадь, не споткнувшись, дорогу не найдет»; **Кишилик болур ючюн, адамлык керек** «Чтобы было мужество, нужна человечность»; **Алтын багушда да танылыр** «Золото и в мусоре узнается»; **Ёлмей бла кетмей, адамны игилиги билинмез** «Пока не умрет и не уйдет, [хорошего] человека не оценят» и т. п.

Определение в паремических высказываниях выражается лексемами адъективного характера, как правило, в формах основного и родительного падежей: **Иги алманы кьурт ашар** «Хорошее яблоко червь съест»; **Жетмеген харбызны урлугъу кёп болур** «У незрелого арбуза семян бывает много»; **Билгенни кьолу кьарны жандырыр** «Рука знающего зажжет снег»; **Ахчасы болмагъан адам бохча тутмайды** «Человек, не имеющий денег, кошелек не держит» и др. [Къарачай-малкъар нарт сёзле 2005].

В рамках данного исследования целесообразно обратить внимание на классификацию предложений. Основная классификация предполагает деление конструкций по целеустановке на повествовательные, побудительные и вопросительные. Повествовательные паремические конструкции нацелены на сообщение определенной информации, релевантной для представителей социума с различных точек зрения: **Байлык билимсизге душманды** «Богатство для несведущего является врагом»; **Ашы жокъ юнню ит да сүймейди** «Дом, где нет пищи, не любит даже собака». Побудительные паремические высказывания репрезентируют волеизъявление говорящего относительно выполнения или невыполнения того или иного действия, в основном — совет: **Байны махтама, жарлыны сёкме** «Богача не хвали, бедняка не порицай»; **Уллу сёлешме да, уллу къап** «Не говори громко, а откуси побольше». Меньше представлены среди паремических высказываний вопросительные конструкции, которые используются говорящим для получения информации от собеседника. Но в паремиях актуализируется в большей степени риторический вопрос: **Аллах бермегеннге файгъамбар не берликди?! «Что даст пророк тому, кому Аллах не дал?!»**.

Согласно другой таксономии, конструкции подразделяются на простые и сложные. Если простое предложение монопредикативно, то сложное состоит из двух и более предикативных частей. Простые паремические высказывания в настоящей работе мы делим на двусоставные и односоставные. Собранный нами фактологический материал говорит о том, что односоставные паремические высказывания преобладают в количественном отношении, что предопределяется спецификой жанра пословиц и поговорок, которые характеризуются обобщенностью, абстрактностью: **Баргъан сууну жайыуна ышанма** «Не надейся на разлив реки».

Исходя из накопленного синтаксистами-тюркологами опыта, сложные паремические высказывания подразделяются нами на сложносочиненные и сложноподчиненные, а также выделяются конструкции усложненной структуры. Примеры: **Кьолунг бла берсенг, аягъынг бла алырса** «Если отдашь руками [в долг], возьмешь ногами»; **Кьонакъ кьойдан жууашды, анга кьуйрукъ да ашды** «Гость смиренней овцы, для него и курдюк пища»; **Асыры татлы болсанг — ашарла, асыры ачы болсанг — атарла** «Если будешь слишком сладким — скушают, если будешь слишком горьким — выбросят» и т. д. [Къарачай-малкъар нарт сёзле 2005].

Проанализированный нами фактологический материал позволяет говорить о многообразии средств выражения и структурной вариативности главных и второстепенных компонентов паремических высказываний. Все они в структурном отношении подразделяются на простые, сложные и развернутые. Позиции этих конститuentов высказываний замещаются лексемами различной частеречной принадлежности и семантики, но они, конечно, не охватывают всего многообразия, имеющегося в синтаксических конструкциях устной и письменной речи.

Источники

- Къарачай-малкъар нарт сёзле (Карачаево-балкарские пословицы и поговорки). Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 2005. 192 б.
- Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки). Нальчик: Къабарты-Малкъар китап басмасы, 1965. 207 б.
- Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки). Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1982. 188 б.

Литература

- Абдурахманов Х.* Синтаксические особенности узбекских народных пословиц: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1969. 48 с.
- Алиев У. Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1973. 351 с.
- Алимбаева Г. Г.* Структурно-семантические особенности неглагольных сказуемых в современном башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 21 с.
- Ахматов И. Х.* Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1968. 164 с.
- Ахматов И. Х.* Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке: (Основные вопросы теории). Нальчик: Эльбрус, 1983. 360 с.
- Балакаев М. Б.* Современный казахский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения. Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1959. 235 с.
- Баскаков А. Н.* Предложение в турецком языке. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1984. 200 с.
- Грамматика современного русского литературного языка.* М.: Наука, 1970. 767 с.
- Грамматика хакасского языка.* М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975. 418 с.
- Додуева А. Т.* Структура и семантика предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 2003. 128 с.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
- Карчаева Х. Ж.* Структура и семантика простых предложений с облигаторными обстоятельными распространителями в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 21 с.
- Кетенчиев М. Б.* Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2000. 145 с.
- Махмудов Н. М.* Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1984. 45 с.
- Тикеев Д. С.* Синтаксис башкирского языка и методика его преподавания: Избранные труды. Часть III. Уфа: Гилем, 2008. 340 с.
- Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1991. 228 с.
- Хуболов С. М.* Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2002. 147 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИБЕТО-МОНГОЛЬСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ОЙРАТСКИХ РУКОПИСНЫХ ПАМЯТНИКАХ XVII в. (на материале сутры «Царь благих пожеланий»)

Some Aspects of the Tibetan and Mongolian Interferences in the Oirat Manuscripts of the 17th Century (the case study of the Sutra “King of Aspiration Prayers”)

Г. Б. Корнеев (G. Korneev)¹

¹магистрант 2 курса Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета (Second-year Post-graduate Student at the Institute of the Kalmyk Philology and Oriental Studies of Kalmyk State University). E-mail: cecerlig88@mail.ru

Статья посвящена особенностям перевода буддийского сочинения «Царь благих пожеланий» (скр. ‘ārya bhadrā cārya pranidhāna rāja’; тиб. *phags-pa bzang-po spyod-pa'i smon-lam-gyi rgyal-po*; ойрат. ‘xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyin xa:n’) с тибетского языка на ойратский. Текст тибетской сутры является одним из ранних переводов с санскрита и одним из важнейших образцов литературы позднемаяханского буддизма, а также одним из самых известных сочинений тибетского буддизма. Автор приходит к выводу, что ойратская сутра представляет собой образец дословного перевода с тибетского, и отмечает сильное влияние оригинального тибетского первоисточника. Весьма ощутимо влияние оригинального тибетского текста и на синтаксическое строение предложений ойратского текста.

Ключевые слова: «Царь благих пожеланий», Зая-пандита, ойратский перевод, сутра, буддийская каноническая литературная традиция, тибето-монгольская интерференция.

This research is dedicated to the translation peculiarities of the Buddhist manuscript “The King of Aspiration Prayers” (*sanskrit. ārya bhadrā cārya pranidhāna rāja; tibetan. 'phags-pa bzang-po spyod-pa'i smon-lam-gyi rgyal-po; oirat. xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyin xa:n*) from Tibetan to the Oirat language. The class of this religious works in Sanskrit is called “pranidhāna” (*sanskrit. pranidhāna*), in Tibetan — “mon-lam” (*tib. smon-lam*) and “jor'ool” in Mongolian (*mong. irügel*). There is no Russian equivalent for this class of works, that is why the author uses a literary translation ‘Tsar blagikh pozhelanii’ for it. The Tibetan sutra’s text is one of the earliest translations from Sanskrit and the major sample of the later Mahayana Buddhism literature. It is also the 40th path in the Mahayana sutra of “Avatamsaka” which belongs to the theoretical class of sutras and was finally formed in Sogdian and Khotan in the second part of the 4th century.

Pandita Jinamitra and Tibetan lotsava Yeshe-De (*tib. ye-shes sde*) are mentioned as the translators from Sanskrit to Tibetan. One of the first Tibetan Buddhist monks Vairocana Rakshita was named as the editor of this translation. This text plays a specific role in the commentary tradition of the well-known Indian masters and the prominent Buddhist preachers of Tibet as well. Because of “The King of Aspiration Prayers” sutra popularity, the text was included in the collection of Buddhist sutras named “Gandjur” (*tib. dka-'gyur*), and it was also translated into Mongolian and became a part of Mongolian Gandjur. The author of the Oirat translation was Zaya Pandita Namkai Jamtso.

The peculiarity of the Oirat text is word-for-word translation from Tibetan which strongly follows the original both in vocabulary, when a definite Tibetan word is used instead of its synonym, and in syntax, when the word order in the Oirat sentences can hardly be understood without considering the Tibetan original. However, at that time there were no strong rules for translation from Tibetan to Mongolian and Oirat. The Oirat translation tradition reached its high point later in the 8th century when translation of Mongolian Danjur was made. At the same time, we should notice that the Oirat translation tradition distinguishes in its accuracy which allows for preserving all the syntactical elements of the original Tibetan texts. Consequently, it can be regarded as predecessor of the Mongolian translation tradition according to which the work on translation of Mongolian Danjur was finished.

Keywords: King of Aspiration Prayers, Zaya Pandita, Oirat translation, sutra, canonical tradition of Buddhist literature, Tibetan-Mongolian interference.

Формирование монгольской средневековой литературы происходило в тесных контактах с литературной традицией Тибета, которая, в свою очередь, была заимствована из Индии, где она существовала как собственно буддийская литература, являясь одновременно частью индийской литературы. Среди разнообразия жанров поздней буддийской индийской, а как следствие, и тибетской литературы важное место занимают «пранидханы» (скр. *pranidhana*; тиб. *smon-lam*; монг. *irügel*) — особые религиозные «молитвы, обеты или клятвы» [Высочайшая пранидхана Арья Самантабхадры 2001: 2]. В этой связи следует отметить, что в русском языке довольно сложно подобрать лексему, являющуюся семантическим эквивалентом санскритскому и тибетскому вариантам наименования данного литературного жанра, поэтому переводчики определяют «пранидхану» по-разному: «спасительная клятва» в переводе Б. Нармаева [Ходж 1997: 148], «пожелание добрых деяний» в переводе А. Кугьявичуса [Чже Цонкапа 2012: 87], «молитва благопожелания» в переводе И. Заубера [Патрул ринпоче 2007: 309]. Тибетский эквивалент данного санскритского термина возник в результате контаминации двух слов: «*smon*» — от тибетского «*smon-pa*» — 1) хотеть, желать, молить о ... 2) желание, хотение, мольба, просьба, клятва, обет [ТРАССП 1986: 7, 152] — и «*lam*» — путь, дорога, тропа [ТРАССП 1987: 9, 154]. В монгольской традиции эквивалентом данного термина является лексема «*irügel*» (ойр. *irö:l*) — «благопожелание», являющаяся названием оригинального монгольского фольклорного жанра.

Настоящая работа посвящена рассмотрению некоторых вопросов тибето-монгольской интерференции на материале «пранидханы», условно переводимой нами как «Царь благих пожеланий» (скр. *ārya bhadra cārya pranidhāna gāja*; тиб. *’phags-pa bzang-po spyod-pa’i smon-lam-gyi rgyal-po*; ойрат. *xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyin ха:n*). В качестве основного текста исследования взят тибетский текст «*’phags-pa bzang-po spyod-pa’i smon-lam-gyi rgyal-po*» из сборника «*bstod-smon phyogs bsgrigs¹*» и еще один вариант текста из буддийского сборника «*mdo sngags gsung-rab rgya-*

mtsho’i snying-po mtshen-gzungs mang-bsdus bzugs-so²». Для сравнения привлекается ойратский текст «*xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyin ха:n³*».

Проблемам тибето-монгольской интерференции посвящены отдельные работы российских и монгольских ученых: Г. Ц. Цыбикова [Цыбиков 1991], К. В. Алексеева [Алексеев 2008], А. Д. Цендиной [Цендина 2001], Д. Н. Музраевой [Музраева 2008 а; 2008 б; 2008 в; 2010 а; 2010 б; 2011], Л. Хүрэлбаатара [Хүрэлбаатар 1995], Ц. Мөнх-Эрдэнэ [Мөнх-Эрдэнэ 2010], Д. Бүрнээ и Д. Энхтөр [Бүрнээ, Энхтөр 2003] и др. Актуальность предпринятого исследования продиктована необходимостью углубленного изучения ойратских письменных памятников в связи с исследованием традиции ойратского перевода.

Так, в северобуддийском каноне «Царь благих пожеланий» представлен в виде отдельного текста, хотя изначально он является отрывком 40 главы Аватамсака сутры — одной из важнейших и почитаемых сутр махаянского буддизма. Буддолог и религиовед Е. А. Торчинов относит Аватамсака сутру к группе «теоретических», связанных с махаянской идеей Татхагатагарбхи, в основе которой лежит представление о том, что каждое живое существо имеет природу Будды, которая «должна быть реализована, переведена из потенциального положения в актуальное» [Торчинов 2005: 100]. Далее ученый отмечает, что Аватамсака сутра окончательно сформировалась в Центральной Азии, Согдиане и Хотане во второй половине IV века, а будучи переведенной на китайский язык — произвела «настоящий переворот в понимании китайцами буддизма и во многом определила дальнейшее направление эволюции дальневосточной Махаяны» [Торчинов 2005: 100].

В тибетской буддийской традиции отрывок Аватамсака сутры, называемый «Царь благих пожеланий», весьма известен. Особое внимание данному произведению уделяется в работах авторитетных тибетских авторов, таких как Чже Цонкапа [Чже Цонкапа 2012], Патрул ринпоче [Патрул ринпоче 2007] и др. Комментарии к тексту «Царь благих пожеланий», осуществленные Нагарджуной, Шакьямитрой, Ланкабха-

¹ «*bstod-smon phyogs bsgrigs*» издательства *mtsho-sngon mi-rigs dpe-skrun khang*: КНР: Циньхай: Национал. кн. изд-во, 2008. 4-е изд. С. 123–137.

² Циньхай, КНР, год издания и место не указаны.

³ Текст из коллекции Г. Ядамжава. Монголия, Кобдоский аймак, Манхан сомон.

дрой, Васубандху и Дигнагой, помещены в 38 томе отдела «Сутра» Данчжура [Цыби-ков 1991: 84]. Трактовке данного произведения были посвящены труды тибетских лам Чжанчжа Рольбий Дорджэ и Гьялцаб Дарма Ринчена. Текст «Царя благих пожеланий» входит в тибетскую и монгольскую версии Кангьюра [Каталог Петербургского рукописного «Ганджура» 1993: 163], а также в тибетский сборник молитв «Сунгдуй» (тиб. mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshan-gzungs mang-bsdus bzhugs-so) [mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshan-gzungs mang-bsdus bzhugs-so; № 145].

Особо следует отметить роль текста «Царя благих пожеланий» в тибетской и монгольской буддийской ритуальной практике. Тибетские буддисты и их последователи широко используют цитаты из этого текста после ежедневного прочтения молитв во время ритуала «посвящения заслуг» (тиб. bsngo-ba), а также при похоронных обрядах. В монгольской буддийской традиции даже сам обряд отпевания покойника в связи с прочтением именно текста «Царя благих пожеланий» называется «ёрөөл авхуулах / уншуулах» — «отправить / прочесть благое пожелание» (калм. «йөрөл авхулх / умшулх»).

Отдельно следует отметить, что «Царь благих пожеланий» впервые был переведен в древний период проникновения буддизма в Тибет в VIII–IX вв. переводчиками с санскрита на тибетский «индийским наставником Джина Митрой, лоцзавой банди Еше Де и другими. Редакцию перевода осуществил великий редактор и лоцзава Вайрочана»¹ [mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshan-gzungs mang-bsdus bzhugs-so, p. 834], им же добавлено последнее четверостишие в тибетском варианте текста [Пүрэвсүх 2007: 69]². Перевод текста на монгольский язык был осуществлен многими переводчиками, в числе которых следует отметить переводчика канонизированного

текста, «учителя, геше Судани»³ [Каталог Петербургского рукописного Ганджура 1993: 165]. Перевод сутры на ойратский был осуществлен Зая-пандитой Намкай Джамцо, хотя в перечне переведенных ойратским просветителем текстов нет прямого указания на «Царя благих пожеланий», имеется упоминание о переводе текстов «tabun irö:l» (тиб. smon-lam snga) под номером 30 [Раднаабдраа 2009: 36]. Монгольский ученый лама Х. Бямбажав, говоря о названии «tabun irö:l», отмечает: «Его еще называют «пять благих пожеланий о совершенной добродетели» (тиб. dge-ldan pa'i smon-lam lnga). Говоря по-другому, это пять благих пожеланий традиции Гелуг, наследованной от ламы Цонкапы: 1) Царь благих пожеланий превосходного пути (bzang-spyod smon-lam), 2) Благие пожелания Майтреи (byams-pa'i smon-lam), 3) Благие пожелания перерождения в Сукхавати (bde-smon-lam), 4) Благие пожелания высшей, средней и низшей добродетели (thog-mtha'-bar smon-lam), 5) Благие пожелания о вступлении на путь бодхисаттв» (spyod -'jug smon-lam)»⁴ [Раднаабдраа 2009: 36].

Перевод части сутры «Царь благих пожеланий» на русский язык впервые был осуществлен А. М. Позднеевым [Позднеев 1993: 315–320]. В статье «Материалы к русскому переводу «Лам-рим чэн-по» Г. Ц. Цыби-ков приводит собственный перевод двенадцати четверостиший сутры [Цыби-ков, 1991: 83], при этом он отмечает, что «переводчик (А. М. Позднеев. — Г. К.) оставил без перевода целую строфу — пятую часть молитвы» [Цыби-ков 1991: 199]. Ученые М. И. Тубянский, Б. И. Кузнецов, Е. Д. Огнева, Р. Н. Крапивина⁵, А. А. Терентьев и

³ «Sudani sayin nökör bayisi».

⁴ Үүнийг бас Төгс буянтын таван ерөөл (dge-ldan pa'i smon-lam lnga) гэж нэрэлдэг. Өөрөөр хэлбэл Богд Зонхавын үдэслэсэн Гэлүгвийн ёсны таван ерөөл юм. Эдгээр нь: 1. Хутагт сайн явдалын ерөөлийн хаан (bzang-spyod smon-lam), 2. Майдарын ерөөл (byams-pa'i smon-lam), 3. Сукхавадид төрөхүй ерөөл (bde-smon-lam), Тэргүүн дунд эцэст буянт ерөөл (thog-mtha' bar smon-lam), Бодьсадвын явдалд орхуйн ерөөл (spyod 'jug smon-lam) болно [Бямбажав: Раднаабдраа 2009: 36].

⁵ М. И. Тубянский в 1937 г. был расстрелян, а его перевод текста «Лам-рим» вместе с архивами уничтожен. Черновой перевод первой части «Лам-рима», включающий и отрывок «Царя благих пожеланий», осуществленный Б. И. Куз-

¹ Rgya-gar-gi mkhan-po Dzi-na Mi-tra dang | lo-tsa-ba bande Ye-shes sde-la sogs-bas brgyur-cing lo-chen Bai-ro nas zhus chen mdzed-do ||

² «Сүүлийн энэ ерөөл нь гүүш Вэйрочангийн орчуулгаа хийж дуусаад нэмж хийсэн ерөөл юм» — «Последнее благое пожелание — пожелание, которое добавил гууши Вайрочана после того, как осуществил перевод» [Пүрэвсүх 2007: 69].

А. Кугьявичус упоминают текст «Царя благих пожеланий» лишь в связи с работой над переводом «Лам-рима» Чже Цонкапы [Чже Цонкапа 2012: XVIII–XIX]. Полный перевод текста с тибетского на русский язык осуществлен А. А. Щербаковым [Щербаков 2001], но работа не была опубликована, а ее электронный вариант размещен на сайте «www.kunpendelek.ru». В интернете имеется ряд переводов текста «Царя благих пожеланий», переведенных с английского языка на русский.

Тибетский текст «Царя благих пожеланий» представляет собой 63 строфы, 62 из которых — основной текст, а последнее четверостишие — интерполяция редактора перевода Вайрочаны Ракшиты [Пүрэвсүх 2007: 69]. Тип тибетского перевода текста — дословный (тиб. *tshig bsgyur*; рус. перевод слов), который осуществлен в особой тибетской традиции стихосложения. Описывая особенности тибетской рифмы, С. Ходж отмечает, что «тибетская строфа обычно имеет четыре равных строки с определенным нечетным количеством слогов в каждой» [Ходж 1997: 128].

Ойратский текст буддийской «пранидханы» «Царь благих пожеланий» представляет собой классический образец ойратской традиции дословного перевода (монг. *ügečilen orčiyluluy-a*). Ойратские переводы, являясь переводами дословными, во многом сохраняют грамматический строй тибетского языка. Вместе с тем, некоторые предложения зачастую можно понять, лишь обратившись к оригинальному, тибетскому первоисточнику. Ойратские переводные тексты отличаются особым творческим стилем Зая-пандиты (а после — и его учеников), касающимся устойчивого перевода некоторых тибетских слов, а также последовательному следованию за тибетским текстом. Рассмотрим некоторые особенности переводной лексики Зая-пандиты.

Имена божеств ойратский переводчик оставляет в их санскритской форме:

нецовым, не был завершен в связи со смертью ученого, а потому нигде не опубликован. Совместная работа Е. Д. Огневой, Р. Н. Крапивинной и А. А. Терентьева не увенчалась успехом в связи с разностью творческих стилей переводчиков. Полный перевод текста «Лам-рим» на русский язык вместе с первой частью «Царя благих пожеланий» удался лишь А. Кугьявичусу, под редакцией А. Терентьева [Чже Цонкапа, 2012, с. XVIII–XIX].

Тиб. *gang-ni ming-ni kun-tu bzang zhes-bya*

Ойрат. *keni nere Samanta Bhadra keme:küi*
Рус. Тот, [чье] имя зовется Самантабхадра [42. 2].

Тиб. *'jam-dpal-gyi ni smon-lam spyad-par bgyi*

Ойрат. *Mandzušri-yin irö:l-ye:r yabun üyiledsü*
Рус. Да буду поступать [согласно] благим пожеланиям Манджушри [44. 2].

Все эпитеты будд и бодхисаттв переведены на ойратский дословно, что создает некоторые затруднения в понимании текста для читателя, незнакомого с буддийской терминологией:

Тиб. *sangs-rgyas sras-kyi dbus-na bzhugs-pa dag*

Ойрат. *burxani köböüdiyin dunda soun*
Рус. [Они] восседают среди сыновей Будд [3. 2].

Тиб. *dus-gsum gshegs-pa mi-yi seng-ge kun*

Ойрат. *urban cagiyin saiybe:r oduqsan kümüni arslan noyoud*
Рус. [И] в трех временах — Сугат – Львов среди людей [1. 2].

Спецификой перевода Зая-пандиты является то, что вариант перевода каждого тибетского слова на ойратский язык строго ограничен. Так, при переводе одного тибетского слова ойратский переводчик выбирает определенную лексему и не использует ее синонимического ряда. Таким образом, фразы с подобными лексемами весьма сложны для понимания. А. Д. Цендина в связи с этим отмечает: «...тибетское вопросительное слово *ji-ltar* везде переводит как *yama:ru* (кл. монг. *yambar* или *yamar*), хотя в монгольских языках это слово употребляется только с существительными, прилагательными и очень ограниченным количеством глаголов» [Цендина, 2001: 55]. Подобный прием Зая-пандита использует и в переводе рассматриваемого сочинения, выбирая вопросительное местоимение образа действия «*yama:ru*» в качестве эквивалента тибетскому вопросительному слову «*ji-ltar*»:

Тиб. *ji-ltar padmo chus mi-chags-pa bzhin*
Ойрат. *padma-du usun yama:ru ülü toqtoxi metü*

Рус. **Как** лотос, в [котором] не собирает-ся вода,

Тиб. *nyi-zla nam-mkhar thogs-pa med ltar spyad*

Ойрат. *naran sara oqtorγui-du ülü türbelkü metü yabun*

Рус. [Пусть] буду идти беспрепятственно, как солнце и луна в небе [20. 3–4]¹.

В результате созданная Зая-пандитой грамматическая конструкция с использованием этого местоимения, не характерная для грамматики монгольских языков, является малопонятной незнакомому с тибетским языком читателю. Там же А. Д. Цендина отмечает, что тибетское наречие «*rab-tu*» Зая-пандита переводит преимущественно как «*maši*» [Цендина 2001: 55]. Для многих ойратских текстов Зая-пандиты это замечание верно, однако в случае данного перевода наречие «*rab-tu*» переведено ойратским наречием «*sayitur*»:

Тиб. *blo-yi stobs-kyis bdag-kyang rab-tu jug*

Ойрат. *bi cü oyouni kücün-ye:r sayitur orosu*

Рус. [Пусть] и я **превосходно** войду силой [своего] ума! [31. 4].

Тиб. *chos-rnams rgya-mtsho rab-tu mthong-byed-cing*

Ойрат. *dalai metü nom sayitur üzen*

Рус. **Превосходно** увижу дхарму, подобную океану

Тиб. *ye-shes rgya-mtsho rab-tu rtogs-par byed*

Ойрат. *dalai metü belge biliq sayitur onon üyiledsü*

Рус. **Превосходно** осознаю мудрость, подобную океану [39. 3–4].

Для усиления эффекта воздействия пранидханы на читателя Зая-пандита использует пропозитивное наклонение, выражающее решимость, обещание или согласие говорящего совершить действие [Яхонтова 1996: 84], образуемое посредством присоединения суффикса «*su / sü*» к основе глагола. Монгольские же переводчики используют глаголы в повелительном наклонении, выражающем не приказание, а пожелание,

¹ Принцип нумерации стихов и стихотворных строк, принятый нами в данной работе, следующий: первая цифра обозначает номер (номера) четверостишия, вторая — номер строки.

и оформляемом суффиксом «*tui / tuii*» [Пүрэвсүх 2007: 75].

Перевод некоторых философских понятий буддизма в рамках одного текста также разнится, например, в случае со словом «предсказание». Дабы избежать тавтологии, Зая-пандита сначала использует ойратскую кальку тибетского термина «*lung bstan*» — «*eši üzüüleküi*», а в следующем предложении дает его санскритский эквивалент: «*bhyakirad*» (скр. *vyakṛta*):

Тиб. *lung bstan-pa yang bdag-gis der thob shog*

Ойрат. *eši üzüüleküi cü bi tende olxu boltuyai*

Рус. Да получу я **предсказание** [о будущем буддстве] [59, 4].

Тиб. *der ni dag-gis lung-bstan rab thob nas*

Ойрат. *tende bhyakirad sayitur olo:d*

Рус. Превосходно получу там **предсказание** [60, 1].

Другая особенность заключается во влиянии оригинала и использующихся в нем лексеме на текст ойратского перевода. Переводя каждое тибетское слово, Зая-пандита создает нехарактерные для монгольского языка выражения, а от того непонятные для незнакомому с тибетским текстом читателя, например:

Тиб. *byang-chub shing dbang drung gshegs rgyal-ba dang*

Ойрат. *erketü bodhi moduni emüne oduqsan ilayugsan kige:d ||*

Рус. **Отправившимися под могучее дерево Бодхи** Победоносными

Тиб. *sangs-rgyas sras-kyis rab-tu gang-bar shog*

Ойрат. *burxani köböün-ye:r sayitur düürkü boltuyai ||*

Рус. [И] сыновьями будд пусть [все пространство] заполнится! [14. 2–3].

Здесь, сохраняя тибетскую лексику строфы, Зая-пандита переводит слово «*drung*» — «близость, соседство, свита, окружение» [ТРАССП] (монг. уг, дэргэд, шадар [ТМТ]) ойратским «*emüne*» — «впереди», что фактически меняет смысл строки: «*bodhi moduni emüne oduqsan*», буквально следовало бы понимать как «*отправившихся впереди дерева Бодхи*». Тибетская же строфа предполагает следующее прочтение: «*отправившимися [си-*

деть]под могучее дерево Бодхи», тем самым разъясняя смысл фразы.

Основная особенность монгольских дословных переводов в целом и ойратских, в частности, касается синтаксиса и в первую очередь заключается в сохранении определений в постпозиции к определяемым словам. Это объясняется тем, что в тибетском языке определительные слова, как правило, стоят в постпозиции к определяемому слову [Парфионович 2007: 81], Рассмотрим пример:

Тиб. *dge-ba cung zad bdag-gyi ci bsags-pa*

Ойрат. *buyan ücüyüken mini ali xura:qsan* ||

Рус. [Все] ничтожные добродетели, что [я] накопил [12. 3].

Подобная конструкция в рассматриваемом переводе не является правилом, однако позже, в традиции монгольского дословного перевода она будет канонизирована. Ойратский переводчик следует тексту оригинала, с сохранением каждого переведенного слова в той позиции, которую оно занимает в тибетском предложении, что создает конструкции, не характерные для синтаксиса монгольского языка. Иногда это противоречит нормам монгольского синтаксиса:

Тиб. *ji-ltar padmo chus mi-chags-pa bzhin*

Ойрат. *padma-du usun yama:ru ülü toqtoхu metü*

Рус. Как лотос, в [котором] не собирается вода,

Тиб. *nyi-zla nam-mkhar thogs-pa med ltar spyad*

Ойрат. *naran sara oqtorγui-du ülü türbelkü metü yabun*

Рус. [Пусть] буду идти беспрепятственно, как солнце и луна в небе [20. 3–4].

В следовании строке тибетского текста Зая-пандита создает и «тяжеловесные периоды» (определение А. Д. Цендиной), не противоречащие нормам монгольской грамматики, но редкие и искусственные:

Тиб. *rdul-gcig steng-na rdul-snyed zhing rnamste*

Ойрат. *nige to:sun de:re to:suni tödüi oron noγoud*

Рус. Сколько ни есть миров на поверхности одной песчинки,

Тиб. *zhing der bsam-gyis mi-khyab sangs-rgyas rnam*

Ойрат. *tere oron-du sedkiši ügei burxan noγoud*

Рус. [А] в этих обителях невообразимое [количество] будд,

Тиб. *sangs-rgyas sras-kyi dbus-na bzhugs-pa la*

Ойрат. *bodhi satva nariyin dunda souxui-gi*

Рус. Сидящих в окружении бодхисаттв,

Тиб. *byang-chub spyod-pa spyod-cing blta-bar bgyi*

Ойрат. *bodhi yabudal-ye:r yabun üzesü*

Рус. [Да] узрю я [их] следуя пути Пробуждения! [28].

В рамках статьи мы лишь попытались выявить главные и принципиальные черты, ярко характеризующие ойратскую буддийскую литературную традицию, и выделить основные особенности тибето-монгольской интерференции указанного сочинения в переводе Зая-пандиты.

Имена божеств Зая-пандита Намкай Джамцо не переводит, но их эпитеты напрямую калькирует с тибетского языка. Вся тибетская лексика переводится на ойратский язык по устойчивому принципу. Использование переводчиком некоторых выбранных лексем противоречит правилам монгольского языка, а философские понятия, во избежание тавтологии, Зая-пандитой применяются в двух вариантах — ойратской кальке с тибетского и в искаженной санскритской форме. Исследование позволило выявить, что оригинальный тибетский текст оказывает сильное влияние на ойратский перевод, создавая фразы, понятные лишь при обращении к оригинальному тибетскому источнику. Зая-пандита настолько следует синтаксису тибетского предложения, что нарушает порядок слов, нормативный для монгольского языка. Так, он стремится оставить каждое слово в той позиции, в которой оно находится в тибетском тексте. Иногда он сохраняет определение в постпозиции к определяемым словам, что характерно для тибетского, но не монгольского языка.

Необходимо отметить, что ойратские переводы отличаются высокой точностью, сохраняющей все синтаксические элементы оригинала. Это необычайно важно как для религиозных нужд, заключающихся в правильной рецитации текста, так и для детального точного его комментирования. Тибетские комментарии отличаются необычайной детальностью, от внимания комментаторов не уходит практически никакой элемент текста,

а потому скрупулезный перевод сочинений в этом контексте весьма актуален. Позже, при переводе монгольской версии Тэнгьюра, дословный перевод был настолько жестко регламентирован, что смысл текста понимался только посредством привлечения тибетского оригинала. Зая-пандита, заложивший ойратскую традицию перевода, может по праву называться одним из основоположников этого направления религиозной литературной деятельности.

Условные сокращения

Скр. — санскрит; тиб. — тибетский; ойрат. — ойратский; рус. — русский.

Источники

ТРАССП — Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под ред. Ю. Парфионович и В. Дылыкова. Т. 1–11. М.: Наука, 1983–1993. [электронный ресурс] // URL: <http://www.kunpendelek.ru/library/tiblang/slovvari/dictionary-goerich> (дата обращения: 1.08.2014).

ТМТ — Төвд монгол толь. *Бүрнээ Д. Энхтөр Д.* Төвд монгол толь. Улаанбаатар: Монгол Улсын Их Сургууль, 2013. 385 х.

bstod-smon phyogs bsgrigs. mtsho-sngon mi-rigs dpe-skrun khang. Цинхай, 2008. 376 с.

mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshen-gzungs mang-bsdus bzhugs-so. Цинхай, КНР, год изд. и тип. не указаны.

xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyin ха:n. Текст из коллекции Г. Ядамжава. Монголия, Кобдоский аймак, Манхан сомон. Фотокоп. из коллекц. авт.

Высочайшая пранидхана Арья Самантабхадры. Пер. с тибет., предисл. А. А. Щербакова [электронный ресурс] // URL: <http://www.kunpendelek.ru/library/buddhism/articles/pranidhana/>. 2001.

Литература

Алексеев К. В. О некоторых проблемах средневековых монгольских переводов с тибетского // *MONGOLICA VIII*. РАН, Санкт-Петербург. филиал Ин-та востоковедения. 2008. С. 75–80.

Бүрнээ Д., Энхтөр Д. Уламжлалт монгол орчуулгуудын судлалд. Улаанбаатар, 2003. 104 х.

Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения / пер. с Тибет. А. Кугявичуса под общ. ред. А. Терентьева. Т. I. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2012. 786 с.

Каталог Петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслит. и указ. З. К. Касьяненко. М.: 1993. 382 с.

Мөнх-Эрдэнэ Ц. Төвд хэлний зүй егэй товтан. Төвд хэл сурах бичиг II дэвтэр. Улаанбаатар, 2010. 189 х.

Музраева Д. Н. «Сутра о мудрости и глупости» у ойратов и калмыков: к сопоставительному исследованию переводов Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) и Тугмюда Гавджи (1887–1980) // Сборник мат-лов III Междунар. науч. конф. «Проблемы литератур Дальнего Востока» (Санкт-Петербург, 24–28 июня 2008 г.). Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008 (а). С. 317–323.

Музраева Д. Н. К изучению ойратских переводов тибетских буддийских памятников // «Русский язык и русская культура как фактор общественного согласия, стабильности и прогресса. Сб. науч. тр. / под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2008 б. С. 452–455.

Музраева Д. Н. О переводческой деятельности Тугмюд-гавджи (на материале «Сутры о мудрости и глупости») // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста, 2008 в. С. 90–113.

Музраева Д. Н. К проблеме исследования буддийской литературы у калмыков в XX – начале XXI веков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». Волгоград: ИВГПУ. Изд-во Перемена, 2011. № 2 (56). С. 132–136.

Музраева Д. Н. О сюжетах «Сутры о мудрости и глупости» ('Dzangs blun mdo) (По материалам ойратского перевода, выполненного калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи в XX веке) // Материалы Междунар. науч. конф. «Монголоведение в изменяющемся мире: перспективы развития», посвящ. 95-лет. проф. Н. О. Шаракшиновой (г. Улаанбаатар, 14–18 апреля 2010 г.). Улаанбаатар, 2010 (а). С. 175–187.

Музраева Д. Н. Ойратский перевод «Сутры о мудрости и глупости» ('Dzangs blun mdo), выполненный калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (1887–1980) // *Altaica et Tibetica. Anniversary Volume dedicated to Stanisław Godziński on His Seventieth Birthday / Rocznik Orientalistyczny*. Faculty of Oriental Studies. University of Warsaw. Tom LXIII. Z. 1. Warszawa, 2010 (б). P. 150–161.

- Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык. Издание 4-е, стереотип // Сер. Лингвистическое наследие XX века. М.: URSS, 2007. 176 с.
- Патрул Ринпоче.* Слова моего несравненного учителя. СПб.: Нартанг, 2007. 607 с.
- Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу // Сер. «Наше наследие». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. (Репринт 1-го изд.: СПб., 1887). 512 с.
- Пүрэвсүх У.* Хутагт сайн явдлын ерөөлийн хаан. Судрын тайлбар. Улаанбаатар, 2007. 100 х.
- Раднаабадраа.* Равжам Зая Бандидын тууж Сарны Гэрэл оршив. Латин галиг, үгийн цэс үйлдэж кирилл бичгээр хөрвүүлэн, тайлбар бичсэн Х. Бямбажав // BIBLIOTHECA OIRATICA. Tomus XII. Улаанбаатар, 2009. 252 х.
- Торчинов Е. А.* Введение в буддизм. Курс лекций. Амфора, СПб.: 2005. 429 с.
- Ходж С.* Введение в классический тибетский язык / пер. с англ. Б. М. Нармаева. Дацан Гунзэчойнэй. СПб., 1997. 200 с.
- Хүрэлбаатар Л.* Монгол орчуулгын товч. Улаанбаатар, 1995. 237 х.
- Цендина А. Д.* Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // MONGOLICA V. РАН, Санкт-Петербург. филиал ин-та востоковед., 2001. С 54–74.
- Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / отв. ред. Р. Е. Убаев. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1991. 230 с.
- Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века // Сер. «Языки народов Азии и Африки» М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

**НАЗВАНИЯ КОЖИ И КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ
В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**The Names of Leather and Leather Products
in the Kalmyk Language (Ethno-Linguistic aspect)**

М. У. Монраев (M. Monraev)¹

¹доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Ph.D. of Philology, Professor of the Kalmyk Language and Mongolian Studies Chair at Kalmyk State University).

В статье рассматривается тематический пласт лексики, отражающей наименования предметов из кожи животных в калмыцком языке. Указывается, что они сложились в основном в период кочевого образа жизни. На конкретном материале показано, что отдельные лексические элементы сохранились до сих пор, но значительная часть тематического пласта давно утрачена.

Ключевые слова: калмыцкий язык, лексика, кожа, дубленая кожа, юфть, овчина, ремень, плетть, кнут

The article examines the vocabulary naming objects made of animal leather, the vocabulary which has evolved for thousands of years and is reflected in the heroic epic *Dzhangar* as well as in Kalmyk proverbs, sayings, riddles and idioms. It is actively used in the everyday Kalmyk language and includes the names of domestic animals (horses, camels, sheep, pigs) and wild beasts. The key word 'arsn' (skin) has several synonyms very close in meaning.

The examples of the vocabulary usage show that leather goods have always been highly valued among Mongolian peoples. In many respects, the fields where leather was used depended on quality of its processing. More important items necessary for household purposes were made of cattle skin. A soft fine skin was used for manufacturing expensive items, in particular souvenirs and gifts. The research has proved that the skin has always been in demand.

However, a significant part of the vocabulary has become passive owing to change in production of leather goods and in technology of leather processing. The study allowed for determining which part of the thematic vocabulary has been irretrievably lost and which is still used in the modern Kalmyk language.

Keywords: kalmyk language, lexis, leather, tanned leather, yuft (Russian leather), sheepskin, belt, lash, whip.

Лексика определяется как совокупность слов языка, его словарный состав [Лингвистический... 1990: 257]. Поскольку данная тема ранее не рассматривалась, материалом для исследования послужили в основном различные лексикографические издания, дополненные наблюдениями автора. Данный лексический пласт тесно связан с жизнью и бытом калмыков, которые занимались изготовлением из кожи предметов первой необходимости для хозяйственных нужд. Названия кожи и кожаных изделий достаточно активны в лексике, связанной с наименованием домашних животных (лошади, верблюды, овцы, свиньи и др.) и диких зверей. Они объединяются в калмыц-

ком языке такими понятиями, как *мал*, *мал-ахурсн* «скот, животное».

Рассматриваемая лексика, в которой отражены особенности кочевого образа жизни, складывалась в течение тысячелетий, и животные в ней играют важную роль. Социальное положениеномада-кочевника определялось количеством скота. Ключевое слово *арсн* «кожа», «шкура» в калмыцком языке имеет несколько синонимичных образований, близких по своему значению (*сарсн*, *хэлсн*, *илгн*, *нека* и др.), о которых будет сказано ниже.

Необходимо отметить, что анализируемый пласт лексических единиц активно используется в эпосе «Джангар», пословицах,

поговорок и фразеологизмах калмыцкого языка. Так, в калмыцком эпосе «Джангар» в целом ряде случаев упоминаются изделия из кожи или шкур — богатырская плеть и богатырская одежда, например: *Һунн бухин арсар холлгсн / дөнн бухин арсар гүрүлгсн / залу кууһар шахулгсн / маляһарн арвад һар дарлдад авб* — «Со стержнем из кожи трехлетнего быка, / сплетенной из кожи четырехлетнего быка, / мужчиной спрессованной плетью более десяти раз ударил» [Джангар 1988: 162]. Или, например: *Бухин арсн шалверан бульчндан эвкв* — «Штаны из шкуры быка подобрал к икрам» [Джангар 1988: 103]. Бывают варианты: *Һунн царин арсар холлгсн / Дөнн царин арсар девлгсн* — «Со стержнем шкуры трехлетнего вола, / с покрытием из кожи четырехлетнего вола».

Названия кожи и изделий из кожи в изобилии представлены в лексике, фразеологии и паремиях калмыков: *Уһһн арсна дах* — доха из кожи жеребенка; *булһар арсн шалвр* — штаны из юфти (юфтевые); *идэлсн арсн* — выделанная кожа; *хөөнэ арс эдрңх* — обрабатывать овчину рубелем; *арсч* — кожевник; *мөчр нооста арсн* — кожа (шкура) с короткой шерстью (осенней стрижки); *идэтэ арсн* — дубленая выделанная кожа (*идэн* «дубильное вещество»); *архд* — большой бурдюк (для приготовления и хранения кумыса); *түңерцг* — кисет; *улвч* — кисет для огнива; *гизжгвч* — назатыльник зимней шапки; *чэрг* — легкие тапочки; *хазарин жсола* — название мелких деталей уздечки; *хазар ногт* — недоуздок; *хазарин ууд* — удила узды; *цулһу арсн* — кожа, не покрытая шерстью; *һамбр һосн* — гамбаровые сапоги; *келңцг* фольк. — короткая шерсть (у богатырского коня) [Калмыцко-русский словарь 1977: 292]. *Тэкин арсин шалвrig тэкм деерән тэвн нэам эвкэд... таш бэрлдэд ноолдв* — «Подвернув штанины из шкуры дикой лошади 58 раз до колена... схватились в борьбе» [Калмыцкие народные сказки 1973: 79]. *Уһһна арсн цегдгтн / Усн түлэнднь шурдна* — «Ваш сарафан, сшитый из кожи жеребенка / Изнашивается от домашней работы» [Оконов 1984: 32]. *Аавин девлиг алхжэ эс болжэ, ээжсин девлиг эвкжэ эс болжэ заг* — «Дедову шубу не смогли перешагнуть, бабкину шубу не смогли свернуть» (*теңгр һазр хойр* — небо и земля) [Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс 1960: 30]. *Үч девл* — меховая шуба [Калмыцко-русский словарь 1977:

521]. *Сурар туша кех* — делать путы из ремня; *чөдр* — путы, тренога, *туша* — путы (на передние ноги лошади) [Калмыцко-русский словарь 1977: 521]; *сөөкәч* — башмачник, *арсч-көрсч* — скорняк. *Барсин арсар дееврлсн / Бумбин цаһан өргә* — «Покрытый кожей барса / Белый дворец Бумбы»¹ [Джангар 1988: 109]; *ишимг* — редкий (о шерсти) [Калмыцко-русский словарь 1977: 671]; *мальш эмал* — седёлка.

Лексема *сәрсн* имеет два значения: 1) овчина (обработанная); 2) кожа (тонкая). Рассмотрим примеры: *Сәрсәр шалвр кечэ өмсдг, садгар заһс хаһалжэ тежәл кедг шоңхрцахна залус* — «В сыромятных штанах питались рыбой из запруды, обнесенной стрелами, — таковы мужчины шонхорцакины» [Доржин 1981: 43]. Речь идет о небольшой этнической группе, спасавшейся от бескормицы (дзут) — самом страшном бедствии в калмыцкой степи. О бескормице свидетельствуют пословицы и поговорки: *Зудас малан харс, зовлңгас бийән зәәлүл* — «Защищай скот от бескормицы, сам избегай страданий» [Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс 1960: 31]. У скотоводов не было рыболовных снастей, поэтому в трудные годы использовали все средства, что были под рукой. Вот об этом и говорится в рассказе Б. Дорджиева.

Обозначений для изделий из кожи и шкуры в калмыцком языке множество. Например: *Сурар кесн арһмжэ* — аркан из ремня. *Арвн зурһан бухин арснас кесн маля Мазн баатрд билэ* — «У Мазан батыра была плеть, сплетенная из шкуры шестнадцати быков». Конечно, трудно представить такую плеть, но это фольклорная гипербола. *Хөөнэ арснас цув, девл уйдг бәәжэ. Келхд, мордх гизжгтэ куукнд үч девл уйдг бәәсмн. Мөчр нооста арсиг ишкэд девл уйхларн, деерәснь эдәр һадрлад, зег хатхмрар кеерүлдг бәәсмн* — «Из овчины шили тулуп, шубу. К слову, девушке на выданье шили шубу. Когда готовили шубу из осенней шкуры с короткой шерстью, то ее покрывали материалом, который был украшен вышивкой зег». *Темәнэ арснас нурһлжэ ааһ-сав кедг бәәсмн* — «Из верблюжьей кожи изготавливали в основном посуду». Речь идет о кожаных флягах (*бортх, бөрв*). О последних в народе гово-

¹ А. Ш. Кичиков отмечал, что ойратская знать утепляла и украшала юрту шкурами зверей — белок, соболей, волков, медведей, ондатр и др. [Кичгэ 1979: 52].

рят: *Ямаран халун эс болв чигн, бортхин дотрк чигэн болну, эрк, усн болну халдм биш* — “Как бы жарко ни было, содержимое бортхи (кумыс, вода, водка) не нагревается”. *Бортхин бөглэ, аминь, хажудк бийнь цаһан мөңгнэс кехлэ — цаһан мөңгн бортх гидг нер авдмн* — “Вокруг пробки и бока кожаной фляги украшали серебром и называли серебряной бортхой” [Бардан... 1990: 142]. *Күүнд зэңг орулхла, эс гижэ күндтэ күүнд гиичлхлэрн, бортхд хар эрк кеһэд гиичлдм. Бортхд хойр-һурвн литр багтдна* — “Когда сватали девушку или были в гостях у почитаемого человека, угощали водкой из бортхи. Бортха вмещает два-три литра” [Бардан ... 1990: 90].

Разновидностью кожи является *хальсн* 1) оболочка, кожа, кожура, корка; шелуха; скорлупа и др. Имеет переносное значение «тонкий, прозрачный (об одежде)». *Хувцнь хоосн хальсн* — “Одежда ее совсем тонкая, как пленка” [Калмыцко-русский словарь 1977: 572]. Менее употребительны *илгн, некэ*. Так, *илгн* определяется как выделанная домашним способом овечья или козлиная шкура: например, *илгн шалвр* — штаны из выделанной овчины» [Калмыцко-русский словарь 1977: 268]. Слово *некэ* имеет значение «невыделанная овчина», *булһар* «юфть, юфтевый, юфтяной» (сорт мягкой кожи), *булһар көвцг* — седельная подушка из юфти, *булһар арсн шалвр* — штаны из мягкой кожи (юфти)», *булһар меечг* — кожаный мяч. *Сатья* — сафьян / сафьяновый»: *сатья һосн* — сафьяновые сапоги. К кожизделиям относятся такие предметы, как *беелэ* — рукавицы, перчатки (рукавицы готовили из обрезков овчины), торг. *бээчг* — рыбацкие рукавицы, *мөрнэ зи* — сбруя, *эмал* — седло, *хазар* — узда, *жоло* — вожжи, *чөдр* — путы (*сур чөдр*), *цулвр* — повод, *чембур*, *жирм* — кожаный ремешок для тороков, *маля (елдң)* — плет (нагайка) из восьми плетеных полосок ремня: *Әрстин хар елдңиг барун һарин альһнд шүүсн һартлнь атхв* — “Граненого плетения нагайку ладонью правой руки так стиснул, что выжал сок” [Джангар 1988: 108]; *татур (катаур)* — задняя седельная подпруга: *цаһан мөңгн татурар татв* — “серебряным катауром натянул” [Джангар 1988: 13]. *Миимин хар махла* — мягкая черная шапка. *Аратньг (арапник)* — длинная охотничья плет с короткой рукояткой [Ожегов 2004: 34]. *Хар некэ халһжэ болиго заг* — “Нельзя проколоть черную овчину” (*сүүдр*

— тень). *Шур мөңгн девсүриг миимин улан һосар булц-булц ишкэд һарв* — “Вышел, ступая своими мягкими красными сапогами по кораллово-серебристой подстилке” [Джангар 1988: 108]. *Илгн шалврн сәрсн дах хойран тәәлжэ хайв* — “Сбросил с себя штаны из выделанной кожи и шубу” [Калмыцкие народные сказки 1973: 28].

Рассмотрим пословицы, поговорки, загадки, фразеологизмы, в которых содержится лексика, связанная с кожей и кожизделиями. Например, *маля даахарн* — «и стар и млад, все». *Маля бәрхлэ — залу, махла авхла — манжэ* — “Мужчина тот, кто держит плет, а тот, кто преклоняется (снимает шапку) — манджи”¹ [Хальмг үлгүрмүд болн тәәлвртә туульс 1960: 31]. *Сән мөрнд нег шилвр, му мөрнд зун шилвр* — “Хорошему коню достаточно одного кнута, плохому — сотни” [Хальмг үлгүрмүд болн тәәлвртә туульс 1960: 32]. *Сур мет сунад, суха мет улаһад унтв* — “Заснул, растянувшись, как сыромятный ремень, раскрасневшись, как лоза краснотала” [Калмыцко-русский словарь 1977: 461]. *Келн гижэ келһәннь арс барсн / Келсн үгән эвтнь дарн гижэ / Таһнаннь арс барсн* — “Обладал непревзойденным даром красноречия” (букв.: “Так говорил, что кожи языка лишился, / Говоримые слова ладно расставил, / Кожи с нёба лишился”). *Арсинь авх* — спустить (снять) шкуру с кого-либо, побить, проучить, наказать кого-либо. *Чамаг, кишго ноха, арсичн авсв* [Басангов 1963: 33] — “Я с тебя, несчастный пес, шкуру спущу”. *Арсндан әрә багтх* — испытывать острое чувство стыда или неудобства перед кем-либо (букв.: «едва в коже своей вмещаться»). *Хажудан дахулсн би тана хотна улсас болн Бадмас ичәд, арсндан әрә багтжэ йовнав* [Эрнжәнә 1972: 181] — “Я и мои спутники смущаются перед вашими однохотонцами и Бадмой, поэтому испытывают неудобства”. *Арснас һарх* (калька) — из кожи лезть, стараться изо всех сил, усердствовать [Басангов 1963: 96]. *Сәрс татх* уст. — дразнить, подтрунивать над кем-либо, затевать ссору с кем-либо (букв.: «сыромятную кожу тянуть») [Ramstedt 1935: 319]. *Сур-деес кечкх* — жестоко избить, не оставить живого места на ком-либо. (букв.: «сыромятный ремень-ве-

¹ Манджи — послушник (в хуруле). Известно, что каждая ойрат-калмыцкая семья одного из сыновей отдавала в хурул. Иногда в послушники посвящали условно, при этом он носил оркомджи (красную ленту через плечо).

ревку сделать из кого-либо»). *Идэлсн арсар кесн буримг* — лапти из выделанной кожи [Доржин 1981: 8]. *Зарһг* — козья шкура без шерсти, *тулм* — бурдюк из цельной шкуры скота [Рассадин 2007: 123–124]. *Күүнд хазаран мөлтлүлх* — не уметь постоять за себя (букв.: «дать кому-либо снять свою узду»). *Күүнд хазаран мөлтлүлгө* — защитить свое достоинство» (букв.: «не дать кому-либо снять свою узду»).

Подведем некоторые итоги. Среди тюрко-монгольских народов издавна высоко ценится выделанная кожа и изделия из нее. Мягкая кожа шла на изготовление перчаток, к примеру, лайковых, или, скажем, хромо-вых сапог. Многое зависело от способа обработки кожи. Значимые предметы, необходимые для хозяйственных нужд, готовили из кожи (шкуры) крупных домашних животных (лошади, верблюда, быка). Например, бадью, кожаный мешок (*тулм*)¹, штаны и фартук для рыбаков (позже их стали шить из кожзаменителей). Мягкая тонкая кожа идет на изготовление сувениров, подарков, дорогостоящих предметов (к примеру, обивка мебели из кожи, одежда, разного рода плети и др.). Достаточно посмотреть на кожизделия из Монголии.

Словом, кожа была востребована во все времена. Она широко используется сейчас и в нашей повседневной жизни. Значительная часть рассматриваемой лексики (*тумрлг, дах, сөөкэ, боримг, үч и др.*) переместилась в словарный пассив, потому что в наши дни производство и технология этих кожизделий поставлены на поток. Однако среди народных умельцев можно отметить тех, которые сохранили технологию обработки и неоднократно демонстрировали предметы из кожи — седла, нагайки, плети.

Анализ материала позволил выявить довольно значительный пласт лексики, в котором отражены особенности наименования кожи и кожаных изделий.

Литература

- Бардан Э., Пүрвэн Г., Мунин Б. Хальмг келц үгмүдин толь. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. 142 х.
- Басангов Б. Б. Русско-калмыцкий словарь. Элиста: Калм. гос. изд-во, 1963. 339 с.
- Джангар. Калмыцкий народный эпос. Эпический репертуар джангарчи М. Басангова / пер., предисл., коммент. Н. Ц. Биткеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 154 с.
- Доржын Б. Эзн. Келвмүд. Түүк. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1981. 284 х.
- Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. Учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Калмыцкие народные сказки. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1973. 158 с.
- Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
- Кичгэ Т. Үгин туск үг. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1979. 102 х.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 368 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: «Оникс 21 век». Мир и образование. 2004. 1199 с.
- Оконов Б. Б. Калмыцкие народные песни XVII–XVIII вв. // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Республик. тип. Гос. ком. Калм. АССР по делам изд-в, полиграф. и кн. торговли. 1984. 164 с.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2007. 165 с.
- Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс // Цуглулж диглснь Букшан Бадм, Мацга Иван. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 294 с.
- Ramstedt J. G. Kalmuckisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. 560 s.
- Эрнжээнэ Константин. Һалан хадһл. Роман. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. 624 с.

¹ Кожаный мешок надували и использовали для преодоления водных препятствий.

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КАЛМЫЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

On Semantic Peculiarities of Proverbs and Phraseological Units in the Kalmyk and English Languages

Ж. Д. Чеджиева (*Z. Chedjieva*)¹

¹старший преподаватель кафедры иностранных языков и общей лингвистики Калмыцкого государственного университета (Senior Teacher of the Foreign Languages and General Linguistics Department at Kalmyk State University). E-mail: jen2010@yandex.ru

Статья посвящена проблеме национально-культурной специфики паремий и фразеологических единиц с компонентом 'животное' в калмыцком и английском языках. Использование образов животных различно в паремиях двух этносов, однако выявляются и семантические схождения. По своим коннотативным свойствам паремии и фразеологические единицы делятся на положительные и отрицательные. Фразеологических единиц и паремий с отрицательной оценкой больше, чем с положительной. В калмыцких паремиях используются наименования преимущественно домашних животных. В английских — используются образы домашних и диких животных в равной степени.

Ключевые слова: пословицы, фразеологические единицы, этнокультурный, коннотации, компонент 'животное', картина мира.

The article considered the issue of the ethnic and cultural specifics of the Kalmyk and English proverbs and idioms containing 'an animal component'. The main assumption is that each nation and each linguistic community perceives and reflects the world under the influence of its cultural and national customs, traditions and history, and creates its own worldview. The ethno-cultural character of any community's worldview is clearly fixed in the language. Moreover, the language preserves the culture of the people and transfers it further to the next generations.

The aim of the article is to describe and compare the semantic aspect of the Kalmyk and English proverbs and phraseological units. For this purpose, the ethnic peculiarity of each nation is examined and compared with that of the other one. As a result, this comparative analysis allows for identifying some similarities and differences as well as some features of metaphorical use of animals' names for characterizing human beings. That is why the essence of the proverbs can be understood by relating them to certain qualities of human nature.

According to their connotations, the proverbs and idioms are divided into two groups: positive and negative. The proverbs characterizing a man positively praise such qualities as diligence, courage and caution. Those with negative connotation make fun of such human character traits as cunning, stupidity, cowardice and greed. The research proves that there are more idioms and proverbs with negative connotation than positive.

As the main economic activity of the Kalmyk people was cattle-breeding, in Kalmyk proverbs you can mostly come across the names of domestic animals, while in English ones the images of both domestic and wild animals are equally used.

Keywords: proverbs, phraseological units, ethno-cultural, connotation, 'animal component', worldview.

Каждая национально-языковая общность воспринимает и отражает окружающий мир под влиянием традиций, сложившихся культурно-национальных установок, опыта и создает собственную языковую картину мира.

Языковая картина мира рассматривается «как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, то есть совокупности представлений

и знаний о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [Кубрякова 1988: 169].

Целью настоящей статьи является семантическая классификация паремиологических и фразеологических единиц калмыцкого и английского языков. Несмотря на различие генетических и культурно-исторических особенностей двух исследуемых

языков, в них обнаруживается определенное количество паремий и фразеологизмов, выражающих сходную семантику.

Особенности национальной картины мира невозможно постичь, не изучив сознание человека, зафиксированное в языке. Язык хранит и передает культуру народа из поколения в поколение. Фразеологизмы, пословицы, поговорки «наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [Тер-Минасова 2000: 80]. Между исследователями идет непрекращающаяся дискуссия из-за включения пословиц и поговорок в состав фразеологии. Ряд филологов (В. В. Виноградов, Н. Н. Амосова, А. М. Бабкин, А. И. Молотков, Г. Ц. Пюрбеев) не включает пословицы и поговорки в состав фразеологии. Однако большинство ученых считает, что в состав фразеологии должны входить устойчивые словосочетания, соотносимые как со словом, так и с предложением. Такого мнения придерживаются В. Л. Архангельский [1964: 91], А. В. Кунин [1967: 1244–1250], М.-Ш. А. Исаев [1995: 181–182]. Этими авторами выделяется большой круг объектов фразеологии, включающий и коммуникативные единицы (пословицы и поговорки). Во фразеологии пословицы изучаются как единицы фразеологического состава языка, обладающие своеобразными семантическими, стилистическими и структурными особенностями.

Мы придерживаемся точки зрения С. И. Ожегова, который в своей статье «О структуре фразеологии» впервые ввел понятие фразеологии в узком смысле слова, в которое входят фразеологические единицы, являющиеся «наряду с отдельными словами средствами построения предложений или элементами предложений» [Ожегов 1957: 30], и, в широком смысле слова, включающее все устойчивые выражения, в том числе пословицы и поговорки.

Пословицы выражают ценности культуры, являясь зеркалом и хранителем национальной культуры. По мнению Г. Д. Гачева, общие для всех народов ценности располагаются в различном соотношении, и эта особая структура общих для всех народов элементов и составляет национальный образ мира или модель мира [Гачев 1988: 44]. Калмыцкие и английские паремиологические и фразеологические единицы, отражающие

культурную специфику данных этносов, представляют интерес в сопоставительном аспекте. Материалом для анализа в статье служат калмыцкие и английские паремиологические и фразеологические единицы с компонентом ‘животное’. Указанные единицы в их переводе на русский язык взяты из различных лексикографических источников (см. список).

Сопоставительный анализ позволяет выявить совпадения, расхождения и особенности метафорического использования наименований животных для характеристики человека. Сущность паремий можно понять, соотнеся их с определенными качествами характера человека, так как паремии своей семантикой ориентированы на человека. Паремии, положительно характеризующие человека, восхваляют такие его качества, как трудолюбие, смелость, осторожность.

Образ трудолюбивого человека в калмыцких паремиях ассоциируется с образами лошади (*мөрн*), собаки (*ноха*), муравья (*шорһлэжн*), например: *Шудрмг күүнэ мөрнь гүүдг*. Букв.: ‘У активного, энергичного человека лошадь бежит’. ‘У трудолюбивого работа спорится’ [Бардаев, Пюрбеев 1990: 131]. *Сэн күүнэс үүл хөөһдг уга, сэн мөрнэс дээр хөөһдг уга*. ‘Хороший человек — в делах и заботах, а у доброго коня — спина всегда в ссадинах’ [Пословицы... 2007: 288]; *Йовсн ноха яс кемлдг*. Букв.: ‘Бегающая собака гложет кость’ [Котвич 1972: 80]. *Шорһлэжн бичкн болв чигн уул малтдг*. ‘Муравьи хотя и малы, а раскапывают горы’ [Пословицы... 2007: 611].

В калмыцком языке особой фразеологической активностью отличается зооним *конь*. В калмыцких пословицах говорится о значении данного животного в жизни калмыцкого народа в прошлом. В старину конь ценился дороже всего, для степняка не было ничего важнее него. Конь — это не только верный соратник, но и друг, помощник и гордость каждого калмыка. Всадник не расставался с конем ни в будни, ни в праздники: в кочевьях, на пастбищах, на охоте, на свадьбах. Хороший скакун был самым быстрым, самым любимым, а также единственно доступным средством транспорта: *Мөртэ кун живртала эдл*. ‘У кого конь, у того крылья’ [Калм.-рус. слов. 1977: 360]. *Мөрн угаһар дова давад уга, махн угаһар хот идэд уга*. Букв.: ‘Без коня не перевалил гору, без мяса не ел пищу’ [Пословицы... 2007: 571].

В английском языке образ **трудолюбивого** человека передается фразеологизмами, содержащими в своем составе такие зоонимы, как *лошадь*, *пчела*, *бобр*, *курица*, *собака*, *жаворонок*: *The willing horse is always most ridden*. 'На охочей лошади ездят больше всего' [Мюррей 2008: 134]. *As busy as a bee* 'Как пчелка — труженица' [Кусковская 1987: 41]. *Be an eager beaver*. Букв.: 'быть трудолюбивым, как бобр'. 'Стараться (относиться к работе с энтузиазмом), быть работягой' [Литвинов 2004: 16]. *Grain by grain, and the hen fills her belly*. 'Куричка по зернышку клюет, да сыта бывает' [Кузьмин, Шадрин 1989: 115]. *The dog that trots about find a bone*. Букв.: 'Собака, которая рыщет, находит кость'. [Кусковская 1987: 44]. *It's dogged that does it*. 'Именно терпеливый добивается успеха' [Кусковская 1987: 52]. *Go to bed with the lamb, and rise with the lark*. 'Ложись спать с ягнятами, а вставай с жаворонками' [Мюррей 2008: 112].

Символом **смелости** в обоих сопоставляемых языках передается через образ *льва*. Калмыцкие паремии: *Арслң урһа модна эмтин ик эмшигнь мөн*. 'Лев — самая большая гроза обитателей леса' [Пословицы... 2007: 597]. *Эмтә юмнд арслң бөк, амн уга юмнд шар зусн бөк*. 'Среди живых существ самым сильным является лев, среди неживых самым сильным является желтый клей' [Калм.-рус. слов. 1977: 50]; английские фразеологизмы: *As bold (brave) as a lion*. 'Храбрый, как лев'. *To beard the lion in his den*. Букв.: 'Напасть на льва в его собственном логове' (то есть бесстрашно бросить вызов опасному противнику) [Кунин 1984: 463].

Фразеологические единицы, характеризующие *осторожного* человека в обоих языках ассоциируются с образами разных животных: Например, в калмыцком языке: *Ил һазрт мөрән уй, иткмәжтә күмнд нәэд*. 'Привязывай коня на открытом месте, доверяйся лишь надежному человеку' [Пословицы... 2007: 573]. *Адуна турун товр-тувр гихлә, әжрһин аминь аңһс-аңһс гилг*. 'Если услышишь топот мчащегося табуна, то пусти жеребца во весь опор' [Пословицы... 2007: 579]. *Мөрән татһасн урд тергн деер бичә су*. 'Не запряги коня, на телегу не сядишь' [Пословицы... 2007: 573].

В английском языке: *Send not a cat for lard*. 'Не посылай кошку за салом'. 'Не верь козлу в огороде, а волку в овчарне' [Кусковская 1987: 135]. *A mouse that has but one hole is quickly taken*. 'Мышь, у которой только

одна норка, быстро попадаетс'я'. *Wake not a sleeping lion*. 'Не буди спящего льва', т. е. оставить все как есть и не предпринимать никаких действий, если эти действия могут повлечь за собой неприятности [Райдаут, Уиттинг 1997: 193]. Данные примеры паремий иллюстрируют осторожность и осмотрительность человека и предостерегают людей от совершения ошибок.

Паремии, отрицательно характеризующие человека, высмеивают такие человеческие пороки, как **хитрость**, **глупость**, **трусость**, **жадность** и т. д.

В обоих языках используется образ *лисы* для обозначения хитрости человека. Например, в калмыцком языке: *Кемр чини үүрчн аратла әдл болхла, хавхан оньдинд белнәр бәр*. Букв.: 'Если твой друг — лиса, держи капкан наготове' [Калм.-рус. слов. 1977: 47]; в английском языке: *When the fox preaches, then beware your geese*. Букв.: 'Начнет лиса зубы заговаривать — с гусей глаз не спускай' [Кусковская 1987: 297]. В калмыцком языке хитрость также передается через зооним *мышь* «хулһн», например: *Заныг хулһн алж*. 'Слона убила мышь' [Пословицы... 2007: 490]. Победить можно не только силой, но и хитростью. В английском языке для обозначения хитрости используются и зоонимы *monkey* «обезьяна», *cat* «кошка». Например: *As tricky as a monkey*. 'Проказливый, хитрый, зловерный, как обезьяна' [Кунин 1984: 513]. *A cat has nine lives*. 'У кошки девять жизней' [Кунин 1984: 132]. Данная паремия означает что кошка имеет больше шансов избежать смерти, так как она слишком хитра.

Такое качество характера человека, как **глупость** в калмыцкой фразеологии передается через образы животных: *һаха* «свинья», *әлжгн* «осел», *үкр* «корова», *бух* «бык», *керә* «ворона», *темән* «верблюд». Приведем примеры калмыцких фразеологизмов: *Һаха теңр үздг уга*. 'Свинья не видит небо' [Котвич 1972: 82]. *Һахала әдл һәртә*. Букв.: Глупый как свинья. 'Круглый дурак, идиот' [Калм.-рус. слов. 1977: 161]. *Әлжгниг чикәрн таньдг, эргүг үгәрн меддг*. 'Осла узнают по ушам, а глупца — по его словам' [Калм.-рус. слов. 1977: 697]. *Әлжгнд алтн элсн хойр әдл, эргүд үнн худл хойр әдл*. 'Ослу все равно — что золото, что песок, глупому все равно — что правда, что кривда' [Пословицы... 2007: 472]. *Үкр ишкрин амт меддго*. 'Корова не чувствует вкуса сахара' [Котвич 1972: 82]. *Му бух*

толхадан шавр цацна. 'Плохой бык разбрасывает пыль на свою же голову' [Пословицы... 2007: 582]. Галу дахсн **керэ** уснд ундг. 'Ворона, подражая гусю, попала в воду'. 'Попасть впросак' [Калм.-рус. слов. 1977: 155]. **Теман** гихлэ яман гидг. 'Ему говорят про верблюда, а он — про козу' [Пословицы... 2007: 584].

В английском языке **глупость** передается паремиологическими и фразеологическими единицами с зоонимами *swine* «свинья», *ass* «осел», *sheep* «овца», *goose* «гусь», *fish* «рыба». Примеры: *Cast not pearls before swine*. 'Не мечите бисер(а) перед свиньями' [Кунин 1984: 161]. *What can you expect from a hog but a grunt?* 'Чего ожидать от свиньи, кроме хрюканья?' [Райдаут, Уиттинг 1997: 195]. *An ass is but an ass, though laden with gold*. 'Осел, даже груженный золотом, все равно осел' [Мюррей 2008: 92]. *It is a foolish sheep that makes the wolf his confessor*. 'Глупа та овца, что исповедуется волку' [Райдаут, Уиттинг 1997: 107]. *One sheep follows another*. 'Один баран следует за другим'. *As stupid as a goose*. Букв.: 'Глуп, как гусь'. 'Глуп, как пробка' [Кусковская 1987: 48]. *It is a silly fish that is caught twice with the same bait*. Букв.: 'Глупа та рыба, которая дважды попадает на одну и ту же приманку'. 'Глуп тот, кто дважды попадает на одну удочку' [Кунин 1984: 281].

Фразеологические единицы, характеризующие **жадного** человека, в калмыцком и английском языках ассоциируются с образами разных животных. Например, в калмыцком языке — с собакой (*ноха*), лягушкой (*мекла*), свиньей (*хаха*), сорокой (*шаазха*): *Ховдг нохан хоолд ясн тееглдг*. Букв.: 'У жадной собаки кость в горле застрекает' [Пословицы... 2007: 496]. *Мекла дала дотр бээж ундасдг*. Букв.: 'Лягушка и в океане испытывает жажду' [Пословицы... 2007: 500]. *Хахала эдл ховдг*. 'Очень жадный, жадный как свинья' [Калм.-рус. слов. 1977: 161]. *Шаазха шовун кедү цадхлң болв чигн, нуднь мөрнэ дээрд*. Букв.: 'Как ни сыта сорока, она все смотрит на потертость конской спины' [Калм.-рус. слов. 1977: 657]. В английском языке **жадность** выражается фразеологическими единицами с привлечением зоонимов 'собака', 'свинья', 'волк': *Too much pudding will choke the dog*. Букв.: 'От слишком большого куска пудинга собака подавится'. *Eat like a pig*. Букв.: 'Есть как свинья, есть с жадностью' [Кунин 1984:

579]. *As greedy as a wolf* — 'Прожорливый, как волк, то есть очень жадный, ненасытный' [Кунин 1984: 829].

Символом **трусости** в обоих языках считается заяц. Приведем примеры: калм. *Хулжн туула хурвн кевтүртэ*. Букв.: 'У трусливого зайца 3 лежбища' [Пословицы... 2007: 603]. *Туула зүрктэ*. Букв.: 'Заячье сердце'. 'Трус, трусишка' [Калм.-рус. слов. 1977: 520]. *Hares may pull dead lions by the beard*. Букв.: 'И заяц может дергать мертвого льва за бороду' [Кунин 1984: 359]. *(As) timid as a hare*. 'Трусливый, как заяц' [Кунин 1984: 360].

Образ **коварного, лицемерного** человека ассоциируется с зоонимом 'кошка' в обоих сопоставляемых языках. В калмыцком: *Хумсан зуусн мис кевтэ бээх*. 'Быть, как кошка, спрятавшая когти' [Пословицы... 2007: 604]. *Хорта седклтэ куулэ ханьлсн мис өврлсн мет*. 'Жить с коварным человеком все равно, что прижать к груди кошку' [Пословицы... 2007: 604]. В английском: *Cats hide their claws* 'Кошки прячут коготки' [Мюррей 2008: 108]. Коварство и в калмыцком и в английском языках выражается также через зоонимы 'волк'. Приведем примеры: *Хөөнэ арс өмссн чон*. 'Волк в овечьей шкуре' [Калм.-рус. слов. 1977: 655]. *Назаһаснь хэлэхнь наадһа, дотраснь хэлэхнь чон*. 'Снаружи — словно игрушка, изнутри — хищник (волк)' [Пословицы... 2007: 503]. Примеры в английском языке: *The big bad wolf*. 'Лишиться дара речи'; 'язык прилип к гортани' (согласно старинному суеверию, человек при виде волка лишался дара речи [Кунин 1984: 829]. В английской культуре коварство передается через зооним 'змея'. Например: *A snake in the grass*. 'Змея подколотная, тайный враг' [Кунин 1984: 699]. *Take heed of in the snake in the grass*. 'Не упускай из вида змею в траве' [Райдаут, Уиттинг 1997: 107] — следует опасаться вероломства.

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы: семантика отдельных паремий и фразеологизмов в калмыцком и в английском языках в определенной степени сходна. Между тем, в калмыцких и английских паремиях и фразеологизмах используются разные зоонимы: в калмыцких — наименования в большей степени домашних животных. Это объясняется тем, что основной хозяйственной деятельностью калмыков было скотовод-

ство. В английских паремиях используются образы домашних и диких животных в одинаковой степени. Наибольшей фразеологической активностью в подгруппе домашних животных в обоих языках обладают зоонимы 'осел', 'собака', 'лошадь'. В подгруппе диких животных наиболее активны фразеологические единицы с зоонимами 'лиса', 'заяц', 'волк'.

Паремии и фразеологизмы с компонентом 'животное' широко применяются как в калмыцком, так и в английском языках. Образ животного помогает создать яркую картину морально-нравственных качеств человека. По своим коннотативным свойствам паремиологические и фразеологические единицы с компонентом 'животное' делятся на положительные и отрицательные. В обоих языках для положительной характеристики человека используются фразеологические единицы с зоонимами 'лошадь' и 'лев'. Для отрицательной характеристики человека — зоонимы 'лиса', 'кошка', 'собака', 'свинья', 'осел', 'заяц', 'волк'. В исследованном материале фразеологических и паремиологических единиц с отрицательной оценкой больше, чем фразеологических единиц с оценкой положительной.

Источники

- Бардаев Э. Ч., Пюрбеев Г. Ц. Фразеологический словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 142 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Муниева Б. Д. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 95 с.
- Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1989. 352 с.
- Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Англо-русский фразеологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1967. Т. 1–2. 1267 с.
- Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
- Кусковская С. Ф. Сборник английских пословиц поговорок. Минск: Высш. шк., 1987. 253 с.
- Литвинов П. П. Англо-русский фразеологический словарь. М.: ВАКО, 2005. 336 с.
- Мюррей Ю. В. Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов. М.: АСТ, 2008. 256 с.
- Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. М.: Изд-во «Лань», 1997. 250 с.

Литература

- Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1964. 315 с.
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988. 441 с.
- Исаев М.-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. Махачкала: ДГУ, 1995. 208 с.
- Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
- Ожегов С. И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Вып. II. М.: Рус. яз., 1957. С. 26–35.
- Оконов Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 98 с.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА: ПРАВИЛА АНАЛИЗА ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

Frequency Dictionary of Modern Kalmyk Language: Rules of Analysis of Text Material

Е. В. Бембеев (E. Bembeev)¹, В. В. Куканова (V. Kukanova)², А. Ю. Каджиев (A. Kadzhiev)³

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории прикладной и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of Philology, Senior Researcher of the Applied and Experimental Linguistics Laboratory at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: galdma@yandex.ru.

² кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией прикладной и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph.D. of Philology, Head of the Applied and Experimental Linguistics Laboratory at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

³ инженер-исследователь Лаборатории прикладной и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Research Engineer of the Applied and Experimental Linguistics Laboratory at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: arasha.kadzhiev.work@gmail.com.

Статья посвящена описанию правил анализа текстового материала для создания частотного словаря калмыцкого языка на материале Национального корпуса калмыцкого языка (www.kalmycorp.ru), который состоит из художественных текстов второй половины XX – начала XXI в., а также газетных статей и расшифровок устной речи. Объем художественных (прозаических и поэтических) текстов превышает 10 млн словоупотреблений. Тексты в корпусе, а также отдельные элементы текста (словоформы, знаки препинания, абзацы и т. п.) особым образом аннотированы. Создаваемый частотный словарь калмыцкого языка будет носить пилотный характер, поскольку это первый опыт разработки словаря подобного типа. На наш взгляд, объем созданного корпуса калмыцкого языка позволяет описать язык с точки зрения частотности употребления языковых единиц и значений: словоформ, слов, конструкций (2- и 3-граммных), грамматических значений, букв и др.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, частотный словарь, калмыцкий язык, правила лемматизации.

The article is devoted to description of the rules for text material analysis for creating the Frequency Dictionary of the Kalmyk language on the basis of the National Corpus of the Kalmyk Language (www.kalmycorp.ru) which includes the texts of the literary works published in the second half of the 20th and at the beginning of the 21st centuries as well as newspaper articles and transcripts of spoken language. The volume of the fiction (prose and poetry) exceeds 10 mln. words. The texts in the Corpus as well as certain elements of the texts (word-forms, punctuation signs, paragraphs, etc.) have special annotations. The Frequency Dictionary created on the basis of the Corpus is a pilot model as it is the first attempt to develop a dictionary of this type. In our opinion, the size of the created Corpus of the Kalmyk Language allows to describe the language from the point of view of usage frequency of language units and meanings: word-forms, words, constructions (2 and 3-grams), grammatical meanings, letters, etc.

In 2013, the experimental version of the National Corpus of the Kalmyk Language was launched, but it did not have any morphological and semantic annotations though the closed data had already possessed these types of annotations. The material containing the annotations will be open after the analyzer's program code will be adjusted, and its efficiency will reach 90%. At the present moment, the model of the algorithm of work of the morphological parser for the Kalmyk language successfully analyzes 70% of any text providing only unambiguous parsing at the same time. About 20% of the texts have multitude possible variants of automated analyses, though 10% of the texts have no parsing as there are no stems for them in the dictionary (they are mostly Russian loanwords which were not included into the Dictionary edited by B.D. Muniev [1977] and some proper names).

The main idea of developing the Frequency Dictionary is that the most frequently used language units are the most significant ones in any language but at the same time non-frequent elements are of the same significance but from the other point of view. They can carry some traces of historical development and can belong to various terminological systems which evidences that a lexical unit is out of use in speech.

The issue of the language units and meanings frequency is not developed in the Kalmyk linguistics that is why for researching the frequency characteristics of the Kalmyk speech one should first of all identify and justify the parameters for distinguishing frequency and describing frequency characteristics of the Kalmyk speech. Thus the aim of this article is to describe the rules for analyzing lexical units in order to develop the Frequency Dictionary of the Kalmyk language where the observation unit is a lemma - that is an initial form of the language without its lexical and grammatical annotations. However, it does not mean that the dictionary development will not take into account the Kalmyk grammar: processing of word-forms and working out lemma vocabulary are regulated by the rules of the formalized description of the Kalmyk language grammar, besides for each part of speech there is a separate description. The main and basic issue is to define the boundaries for the notions of a word and a lemma (an initial form of a word).

The article provides the rules for textual material analysis in order to create the Frequency Dictionary of the Kalmyk language. These rules are built on the principles for developing "The Frequency Dictionary of the Russian Language" [Frequency Dictionary ... 1977] and "The Grammar Dictionary of the Russian Language" [Zalizniak 1987] which were revised for the purposes of the Kalmyk language, while for the units which do not exist in the literary written language the rules have been developed anew. Each part of speech has its own set of rules which regulates the work of the morphological parser to process lineal letter sequence of the vocabulary element for the Frequency Dictionary.

Keywords: Corpus Linguistics, quantitative methods in Linguistics, frequency dictionary, the Kalmyk language, the rules for lemmatization.

В последние годы с развитием информационных технологий становится легче и быстрее создавать частотные словари, в которых эксплицирована структурно-вероятностная модель того или иного языка. Методы количественной лингвистики приобретают все больший интерес среди исследователей, поскольку результаты количественной обработки текстов можно применить в решении не только прикладных задач, но и фундаментальных теоретических проблем. Частотный словарь «...включает в себя упорядоченный список слов или других языковых единиц (словоформы, словосочетания), которые зарегистрированы составителем в обследованном им тексте, фрагменте текста или корпусе текстов и снабжены данными о частоте их употребления в тексте (речи). С его помощью можно попытаться ответить на вопросы: как много слов в языке (тексте), с какой интенсивностью они используются в речи, какие из них предпочтительнее в той или иной сфере коммуникации у того или иного автора и т. д.» [Долинский 2004: 285].

Создание частотных словарей на материале русского языка имеет уже продолжительную историю, начиная с 1950-х гг. [см., например, Лёнгрен 1993; Степанова 1976; Частотный словарь ... 1977]. Венцом развития отечественной количественной лингвистики стал, конечно, Частотный словарь, основанный на материале Национального корпуса русского языка [Ляшевская, Шаров 2009], который насчитывал на момент рабо-

ты над словарем 100 млн словоупотреблений¹.

Отметим, что в калмыцком языкознании еще ни разу не предпринимались попытки компилирования частотных словарей, поскольку, во-первых, отсутствовал репрезентативный объем оцифрованных текстов на калмыцком языке; во-вторых, развитие компьютерных технологий и уровень их применения не позволяли этого сделать. Появление частотного словаря калмыцкого языка сыграло бы определенную роль в аспекте сохранения языка.

В 2013 г. была запущена тестовая версия Национального корпуса калмыцкого языка без морфологической и семантической разметки (<http://www.kalmcorgora.ru>), хотя данный тип аннотации был осуществлен в закрытой базе данных. Программный код морфологического анализатора еще не совершенен, требует «отладки» и доведения его работы до 90 %. В настоящем виде модель алгоритма работы морфологического анализатора калмыцкого языка успешно анализирует 70 % текста и выдает при этом однозначный разбор. Около 20 % текста имеют множественные вероятностные варианты автоматического анализа. У 10 % вообще отсутствуют разборы ввиду того, что в словаре основ нет их стемов (в основ-

¹ Ср. с частотным словарем под ред. Л. Н. Засориной, который основан на текстах общим объемом 1 млн словоупотреблений [Частотный словарь ... 1977].

ном, это слова из русского языка, не вошедшие в Калмыцко-русский словарь под ред. Б. Д. Муниева [1977], русские собственные имена, орфографические варианты и др.).

Национальный корпус калмыцкого языка состоит из художественных текстов второй половины XX – начала XXI в., а также газетных статей и расшифровок устной речи. Объем художественных (прозаических и поэтических) текстов превышает 10 млн словоупотреблений. Тексты в корпусе, а также отдельные элементы текста (словоформы, знаки препинания, абзацы и т. п.) особым образом аннотированы [см. подробнее: Куканова и др. 2012а; 2012б]. Разрабатываемый частотный словарь калмыцкого языка будет носить пилотный характер, поскольку это первый опыт разработки словаря подобного типа. На наш взгляд, объем созданного корпуса калмыцкого языка позволяет описать язык с точки зрения частотности употребления языковых единиц и значений: словоформ, слов, конструкций (2- и 3-граммных), грамматических значений, букв и др.

Актуальность создания частотного словаря несомненна. Во-первых, частотный словарь позволит определить границы лексической системы, которая имеет свое ядро и периферийные поля (т. е. частотные и нечастотные элементы). Создание частотных списков для калмыцкого языка необходимо и в плане исследований общей типологии языков. В аспекте практической значимости создания частотного словаря можно говорить о решении прикладных задач распознавания, усовершенствования орфографии и др. С наиболее частотных единиц, как правило, начинается обучение языку, объясняется, каково их значение и как использовать их в речи. К тому же наиболее частотные слова обладают разветвленной системой значений, нерегулярной морфологией, широким идиоматическим функционированием. Большинство словарей, предназначенных для изучения того или иного языка, имеет в словарной статье помету о частотности.

Главная идея создания частотного словаря заключается в том, что наиболее частотная единица является наиболее важной в системе и в то же время нечастотные элементы занимают уникальное место в лексической системе. Они могут содержать следы исторического развития, принадлежать той или иной терминологической системе, что свидетельствует о неупотребительности лексической единицы в речи.

Как известно, частотные словари составляются с опорой на различные единицы счета: словоформы, лексемы (с различением или неразличением разных типов омонимов), словосочетания, грамматические значения. Обычно за единицу словника принимается либо словоформа, либо лексема. В качестве единицы словника может выступать и граммема [Крылов 2013]. Выбирая в качестве единицы счета словоформу, составитель словаря опирается только на графическую эквивалентность, никакого морфологического анализа текста не производится. Если в качестве единицы количественной обработки брать лемму, то в создании репрезентативного частотного словаря не обойтись без автоматического анализа текста.

Вопрос о частотности языковых единиц и значений является не разработанным в калмыцком языкознании, поэтому для исследования частотных характеристик калмыцкой речи следует первоначально определить и обосновать параметры анализа частотных характеристик калмыцкой речи. Целью данной статьи и является описание правил анализа лексических единиц в свете создания частотного словаря современного калмыцкого языка, где единицей счета выступает лемма, т. е. исходная форма слова, без сопровождения лексико-грамматических помет. Однако это не означает, что словарь будет строиться без учета грамматики калмыцкого языка: обработка словоформ и создание словника лемм регулируется правилами формализованного описания грамматики калмыцкого языка, причем правила выводятся для каждой части речи отдельно. Главными и основополагающими вопросами являются определение границы слова и понятие леммы (начальной формы слова).

Проблема границ слова — один из нерешенных вопросов лингвистики, на который до сих пор нет точного и однозначного ответа. Делимитация слова в речевой цепи зависит от целей исследования и наличия у исследователей возможностей программно обработать линейную последовательность. Например, в прикладной лингвистике используется графический подход: слово определяется как последовательность знаков, ограниченная пробелами [Гак 1990; Касевич 1977: 57–58]. Этот подход удобен для автоматической обработки текстов, так как графический анализатор сегментирует слова по пробелам, программа понимает

данный знак как делиметр. Однако в языках существуют «сочетания» нескольких графических слов, которые, по сути, являются одним словом, несмотря на то, что его компоненты пишутся отдельно или через дефис. Каждый из этих элементов обладает собственным ударением или сочетанием главного и побочного ударений. В целом оно представляет собой одно лексическое значение. Это так называемые сложные слова, или композиты (компаунды — compound words¹), которые изобилуют в тюркских и монгольских, а также в английском, испанском, немецком языках.

Что касается калмыцкого языка, то в нем также существует множество компаундов. Для получения чистой статистики, конечно, следует учитывать в качестве единицы счета не токен, а слово, которое может состоять из двух и более токенов. На данном этапе программа TextAnalyzer, созданная в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН, вычленяет сложные слова, написанные через дефис, а также редупликации. С компаундами, которые пишутся через пробел, дело обстоит немного сложнее. Сейчас модуль выделения сложных слов разрабатывается, в идеале эта часть программы должна обнаруживать и те слова, которые пишутся через пробел. По этой причине для нас это еще не решенный вопрос. На данный момент мы пока примем в качестве счета токен, т. е. слово, разграниченное пробелами, без учета компаундов.

Другой проблемой является определение леммы (начальной формы). Что касается именных частей речи, здесь нет теоретически не разрешимых проблем. Как известно, в калмыцком языке отсутствует инфинитив, хотя некоторые исследователи считают, что формы на -х не выражают значения времени, наклонения, лица и числа, т. е. являются инфинитивом. Т. А. Бертагаев рассматривает инфинитив как особую глагольную форму, которая не является атрибутивом имени и не склоняется [Бертагаев 1964: 41]. В этом вопросе мы разделяем академическую точку зрения: в монгольских языках отсутствует инфинитив. Традиционно в словарях в качестве заголовочного слова дается фор-

ма причастия в будущем времени, поэтому именно причастие в будущем времени приводится в качестве леммы слова.

Таким образом, единицей описания при создании словника частотного словаря современного калмыцкого языка признается не только графическое слово (текстоформа, т. е. «от пробела до пробела»), с которым «работают» многие морфологические анализаторы и программы по созданию конкорданса, но и ряд «составных слов». Все тексты, включенные в материал для создания частотного словаря, членились на единицы автоматически и в ряде случаев полуавтоматически.

В основу анализа текстов, составляющих Национальный корпус калмыцкого языка,² положена классификация единиц текста³. Поскольку в материал исследования входят и устные тексты, мы разделили весь массив слов на три части, которые отражают все особенности форм речи: речевые (вербальные), условно-речевые и неречевые (невербальные) — см. рис. 1.

Под речевыми понимаются вербальные единицы, обладающие обязательными признаками слова — фонетической, морфологической, лексико-семантической целостностью. Вербальные единицы текста включают в себя ряд классов.

1. Номинативный макроклас: существительное, прилагательное, глагол (в том числе причастие и деепричастие), наречие, числительное. К этому классу относятся те слова, за которыми стоят понятия о предмете, о признаке, о действии (у них есть денотат). Их основной функцией является номинативная.

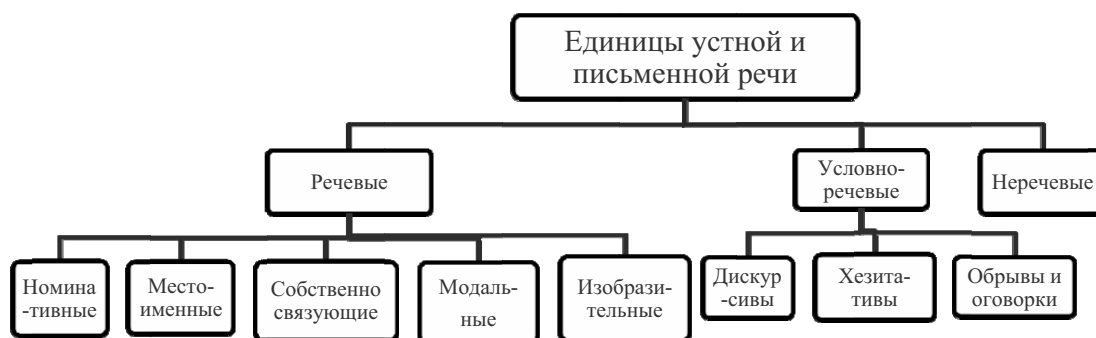
2. Местоименный макроклас: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-наречия, местоимения-числительные, местоимения-глаголы, выполняющие анафорическую и дейктическую функции в тексте.

² Классификация частично основана на концепции, разработанной группой авторов для составления семантического словаря (см. [Шведова 1998]).

³ Следует отметить, что, помимо основных своих функций, те или иные речевые единицы могут выполнять и хезитационную функцию. Например, говорящий, затягивая артикуляцию гласных или согласных звуков, обдумывает свой следующий речевой фрагмент. Данная функция может быть актуальной не только для номинативного класса слов, но и для других единиц.

¹ Многокомпонентные лексемы, «эквиваленты слова» — термин В. В. Виноградова. См., например: [Богданов, Рыжова 1997; Мустайоки, Копотов 2004; Венцов и др. 2004; Ягунова 2006; Крылов 2006; 2008].

Рисунок 1
Единицы устной и письменной речи

3. Собственно связующий макроклас: послелоги, союзы, связки и их аналоги. В эту группу входят слова, которые являются средствами синтаксической связи.

Эти три класса слов выполняют коммуникативно-информативную функцию на уровне текста, передавая фактуальную информацию; а также частично регулятивную функцию, т. е. оформляют взаимодействие говорящего и слушающего.

4. «Модальный» макроклас: частицы, междометия, выражающие субъективное отношение и оценку говорящего.

5. К изобразительным словам относятся идеофоны, особый класс звукоподражательных и образных слов в калмыцком языке.

Поскольку в материал для анализа частотных характеристик современного калмыцкого языка включается и устная речь, то единицы, которые функционируют в разговорной речи и в то же время отражают особенности порождения устных текстов, рассматриваются нами в качестве единиц счета.

К условно-речевым единицам относятся дискурсивы, хезитативы различной структуры (в том числе слова-паразиты), обрывы, оговорки. Все они не имеют денотата и являются маркерами порождения высказывания [см. Леонтьев 1969: 133]. В группу вышеуказанных единиц входят следующие.

1. *Хезитативы* и дискурсивы, организующие дискурс. Они не несут в тексте смысловой нагрузки, но оформляют его структуру или заполняют паузы хезитации, могут иметь разную структуру (звук или слово).

Дискурсивы по своему характеру могут быть словами с размытой семантикой. Они появляются между более или менее законченными речевыми фрагментами — на

границе высказываний, когда говорящий сопоставляет предыдущее высказывание согласно исходному замыслу и в то же время обдумывает уже следующую фразу. Возможно, эти единицы организуют композицию спонтанного текста. Это своего рода маркеры начала, продолжения и конца монолога. К тому же дискурсивы являются и сигналами для слушающего: «я начинаю, продолжаю или заканчиваю говорить».

К этой же группе относятся установочные дискурсивы, отражающие коммуникативные и психологические установки говорящего¹. Они маркируют порождение более высокой единицы речи — текста.

Хезитативы возникают внутри высказываний. Это маркеры программирования — планирования, поиска, контроля².

2. Обрывы и оговорки, не обладающие фонетической целостностью. Они могут иметь «некоторый смысл» только в линейной последовательности высказывания.

К неречевым относятся паралингвистические элементы, такие как покашливание, смех, усмешки, вздохи, которые часто сопровождают речь говорящего. В естественных условиях появление таких элементов вполне закономерно. Круг неречевых элементов можно расширять до бесконечности, т. к. их источником может служить и сама ситуация общения, и адресат.

Следует оговорить, что в некоторых случаях паралингвистические элементы устного текста могут не только выражать эмоции говорящего, его субъективные состояния (в том числе физиологическое), но

¹ Об установочных маркерах см.: [Дараган 2000].

² Подробнее о программирующих маркерах см.: [Дараган 2000].

и являться одним из способов хезитации, например, кашель или вздох. О функции этих элементов можно судить на основании либо их уместности в контексте, либо их частотности появления в речи говорящего.

Ниже приведены правила анализа текстового материала в целях создания частотного словаря калмыцкого языка. Приведенные в настоящей работе правила основаны на принципах построения «Частотного словаря русского языка» [Частотный словарь ... 1977] и «Грамматического словаря русского языка» [Зализняк 1987], которые переработаны применительно к калмыцкому языку, а также созданы для тех единиц, которых не существует в письменном литературном языке. Каждая часть речи имеет свой набор правил, который регламентирует работу морфологического анализатора в аспекте обработки линейной буквенной последовательности в элемент словника для частотного словаря.

НОМИНАТИВНЫЙ МАКРОКЛАСС

Имена существительные

1. Нарисательные имена

1.1. Исходной формой считается им. пад. ед. ч.:

- *модна* N.Gen='дерево' → *модн* N.Nom='дерево'|Adj='деревянный';
- *дегтрт* N.Dat='книга' → *дегтр* N.Nom='книга';
- *эцкэн* N.Gen.Refl='отец' → *эцк* N.Nom='отец'.

1.2. Звательные формы существительных сводятся к им. пад. ед. ч.:

- *Бадмаа* N.Prop.Voc='Бадма-а' → *Бадм* N.Prop.Nom='Бадма';
- *ааваа* N.Prop.Voc='дедушка-а' → *аав* N.Prop.Nom='дедушка'.

1.3. Супплетивные формы от разных основ считаются разными лексемами: *күн* N.Nom='человек' ≠ *амтн* N.Nom='люди'.

1.4. Собирательные существительные, употребляющиеся только во мн. ч., возводятся к им. пад.:

- *малын* N.Gen='скот' → *мал* N.Nom='скот';
- *турутна* N.Gen='копытные' → *турутн* N.Nom='копытные'.

1.5. Сокращенные формы принимаются в качестве единицы анализа, хотя до сих пор еще не выявлен инвентарь сложившихся со-

кращений¹. Буквенные аббревиатуры, которые являются собственными именами (*ХТ*, *СССР*, *НКВД-д*, *ГЭС*, *МТС* и т. п.), будут приведены в алфавитном и отдельном списках.

1.6. Сложные существительные с дефисом считаются одним словом: *хувцн-хунр* 'одежда', *ааһ-сав* 'посуда'. Подобные последовательности не расчленяются на две единицы: *хувцн-хунр* ≠ *хувцн*, *хунр*, *ааһ-сав* ≠ *ааһ*, *сав*.

1.7. Существительные с послелогами даются как два отдельных слова:

- *модна деер* N.Gen='дерево'+Post='на' → *модн* N.Nom='дерево'|Adj='деревянный', *деер* Post='на';
- *хотна ард* N.Gen='хотон'+Post='за' → *хотн* N.Nom='хотон, село, поселок', *ард* Post='за, позади'.

1.8. Фразеологизмы и устойчивые сочетания расчленяются на элементы, их образующие:

- *махлата мал* PhrC²= 'недотепа' → *махла* N.Nom='шапка', *мал* N.Nom='скот';
- *хар күчн* PhrC='физическая сила' → *хар* Adj='черный', *күчн* N.Nom='сила';
- *цаһан идэн* PhrC='молочная пища' → *цаһан* Adj='белый', *идэн* N.Nom='пища'.

Что касается элементов устойчивого выражения, которые не встречаются в свободном сочетании, заглавные формы выводятся искусственно.

2. Собственные имена

2.1. Собственные имена (*Дорж*, *Бадм*, *Баатр*, *Чон*) учитываются в качестве единицы счета. В ходе морфологического анализа и частичного снятия омонимии будет произведена дифференциация форм, являющихся нарицательными и собственными именами существительными, насколько это возможно. Дифференциальным признаком в снятии омонимии является написание токена с прописной буквы. В случаях, когда слово встречается в начале предложения (т. е. пишется с большой буквы), омонимия снималась вручную, где это было возможно. В случае невозможности снятия омонимии в корпусе в силу его большого объема та или иная единица будет учитываться и в группе нарицательных, и в группе собственных.

¹ См. подробно: [Куканова 2012в].

² Фразеологическая конструкция.

2.2. Если при собственных именах употреблены титулы или названия должностей, то они анализируются как отдельные слова:

- *Данзн нойн* N.Prop.Nom='Данзан'+N.Nom='нойн' → *Данзн* N.Prop.Nom='Данзан', *нойн* N.Nom='нойн';
- *Аюка хан* N.Prop.Nom='Аюка'+N.Nom='хан' → *Аюка* N.Prop.Nom='Аюка', *хан* N.Nom='хан'.

2.3. Если названия чинов и должностей написаны с заглавной буквы, то они также учитываются в качестве самостоятельной единицы: *Оһтһһун Дала Зая-пандита* N.Gen='небо' + Adv='дала' + N.Prop.Nom='Зая' + N.Nom='пандита' → *оһтһһу* N.Nom='', *дала* Adv='', *Зая* N.Prop.Nom='', *пандита* N.Nom=''. Прозвища лиц, совпадающие с соответствующими нарицательными именами, отмечаются морфологическим анализатором как самостоятельные слова: *Мергн Баатр* N.Prop.Nom='Мерген' + N.Nom='баатр' → N.Prop.Nom='Мерген', N.Nom='баатр'.

2.4. Географические названия (названия государств, стран, городов, рек, морей, озер, заливов и т. д.), названия планет, *месяцев, дней*, употребляющиеся как нарицательные, несмотря на то, что написаны со строчной буквы, не фиксируются (не снимается омонимия):

- *Лу жһилд* N.Prop.Nom='Лу' + N.Dat='год' → *лу* N.Nom|Prop.Nom='дракон', *жһил* N.Dat='год';
- *Алтн Һасн 'Полярная звезда'* → *алтн* Adj='золотой'|N.Nom='золото', *һасн* N.Nom='кол'.

2.5. Если в составе сложных имен собственных имеются компоненты, которые совпадают с нарицательными именами, то они возводятся к соответствующей начальной форме: *Хар Теңгест* N.Prop.Dat='Черное море' → *хар* Adj='черный', *теңгес* N.Nom='море'.

2.6. Названия статей, книг, изданий и организаций обрабатываются по тем же правилам: фиксируются лишь те компоненты, которые могут встретиться в качестве нарицательного имени, например: «*Хальмг Үнн*» N.Prop='Калмыцкая правда' → *хальмг* Adj='калмыцкий'|N.Nom='калмык', *үнн* N.Nom='правда'; «*Те-*

егин герл» N.Prop='Степной свет' → *тег* N.Nom='степь', *герл* N.Nom='свет'.

Имена прилагательные

1.1. В калмыцком языке имя прилагательное принадлежит к неизменяемому классу слов, находится в препозиции к определяемому слову и обозначает качество, признак, свойство предметов и явлений, например: *му* 'плохой', *сэн* 'хороший', *ик* 'большой', *ахр* 'короткий' и т. д. Начальная форма прилагательных как класса неизменяемых слов совпадает со всеми формами.

1.2. Качественные прилагательные со значением цвета, входящие в качестве компонента в сложное слово или в устойчивые сочетания, расчленяются на части: *цаһан седкл* Comp²'добродушие' → *цаһан* Adj='белый', *седкл* N.Nom='мысль; душа'; *улан хол* Comp='пищевод' → *улан* Adj='красный', *хол* N.Nom='горло'; *шар тосн* Comp='топленое масло' → *шар* Adj='желтый', *тосн* N.Nom='масло'.

1.3. В калмыцком языке отсутствуют формы сравнительной и превосходной степеней сравнения качественных имен прилагательных в калмыцком языке, однако имеется аналитический способ выражения значения интенсивности того или иного признака. Однако авторы «Грамматики калмыцкого языка» считают, что в калмыцком языке существуют способы выражения сравнительной и превосходной степени [Грамматика калмыцкого языка ... 1983: 134]. На наш взгляд, в случае словосочетаний типа *салькнас хурдн* N.Abl='ветер' + Adj='быстрый' речь идет о сравнительной конструкции, а не способе выражения сравнения одного предмета с другим. Слова со словообразовательными суффиксами *-вр, -ур, -хн* (например, *улавр* Adj='красноватый', *хатуур* Adj='твердоватый') также не являются способом выражения сравнительной степени, данные аффиксы придают мотивирующей основе значение интенсивности проявления того или иного признака, но никак не сравнения.

Конструкции со словами-интенсивами, придающие усиленное или ослабленное качество прилагательному, также расчленяются: *эвр күнд* Adv='очень' + Adj='тяжелый' → *эвр* Adv='очень', *күнд* Adj='тяжелый'; *маш улан* Adv='весьма' + Adj='красный' → *маш* Adv='весьма', *улан* Adj='красный'. Усилительная степень прилагательных образуется

¹ В данном случае анализатор выдает два морфологических разбора, поскольку не может снять омонимию форм имени собственного и нарицательного существительного.

² Компаунд.

с помощью полной или частичной редупликации, и такие конструкции расчленяются: *сээхн-сээхн цецгүд* Adj.Red='красивый' + N.Pl.Nom='цветок' → *сээхн* Adj='красивый', *сээхн* Adj='красивый', *цечг* N.Nom='цветок'; *хурдн-хурдн мөрд* Adj.Red='быстрый' + N.Nom='лошадь' → *хурдн* Adj='быстрый', *хурдн* Adj='быстрый', *мөрд* N.Nom='лошадь'; *хаб хар* Part.Emp='очень' + Adj='черный' → *хаб* Part.Emp='очень', *хар* Adj='черный'. Следовательно, при анализе не выделяются формы образования значения интенсивности признака, а указанные выше примеры идентифицируются как отдельные лексические единицы, обладающие своим собственным значением.

Глаголы

1. В качестве исходной формы было принято решение указывать форму причастия в будущем времени на -х, согласно традиционной точке зрения.

2. Изъявительные, повелительные, желательные, предостерегательные формы глагола, атрибутивные (деепричастные и причастные) формы сводятся к форме на -х: *йовनावидн* V.Pres.1SPer='идти' → *йовх* V='идти'; *йовсн* Ptcpl.Pst='идти' → *йовх* V='идти'; *йовхар* Conv.Purp='идти' → *йовх* V='идти'; *йовдгнь* Ptcpl.Nab.3Poss='идти' → *йовх* V='идти'.

3. Видовые формы глагола также приводятся к исходной основе: *түркчкв* V.Compl.Pst='смазать; растерать' → *түркх* V='смазывать; растирать'; *көдлжэлэ* V.Dur2.Rem='работать' → *көдлх* V='работать'.

4. Залоговые формы глагола также приводились к исходной форме: *умишулна* V.Caus2.Pres='читать' → *умих* V='читать'; *орлцж* Conv.Soc.Ipfv='входить' → *орх*; *эвцлхлэ* Conv.Recip.Cond='соглашаться' → *эвцх* V='соглашаться'; *даалхгдсн* Ptcpl.Caus1.Pass.Pst='ручаться; терпеть; резать' → *даах* V='ручаться; терпеть; резать'.

5. В составном глагольном сказуемом (так называемых сложных глаголах) все компоненты возводятся к инфинитиву: *авад оркна* Conv.Ant='брать' + V.Pst='ставить; складывать' → *авх* V='брать', *оркх* V='ставить; складывать'; *бууһад иржэнэ* Conv.Ant='спускаться' + V.Dur2.Pst='прийти' → *буух* V='спускаться', *ирх* V='прийти'; *гүүлдж ирлдв* Conv.Recip.

Ipfv='бежать' + V.Recip.Pst='прийти' → *гүүх* V='бежать', *ирх* V='прийти'.

6. Устойчивые глагольные сочетания расчленяются на составляющие их лексемы: *хар гөрлэ харһх* PhrC='быть ложно подозреваемым' → *хар* Adj='черный', *гөр* N.Com='подозрение', *харһх* V='встречаться; сходитьсь'; *улан махн болтлнь цокх* PhrC='жестоко избивать кого-либо полусмерти' → *улан* Adj='красный', *махн* N.Nom='мясо', *болх* V='становиться', *цокх* V='бить'.

Наречия

Наречия в калмыцком языке — это неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия и признак качества. Важнейшим морфологическим признаком наречий является их соотносительность с именными частями речи, глаголами и отглагольными формами. В этой поздней по своему происхождению частью речи ее количественный состав постоянно растет за счет адвербиализованных форм существительных, местоимений, деепричастий и других разрядов, что существенно затрудняет снятие омонимии [Грамматика калмыцкого языка 1983: 259].

1. Некоторые адвербиализированные формы существительных, местоимений, деепричастий и других разрядов можно отличить от соответствующих омонимичных употреблений слов по некоторым формальным показателям, хотя выявление этого отличия — задача уже другого исследования. Например, имена существительные в орудном падеже зачатую переходят в разряд наречий, однако при наличии возвратных и притяжательных частиц они рассматриваются как существительные: *күчэр кечжэнэ* Adv='сильно' + V.Dur2.Pst='делать' → *күчн* N.Nom='сила', *кех* V='делать'; но *эмн күчэрн хээкрэд* Adj='жизненный' + N.Instr.Refl='сила' + Conv.Ant='кричать' → *эмн* N.Nom='жизнь', *күчн* N.Nom='сила', *хээкрх* V='кричать'. Существительные в исходном падеже могут также переходить в разряд наречий, однако при присоединении частиц притяжания остаются в разряде существительных: *хажуһас соңсн* Adv='сбоку, со стороны, извне' + Ptcpl.Pst='слушать' → *хажуһас* Adv='сбоку, со стороны, извне', *соңсх* V='слушать'; но *хэврһэснь хэлэсн* N.Abl.3Poss='бок; сторона' + Ptcpl.Pst='смотреть' → *хэврһ*, *хэлэх*.

2. В некоторых случаях наречия и падежные формы существительных формаль-

¹ Red — редупликация.

² См. подробно [Баранова 2009].

но не дифференцированы друг от друга, различить их можно только в контексте. Здесь наблюдается грамматическая омонимия, при которой имена существительные в косвенных падежах, с одной стороны, и наречия, с другой, выполняя различные функции в предложении, несут в себе различное функциональное содержание, внешне оставаясь идентичными друг другу. При автоматической обработке больших объемов текста разграничение таких грамматических омонимов в полной мере не представляется возможным.

3. Некоторые имена существительные в дательном и соединительном падежах, несущие временные и пространственные значения, принимая посессивные и рефлексивные частицы, считаются адвербиализованными, поэтому записываются как отдельные слова: *намртнь Adv*='осенью' → *намртнь Adv*='осенью'; *цаглань Adv*='своевременно' → *цаглань Adv*='своевременно'.

4. Предельное деепричастие на *-тл* при присоединении возвратной частицы *-ан* (*-эн*) переходит в разряд наречий и при разборе учитывается как отдельное слово: *уктлэн эн һос эдлж өмсхв Adv*='до смерти' + *Pron.Dem*='этот' + *N.Acc*='сапог' + *Conv.Ipfv*='пользоваться' + *PtcpI.Fut.1SPer*='надевать' → *уктлэн, эн, һосн, эдлх, өмсх*.

5. Большую группу наречий, несущих временное значение, составляют сложные сочетания соединительного деепричастия на *-ж* и вспомогательного глагола *бэах*. Например, *тиигжэ́тл* ← *тиигжэ* + *бэ́тл*; *иигжэ́һэд* ← *иигжэ* + *бэ́һэд*. При разборе эти формы не разбирались как два отдельных слова, а анализировались как одно: *тиигжэ́тл* → *тиигжэ́тл*; *иигжэ́һэд* → *иигжэ́һэд*.

6. Фразеологизированные наречные сочетания и наречные конструкции расчленяются: *һарх зуур PhrC*='при выходе' → *һарх V*='выходить', *зуур Adv*='перед, когда'; *гем уга PhrC*='болезней (?) нет' → *гем N.Nom*='¹болезнь; ²вина', *уга Part.Neg*='не'.

7. Словообразовательные и орфографические варианты наречий записываются как отдельные слова: *деер* и *деерэ́кшэн*; *дор* и *дора́шан*; *деерэ́кшэн* и *деегшэн*; *өмэрэн* и *өмнэгшэн*.

МЕСТОИМЕННЫЙ МАКРОКЛАСС

Местоимения

1. Исходные формы личных местоимений (1 и 2-е лица), изменяющихся по падежам и числам и имеющих супплетивные основы, приводятся к форме именительного падежа соответствующего числа:

- *мини Pron.Pers.Gen*='я' → *би Pron.Pers.Nom*='я';
- *нанас Pron.Pers.Abl*='я' → *би Pron.Pers.Nom*='я';
- *чини Pron.Pers.Gen*='ты' → *чи Pron.Pers.Nom*='ты';
- *чамд Pron.Pers.Dat*='ты' → *чи Pron.Pers.Nom*='ты';
- *тадн Pron.Pers.Nom*='Вы' → *тадн Pron.Pers.Nom*='Вы';
- *танар Pron.Pers.Instr*='Вы' → *та Pron.Pers.Nom*='Вы'.

Диалектные и другие варианты личных местоимений, имеющие отклонения в формах падежа, также приводятся к исходной форме: *намла Pron.Pers.Com.Dialmorph*='я' → *би Pron.Pers.Nom*='я'; *намас Pron.Pers.Abl.Dialmorph*='я' → *би Pron.Pers.Nom*='я'.

2. Эксклюзивная (*бидн*) и инклюзивная (*мадн*) формы множественного числа местоимения 1-го лица приводятся к своей исходной форме:

- *мана Pron.Pers.Gen*='мы' → *бидн Pron.Pers.Nom*='мы';
- *манар Pron.Pers.Instr*='мы' → *бидн Pron.Pers.Nom*='мы';
- *маднта Pron.Pers.Assoc*='мы' → *мадн Pron.Pers.Nom*='мы';
- *маднур Pron.Pers.Dir*='мы' → *мадн Pron.Pers.Nom*='мы'.

3. В калмыцком языке предметно-указательные местоимения *эн, эдн, тер, тедн* также используются для обозначения 3-го лица, вследствие чего появляются омонимичные разборы (*Pron.Pers|Dem*). В косвенных падежах местоимения *эн, тер* имеют вариативные формы-основы — *энүнэ, үүнэ; терүнэ, түүнэ* (*OrphV¹*), исходной формой в данном случае считается форма именительного падежа соответствующего числа:

- *энүнэ Pron.Dem.Gen.OrphV*='этот' → *эн Pron.Dem.Nom*='этот';
- *үүнэ Pron.Dem.Gen.OrphV*='этот' → *эн Pron.Dem.Nom*='этот';

¹ OrphV — орфографический вариант.

- *терүнд* Pron.Dem.Dat.OrphV='тот' → *тер* Pron.Dem.Nom='тот';
- *түүнә* Pron.Dem.Gen.OrphV='тот' → *тер* Pron.Dem.Nom='тот'.

4. Косвенные падежные формы качественно-указательных (*иим*, *тиим*) и количественно-указательных (*эдү*, *тедү*) местоимений приводятся к именительному падежу: *иимин* Pron.Dem.Acc='такой' → *иим* Pron.Dem.Nom='такой'; *эдүд* Pron.Dem.Dat='столько' → *эдү* Pron.Dem.Nom='столько'.

5. Пространственно-указательные местоимения *энд*, *тенд*, *эдүкнд*, *тедүкнд*, а также глагольно-указательные *иигх*, *тиигх* принимались за местоименные слова и, соответственно, разбирались как наречия и глаголы.

6. Определенные местоимения *цуг*, *цухар*, *цугтан*, изменяющиеся по падежам, принимались за одно слово и возводились к исходной форме *цуг*, *цухар*, *цугтан*, соответственно:

- *цугиг* Pron.Qua.Acc='весь' → *цуг* Pron.Qua.Nom='весь';
- *цухаратань* Pron.Qua.Assoc.3Poss='все' → *цухар* Pron.Qua.Acc='все';
- *цугтаһарнь* Pron.Qua.Instr.3Poss='вместе' → *цугтан* Pron.Qua.Acc='вместе'.

7. Косвенные формы определительных местоимений *хамг*, *бүгд*, *зәрм* возводились к исходной форме именительного падежа:

- *хамгиг* Pron.Qua.Acc='все' → *хамг* Pron.Qua.Nom='все';
- *зәрмлә* Pron.Qua.Com='некоторый' → *зәрм* Pron.Qua.Nom='некоторый';
- *бүгдәс* Pron.Qua.Abl='все' → *бүгд* Pron.Qua.Nom='все'.

Необходимо отметить, что местоимение *зәрм* в форме дательного падежа и притяжательной частицей *-ән* переходит в разряд местоименных наречий со значением времени. В этом случае оно рассматривается как отдельное слово *зәрмдән*.

8. Возвратные местоимения *эврән*, *бий*, склоняющиеся по обычному типу и способные наращивать частицы притяжания, возводились к исходной форме: *эврэг* Pron.Refl.Acc='сам' → *эврән* Pron.Refl.Nom='сам', *бийәр* Pron.Refl.Instr='сам' → *бий* Pron.Refl.Nom='сам'. Множественное число возвратного местоимения *бийснь* также возводится к форме именительного падежа в единственном числе (*бий*).

9. Вопросительные местоимения в калмыцком языке, в зависимости от семантической нагрузки, разбиваются на несколько групп.

9.1. Предметно-вопросительные местоимения *кен*, *юн* имеют полную парадигму склонения и могут присоединять частицы усиления *-чн*, в результате автоматического анализа приводятся к именительному падежу:

- *кенд* Pron.Inter.Dat='кто' → *кен* Pron.Inter.Nom='что';
- *кениг* Pron.Inter.Acc='кто' → *кен* Pron.Inter.Nom='что';
- *юута* Pron.Inter.Assoc='что' → *юн* Pron.Inter.Nom='что';
- *юнасчн* Pron.Inter.Abl.EmpPart='что' → *юн* Pron.Inter.Nom='что'.

Конструкции с предметно-вопросительными местоимениями с усилительными словами *чигн*, *болвчн* расчленяются: *юн чигн* Pron.Qua.Nom='всякий' → *юн* Pron.Inter.Nom='что', *чигн* Part.Emp; *кениг чигн* Pron.Qua.Acc='всякий' → *кен* Pron.Inter.Nom='кто', *чигн* Part.Emp; *кен болвчн* Pron.Qua.Nom='хоть кто' → *кен* Pron.Inter.Nom='кто', *болвчн* Conj='болвчн'.

9.2. Качественно-вопросительное местоимение *ямаран* при автоматическом анализе приводится к форме именительного падежа: *ямаранд* Pron.Inter.Dat='какой' → *ямаран* Pron.Inter.Nom='какой'; *ямараниг* Pron.Inter.Acc='какой' → *ямаран* Pron.Inter.Nom='какой'.

9.3. Качественно-вопросительное местоимение *кедүдгч*, образованное от количественно-вопросительного местоимения *кедү*, считается отдельным словом.

9.4. Количественно-вопросительное местоимение *кедү*, имеющее полную парадигму склонения, приводится к форме именительного падежа: *кедүһар* Pron.Inter.Inst='сколько' → *кедү* Pron.Inter.Nom='сколько'.

9.5. Пространственно-вопросительные местоимения¹ *аль*, *альд*, *хама*, имеющие неполную парадигму склонения, возводятся к именительному падежу: *альдас* Pron.Inter.Acc='откуда' → *аль* Pron.Inter.Nom='где', *хамаһур* Pron.Inter.Dir='куда' → *хама* Pron.Inter.Nom='где'.

¹ Нередко эти местоимения в форме дательного-местного падежа с частицами притяжания (или без них) могут переходить в разряд местоименных наречий.

9.6. Вопросительно-временное местоимение *кеза* не имеет полной парадигмы склонения. Косвенные формы этого местоимения *кезанэ, кезэһэ, кезанэс, кезэһэс* перешли в разряд местоименных наречий и принимаются за отдельные слова. Тоже самое и с глагольно-вспросительным местоимением *яах*, которое обладает всеми свойствами глагола, и рассматривается нами как отдельное слово.

10. Неопределенные местоимения в калмыцком языке образованы сочетанием различных именных частей речи, поэтому при разборе расчленяются на составные части: *нег гер* Pron.Ind=‘некий’|Num.Card=‘один’ + N.Nom=‘дом’ → *нег* Pron.Ind=‘некий’|Num.Card=‘один’, *гер* N.Nom=‘дом’. В случае с *нег* появляется омонимия формы неопределенного местоимения и числительного, которую снимать придется вручную.

11. Отрицательные местоимения, образованные аналитическим образом (путем присоединения отрицательных слов *биш, уга*), разделяются на составные части: *юн чигн уга* Pron.Neg=‘ничто’ → *юн* Pron.Inter=‘что’, *чигн* Part.Emp, *уга* Part.Neg=‘нет’; но *ямаранчн биш* Pron.Neg=‘никакой’ → *ямаран* Pron.Inter=‘какой’, *биш* Part.Neg=‘нет’.

12. Возвратное местоимение *эврэн* в орудном падеже при наращивании частицы притяжания выступает в роли наречия, поэтому анализируется как отдельное слово: *эврэхэрн Adv* → *эврэхэрн Adv*.

13. Именные местоимения в форме двойного склонения родительного и орудного падежей (местоимение + *ин* + *эр*) также переходят в разряд наречий, поэтому учитываются как отдельные слова: *миниһэр Adv* → *миниһэр Adv*, *чиниһэр Adv* → *чиниһэр Adv*; *танаһар Adv* → *танаһар Adv*.

СОБСТВЕННО СВЯЗУЮЩИЙ МАКРОКЛАСС

Послелог

1. Послелог на данном этапе (т. е. на этапе морфологического анализа без снятия омонимии) не отграничиваются от омонимичных употреблений именных слов, наречий, глагольных форм и т. д. В калмыцком языке послелог, в отличие от именных слов, наречий, глагольных форм, не являются самостоятельными лексическими единицами с присущими им морфологи-

ческими, синтаксическими и семантическими признаками, выступая в предложении в качестве уточнителей значений при именных частях речи. В предложении послелог сочетается с именными словами в строгой последовательности — всегда в постпозиции, тем самым отличаясь, в первую очередь, от наречий и других частей речи: *герин ца* N.Gen=‘дом’ + Post=‘за’ → *гер* N.Nom=‘дом’, *ца* Post=‘за’; *удин алднд* N.Gen=‘полдень’ + Post=‘около; почти’ → *уд* N.Nom=‘полдень’, *алднд* Post=‘около; почти’.

Союзы

1. Союзы в калмыцком языке по своему происхождению, составу и семантике значительно отличаются друг от друга. Значительная их часть образована от глагольных форм, а также наречий, местоимений, частиц и послелогов. По этой причине при автоматическом морфологическом разборе в ряде случаев наблюдается грамматическая омонимия, при которой союзы и образовавшие их знаменательные или служебные слова внешне совпадают. При подсчете частоты того или иного слова в целях создания более объективной картины структурно-вероятностной системы языка множественные формы будут учитываться в каждой группе.

Например, токены, образованные от глагола *гух*, из-за возможности совпадения с атрибутивными (причастными и деепричастными) формами и союзами разбираются морфологическим анализатором и как союз, и как глагол. В граммеме дается: *гуһэд* Post|Conv → *guh* V=‘говорить’|*гуһэд* Post; *гуһэс* Post|Conv → *guh* V=‘говорить’|*гуһэс* Post.

2. Сложные и составные союзы расчленяются на отдельные лексемы: *тегэд чигн* Conj=‘потому, потому’ → *тегэд* Pron=‘затем’, *чигн* Part.Emp; *хэрнь зуг* Conj → *хэрнь* Conj=‘однако’, *зуг* Conj=‘но’; *бас чигн* Conj → *бас* N=‘баз; ²*бас*’|Conj=‘тоже’|Adv=‘снова, опять’, *чигн* Part.Emp и т. п.

3. Двойные союзы фиксировались как разные словоупотребления: *аль, <...> аль* Conj=‘или ... или’ → *аль* Conj=‘или’, *аль* Conj=‘или’; *эс гуһэс <...> эс гуһэс* → *эс* Part.Neg=‘не’, *гуһэс* Post, *эс* Part.Neg=‘не’, *гуһэс* Post.

«МОДАЛЬНЫЙ» МАКРОКЛАСС

Частицы

1. Частицы в калмыцком языке в большинстве своем примыкают к слову в силу сильной редукции, построить частоты здесь достаточно трудоемко. В записях граммем частицы фиксируются с указанием их разряда. Вследствие этого мы решили зафиксировать частоты только тех частиц (частицы отрицания *эс*, запрета *бичэ* (*бичкэ*) и т. д.), которые пишутся отдельно от слова — т. е. через пробел. Например, *келсн угав* Ptcpl. Pst=‘говорить’ + Part.Neg.1SPer=‘нет’ → *келх V=‘говорить’, уга Part.Neg=‘нет’; бичэ йов Part.Neg=‘нет’ + V.Impr.2SPer=‘идти’ → бичэ Part.Neg=‘нет’, йовх V=‘идти’.*

2. Список частиц как морфемных элементов слова генерируется отдельным списком с указанием их разряда.

Междометия

1. Междометия с дефисом, функционально отличающиеся от соответствующих бездефисных форм, записываются как отдельное слово: *чаг-чагра* Intj → *чаг-чагра* Intj; *на-ца* Intj → *на-ца* Intj.

2. Фонетически удлиненные междометия даются как одно слово: *а-а-а* Intj → *а* Intj; *о-ой* Intj → *ой* Intj.

3. Составные (производные) междометия расчленяются на отдельные лексемы, если включают нетождественные компоненты: *чиш тэтэ* Intj → *чиш* Intj, *тэтэ* Intj; *ю тэтэ* Intj → *ю* Intj, *тэтэ* Intj; *дарк ээлдэ* Intj → *дарк* Intj, *ээлдэ* Intj.

4. Составные (производные) междометия расчленяются на отдельные лексемы, если включают тождественные компоненты: *түш-түш* Intj → *түш* Intj, *түш* Intj; *тин-тин* Intj → *тин* Intj, *тин* Intj.

Идеофоны

1. В калмыцком языке есть изобразительные слова, которые обладают самостоятельным значением и особой структурой [Грамматика калмыцкого языка 1983: 303]. При разборе такие слова расчленяются на составляющие: *пард гих* Idf → *пард* Idf, *гих* V=‘говорить’, *таш гих* Idf → *таш* Idf, *гих* V=‘говорить’, *гилс гих* Idf → *гилс* Idf, *гих* V=‘говорить’.

2. Редупликативные формы расчленяются на составляющие элементы и считаются отдельно: *бүр-бүр гих* Idf → *бүр* Idf, *бүр* Idf, *гих* V=‘говорить’.

Условно-речевые единицы

1. Паузы хезитации, заполненные неречевыми звуками, фиксируются как отдельные единицы: *э-э, э-м, м-м, а-а, а-м.*

2. Словесные заполнители пауз хезитации (так называемые *слова-паразиты*) также анализируются как одна единица, поскольку они, во-первых, не имеют собственного лексического значения, во-вторых, выполняют функцию хезитации (обдумывания), в-третьих, как правило, реализуются в звучащей речи как одно фонетическое слово.

3. Паралингвистические элементы также даются как отдельные единицы, поскольку они выполняют, как правило, хезитационную или эмотивную функции. Например, *<смех>*, *<вдох>*, *<кашель>* и т. д.

4. Обрывы слов фиксируются как отдельные словарные единицы: *на..., өр..., ү..., ба..., ке..., ю...* и т. п.

Таким образом, приведенные правила анализа текстового материала могут служить эскизом анализирующей модели переработки сегментов текста в элементы словаря. Калмыцкий язык как язык с богатым словоизменением создает определенные трудности для компилирования частотного словаря, так как многие словоформы в текстах омонимичны (ср. словоформу *көвэд* как формы от омонимичных глаголов *көвх*^{1, 2} и существительного *көвэ*, словоформу *үүлд*, представляющую леммы *үүлн* и *үүл*, слова типа *нарн* и *Нарн*). Тем не менее, в частотном словаре исходная форма слова, или лемма, должна быть приписана любой словоформе однозначно, чтобы программа могла однозначно посчитать частоты того или иного сегмента текста.

Это даст возможность в будущем собрать данные о частотности не только отдельных словоформ, но и лексем, а также об употребительности тех или иных грамматических категорий. На основе же метатекстовой информации будут сравниваться между собой частотные списки на отдельных выборках корпуса (по функциональным стилям, по времени создания текста). Во второй части данной работы, подготовленной к публикации в следующем номере журнала, будут приведены «верхушки» частотных списков словоформ, слов, слов внутри одной части речи, граммем.

Литература

- Баранова В. В. Сложные глаголы в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. Том V. Ч. 2). С. 255–310. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвист. исслед. РАН).
- Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М.: Наука, 1964. 300 с.
- Богданов С. И., Рыжова Ю. В. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб.: изд-во СПб. ун-та, 1997. 293 с.
- Венцов А. В., Грудева Е. В., Касевич В. Б., Ягунова Е. В. Об идиомах в Национальном корпусе русского литературного языка // Компьютерная лингвистика-2004. Тезисы международной конференции. 12–14 октября 2004 г. СПб., 2004. С. 17–18.
- Гак В. Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990 [электронный ресурс] // URL: <http://tapemark.narod.ru/les/464c.html> (дата обращения: 07.03.2012).
- Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6260&vol=6077&y=2000>. 2000 (18.05.2008).
- Долинский В. А. Квантитативная лингвистика в исследовании текста // Алфавит: Строеение повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 283–324.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение: Около 100 000 слов. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 880 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 177 с.
- Копотев М. Несмотря на, потому что, или многокомпонентные единицы в аннотированном корпусе русских текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог'2004» («Верхневолжский», 2–7 июня 2004 г.). М., 2004. (URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Kopotev.htm> (17.07.2008)).
- Крылов С. А. Измерение частотности синтаксических молекул (на материале генерального корпуса русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» («Бекасово», 48 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М., 2008. С. 254–261.
- Крылов С. А. Об инвентарных и конструктивных единицах языка // Язык и речевая деятельность. 2003. Вып. 6. СПб., 2006. С. 9–26.
- Крылов А. С. Опыт изучения современного монгольского языка в количественном аспекте // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 46–58.
- Куканова В. В. О корпусе калмыцких текстов: краткий обзор проблем графематического анализа // Научное наследие проф. А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры (Кичиковские чтения). Материалы Региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А. Ш. Кичикова (21 декабря 2011 г., Элиста). Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2012в. С. 61–63.
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012а. № 2. С. 168–177.
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) – II // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 3. С. 151–161.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Метаразметка в Национальном корпусе калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2012а. № 3. С. 67–72.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 3. С. 138–150.
- Лённгрен Л. (ред.). Частотный словарь современного русского языка [Lönngren, Lennart. The Frequency Dictionary of Modern Russian. Acta Univ. Ups., Studia Slavica Upsaliensia Uppsala 32]. Uppsala, 1993. 188 с.

- Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 307 с.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1090 с.
- Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа потому что, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. М., 2004. № 3. С. 88–107.
- Степанова Е. М. Частотный словарь общенаучной лексики. М.: Просвещение, 1976. 87 с.
- Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
- Шведова — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Азбуковник, 1998. XXV+807 с. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. XXXII+762 с. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с. Т. 4. М.: ИРЯ РАН, 2007. 952 с.
- Ягунова Е. В. Неоднословные целостности в словаре и в корпусе // Корпусная лингвистика-2006. Труды международной конференции. 10–14 октября 2006. СПб., 2006. С. 395–412.

УДК 398 (470.57)
ББК 82.3 (2 Рос=Баш)

**К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ
БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА
(НА ПРИМЕРЕ СУЕВЕРНЫХ ПРИМЕТ, ЭПОСА И ЛЕГЕНД)**

**The Mythological Bases of the Bashkir Folklore
(the Case Study of the Superstitious Omens, the Epos and Legends)**

А. М. Мухамедьянова (A. Mukhamedyanova)¹

¹учитель истории и культуры Башкортостана, соискатель ученой степени отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Teacher of History and Culture of Bashkortostan, Applicant for the Scientific Degree at the Folklore Studies Department of the Institute of History, Language and Literature at Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). E-mail: m.rustyam@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению мифологических основ суеверных примет, которые возникли в древности. Положения исследователей башкирского фольклора приводятся в связи с обращением к мифологическому эпосу «Урал батыр», башкирским легендам и преданиям, содержащим мифологическую основу.

Ключевые слова: мифология, суеверные приметы, фольклор, эпос «Урал батыр», легенды, анимизм, пещера Шульганташ.

This article examines Bashkir superstitious beliefs as well as epics and legends in order to discover the mythological basis of the folklore. The study reveals that in the Bashkir superstitious beliefs there are topics similar to those in the rest of the world, but at the same time some mythological concepts are influenced by the specific geographical conditions and local environment.

The Bashkirs believed that every object of nature had its own master. This belief encouraged the Bashkirs to honour various mountains, caves, forests as sacred places, and they tried not to anger their hosts, they brought precious things such as coins and silver jewelry as offerings. They endowed lakes, mountains, roads, fields and forests with human qualities.

In the list of mythological characters considered in the article there is Shurale, devil, water, deuce, host of wind, house spirit – all of them have their habits, their functions. They are different, and at the same time they are similar and represent the human world.

In the main Bashkir epic «Ural-Batyr» the beginning of a new human life after people suffered two world floods is described through the mythological prism. The epic tells about the new resettlement of people, explains the essence of turning from hunting to cattle-breeding, considers the conquest of the living space and describes the fight against the dark forces.

In some legends (for example, *Akkoshatkantau* – the literally version “Mountain Where the Swan was Shot” – and *Crane’s Song*) we reveal the Bashkir omen associated with totemic birds which must not be shot.

The role of the superstitions in the life of modern Bashkirs is briefly discussed as well.

Keywords: mythology, superstitious beliefs, folklore, the epos «Ural-Batyr», legends, animism, Cave Shulgantash.

В зарождении и формировании жанра суеверных примет, по крайней мере, в его начальной стадии, существенную роль играли мифологические и тотемистические представления башкир. Мифологические образы и воззрения людей на мир, на явле-

ния природы вошли в структуру суеверных примет и органично вплелись в их художественную ткань.

Среди суеверных примет есть общие с мировыми сюжетами и мифами мотивы, образы, идейно-тематические параллели. Если

одни из них близки генетически, другие — типологически, то третьи связаны с тесным общением этносов или же возникают по законам архетипов.

В сознании первобытного человека вырабатывается склонность видеть в стихийных силах природы какие-то сверхъестественные начала, которые в их представлениях являлись “хозяевами” всего окружающего. Так рождаются мифы. В зависимости от конкретных условий и географической среды у каждого народа возникают свои мифологические представления. «Мифы оказали влияние и на другие области духовной жизни народа. Вследствие чего народное искусство, возникшее на базе труда, на первоначальных этапах своего развития связано с мифологией. Это особенно ярко выражается в сказках, заговорах, вообще в жанрах, связанных с первобытной магией, и относительно в меньшей степени в жанрах более развитых, каким является эпос», — утверждает А. Н. Киреев [Киреев 1970].

Мифы характерны для всех народов мира. В башкирском устном народном творчестве целый ряд произведений построен на мифологической основе. Самым знаменитым в этой плеяде, конечно, является эпос «Урал-батыр», основой и материалом которого является миф. Все здесь освещается с позиций мифологического сознания: начиная от образов, их перевоплощений, заканчивая развитием сюжета. Произведение сквозь мифологическую призму описывает возникновение новой жизни человечества после двух пережитых им всемирных потопов, рассказывает о новом расселении людей, о переходе от охоты к скотоводству, о завоевании жизненного пространства, о борьбе с темными силами. Человек здесь еще не отделен от природы. Описываемые события наглядно об этом свидетельствуют. Урал-батыр одерживает победу над повелителями сил зла Азракой и Катиллом; женится на красавице Хумай — дочери Солнца и небесного владыки Самрау; породнившись с богами, он выполняет роль мифического героя и даже демиурга (творца миров), когда из тел поверженных драконов и Азраки он творит высокие горы, а в финале его собственное тело превращается в гору Урал, богатую соковыми; расплескав живую воду, он спасает мир и дарит ему вечную жизнь; сама способность многих персонажей перевоплощаться (сын Азраки Заркум превращается то в рыбу, то в водяную кры-

су, то в змею, Хумай — в лебедя, Айхылу — в утку) с точки зрения мифологического мышления преподносится не как сверхъестественное, а как обычное явление [Башкирский народный эпос 2005: 108]. Вообще, многие пласты башкирской мифологии связаны с анимизмом и антропоморфизмом, когда животный мир обретает человеческие качества. В результате уподобления явлений природы, явлений окружающей действительности чертам и характеру человека возникли антропоморфные взгляды, антропологические мифы [Сулейманов 2008: 4].

В «Урал-батыре» также имеется целый мир анимистических и этиологических представлений, всевозможных культов запретов (табу), которые имели место в сознании и в жизни башкир в далеком прошлом. Например, согласно древним обычаям, пробовать свежую кровь дичи, съедать ее сердце и голову дозволялось только тому, кто собственными руками добывал эту дичь.

Если в эпосе «Урал-батыр» превращение лебедя в девушку, поступки чудесной девушки соотносятся с поступками эпического героя, масштабом его действий, а события происходят в эпическом пространстве и времени, то в легендах аналогичный мотив раскрывается по законам сказочной прозы. Например, в легенде «Племя Юрматы» («Юрматы кэбиләһе»), как и в эпосе, превращение лебедя в прекрасную девушку происходит в экстремальной ситуации, в тот момент, когда над жизнью «птицы» нависает смертельная опасность.

Мифология каждого народа формировалась в конкретных и своеобразных исторических условиях, хотя гносеологические корни ее возникновения всюду одинаковы. Поэтому мифологию каждого народа нужно рассматривать в тесной связи с особенностями его истории, только при этом можно правильно истолковать ее смысл [Киреев 1970: 36].

Как утверждают исследователи, башкирские мифы изучены недостаточно [Галин 2007: 194]. Отражение же мифологических воззрений в суеверных приметах не исследовано вовсе.

Суеверные приметы как раз и являются удивительной частью нашего материализованного сознания, корнящейся в далеком прошлом.

Суеверия первобытных людей возникли в первую очередь из-за неумения объяснить отдельные явления природы. В старину

удачная охота чередовалась с долгими голодными неделями. Неожданная засуха, дожди или холода также ставили людей в затруднительное положение. Подобные случаи приписывались управлению природой разными божествами-духами, которые, по представлениям первобытных людей, имели свои места обитания. Поэтому отдельные места, урочища, местности служили местом поклонения, местом «переговоров» с духами.

К числу таких святилищ относится всемирно известная пещера Шульганташ (Капова) в Бурзянском районе Республики Башкортостан. Как известно, примерно 14–12 тыс. лет тому назад верхний и средний этажи пещеры были уже свободны от воды, и люди освоили залы для проживания. На стенах некоторых залов краской охры они нарисовали фигуры мамонтов, лошадей и носорога и совершали перед ними сложные и таинственные для нас обряды, чтобы обеспечить тем самым себе успех в предстоящей охоте.

Здесь ярко проявлялись тотемистические представления древних людей. Так, в прошлом каждый башкирский род считал своим священным предком и покровителем какое-нибудь животное, которое нельзя было убивать, есть его мясо и называть по имени. Отдельные пережитки данного верования у башкир сохранились вплоть до начала XX века. Например, для защиты беременной женщины от вредоносного влияния злых духов на ее одежду пришивали различные амулеты, в том числе пучки гусиного пуха. С этой же целью под порог дома закапывали волчий череп.

С целью предохранения от различных болезней и влияния на ребенка злых духов к колыбели новорожденного привешивали и прицепляли различные обереги тотемического характера: волчьи, медвежьи, барсучьи когти, медвежьи и волчьи зубы.

Одна из примет гласит: “Вечером нельзя выносить мусор” — “Кис көнө сүп-сар ташларға ярамай”. Почему после заката солнца нельзя выносить мусор? Откуда же произошла эта, одна из самых популярных примет?

Прежде всего, считается, что если выбросить мусор после заката, о вас будут ходить дурные слухи — с чего вдруг выбрасывать из дома что-либо под покровом темноты? Ведь соседские старушки всегда начеку и не преминут обсудить то, почему же вы

так скрываете свой мусор. Еще одно объяснение связано, опять-таки, с верой в добрых и злых духов. Для того, чтобы добрые духи вошли на ночь в дом, нужно подготовиться к их встрече и выбросить из дома весь мусор. Кто не успел этого сделать, привлечет в дом только злых духов.

Судя по сведениям Ибн-Фадлана и более поздних авторов, древние башкиры одухотворяли природу и ее явления. Небесные светила — солнце, луна, звезды — по представлениям башкир были существами одушевленными. Они висели в воздухе и прикреплялись к небу толстыми железными цепями. Гром и молния происходили, как считали башкиры, по воле верховного божества. Смерчи и другие воздушные явления представлялись в виде страшных чудовищ, подобных змеям. Башкиры полагали, что каждый объект природы имел своего хозяина. Вера в этих хозяев побуждала башкир почитать различные горы, пещеры как места священные, и они старались не разгневать этих хозяев, приносили подарки в виде монет, серебряных украшений [Галин 2007: 175]. Они оживотворяли, наделяли озера, горы, дороги, поля и леса человеческими качествами. Природные объекты якобы могли слышать и понимать человека, обижаться или радоваться, помочь человеку или наказать его за непочтительное отношение к ним.

Чтобы избежать гнева этих духов, башкиры совершали различные обряды. При переходе через перевалы духу-хозяину этих мест приносили подарок. Так, еще в начале XX в. на вершинах некоторых гор можно было встретить деревья или палки, воткнутые на самой вершине горы. К ним привязывали лоскутки материи или монеты от женских нагрудных украшений. Аналогичные действия совершали и в честь духов-хозяев дороги, реки, озера и местности, мимо которых или по которым проезжали башкиры. Так, проходя через реку Шульган, у подножия пещеры Шульганташ бросают монеты, желая себе, семье, другим здоровья и других благ. Почитание духа-хозяина того или иного природного объекта было обязательным, и всякое проявление неуважения к нему влекло за собой месть духа.

Покладистыми и безвредными были лесные духи (шурале — *шүрәле* — *урман эйәһе*), которых, как верили башкиры, можно было встретить случайно в лесу или на охоте. Леший обычно представлялся в чело-

веческом образе, но только с одним глазом. Кроме этого, леший часто криком передразнивал людей (эхо).

В реках и озерах, по поверьям башкир, жили водяные (*һыу эйәһе*). Они не приносили людям вреда. Упомянутый Ибн-Фадланом господин ветра — это персонаж башкирских сказок под именем *парей*, дух ветра. Духи ветра жили на вершинах гор в прекрасных войлочных юртах. Вокруг на сочной траве паслись их многочисленные стада.

В каждом доме, по мнению башкир, имелся свой хозяин (*йорт эйәһе*), который жил в разных местах, чаще всего на печке. Зла людям он не делал, если его не сердить, но шалить любил: кидался с печки камешками, ездил на лошадях в конюшнях, заплетал им гривы. По поверью северо-западных башкир, домовый любил по ночам после всех париться в бане. В это время ходить в баню было опасно, так как он не любил, чтобы ему мешали. Башкиры вообще не решались поздно оставаться в бане, и у них записан рассказ про черта (шайтана), запарившего до смерти старика, оставшегося в бане [Руденко 2006: 302].

Из легенды «Журавлиная песнь» в народе появились также приметы и поверья, связанные с журавлями. (Если журавли прилетают по одному, лето будет погожим. Если журавли стаями прилетают, лето будет ненастным. Если журавль прилетит в период проталин, снег окончательно растает. Если при прилете журавль летит высоко, год будет ветреным). Когда-то во время войны журавли спасли племя Усерган от врагов. Журавль является священной птицей, которую нельзя убивать, стрелять по нему; по поверьям и приметам, нарушение запрета приводит к беде, смерти того, кто убил птицу.

Убийство лебедя также считалось тяжким грехом. В легенде «Аккошаткантау — гора, где застрелили лебедя» рассказывается о том, как охотник Зигангир увидел двух лебедей и выстрелил в одного из них. Стоило ему взять в руки подстреленного лебедя, как он потерял дар речи. Несчастье постигло и семью Зигангира. Вскоре, проболев недолго, скончалась его жена, умерли дети. Так поплатился Зигангир за нарушение запрета. Поверье об убийстве лебедя бытует по сей день.

Древние мифологические корни, наличие фантастического вымысла заметно сближают легенду со сказкой.

Обращение к суевериям происходит в основном из-за потребности людей чувствовать себя защищенными и не испытывать страх неудачи. Суеверные люди в большей степени избегают неудач, чем стремятся к успеху. К суевериям прибегают также, чтобы понять прошлое и настоящее и предвидеть будущее; чтобы не нарушать традиции; чтобы в случае неудачи переложить ответственность на волю случая, обстоятельств и таким образом оправдать себя. Большинство примет, используемых суеверными людьми, обусловлены снятием с себя персональной ответственности. С помощью суеверных установок мифологически мыслящий человек изменяет и регулирует свое поведение — преобразует его в сторону поступков и действий, необходимых для достижения оптимального результата. С помощью примет суеверный человек познает окружающий мир и происходящие в нем события, объясняет и интерпретирует их. Мифологическое мышление помогает распознавать события, насыщенные отрицательными эмоциональными переживаниями. Кроме того, с помощью суеверных представлений человек прогнозирует предстоящие события. И, наконец, суеверные представления регулируют эмоциональную сферу человека, защищая его от негативных переживаний, осуществляя разрядку, снимая напряжение, успокаивая, давая облегчение. В результате следования приметам у верящих в них индивидов улучшается настроение, приобретается вера в себя, оптимистический настрой.

Литература

- Галин С. А. Народной мудрости источник. Толковый словарь башкирского фольклора. Уфа: Китап, 2007. 304 с.
- Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа: БКИ, 1970.
- Руденко С. И.: Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.: ил.
- Сулейманов А. М. Башкирский детский повествовательный фольклор. Уфа: Китап, 2008. 244 с.
- Урал-батыр. Башкирский народный эпос. Уфа: Китап, 2005. 296 с.

РУССКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В ДАГЕСТАНЕ: СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

The Russian Folk Songs in Dagestan: the Wedding Ritual Lamentations

О.В. Щелкова [Селина] (O. Schelkova [Selina])¹

¹младший научный сотрудник отдела фольклора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН (Junior Researcher of Folklore Department at the Institute of Language, Literature and Arts named after Tsadaca at the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences). E-mail: selina79@mail.ru

Статья посвящена свадебной поэзии русскоязычного населения Дагестана, в которой, как и в других фольклорных жанрах, отразились различные реалии. Традиционный свадебный обряд русских в Дагестане стал заметно меняться в сторону исчезновения многих ритуальных действий уже в конце XIX – начале XX столетия, и с выпадением отдельных обрядовых эпизодов, их упрощением и сокращением изменения произошли и в свадебной поэзии. Под влиянием новых общественных и бытовых условий из устной народной поэзии ушла свадебная причет, которая в наше время осталась только в памяти пожилых людей. Песни, связанные с магическими пережитками, стали особенно заметно забываться в последние десятилетия в связи с изменившимся отношением к древним суевериям. В свадебном действе русских давно исчезли обрядовые детали, связанные с верой в колдунов, порчу, обереги и т. п., соответственно исчез и связанный с ними фольклор. Выполнение таких традиционных ритуалов, как осыпание молодых зерном или сахаром и деньгами, благословение у очага, срединного столба, целый ряд присказок и песен эротического характера, связанных с заклинанием вызывания плодородия, превратились в шутиливую игру. С обрядовыми компонентами ушли в прошлое и песни, связанные с ними.

Ключевые слова: свадебные причитания, обряд, песня, магическая сила, эпитеты.

The article is devoted to the wedding poetry of the Russian-speaking population of Dagestan. This folk art which had existed for centuries as well as other folklore genres used to be impacted by various domestic phenomena. The traditional Russian wedding ceremony in Dagestan began to change noticeably at the end of the 19th and the beginning of the 20th century and was characterized by extinction of many rituals. With the loss of some ritual scenes, their simplification and reduction, the songs connected with wedding events began to change. Thus, under the influence of new social and living conditions the oral folk poetry including wedding lamentations started to disappear and remained only in the memory of the elderly. In the last decades in connection with changing attitude to ancient superstitions, the songs associated with the magical rituals have vanished. The Russian wedding ritual items connected with belief in witches, amulets, etc. have disappeared along with the associated folklore. Such traditional rituals as hiding bride's comb, blessing at the hearth and the middle pillar, a number of sayings and songs of erotic character connected with spells stimulating fertility turned into playful games during the wedding party. They used to be an integral part of Russian traditional weddings, but can no longer be seen. With loss of the wedding ritual items the songs related to this event have also disappeared.

Keywords: wedding lamentations, ceremony, song, magic force, epithets.

Свадебная поэзия, возникшая на почве обряда, отражала и направляла ритуальное действие. Скованная рамками обряда, с течением времени она становилась все более традиционной формой выражения лирического начала, при этом возрастала степень художественности изображения. Она жила и развивалась на протяжении столетий, в ней, как и в других фольклорных жанрах, отразились различные бытовые явления.

Русская свадебная лирика представлена песнями нескольких типов — заклинательные, направлявшие и комментировавшие действие, лирические (грустного или мажорного настроя) и причитания.

Традиционный свадебный обряд русских в Дагестане по мере исчезновения многих ритуальных действий стал заметно меняться уже в конце XIX – начале XX столетия [Мугадова 2002: 13]. С упрощением,

сокращением и даже выпадением отдельных обрядовых эпизодов начинает меняться связь свадебного действия с песнями. Так, например, под влиянием новых общественных и бытовых условий из устной народной поэзии ушла свадебная причет, которая в наше время осталась только в памяти пожилых людей. Ф. М. Ибрагимова отмечает: «В последовательности исчезновения песен из обряда тоже имелась своя логика... Корпус народного свадебного действия издревле опирался на сочетание трех факторов — пережитков историко-правовых, пережитков магии оберегающей и магии продуцирующей. Раньше всего начали исчезать из обряда пережитки историко-правовые, т. е. обрядовые детали, говорившие о купле-продаже невесты, о власти мужа — хозяина над женой, о бесправии и покорности молодки в новой семье и т. п. Соответственно начали прежде всего забываться и песни на эти темы, как не оправдавшие себя в быту, противоречившие этому быту...» [Ибрагимова 2008: 34–47].

Песни, связанные с магическими пережитками, стали стремительно забываться в последние десятилетия в связи с изменившимся отношением к древним суевериям. Из русского свадебного действия давно уже исчезли «обрядовые детали, связанные с верою в колдунов, порчу, обереги и т. п., соответственно, исчез и связанный с ними фольклор» [Базанов 1988: 5]. Исполнение таких традиционных ритуалов, как осыпание молодых зерном или сахаром и деньгами, благословение у очага, срединного столба; целый ряд присказок и песен эротического характера, связанных с заклинанием вызывания плодородия, превратились в шутиливую игру. С отмершими обрядовыми деталями ушли в прошлое и связанные с ними песни [Мельникова 2003: 96].

Исследователи свадебной обрядности и поэзии народов Дагестана [Хайбуллаев 1973; Ганиева 1976; Ибрагимова 2008] не акцентировали внимание на наличие свадебных плачей и причитаний в дагестанском фольклоре. Не следует забывать, что у русских в Дагестане многие свадьбы в прошлом совершались без согласия молодых, вступающих в брак. Нередки были случаи выдачи замуж за пожилого, старого, нелюбимого, выдачи замуж несовершеннолетних. При получении вести о согласии родителей выдать их замуж девушки по-разному выражали свое отношение к этому событию.

Одни молча, с болью в душе, соглашались с этим. Другие протестовали и стремились выразить свое недовольство в плаче. Песня-плач невесты традиционно исполнялась в момент окончания помолвки, сватовства.

Традиция требовала, чтобы невеста, даже выходящая замуж по любви, горько оплакивала свою долю, сожалела о девичестве и счастливой жизни в родительском доме и выражала свою недоброжелательность по отношению к жениху и его семье [Тульцева 1978: 122–137]. Все это находило выражение в причети — поэтическом жанре, представляющем собой лирическое излияние, монолог большого эмоционального напряжения и проникновенности, в котором традиционные поэтические образы соединяются и развиваются при помощи импровизации в яркие контрастные картины счастливой девической и несчастливой замужней жизни.

Этот обрядовый жанр содержанием и манерой исполнения близко примыкает как к похоронным плачам, так и к лирическим песням — жалобам на жизнь. В похоронных плачах исполнение больше рассчитано на окружающих, на собравшихся для выражения соболезнования. Свадебный же плач рассчитан на мать, на близких людей. Его цель — расположить их к себе, добиться отсрочки сватовства, свадебного обряда [Колпакова 1973: 263].

Свадебные причитания русских в Дагестане — в отличие от северных причитаний, которые исполнялись напевно, протяжно и отличались своей лироэпичностью, так как в них была развита описательность, подробный рассказ о происходящем и даже незначительная деталь могла получить развитие, — имели лирический характер, были невелики по объему и исполнялись речитативом. Они отличались устойчивостью сюжетно-композиционной основы, стилистических приемов, яркостью художественных образов и средств эмоционального выражения. На протяжении длительного развития они претерпевали значительные изменения, отразившие, с одной стороны, древнейшие, связанные с обрядом представления, с другой — бытовые отношения и эмоции участников свадебной драмы более позднего периода [Ризаханова 2001: 50].

Причети представляли собой диалог, состоящий из неограниченного ряда коротких стихов, произносимых невестой или вопленицей («подоплачницей», «возбуди-

тельницей плача»), хором подруг, матью невесты. Причеты, относящиеся к разным эпизодам свадьбы и исполнявшиеся до отъезда к венцу, обладают различным содержанием, обусловленным изменением состояния и положения невесты, ее мыслей и переживаний в ходе свадебного обряда [Куракеева 1996: 88]. Причитания невесты на сговоре и рукобитье обращены к отцу и матери. Девушка просит не отдавать ее замуж, дать ей хотя бы еще годок «покрасоваться», она не отказывается ни от какой работы в родном доме:

Чем я вас обидела, мать,
Не слушалась ли я вас, мать,
Чем я осквернила вас (дома), мать?
Своими руками душите?
Убираете со своих глаз?
Не было же границ моей любви к вам,
Всей душой была привязана к вам,
Вы же говорили: «Пусть созреет яблоко», мать.
Зачем губить цветок морозом, если он
не расцвел?
Еще на ноги не стала ваша куропатка, мать,
Зачем же ей ноги обламывать?
Зачем ломать крылья, еще не окрепшие?
Зачем отвергаете меня, мать,
Чем я не угодила, чтобы не любить меня?
[Записал Кирюхин В. С. от Ефремовой
Е. В., 57 лет, в 1968 г. пос. Тузуклей Да-
гестанской АССР // Рукоп. фонд ИЯЛИ.
Ф. 3. Оп. 5. Л. 14–15]

В основе способа исполнения плачей лежала импровизация, так как каждый раз плач был обращен к определенному человеку и должен был в своем содержании раскрывать конкретные черты его жизни. Например, невеста выражает свои переживания по поводу окончания «вольной» девичьей жизни во время девичника, в день, когда невеста прощалась со своими подругами и родными [Атаева 2010: 93–95].

В них девушка очень искренно и эмоционально, с чувством глубокой грусти и сожаления прощается со своей девичьей жизнью:

Милы мои подруженьки,
Отгуляла-то я по широкой улице,
Отпела-то я с вами развеселы песенки,
Отойдут-то с вами все гульбы, забавушки,
Все девичьи прохладушки!
[Записано от Авиловой А. Е., 70 л., в
х. Мареновский Дагестанской АССР в

1980 г. / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 4. Оп. 2. Л. 7–8]

Сюжет ритуального предсвадебного омовения в бане невесты обязательно сопровождался причетью. В зависимость от совершаемых действий ставилась будущая судьба девушки. С этим была связана символика упомянутых в плачах действий и предметов. Подруги должны были носить дрова и воду для бани с веселыми песнями, чтобы жизнь была веселой. В *банных плачах* развивается тема прощания невесты с девичьей волей. Согласно тексту приводимой ниже песни, воля улетает из бани, принимая образ пара.

Мне сказали люди добрые таковые речи:
Не ходи ты, зарученная, в теплу парну банечку,
Смоешь ты с головы дорогу девью красоту,
Намоешь ты на голову старую бабью косынку.
Сомыла я с головы дорогу девью красоту....
[Записано от Пищериной Е. И., 52 г., в
1989 г. п. Чечень Дагестанской АССР /
Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 5. Оп. 2. Л. 15–16]

Согласно старой русской традиции, чтобы быть счастливой в браке, невесте следует перед свадьбой в последний раз поплакать. Обычно мать причетом будила невесту, напоминая ей о том, что она последнюю ночь провела в родительском доме [Яхина 1971: 120–131]. Невесте рекомендуется вставать раньше, чем ее станут «с постелюшки поднимать». Она должна смолчать, когда муж вернется «с покупной водицей», уложить его с ласковыми словами. Она не должна бранить его, «если и где-то бродит», чтобы в первые же дни новой жизни не отправил ее бродить по свету. «Народ-община <...> горькими словами будут <...> осуждать, если новые родственники станут куражиться». В ответ невеста начинает голосить:

Не красное солнце из гор выкатывается,
Как у нас на дворе заря занимается,
А мое сердце кровью обливается...
[Зап. Л. Темирбекова от М. Е. Ковалевой в 1979 г. в х. М. Бредихин // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Л. 14–15]

Тема каждого причета и его сюжет, понимаемый как более или менее устойчивый ряд композиционных звеньев, строго опре-

делены содержанием каждого этапа обряда. Они отразили круг представлений, восходивших к первобытнообщинному строю: переход вступающей в брак женщины из одной половозрастной группы в другую, прощание со своим родом, приобщение к новому роду, стремление оградить невесту от воздействия враждебных сил и наделить ее «счастливой долей». Такова доминанта всей первой части свадьбы, источник ее острого драматизма, выраженного в причитаниях. Видимо, упомянутый в причитании акт завершал отчуждение невесты от своего рода, символизируя ее окончательное приобщение к роду будущего мужа.

В данном фольклорном жанре проявляются многие типические признаки его поэтической формы. Прежде всего, это лежащее в основе каждого причета противопоставление дома родителей, всего, что с ним связано, чужой стороне; девичьей воли — доле замужней женщины. Важным средством выражения острого эмоционального напряжения служила целая система обращений, восклицаний и вопросов, включенных в синтаксические параллелизмы и повторы. Это усиливает их драматизм и эмоциональную выразительность [Заседателева 1974: 297–360].

В причитаниях, как и во многих других жанрах фольклора, широко используется система эпитетов, относящихся к каждому лицу или предмету. Однако лирическая природа причитаний особенно ярко сказывается в том, что в них чаще всего употребляются эпитеты не изобразительные, а выразительные: «родная сторонка», «желанные родители», «милые подруги», «дорогие соседи», «чужая сторона», «чужой род-племя», «чужие отец-мать», «тоска великая», «горючие слезы» и т. д. [Киреева 1973: 25].

Согласно изученным полевым записям, которые проводились в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в настоящее время, в условиях современного семейного быта свадебные причитания потеряли свое значение и воспринимаются лишь как поэтические произведения прошлого. Причитания в свадебном обряде всем своим содержанием были связаны с «оплакиванием» невесты. Этим они резко отличаются от свадебных «величальных» (поздравительных) песен, которые еще частично входят в современное свадебное торжество.

Полевые записи, хранящиеся в рукописных фондах Института ЯЛИ и НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ, и имеющаяся литература позволили нам выявить ритуальную функцию свадебных причитаний русского населения Дагестана. Изученные записи показали, что в настоящее время причитания изменили свои функции, сменили жанровую принадлежность: одна часть перешла в лирические песни, другая часть перестала существовать, а некоторые песни остались бытовать как художественное наследие в профессиональном искусстве и в художественной самодеятельности.

Источники

- Запись Кирюхина В. С. от Ефремовой Е. В., 57 лет, в 1968 г. в пос. Тузуклей Дагестанской АССР // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Л. 14–15.
- Запись от Авиловой А. Е., 70 л., в х. Мареновский Дагестанской АССР в 1980 г. / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 4. Оп. 2. Л. 7–8.
- Запись от Пищериной Е. И., 52 г., в 1989 г. п. Чечень Дагестанской АССР / Рукоп. фонд НИИФЛИ им. А. Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 5. Оп. 2. Л. 15–16].
- Запись Л. Темирбековой от М. Е. Ковалевой в 1979 г. в х. М. Бредихин // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Л. 14–15.

Литература

- Атаева Л. Н. Региональные черты русского песенного фольклора в Дагестане // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Типология, взаимосвязи и национальная специфика фольклора народов Дагестана и Северного Кавказа», посвящ. 70-летию проф. А. М. Аджиева. Махачкала, 2010. 296 с.
- Базанов В. Г. Фольклор. Русская поэзия начала XX века. Л.: Наука, 1988. 312 с.
- Ганиева А. М. Народная лирическая поэзия лезгин. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. 164 с.
- Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина 16 — начало 20 в.). Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 422 с.
- Ибрагимов Ф. М. Народная лирика рутулов, агулов, цахуров. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2008. 344 с.
- Киреева Л. С. Народная поэзия терских казаков в ее связях с фольклором Дагестана и Чечено-Ингушетии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1973. 35 с.
- Кирюхин В. С. Русская песня в Дагестане. Махачкала, 1975. 260 с.

- Колпакова Н. П.* Лирика русской свадьбы. Л.: Наука, 1973. 324 с.
- Куракеева М. Ф.* Свадебная обрядность казаков. Черкесск, 1996. 180 с.
- Мельникова И. И.* Духовная культура Ставрополя XIX–XX вв. (на примере фольклорных традиций). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 208 с.
- Мугадова М. В.* Традиционный песенный фольклор народов Дагестана в самодеятельном художественном творчестве. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 22 с.
- Ризаханова М. Ш.* Дагестанские русские XIX – нач. XX вв. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2001. 250 с.
- Тулъцева Л. А.* Вьюнишники // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. 150 с.
- Хайбуллаев С.* Аварская народная лирика. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 60 с.
- Яхина Г. А.* Сюжетность свадебной лирической песни и обрядовая действительность // Современные проблемы фольклора. Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1971. 200 с.

ВАРИАТИВНОСТЬ КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК

Variability of the Kalmyk Folk Riddles

Ц. Б. Селеева (Ts. Seleeva)¹

¹научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Literature, Folklore and Dzhanggar Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: tsagana007@mail.ru

В статье рассматриваются особенности сравнительно-типологической вариативности структурно-семантических компонентов калмыцких народных загадок. Автор приходит к выводу о том, что варианты калмыцких загадок на содержательном и семантическом уровне сохраняют устойчивую форму и характеризуются стабильностью текста, подверженной смысловой корреляции на разных уровнях абстракции. Вариативные различия обусловлены смысловыми ассоциациями по основным и второстепенным признакам загадываемого предмета или явления.

Ключевые слова: загадка, вариант, инвариант, смысловая ассоциация, логико-семантическая структура загадки, вариативность.

The article is devoted to researching the peculiarities of comparative and typological variability of the structural and semantic components of the Kalmyk folk riddles, i.e. to study of their flexibility and transformation directly connected with reduction and expansion of their components. The primary importance for the theory of variability has the dichotomy 'invariant – variant'. The up-to-date research proves the thesis that all possible types of variable transformations of riddles can be divided into two parts: with distraction of the invariable structure and with its preservation. At the same time both the "answer" which is mostly an object and the "question" which has a predicative character are investigated.

The author comes to the conclusion that the variants of the Kalmyk riddles preserve their stable form on their logical-semantic level and are characterized by the text stability subjected to meaningful correlation at the various levels of abstraction. The variable differences are determined by the logical associations in the main and secondary criteria of objects and notions asked about. Therefore, it is obvious that the riddles in the Kalmyk tradition undergoing changes on the lexical, morphological and syntactic levels preserve associational and meaningful relations with their initial usual form. They also preserve relatively sustained form on their logical-semantic levels and are characterized by meaningful stability of texts. Modified riddles with transformed invariable structure are not numerous. Thus, transformations maintaining the invariable structure of a riddle and its parts are implemented according to the following algorithms: reduction – that is when the beginning or the end of a riddle are reproduced in speech; actualization – when certain words are substituted, added or omitted; addition – when some parallel elements of judgment are added to the most sustained variant and the secondary cliché is created on the basis of a traditional riddle.

Keywords: riddle, variant, invariant, semantic association, logical-semantic structure of the riddle, variability.

Происхождение загадок имеет древние истоки, в них обнаруживается связь с архаическим ритуалом инициации (испытания героя), магией слова, с языковым табу и тайными языками, отображающими сакральные для человека предметы и явления в форме иносказательной речи.

По мнению Дж. Фрэзера, загадки изначально являлись иносказаниями и относились к тайной условной речи в риту-

ально-магическом и обрядовом комплексе, связанном с «институтом царей», смертью, обрядами плодородия и др. [Фрэзер 2006: 324–347]. В ведической традиции (XV–XI вв. до н. э.), ритуал, включавший диалог в виде обмена загадками, совершали жрецы в предновогоднюю ночь [Елизаренкова, Топоров 1984: 30]. Со временем сакральный характер иносказательной речи, так необходимый человеку в древности и предназна-

ченный для обеспечения сохранности и благополучия его семьи, племени, рода, утрачивается. Загадки трансформируются из обмена сакральными знаниями в особый вид ритуально-игрового поведения, вербальный акт, нацеленный на испытание умов и проверку сообразительности.

Американский исследователь А. Дандес рассматривает загадку как вводящее в заблуждение представление неизвестного объекта с целью проверки находчивости слушающего [Дандес 2003: 37–38]. У современных этнологов бытует мнение, что в аутентичных условиях бытования загадка не предназначена для разгадывания посредством индивидуальной остроты ума. Участники процесса загадывания и разгадывания либо владеют вопросом и ответом, т. е. являются носителями и знатоками традиции, либо находятся в процессе передачи сакрального знания [Мечковская 1998: 11–34].

По мнению Т. В. Цивьян, словник корпуса загадок соответствует алфавиту модели мира, в свою очередь Е. М. Мелетинский отмечает, что, подобно мифу, загадка — это средство концептуализации мира, который находится вокруг человека и в нем самом [Цивьян 1994: 178; Мелетинский 1995: 325]. Тезаурус загадок как мир сакрально-значимых предметов отражает мифологемы неба, земли, солнца, луны, мирового древа, мировой оси, мировой горы, мирового океана, рождения и смерти и т. д. Так, калмыцкие загадки сохранили реликты скотоводческого и охотничьего быта, рудименты древних обрядов и ритуалов, архаический язык, тонкие и ценные наблюдения над явлениями природы, то есть отобразили своеобразный и неповторимый кочевой мир. Таким образом, загадки являются инструментом концептуализации мира, а также имеют познавательную, магическую, аксиологическую, дидактическую, игровую функции [Пермяков 1975: 254–262].

Семантическую и логическую структуру, а также стратегию отгадывания загадки рассматривали ведущие отечественные ученые: Е. М. Мелетинский [1995], Ю. М. Лотман [1992], В. Н. Топоров [1994], Т. В. Цивьян [2008], Г. Л. Пермяков [1988], Ю. И. Левин [1978], Э. Кенгэс-Маранда [1978], А. Н. Журинский [2007] и др.

Загадка включает в себя собственно загадку («означающее» — «ядро») и отгадку («ознаемое» — «ответ») [Кенгэс-Маранда

1978: 256]. Функция загадок, заключающаяся в иносказательном описании предмета или явления окружающего мира, определяет особенности их структуры. Семантическую структуру народной загадки можно рассмотреть с позиции взаимосвязи трех её компонентов: загадываемого объекта, или денотата — замещающего, или кодирующего, объекта — и так называемого «образа», описания, применительного к обоим объектам. Логические модели ассоциативных связей, по которым строится описание объекта, основаны на употреблении отдельных видов тропов (метафора, метонимия). Культурные коды загадок (антропоморфический, зооморфный, предметный, анатомический, числовой и цветовой) основаны на ключевых образах и признаках денотата, где ключевой образ является означающим, то есть метафорой денотата, а ключевые признаки наводят на отгадку посредством явной подсказки, описывая внешний вид, манеру поведения, цветочные и количественные характеристики денотата. Своеобразие объективации образа заключается в том, что загадка вычленяет лишь наиболее характерные наблюдаемые черты загадываемого денотата (набор признаков бывает неполным), но не дает его дефиниции. Следовательно, в развертывании образной номинации загадки главным приемом является метафора. Позицию о метафоричности народной загадки разделяли отечественные исследователи В. П. Аникин [Аникин 1981: 53–66], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1990: 5–32], С. Г. Лазутин [Лазутин 1977: 34–49]. А. П. Квятковский рассматривает внутреннюю форму загадки, построенную на принципе замедленной метафоры (симфоры), и выделяет такие виды семантических изменений, как каламбурный алогизм и параллелизм [Квятковский 1966: 264].

В настоящее время внимание паремистов привлекают такие свойства паремий, как пластичность и трансформация, непосредственно связанные со спецификой бытования фольклорной традиции и проблемами вариативности [Береговская 2001; Говоркова 2002; Жигарина 2006; Сендерович 2002 и др.]. Исследователи описывают такие формы преобразования паремий, как сокращение и расширение компонентного состава, актуализацию и контаминацию содержательной части.

Данная работа посвящена рассмотрению вариативности калмыцких народных загадок. Предварительно отметим, что ва-

риативность является объективным и неизбежным следствием развития языка, поскольку она разнообразит, оживляет новую форму. Первостепенное значение для теории вариативности имеет дихотомия «инвариант—вариант», являющаяся взаимосвязанной и взаимообусловленной, т. к. инвариант существует постольку, поскольку существуют его манифестации — варианты [Макаев 1962: 47]. Для выявления основных черт вариативности в качестве материала исследования привлекаются загадки астраханских калмыков из собрания В. Л. Котвича [Котвич 1972: 15–60], загадки из сборника Б. Д. Букшаева и И. М. Мацакова [Хальмг үлгүрмүд... 1982: 167–251], загадки из сборника Б. Б. Басангова [Пословицы и загадки... 1961: 97–133], довольно обширный материал калмыцких паремий взят из сборника Б. Х. Тодаевой [Пословицы... 2007: 629–827], в который вошли тексты из ранее опубликованных источников, а также полевые материалы из научного архива КИГИ РАН.

Рассматривая проблемы сравнительно-типологической вариативности структурно-семантических компонентов паремий, следует учесть такой важный их признак, как замкнутая форма клише [Пермяков 1975: 361]. Сформулировавший данное положение, Г. Л. Пермяков позднее отмечал, что наличие искажений традиционных вариантов лишний раз подчеркивает устойчивость паремий, так как видоизменение возможно лишь тогда, когда есть понимание текстовой нормы [Пермяков 1988: 135–143]. Современные исследования различных модификаций и трансформаций паремий позволяют нам сформулировать корректирующий тезис об относительной замкнутости форм паремиологических клише. Виды вариативного преобразования загадок делятся на два класса: с ломкой инвариантной структуры и с ее сохранением. При этом рассмотрению подлежит как «ответная» часть загадки (отгадка), которая носит по преимуществу предметный характер, так и часть «вопросная», имеющая предикативный характер.

Рассмотрим основные особенности вариативности, свойственные калмыцким загадкам. В калмыцкой фольклорной традиции имеются примеры устойчивого бытования загадок без явных признаков вариативности с сохранением инвариантной текстуальной, содержательной и смысловой формы, как в примере:

Ээдрхнэ цаад бийд

Эрэ холта жаһамл.

(Хоолын кууһн)

На той стороне Астрахани

зеленый чеснок с чуть заметным стеблем.

(Язычок мягкого нёба)

[Котвич 1972: 19; Басангов 1960: 100;

Пословицы... 2007: 637; НА КИГИ РАН.

Ф. 5. Оп. 2. № 65; Мукабенова Н. А.], —

а также с незначительной лексической вариативностью в вопросительной части загадки

Ааһд алг махн.

(Нүдн)

В чаше пестрое мясо.

(Глаз)

[Басангов 1960: 97; Хальмг үлгүрмүд...

1982: 168; Котвич 1972: 18;

Пословицы... 2007: 639; НА КИГИ РАН.

Ф. 5, Оп. 2, № 65; — Мукабенова Н. А;

Ф. 5, Оп. 2, № 65; — Лиджиева А. Б.].

Ааһд алг булг.

(Нүдн)

В чаше пестрый родник.

(Глаз)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 168;

Пословицы... 2007: 639].

Встречаются загадки с двумя и более вариантами отгадок, где собственно загадочная часть дана с небольшим лексическим и синтаксическим варьированием:

Алтинь аваад авдринь хайчкж.

(Читлг)

Золото взяв, сундук бросил.

(Орех фундук)

[Пословицы... 2007: 755].

Алтинь аваад авдринь хайчкж.

(Чимгн)

Золото взяв, сундук бросил.

(Костный мозг)

[НА КИГИ РАН Ф. 3, Оп. 2, № 156; —

Докрунов Б. Б.].

Алтинь аваад авдринь хайж.

(Чимгнэ ясинь сорх,

чимгинь идэд, ясинь хайжс)

Золото взяв, сундук бросил.

(Костный жир высмекать,

*костный мозг съев, кость
бросил)*

[Котвич 1972: 33; Пословицы... 1960: 97;
Хальмг үлгүрмүд... 1982: 168].

Довольно часто встречаются загадки с особым типом вариативности, представленные полной и редуцированной формами в обеих частях — собственно вопросительной и отгадке, что естественно для живой фольклорной традиции:

Полный вариант загадки:

Теңгр деер Теля Веля хойр ноолдж,
Тедниг хаңцулхар одсн мана баажа
Толһадан цуста ирж.

(Ohmphy ду һарх, һал цәклх)

*На небесах Теля и Веля боролись,
Наш отец, ходивший их разнимать,
Пришел с окровавленной головой.
(Грохот грома, сверканье молнии)*

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 230;
Пословицы... 2007: 711].

Редуцированный вариант загадки и отгадки:

Теңгр деер Теля Веля хойр ноолдж.
(Һал цәклһн)

*На небесах Теля и Веля боролись.
(Сверканье молнии)*

[НА КИГИ РАН Ф. 3, Оп. 2, № 156 –
Докрунов Б. Б.].

Редуцированный вариант отгадки и загадки:

Герин ард гендн худг.
(Гијггин цоңкаг)

*Позади дома неглубокий колодец.
(Ямка на затылке)*
[Пословицы... 2007: 636].

Полный вариант загадки и отгадки:

Герин ард гендн худг,
Гесн дотр яндн худг.
(Гијггин цоңкаг; киисн)

*Позади дома неглубокий колодец,
В животе глубокий колодец трубой.
(Ямка на затылке; ямка пупка)*
[Пословицы... 2007: 636].

Иногда, как в нижеследующих примерах, вариативность прослеживается в полнотекстовом и усеченном вариантах на

уровне загадки и отгадки: с очевидной ассоциативной связью «ядра загадки» — «тулуп батюшки и матушки» — с отгадкой: «земля-небо», построенной на смысловом параллелизме. Третий пример больше всего отходит от инвариантного «ядра загадки», но семантическая модель построена по аналогии с предыдущими примерами:

Аавин девл алхж эс болж,
Ээжин девлиг эвкж эс болж.
(Һазр, теңгр)

*Тулуп батюшки нельзя переступить,
Тулуп матушки нельзя свернуть.
(Земля и небо)*

[Котвич 1972: 40].

Аавин кевс алхж эс болъ.
(Һазр)

*Ковер батюшки нельзя ведь переступить.
(Земля).*
[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 170].

Аавин ханц эс уйж болж.
(Һазрин шуурха)

Батюшкиной [одежды] рукав нельзя зашить.

(Трещина в земле)
[НА КИГИ РАН Ф. 5, Оп. 2, № 65 –
Хулхачиев О. Д.].

Структура загадки определяется семантикой и логикой «вопросной» части и отношением отгадки к загадке; для нее характерна несимметричность загадки и отгадки (одна загадка может иметь несколько отгадок, и наоборот), наличие подтекста, двойной смысл и т. д. Как правило, загадываемый предмет подается в плане сравнения с другими предметами, явлениями, состояниями по основным и второстепенным признакам, что обуславливает вариативный разброс отгадок. В приведенных примерах типология основной содержательной части загадки и вариативность в отгадочной части построены на смысловой ассоциативности, идущей от содержательной части — гром и молния, огниво, змея.

Атн темән аңһс гихлә,
Амһалжин үзүр гилвс-далвс гиј.
(Лу ду һарх, һал цәклх)

*Холощенный верлюд зевнул,
Конец веревки мелькнул.
(Греметь [драконьему] грому,
сверкать молнии)*

[Котвич 1972: 55;
Хальмг үлгүрмүд... 1982: 168].

Атн темэн аңһс гихлә,
Арһмжин үзүр гилс гиж.

(Кет)

Верблюд [холощенный] пасть разинул,
Веревки конец блеснул.

(Огниво).

[Пословицы... 2007: 692].

Атн темэн аңһс гиж,
Арһмжин үзүр гилс гиж.

(Моһа, һал цәклх)

Холощенный верблюд зевнул,
Конец веревки блеснул.

(Змея, сверкать молнии)

[Котвич 1972: 46].

Простейшие отгадки состоят в подыскании слова с начальной рифмой, в сложных же, помимо рифмы, обязательно присутствует глубокое и разнообразное содержание, зависящее от степени одаренности и находчивости отгадчика. Из следующего примера очевидно, что ответами одной загадки могут служить различные денотаты. Загадочная часть основывается на вопросе «барана ард» и «барана өмн» (баран — скерб, пожитки, аккуратно уложенные на деревянном сундуке в пространстве кибитки, — находился на левой стороне юрты), а в отгадочной части дается вариативный набор, представленный денотатами с прямым значением (веревка, замок, коса девичья, головка домбры) и переносным — душа и мысль человека. Один из примеров отражает древний ритуал, связанный с волосами, которые, по поверью, являлись источником жизненных сил человека, в связи с этим имелись предписания и табу на отрезание волос, ведущее к утрате жизненной силы и энергии.

Барана ард баг яшл.

(Арһмж; күүкн күүнә тевг)

Позади сундука с пожитками густой тёрн.

(Веревка; коса у девушки)

[Котвич 1972: 27; Пословицы... 1960: 100;

Пословицы... 2007: 634].

Барана ард баг яшл.

(Домбрин тевк)

Позади сундука с пожитками густой тёрн.

(Головка домбры)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 180].

Барана ард барш уга шикр.

(Күүнә седкл)

За сундуком столько сахара, что не съест его.

(Помыслы человека)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 174;

Пословицы... 2007: 656].

Барана өмн бавуха.

(Онһс)

Перед пожитками в юрте летучая мышь.

(Замок)

[Хальмг үлгүрмүд... 1982: 178;

Пословицы... 2007: 738].

Перед сундуком (в юрте) — летучая мышь.

(Замок)

[Котвич 1972: 27].

Следует отметить, что двусмысленность в описании загадываемого объекта возникает в тех случаях, когда языковые выражения приобретают вторичные значения, то есть происходит вторичная семантизация знаков. В этой связи еще одной важной особенностью семантической вариативности являются корреляции смысловых единиц разных уровней абстракции. Как правило, в этих примерах вариативность отгадки также строится на прямом и переносном значении, идущих от смысловой ассоциации с загадочной частью.

Чальчаг-бальчаг усна көвәһәр цаһан кермд зогсж.

(Усна көөсн)

По краю мелководья стоят белые корабли.

(Водяная пена)

[Пословицы... 2007: 705].

Чальчг-бальчг уснд

Цаһан керм зогсж.

(Шүдн, келн)

В мелкой грязной воде

Остановился белый корабль.

(Зубы, язык)

[Котвич 1972: 44; Пословицы... 1960: 129;

Пословицы... 2007: 644].

Рассматриваемые нами варианты калмыцких загадок на содержательном и семантическом уровне сохраняют устойчивую форму и характеризуются стабильностью текста, подтвержденной смысловой корреляции на разных уровнях абстракции. Вариативные различия обусловлены смысловыми ассоциациями по основным и второстепенным признакам загадываемого предмета или явления. Очевидно, что варианты загадок

в калмыцкой традиции, претерпевая изменения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, сохраняют ассоциативно-смысловую связь с исходной узуальной формой. На содержательном и семантическом уровне они также сохраняют относительно устойчивую форму и характеризуются смысловой стабильностью текста.

Видоизмененные загадки с ломкой инвариантной структуры немногочисленны. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что преобразования с сохранением инвариантной структуры загадки и ее частей осуществляются по следующим алгоритмам: усечение — воспроизведение в речевой ситуации начальной или концовочной части загадки; актуализация — замена, добавление или пропуск отдельных слов; надстройка — добавление параллельного элемента суждения к наиболее устоявшемуся варианту, когда происходит вторичное создание клише на базе традиционной загадки.

Источники

- Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН)
Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. С. 97–133. 136 с.
Пословицы и загадки / на калм. яз. Сост. Б.Б. Басангов. Калм. кн. изд-во. Элиста, 1961. 136 с.
Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
Хальмг үлгүрмүд болн тээлвртэ туульс // Цуглул:ж диглснь Букшан Бадм, Мацга Иван. Элст, 1982. С. 167–251. 251 с.

Литература

- Аникин В. П. Метафора в загадках // Художественные средства русского народного поэтического творчества: Символ. Метафора. Параллелизм. М.: 1981. С. 53–66.
Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: 1990. С. 5–32.
Береговская Э. М. «КВАЗИ» (Чужой текст как материал языковой игры) // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В. Г. Гака. Дубна, 2001. С. 23–27.
Говоркова О. Н. Вариативность русских народных загадок // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М.: 2002. Т. 1. С. 32–38.
Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. М.: ОГИ, 2003. С. 30–42. 279 с.
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремнологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 14–46.
Жигарина Е. Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов. Дис. ... канд. филол. наук. 10.01.09. М.: 2006. 251 с.
Журицкий А. Н. Загадки народов Востока: Систематизированное собрание / А. Н. Журицкий: сост. А. В. Козьмин. М.: ОГИ, 2007. 536 с.
Квятковский А. Поэтический словарь. М: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
Кёнгэс-Маранда Э. Логика загадок // Паремнологический сборник: Пословица. Загадка. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. С. 249–282.
Лазутин С. Г. Метафора в загадках // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1977. С. 34–49.
Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. С. 283–314.
Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Т. 1. Таллин: «Александра», 1992.
Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 47–53.
Мелетинский Е. М. Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1995. С. 325–337.
Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по философии и истории религий. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975. С. 247–274. (Серия: Исследования по фольклору и мифологии Востока)
Пермяков Г. Л. Основы структурной паремнологии. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1988. 236 с. Серия: Исследования по фольклору и мифологии Востока.
Сендерович С. Я. Морфология загадки. М.: Школа «Языки славян. культуры», 2008. 208 с.
Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: 1994. С. 40–44.
Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэнгер; [пер. с англ. М. К. Рыклина]. М.: Эксмо, 2006. 960 с. (Антология мысли).
Цивьян Т. В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М.: 1994. С. 178–214.
Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации // Цивьян Т. В. Избранное в 2-х кн. Книга 2: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. М.: Наука, 2008. 390 с.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ОТОБРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО
В БАЛКАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ:
КОМЕДИОГРАФИЯ ЖАГАФАРА ТОКУМАЕВА**

**The Artistic Means for Presenting Comic in the Balkar Drama:
Comediography of Jagafar Tokumaev**

А. М. Сарбашева (A. Sarbasheva)¹

¹кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела балкарской филологии Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Ph.D. in Philology, Assistant Professor, Senior Researcher of the Balkarian Philology Department at the Institute for Research in Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences). E-mail: alenasarb@mail.ru

В статье исследуется арсенал художественных средств (гипербола, гротеск), используемых драматургом Ж. Токумаевым для выражения комического. Отмечается прием разоблачения (саморазоблачения, взаиморазоблачения) как способ создания комедийного характера, определяется роль языковых средств при сатирическом и юмористическом художественном воплощении конфликта в сюжете и персонажах.

Ключевые слова: комедия, гипербола, гротеск, разоблачение, характер, языковые средства.

The article investigates the arsenal of artistic devices used by the well-known Balkar playwright and comedy dramatist J. Tokumaev. The principal means of comic recreations are exaggeration and grotesque as well as unmasking (self-unmasking, unmasking of each other) as a way of comedy character creating. Various items and devices reinforcing the effect of “seriousness”, facilitating the disclosure of the nature of the comedy actor are used as an additional working means for satirical (humorous) processing of life material.

The role of linguistic resources (comic allegory, “poetics of names and surnames», interpretations of Russian expressions, stylistic conflict of different registers of the Balkar language, “play on words” with various (opposite) semantic meanings, etc.) in expressing the ethnic characteristics of humor and its national flavour is defined. In conclusion, the playwright’s skill to use the traditional artistic means along with the national language forms for the comic display of reality is indicated.

Keywords: comedy, hyperbole, grotesque, exposure, character, figurative language devices

Изучение драматургических жанров, их художественных особенностей является одним из актуальных вопросов в современном национальном литературоведении, где, в частности, комедия является одним из значимых и активных видов драматического искусства, что «обусловлено исторической изменчивостью комического восприятия» [Кириллина 2008: 20]. Проблематика национальной комедиографии обстоятельно исследована в татарском и башкирском литературоведении [Ханзафаров 1996; Кильмухаметов 1995; Ахмадиев 2003]. В изучении литератур Северного Кавказа комедия все еще не стала предметом скрупулезного анализа с точки зрения ее национального своеобразия и жанровой специфики, что «возможно, обусловлено сложившимся стереотипным представ-

лением о комедии как якобы не несущей в себе глубокого смысла и не имеющей иной функции, кроме развлекательной» [Утижева 2008: 3]. Достижения в области национальной комедиографии (творчество Б. Утижева, А. Хамидова, Ш. Алиева, Ж. Токумаева, С. Чакхиева, И. Мамеева, М. Ибрагимова и др.) свидетельствуют о необходимости ее изучения с современных научных позиций.

Вместе с тем комедии уделялось определенное внимание в монографических исследованиях в контексте изучения национальной драматургии и сценического искусства народов Северного Кавказа и Дагестана [Султанова 2008; Сарбашева 2009; Евлоева 2012], трудах, посвященных творческой индивидуальности отдельных писателей [Баков 2010].

В исследованиях по национальной драматургии отмечается, что значительная роль в развитии жанра комедии в балкарской литературе принадлежит известному писателю Жагафару Токумаеву. Им созданы пьесы «Даража» («Мнимый авторитет»), «Ауанала» («Тени»), «Жамиля», «Чонай женится» и т. д., в которых затрагивается ряд актуальных проблем современности, в частности, создан художественный анализ духовных и нравственных вопросов общества [Сарбашева 2009: 162].

Творческая манера драматурга (комедиографа и сатирика) связана с выявлением, преувеличением и заострением наиболее существенных специфических и общих черт подвергаемого критике социального явления. Обращение писателей к гиперболизации как ведущему художественному средству — одно из необходимых условий для создания комических ситуаций и характеров.

В комедийном, сатирическом произведении заострению и сознательному преувеличению могут быть подвергнуты и характер, и обстоятельства, и детали, которые в свою очередь являются своеобразными средствами выражения комического.

Гиперболизация как резкая эстетическая черта характерна и для национальной балкарской драматургии, в частности, комедий Ж. Токумаева «Авторитет», «Тени», «Чонай женится». Комедиограф, используя традиционные художественные средства, создает образы карьеристов, бюрократов, хвастунов, раскрывает сущность таких общественно вредных явлений, как взяточничество, доноительство. Пьесы Ж. Токумаева насыщены неординарными обстоятельствами и ситуациями, в которых обнажаются типические черты сатирического комедийного героя. Драматург заостряет внимание на тех доминантах человеческого характера, которые критически изобличаются и подвергаются сатирическому осмеянию. К примеру, в комедии «Чонай женится» невежество, духовная нищета Кюмюшхан и Чонай высмеиваются в диалоге:

Чонай: Ничего, дорогая. Песня, спетая тобой, будет звучать красивее, чем известная симфония Белинского.

Кюмюшхан: Как? Белинский? Разве он был композитором?

Чонай: Пах, я ошибся, будучи пьяным. Хотел сказать — Достоевский. [Токумаев 1985: 201–202]. (Подстроч. пер. здесь и далее наш. — А. С.).

Нередко драматург излишне привержен гиперболизации, что отражается на восприятии комической ситуации: желание рассмешить читателя порождает искусственную комичность. Так, в упомянутой комедии рационально и схематично выстроен образ Конакбия. Причина его жизненных неудач кроется в непонимании социально-общественных обстоятельств. Преданный делу коммунизма, он столь долго носил траур по почившим партийным лидерам, что затянул с устройством своей личной жизни. В разговоре с Танзилей Конакбий сетует на свою судьбу: «...У меня была любимая девушка — Зухра. Краше ее никого не было. Наша любовь была крепка. Когда мы готовились к свадьбе, умер один родственник, и ее отложили. Спустя немного времени скончался еще один родственник. А через некоторое время неожиданно умер Брежнев... Леонид Ильич.

Год спустя, когда мы с Зухрой собрались идти в ЗАГС, скончался второй генсек — Черненко. Пока горевали, умерла Индира Ганди...Глава Индии.....(Плачет. Достает из кармана носовой платок и вытирает слезы). Танзиля, извини, я такой человек. Когда умирают руководители, я сильно горюю. Мне кажется, будто приближается мой черед [Токумаев 1998: 150–151].

В отличие от наивной и жалостливой Зухры, проникнутой вниманием к грустной истории несчастного мужчины, бойкая Куртхажан с насмешкой воспринимает его исповедь:

Куртхажан (Конакбию): Иди, несчастный, к доктору и обследуй голову.

Конакбий: Сестра, ты не играй моей головой. Я — коммунист.

Куртхажан: Нашел чем хвастаться... [Токумаев 1998: 151].

Последний эпизод призван сбалансировать комедийную ситуацию, придать ей правдоподобие.

Наряду с гиперболой для комедиографов весьма значимым является прием гротеска как высшей формы комедийного преувеличения и заострения, придающей фантастический характер создаваемому образу. «Характерным признаком гротеска является не только нарушение границ правдоподобия, но и появление условности в изображении хотя бы некоторых черт явления и, что особенно важно, выход образа за пределы вероятного, деформация образа» [Борев 1957: 212–213]. Посредством гротеска дей-

ствующее лицо наделяется преувеличенно выделенными чертами, что в свою очередь способствует выявлению внутреннего содержания, сущности социально-нравственных пороков. Гротескное преувеличение имеет не только сатирическую, но и юмористическую направленность. В этом аспекте определенный интерес представляет все та же комедия «Чонай женится», в которой комедийное преувеличение достигается разными способами. Драматург выделяет и заостряет в каждом отдельном случае, и словом и действием, главное в характере того или иного персонажа (бахвальство Чоная, острословие и бойкость Куртхажан, решительность и одержимость Тулпарбия), чтобы полнее показать комизм характеров и ситуаций.

Центральным героем комедии является Чонай, молодой человек с богатым криминальным прошлым. В постперестроечные годы он приобретает статус «нового» человека — бизнесмена. Чонай пытается создать представление о своем огромном значении и положении в обществе, связях, невероятных возможностях, что выражается в речевой характеристике и рисунке роли. В диалоге с Зухрой представления героя о предстоящей свадьбе выходят за границы его возможностей, придавая событию поистине глобальный масштаб: *«Я договорился с друзьями: часть свадьбы сыграть в Нальчике, потом во Франции и завершить ее на Гавайских островах»*) [Токумаев 1998: 156]. Однако последующий телефонный разговор героя свидетельствует лишь о его безмерных амбициях и показной деловитости: *«Алло-о! Да... Приехали гости из Франции? О, если это так, скоро буду! (Кладет телефон на грудь). Танзиля, нам даже не дают поговорить. Я открываю совместно с французами предприятие, президент Франции прибыл и ждет меня...»* [Токумаев 1998: 156–157].

Главной чертой характера Чоная, определяющей все его поступки, является стремление к богатству. Для полного счастья, как он думает, необходимо жениться на красавице Танзиле. Получив отказ девушки, он пытается похитить ее. Чонаю противостоит Куртхажан, также жаждущая богатства и положения в обществе. Увидев в лице главного героя комедии перспективного мужа, она замышляет стать его женой. Хитроумной женщине удается достичь поставленной цели. Комедийная борьба переходит в

драматическую: Чонай, измученный противостоянием с нежеланной невестой, терпит поражение. Драматург убеждает читателя (и зрителя) в том, что Чонай и Куртхажан — родственные натуры, и потому остаются вместе. Каждый здесь получает по заслугам, ведь комедийному жанру «свойственна категория *веселого... обмана*. Такой обман, конечно, отклонение от нормы, но временное и являющееся необходимым условием сохранения и утверждения этой нормы» [Теория литературы 2007: 411].

Комедийный характер — одно из самых значительных средств воплощения комического, важнейшая форма его концентрации. По поводу того, какими же особенностями должен обладать комический персонаж, теоретик комедии Н. Федь заметил: «Он должен быть собирательным, типизированным, обобщенным, ... «перегруженным», «преувеличенным». В противном случае он будет похож на «обыкновенного человека» и превратится в плоскую копию отдельного человека» [Федь 1978: 73].

Герои комедий Ж. Токумаева — бюрократы, карьеристы, анонимщики, взяточники — получают ясно выраженную социальную характеристику. В каждом из них заложен определенный потенциал негативных качеств, которые активно проявляются в быту, в работе и других сферах жизнедеятельности. Эти персонажи, изображенные локально, вместе создают собирательный сатирический образ. Чонай, Шохай и им подобные — люди с сугубо эгоистическими потребностями, узким кругозором, отсутствием эстетического вкуса, безразличные к интересам общества. Они зачастую страдают манией величия, одержимы идеей достижения непомерных целей.

Немаловажную роль в решении одной из основных задач комедиографии — «создании комического характера в комедийной ситуации» [Ахмадиев 2003: 63] — играет прием разоблачения (взаиморазоблачения, саморазоблачения) персонажа. К примеру, главное действующее лицо комедии «Тени», Шохай, занимая руководящую должность, лишен способности объективно воспринимать окружающую его действительность. Он не представляет себе истинное положение дел на подведомственном ему производстве, что вызывает волну возмущения со стороны подчиненных. Ослепленный манией величия, одержимый тщеславием, он неадекватно реагирует на

объективную критику работников быткомбината. Наступает момент разоблачения главного героя: на коллективном собрании работа Шохая подвергается жесткой критике. В этой сцене наглядно проявляется типичная черта бюрократа — отрыв от реальных фактов, неумение и нежелание считаться со здоровой критикой, с инициативой коллектива. Действия Шохая алогичны, лишены связи с истинным положением дел, ибо высший авторитет для него — он сам.

Герой комедии «Тени» приблизил к себе людей, профессионально несостоятельных, стремящихся извлечь выгоду из государственного добра. Союз Шохая с такими, как Конгурбий, Сохта, не имеет прочной духовной основы. В них напрочь отсутствуют чувства взаимной помощи, истинной дружбы. С целью развенчания отрицательных персонажей драматург создает непредвиденные обстоятельства. Так, в драматической ситуации пожара на складе каждый бросает огульное обвинение в адрес других действующих лиц, подозревая их в содеянном. Посредством взаиморазоблачения писателю удается выявить подлинную природу каждого из данной группы персонажей.

Наряду со взаиморазоблачением применяется прием саморазоблачения. «Применение комедийного саморазоблачения требует от комедиографа особой осторожности, точности и поэтического чутья, в противном случае этот прием вырождается в немотивированную декларацию персонажами собственной подлости, что ведет к художественной фальши, — отмечает Ю. Боров. — Внутренняя мотивированность саморазоблачения особенностями характера сатирического персонажа — важнейшее и неперемное условие применения комедийного саморазоблачения» [Боров 1957: 222].

Главные действующие лица комедий «Тени» и «Авторитет» наделены цинизмом и лицемерием, — и в словах, и в поступках. Так, комедия «Авторитет» начинается с монолога Шохая, в котором он с нескрываемым восторгом рассказывает о том, как добился для себя авторитета:

«Меня зовут Шохай. В селе меня знают и стар, и млад. Да, это так. В позапрошлом году работал на складе. Признаюсь, жил неплохо. Но меня стали преследовать нечестивые ревизоры, и, как крысы выжидали из норы мышей, так и они меня выгнали с работы. Но, знаете, у меня много друзей. Да они сами непростые люди. С их

помощью я устроился в магазине, однако и там меня ревизоры не оставили в покое. Да и вообще, почему их советская власть не сокращает? Из-за них мне пришлось уйти из магазина. Но все это было к лучшему. Видите вот этот портфель? Теперь меня подняли еще выше. В селе назначили директором быткомбината. Спасибо друзьям. Поддерживают меня. Понимаете ли, что это значит? (Смеется) Как, не понимаете? Авторитет...» [Токумаев 1985: 286].

Читатель сталкивается с иронической формой саморазоблачения, которое здесь становится остро действующим комедийным средством. Герои Ж. Токумаева, прикрываясь формами внешнего соблюдения общепринятых норм и приличий, являются носителями негативных качеств, совершают аморальные поступки. Они представлены как лицемеры, прикрывающиеся показной добродетелью и законопослушанием, ложной порядочностью, мнимым авторитетом. Для современной балкарской комедии весьма характерен разлад между внешней (показной) значительностью, претензией таких, как Чонай, Шохай, и их никчемной внутренней сущностью. Присущее подобным персонажам несоответствие их подлинной сути и стремления показаться добродетельным человеком составляет основу комедийного конфликта в целом.

В качестве дополнительно действующего средства сатирической характеристики драматург активно прибегает к неодушевленным предметам и деталям, которые усиливают эффект «серьезности», способствуют выявлению характера отрицательного героя. Так, в комедии «Авторитет» автор активизирует функцию детали, вырастающей до образа, — Портфеля, который нередко мелькает в ремарках: «С портфелем возмущенно уходит» [Токумаев 1985: 286, 292]. Портфель как атрибут чина и власти фигурирует и в портретной характеристике Темирбашева, который сменяет Шохая в должности директора быткомбината: «Достав из портфеля бумагу, передал ее Шохая») [Токумаев 1985: 286, 292]. В комедии «Чонай женится» подобными функциями наделен кейс с деньгами как неперемный атрибут состоятельного бизнесмена — «нового балкарца».

В целях усиления комической ситуации драматург использует символику чисел. Так, приказ, в котором сообщается об освобождении Шохая с занимаемой должности

директора быткомбината, отмечен номером тринадцать, что ассоциируется с провалом героя.

В качестве эффективного средства сатирического и юмористического изображения комических характеров и ситуаций используется комедийное иносказание. Обращает на себя внимание своеобразная художественная ономастика действующих лиц в комедиях балкарских авторов. Драматурги, не нарекая персонажей «полноценными» именами, создают сатирические клички (Сохта, Конгурбий («Авторитет» Ж. Токумаева), Мыстыхан, Татлыхан («Соседи» Ш. Алиева) или в комедийном ключе осмысливают фамилии персонажей: Кынгырбашева, что означает кривоголовая, Тюзбасаров — наступающий правильно, Бермезов — не дающий ответа, Жюнбермезов — не дающий шерсть, Малбермезов — не дающий скот («Тени» Ж. Токумаева), полковник Курман Кенгхуржунович Нохтабаов — принимающий подарки, Эльдар Сатылмазов — не продающийся, Куртхажан Катытутмазова — крепко держащая («Чонай женится» Ж. Токумаева). Фамилии и имена действующих лиц комедий соответствуют поступкам, стилю речи и служат дополнительным штрихом к их характеристике. Старинный прием использования «говорящих» имен, как отмечает Х. Баков, характерен и для кабардинской комедиографии [Баков 2010: 179].

Речевая характеристика — точное образительное средство, способствующее «остранению» драматурга от своего героя: каждому персонажу вложена в уста индивидуализированная, присущая лишь ему одному речь. Лексический диапазон действующего лица, особенности стиля речи, интонации — все это создает отчетливое представление о его облике, характере, социальном статусе, профессиональной принадлежности, интеллектуальном и духовном потенциале. Так, Ж. Токумаев нарочито насыщает речь действующих лиц иноязычными словами, что приводит к возникновению внутреннего языкового стилистического контраста, к стилевому столкновению слов русского и балкарского языков. Комический эффект употребления чужеродных слов связан с тем, что они произносятся на балкарский лад («пойнатна» — понятно, «килянусь» — клянусь, «головамы морочить этме» — не морочь голову и т. д.), и не-

обычное их звучание вызывает смех. Иноязычные вкрапления в речевой характеристике определяют человеческую сущность, социальный опыт действующего лица. Помимо комедийного столкновения слов, в пьесах Ж. Токумаева наблюдается стилевой конфликт различных слоев родного языка. В качестве традиционного художественного средства комедийной обработки жизненного материала драматургом используется комедийный контраст, выраженный в стилистически-языковом противопоставлении.

Драматург активно использует словесную игру, которая в комедии построена на сопоставлении двух созвучных слов, имеющих различное (противоположное) значение (демлешдиргенде — тенглешдиргенде (спорить — сравнивать); кабинет — комбинат; трахтир — трехтир (трактир — директор); заншап — жашнап (болтать — процветать)). С одной стороны, подобный художественный прием служит для характеристики персонажа: посредством словесной игры драматург раскрывает алогичность мышления, невежество действующего лица. С другой — производит комический эффект, рассчитан на смеховую реакцию читателей (зрителей). Обладающие различным значением близкие по звучанию слова создают возможность отобразить комическое явление.

Необходимо отметить богатые комедийные возможности, заложенные в балкарском языке, который выступает как самостоятельное комедийное художественное средство. Посредством словесной игры в национально-языковой форме драматург передает этнические особенности юмора, его особый колорит, что сложно передать средствами другого языка.

Ж. Токумаев создает разнообразные речевые характеристики своих персонажей. Лексический диапазон одних (Чонай, Кюмюшхан) довольно обширен, у других, напротив, словарный запас ограничен. Речевое поведение как элемент самовыражения способствует созданию индивидуального психологического портрета персонажа. Образ речи, отражающий образ мышления, становится средством комедийного изображения.

Некоторые герои комедий Ж. Токумаева не обладают красноречием. Для Сохты («Авторитет») и подобных характерна, по выражению В. Филлипова, «заторможен-

ность мысли и речи»: «Это — люди, которые часто даже своим ограниченным запасом слов пользуются с трудом или топчутся на месте, повторяя какое-нибудь одно словечко, ставшее для некоторых из них настолько привычным, что они пользуются им во всех случаях жизни» [Филиппов 1946: 101].

Мастерство драматурга-комедиографа определяется умением пользоваться разнообразными средствами комедийного и сатирического изображения. Наряду с традиционными художественными приемами творчеству балкарских драматургов присущи и собственные стилистически-индивидуальные черты, что отражает национальную специфику отображения действительности, тем самым «способствуя развитию национальной самоиронии, важнейшей составляющей этнического самосознания» [Базиева 2010: 175].

Таким образом, творческий успех достигается поисками новых художественных способов осмысления жизненных противоречий, средств совершенствования структуры драмы. Этим и обусловлено то, что в современной балкарской драматургии меняются устоявшиеся представления о комедийном жанре. Происходят изменения в конфликте, который основывается не столько на прямом столкновении полярных сторон, сколько на углубленном отражении негативных явлений, что, в свою очередь, называется на воплощении психологии действующих лиц произведения. Современное состояние национальной комедии ставит перед драматургами сложные задачи, которые заключаются в творческом развитии богатейших идейно-эстетических традиций, в поисках разнообразных художественных возможностей для убедительного утверждения в своих пьесах нового положительного идеала, в углублении художественного познания меняющейся действительности.

Литература

- Ахмадиев Р. Б. Современная башкирская драматургия (природа конфликта и многообразие жанровых форм). Уфа: РИО БашГУ, 2003. 158 с.
- Базиева Г. Ж. Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2010. 280 с.
- Баков Х. И. Борис Утижев. Поэт, писатель, драматург. Нальчик, Издат. отдел КБИГИ, 2010. 344 с.
- Борев Ю. О комическом. М.: Гос. изд-во «Искусство». 1957. 232 с.
- Евлоева А. М. Ингушская драматургия: национальные истоки, эволюция, жанровая специфика. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 160 с.
- Кильмухаметов Т. А. Поэтика башкирской драматургии. Уфа: «Китап», 1995. 336 с.
- Кириллина М. А. Эволюция жанра комедии в якутской драматургии. Автореф. дис. канд. филол. наук. Якутск, 2008. 20 с.
- Сарбашева А. М. Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 240 с.
- Султанова Г. Фольклор в драматургии и театре Дагестана. Махачкала, 2008. 168 с.
- Теория литературы. М.: Издат. центр «Академия», 2007. 512 с.
- Токумаев Ж. Ауанала (Тени): Повести, рассказы, пьесы. Нальчик: Эльбрус, 1985. 384 с.
- Токумаев Ж. Чонай кьатын алады (Чонай женится): Комедия // Минги-Тау (Эльбрус). 1998. № 6. С. 142–183.
- Утижева Л. Б. Жанр комедии в творчестве Б. К. Утижева: национально-художественные истоки, традиции, новаторство. Автореф. дис. канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 18 с.
- Федь Н. М. Искусство комедии. М.: Наука, 1978. 216 с.
- Филиппов В. Язык персонажей А. Островского // А. Н. Островский — драматург. М.: Сов. писатель, 1946. С. 78–131.
- Ханзафаров Н. Г. Татарская комедия. Казань: Изд-во ФЭН, 1996. 268 с.

**«ЖЕЛАЙ МНЕ ЗДРАВИА, КАЛМЫК!»
(ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ, МАТЕРИАЛЫ К КОММЕНТАРИЮ: Часть I)
“Wish me Health, Kalmyk!”
(The Issues of the Textual Aspect, the Materials to the Comments: Part I)**

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Manuscripts, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru

В статье рассматриваются определенные текстологические аспекты реконструкций ранней (черновой) редакции послания А. С. Пушкина литературно-театральному обществу «Зеленая лампа» (начало 1820 — весна 1821 гг.), осуществленных С. М. Бонди и Б. В. Томашевским.

Предлагаемые историко-литературные комментарии позволяют уяснить некоторые особенности восприятия Пушкиным предшествующей поэтической традиции (И. И. Дмитриева).

Ключевые слова: Пушкин, литературно-театральное общество, послание, реконструкция, варианты, «Зеленая лампа», Калмык.

The article discusses some textual aspects of two reconstructions of the early (draft) editions of A.S. Pushkin's address to the Literature and Theater Society "Green Lamp" (dated back to the beginning of 1821 and no later than spring of 1822). The reconstructions have been subsequently undertaken by two Pushkin scholars — textual critics, by the editors of the Big and Small academic editions of the poet's heritage — S.M. Bondi (1931, 1935 — published in 1949) and B.V. Tomashevski (1949 — publication in 4 editions till the end of 1970s).

The comparative and contrastive research of the reconstructed texts allows us to reveal certain peculiarities in their compositional structure. The aim of the article is to identify in those structures the position of the formula "Wish me health, Kalmyk!" which is common and prevailing not only for the under consideration draft versions and the reconstructed on their basis texts, but also for the whole complex of texts dating back to the beginning of 1820s. The analysis permits to conclude that the given poetic formula is not one-verse but double-verse with the address 'Pour me the wine of comet' (the author of the article supports B.V. Tomashevski's interpretation of this line) and the well-known facetious imperative 'Wish me health, Kalmyk!' (written with the capital letter as stated by S.M. Bondi it is found twice in the draft versions of the early edition of the address). The conclusion drawn can be directly implemented in editing practice.

The given paper presents some historical and literary commentaries to the rhyme 'language – Kalmyk' inherited from the poet of the older generation I.I. Dmitriev (in the ode 'Patriot's Voice at Seizure of Warsaw' – 1794) which was reconsidered by Pushkin repeatedly.

So, the article considers some issues of Pushkin's texts and provides some commentaries to the reconstructed Pushkin's texts of the early edition of the address to 'Green Lamp'.

Keywords: Pushkin, Literature and Theater Society, address, reconstruction, versions, "Green Lamp", Kalmyk.

В настоящей работе рассматриваются реконструкции комплекса черновых записей вариантов и фрагментов стихотворных текстов А. С. Пушкина со сквозной формулой «Желай мне здравия, Калмык!» Цель статьи — в сопоставлении осуществленных С. М. Бонди и Б. В. Томашевским реконструкций уяснить композиционное значе-

ние данной формулы как не только завершающей самостоятельное четверостишие, скрепляющей черновые наброски и фрагменты, но и связанной с неким, безусловно, объединяющим их творческим замыслом.

Этот замысел обрел художественное воплощение в широко известном послании к литературно-театральному обществу «Зеле-

ная лампа»¹ из письма к его председателю, Я. Н. Толстому, от 26 сентября 1822 г. (II, 34)². Тем не менее, оставшиеся в рабочих тетрадах поэта³ черновые варианты⁴ издавна привлекали и продолжают привлекать к себе внимание пушкинистов — исследователей и текстологов. С начала 1930-х г. отечественное пушкиноведение было мобилизовано для решения главнейшей в текстолого-эдиционной практике своего времени задачи — подготовки так называемого Большого академического, «полного научно-критического издания сочинений Пушкина» (I, X), что потребовало скрупулезного изучения и расшифровки рукописей. Здесь уместно обратиться к хронологии важных для нашей темы событий в пушкиноведении 1930–1940-х гг., хотя хронологическая последовательность прочтения (расшифровки) интересующих нас черновых записей не определяет их связь.

В записной книжке ПД 830 (л. 61 об.) находятся черновые строки и фрагменты, посвященные великой русской трагической актрисе Е. С. Семеновой (1786, с 1828 кнг. Гагарина — 1849) и написанные, вероятно, в связи с дошедшим до Пушкина в кишиневской ссылке слухе о ее (временном) уходе с сцены. «Этот сложный черновик в 1931 г. блестяще прочел С. М. Бонди» [Фомичев 2003: 52], обосновав свое прочтение [Бонди 1931: 34–46], а в 1949 г. опубликовал фрагмент из 18 строк в разделе «Стихотворения 1821» (приблизительно датировав его мартом 1821 г.):

¹ Его деятельность датируется примерно с 20 марта 1819 г. до конца 1820 г. [Томашевский 1956: 206]. Общество прекратило существование в связи с самороспуском декабристского Союза благоденствия, легальным филиалом которого оно являлось.

² Тексты Пушкина далее всюду приводятся с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по юбилейному репринтному воспроизведению Большого академического издания в 19 т. [Пушкин 1994–1997].

Датировки упоминаемых в статье событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям: [Летопись 1999; Черейский 1988; Декабристы 1988] — и, кроме некоторых случаев, специально не оговариваются.

³ Их современные шифры: тетрадь ПД 830 — записная книжка; ПД 831 — Первая Кишиневская.

⁴ Датированы в вероятных пределах: конец января 1821 г. [Фомичев 2003: 44] — после 24 августа 1821 г. до 31 марта 1822 г. [Фомичев 2003: 53].

Всё так же <ль> осеняют своды
[Сей храм] [Парнаских] трех царик?
Всё те же ль клики юных жриц?
Всё те же <ль> выются хороводы?..
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музы?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас?
(10) Не верю! вновь она восстанет.
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго не <увянет>
Ее торжественный венец.
И для нее любовник <?> славы,
Наперсник важных Аонид <?>,
Младой Катенин воскресит
Эсхила гений величавый
И ей [порфиру] возвратит⁵.

(II, 157; варианты чернового автографа — II, 594; справка публикатора — II, 1037).

Признавая содержательную и жанрово-стилистическую связь данного фрагмента с черновиками послания к «Зеленой лампе» (содружеству записных, влиятельных театралов), в статье 1935 г., представляющей обоснование, пояснения и собственно реконструкцию его «первоначальной редакции», С. М. Бонди заметил: «Может быть, в состав его входил и отрывок о Семеновой. Трудно только найти точное место в «послании», где должен был находиться этот несколько обособленный эпизод» [Бонди 1935: 50; цит по: Бонди 1971: 106]. Мы привели «отрывок о Семеновой» (условно обозначим его I¹ — РБ), поскольку для него, в той или иной интерпретации, все-таки «нашли место» авторы двух последующих реконструкций.

Расшифрованный в 1935 г. текст был опубликован С. М. Бонди в 1949 г. в разделе *Б. вариантов пушкинского послания к «Зеленой лампе» <из письма к Я. Н. Толстому> под редакторским заголовком <Предположительная реконструкция первоначальной редакции послания>*:

до меня доходит
И [милый] звук знакомых струн
Печаль на душу мне наводит.

⁵ В Большом академическом издании приняты «скобки прямые [], заключающие в себе слова, зачеркнутые Пушкиным, и угловые <>, куда заключаются все дополнения, делаемые редактором» (I, XIII), т.е. дополнения или обоснованные конъектуры редактора (публикатора).

- Непримиримою Судьбою
Певцы давно разлучены
Их лиры ветреной игрою
Неславят счастья чередою
Сердца тоской омрачены.
[Молчат пиры], утихли смехи,
(10) Утих безумья вольный глас,
Любовницы забыли нас,
И разлетелися утехи.
В изгнании скучном каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем
Воображаю, вижу вас.
Горишь ли ты лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
(20) В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль бегут на зов
Свободы, лени и безделья?
-
- Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
(30) Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль,
(40) Ты здесь, Амфитрион веселый,
Счастливцев добрый, умный враль.
Бывалой <дружбой> пламенея
Благослови же мой возврат,
Но где же он, твой милый брат,
Недавний рекрут Гиmeneя?
Вы оба в прежние времена
В ночных беседах пировали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина.
(50) Приди, прелестный Адонис,
Жилец Пафоса и Киферы,
Любимец ветреных Лаис,
Счастливый баловень Венеры.
И ты, о гражданин кулис,
Театра злой летописатель,
Очаровательниц актрис
Непостоянный обожатель.

- И я любил их остроту,
Веселость, ум и разговоры,
(60) Любил улыбку, нежны взоры,
Но оскорбил я красоту,
Когда она блистала славой
В венце любви, в дыму кадил, —
В досаде, может быть, неправой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни мести миг единый,
И дерзкой лиры ложный звук!
Она виновна, милый друг,
Пред Мельпоменой и Мойной...
- (70) Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия Калмык!
- В кругу семей, в пирах счастливых
Я гость печальный и чужой
Вдали друзей вольнолюбивых,
Теснимый хладною толпой.
Певец любви, опальный странник,
Забыв и лиру и покой,
(80) Лечу за милою мечтой
Где ж отдохну, молодой изгнанник,
Забуду горечь и любовь
И сердца пыл неосторожный,
Забуду посох свой дорожный
И равнодушен буду вновь?..

А вы, товарищи молодые,
Друзья, готовьте шумный пир,
Готовьте чаши круговые,
Венки цветов и гимны лир. (П,
720–722; все варианты – П, 715–723;
справка публикатора – П, 1063–1064)

С. М. Бонди отметил: «<...> в нашей реконструкции (далеко не полной) 88 стихов», — и предположил: «всего, вероятно, их было или должно было быть до сотни» [Бонди 1971: 108]. Насчитав вместе с первой (половинной) 89 стихотворных строк, примем их за исходный текст и условно обозначим его I – РБ (что вместе с I¹ – РБ составляет 107 строк).

В том же 1949 г. при подготовке Мало-го академического десятилетия Б. В. Томашевский «уточнил в нем реконструкцию С. М. Бонди, не приняв предложенного им заглавия, но напечатав стихотворение «В кругу семей, в пирах счастливых» в основном корпусе текстов среди произведений 1821 г., а не в отделе «Другие редакции», который имелся в данном издании» [Фомичев 2003: 49]. Приведем и этот текст:

- В кругу семей, в пирах счастливых
Я гость унылый и чужой,
Вдали друзей вольнолюбивых
Теснимый холодной толпой.
Певец любви, печальный странник,
Забыв и лиру и покой,
Лечу за милою мечтой,
Где ж отдохну, молодой изгнанник,
Забуду горесть и любовь,
- (10) Меня покинет призрак ложный
И сердца пыл неосторожный,
Заброшу посох свой дорожный
И равнодушен буду вновь?..
А вы, товарищи молодые,
Друзья, готовьте шумный пир,
Готовьте чаши круговые,
Венки цветов и гимны лир.
.....
..... до меня доходят,
И звуки мне знакомых струн
- (20) Печаль на душу мне наводят.
Непримиримую судьбою
Певцы давно разлучены...
Их лиры ветреной игрою
Не славят счастья чередой,
Умы тоской омрачены!
Младых пиров утихли смехи,
Утих безумства вольный глас,
Любовницы забыли нас,
И разлетелися утехи.
- (30) В изгнание скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Где ты, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
- (40) Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
Огнем и шуток и вина?
- (50) Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налей же мне вина кометы¹,
- Желай мне здоровья, калмык.
Разлуки долгой и тяжелой
Забыва хладная печаль;
Ты здесь, Амфитрион веселый,
Счастливец добрый, умный враль!..
Бывалой дружбой пламенея,
Благослови же мой возврат.
- (60) Но где же он, твой милый брат,
Недавний рекрут Гименея?
Вы оба в прежние времена
В ночных беседах пировали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина.
Приди, прелестный Адонис,
Улан Пафоса и Киферы,
Любимец ветреных Лаис,
Счастливый баловень Венеры.
- (70) И ты, о гражданин кулис,
Театра злой летописатель,
Очаровательниц актрис
Непостоянный обожатель.
И я любил их остроту,
Веселость, ум и разговоры,
Любил улыбку, речи, взоры;
Но оскорбил я красоту:
Когда она блистала славой
В дыму пылающих кадил,
- (80) В досаде, может быть, неправой,
Хвалы я свистом заглушил.
Погибни, мести миг единый
И дерзкой лиры ложный звук,
Она виновна, милый друг,
Пред Мельпоменой и Моиней.
Вот храм парнасских трех царей
Всё так же осеняют своды;
Всё те же крики юных жриц,
Всё те же вьются хороводы.
- (90) Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музыки,
Ужель навек, оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас!
Не верю, вновь она восстанет,
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго не увянет
Ее торжественный венец,
И для нее любовник славы,
- (100) Наперсник важных аонид,
Младой Катенин воскресит
Софокла гений величавый
И ей порфиру возвратит. [Пушкин
1977: 28–30]

¹ “У Пушкина курсив подчеркивает цитатный и терминологический характер <...> выражения” [Лотман 1980: 135]

При переиздании работы 1935 г. «Неосуществленное послание Пушкина к “Зеленой лампе”» в сборнике своих статей 1971 г. С. М. Бонди в примечании коснулся

вопроса о данной публикации: «Во втором и третьем издании десяти томного малого академического издания сочинений Пушкина Б. Томашевский предложил другую реконструкцию этого стихотворения. Я не могу с ней согласиться» [Бонди 1971: 105]¹. По существу, реконструированный текст был опубликован как стихотворение в окончательной редакции — то есть как текст, в котором явлена пушкинская художественная воля. Справедливо назвав подобное решение «беспрецедентным», С. А. Фомичев привел иной довод для своей оценки: «ведь под 1822 г. здесь напечатан и отрывок “Из письма к Я. Н. Толстому”» [Фомичев 2003: 49].

Условно обозначим текст Б. В. Томашевского как П—РТ, не вдаваясь в подробности его очевидных разночтений с I—РБ и I'—РБ («отрывок о Семеновской» в П—РТ оказался присоединенным как завершающий реконструкцию фрагмент). Отметим здесь лишь существенные для нашего рассмотрения решения: 1) прочтение строки, широко известной по редакции «Из письма к Я. Н. Толстому»: «Налейте мне *вина кометы*», — как прямое обращение к персонажу, названному в следующей строке. Таким образом, этому персонажу адресовано не одностопное, но уже двустопное:

**Налей же мне *вина кометы*,
Желай мне здравия, калмык;**

2) все «пиршественное» четверостишие с этим обращением не было выделено как самостоятельное, но оказалось встроены в сплошной текст П—РТ (ст. 50–53).

Стоит, однако, подчеркнуть: рифму «язык—калмык», найденную И. И. Дмитриевым, поэтом предыдущего поколения, Пушкин впервые опробовал в черновиках послания к «Зеленой лампе», а не в итоговом «Памятнике», где, по наблюдению Г. П. Макогоненко, автор «сохранил дмитриевскую рифму» [Макогоненко 1967: 48].

Ода И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794) завершается каноническим обращением к монарху (Екатерине II):

Речешь — и двинется полсвета,
Различный образ и язык:
Тавридец, читатель Магомета,
Поклонник идолов калмык,

Башкирец с меткими стрелами,
С булатной саблею черкес
Ударят с шумом вслед за нами
И прах поднимут до небес!
Твой росс весь мир дрожать заставит, —
Наполнит громом чудных дел
И там столпы свои поставит,
Где свету целому предел.

[Дмитриев 1967: 74; коммент.:
Макогоненко 1967: 422]

По выходе в свет ода И. И. Дмитриева сразу стала популярным, затем — хрестоматийным произведением, открывая основные прижизненные издания автора. Знакомая еще с лицейских лет, она находилась в библиотеке Пушкина — по каталогу Б. Л. Модзалевского, под №№ 126, 127 [Модзалевский 1910, репринт. переизд. 1988: 35–36]. Вспомнив удачную дмитриевскую рифму, Пушкин воспользовался ею, набрасывая черновики в записной книжке. Но время усвоения русского поэтического наследия для него миновало, пришла пора освоения и переосмысления опыта предшественников.

В поэтическом словаре дмитриевской эпохи «язык» означало: народ — носитель языка (ср: «Нашествие двенадцати языков» — об Отечественной войне 1812 года), в данной оде: народ в составе Российской империи; «калмык» означало: иноверец («поклонник идолов»), вообще некое этнографическое понятие. В пушкинских же вариантах строк о калмыке «язык», в зависимости от контекста, означает высокую поэтическую речь («Богов торжественный язык» — в I—РБ, П—РТ) или кружковой язык с «домашней семантикой» («очарованный язык» — в послании из письма к Я. Н. Толстому (коммент. см: [Кичикова 2001: 75–76]). Слово «калмык» становится многозначным — это и конкретный калмык по имени Всеволод в услужении у Н. В. Всеволожского, и символическое олицетворение «Зеленой лампы» как дружеского союза, «милого равенства» — это пароль его «очарованного языка» [Кичикова 2001: 75–76; Кичикова 2009: 46].

Вскоре та же рифма вспомнится Пушкину в работе над прологом поэмы «Братья разбойники» (1821–1822), и уже много спустя, на излете жизни, зазвучит в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (лето 1836).

¹ До 1971 г. этот десяти томник издавался в 1949, 1956 и 1966 г. Речь идет о Т. II. Стихотворения 1820–1826.

Источники

Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель, 1967 (Большая серия «Библиотеки поэта». Изд. 2). 504 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. I, 1994: Лицейские стихотворения. XV+438 с.; Т. II (1, 2), 1994: Стихотворения 1817–1825. 1206 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4. Л.: Наука, 1977. Т. II. Стихотворения 1820–1826. 400 с.

Литература

Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1935. [Т.] 1. С. 33–52; переизд.: Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1971. С. 91–108.

Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма. М.: Мир, 1931. 208 с. С. 34–46.

Декабристы. Биографический справочник / подг. С. В. Мироненко / ред. акад. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1988. 448 с.

Кичикова Б. А. «Желай мне здоровья, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А. С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл (Свет в степи), 2001. № 8. С. 41–80.

Кичикова Б. А. Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009, № 1. С. 42–50.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина / сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. Науч. ред. Я. Л. Левкович. В 4 т. М.: Слово / Slovo, 1999. Т. 1. 1799–1824. 591 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.

Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель, 1967. (Большая серия «Библиотеки поэта» Изд. 2). С. 5–68.

Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1910; репринт. переизд. — 1988. XIX+442 с.; Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина. Новые материалы. Приложение к репринт. изд. М.: Книга, 1988. 116 с.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813–1824). М.; Л.: АН СССР, 1956. 743 с.

Фомичев С. А. Записная книжка Пушкина ПД 830 (История заполнения: л. 43–66 об. / Приложение. Анализ автографов «<Послания к «Зеленой лампе»>» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. Сб. науч. трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 43–56.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.

УДК 327.7

ББК 66.4(0)

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

The Role of International Organizations in the Implementation of Anti-Corruption Policy

С. Д. Башанкаев (S. Bashankaev)¹

¹соискатель РАНХиГС при Президенте РФ, факультет национальной безопасности (Applicant for the Degree at the Russian Academy for Public Service under the auspices of the President of the Russian Federation, Department of National Security). E-mail: ctac86@inbox.ru

В статье дана общая характеристика принципов деятельности международных организаций, определена их роль в сфере предупреждения и пресечения коррупции. На примере документов ООН и других организаций рассматриваются ключевые проблемы, которые возникают в процессе осуществления антикоррупционной политики. Коррупция понимается как универсальное социальное явление, имеющее международное значение. Автор отмечает, что сложившаяся в данной области ситуация предопределяет необходимость выработки эффективной международной политики противодействия коррупции, разработки действенной нормативно-правовой базы, основу которой должны составить соответствующие принципы, реализуемые в практической деятельности организаций.

Ключевые слова: коррупция, международная коррупция, ООН, борьба с коррупцией, проблема, решение проблемы, высокий уровень коррупции.

The article deals with a present-day topical issue of corruption which is considered to be a negative social, political and economic phenomenon. It came into being simultaneously with appearance of a state and has come a long way in its development. The article analyzes in detail the reasons for corruption, its essence and various types of anti-corruption policy as well as some integrated measures for fighting corruption.

In the article corruption is characterized as a universal international phenomenon which requires efficient international anti-corruption policy, and to combat it effective measures and regulatory framework should be developed. Appropriate principles implemented in practical activities of organizations should be in the basis of this work. Corruption has become widespread recently and affects all areas of human activity. It is so deeply ingrained in the life worldwide that it has become a systemic problem that is why this problem must be solved within a systematic approach.

The level of corruption in the world remains extremely high. Among global problems the solution of which depends on further development of the world community in the new century, one of the most acute is the problem of corruption. In its transnational form — a new quality acquired in the context of globalization — corruption is a serious contradiction to globalization, one of the challenges to the world development and to the rule of law, but it is only the tip of the iceberg. The article presents the overview of the principles implemented by the international organizations, defines their role in the field of prevention and suppression of corruption. For example, the documents of the UN and those of other organizations consider the key problems that arise in the process of implementation of anti-corruption policy.

When developing and adjusting preventive anti-corruption measures, it is necessary to take into account the results of regular monitoring and scientific analysis of the corruption situation both in a specific country and in the world as a whole. The degree of corruption “contamination” in the society and the distribution range of this phenomenon in various spheres of social life should also be considered. In order to enhance the effectiveness of international anti-corruption activities the international organizations should apply not only economic and legal levers, but also measures of scientific, educational, moral, cultural and educational character.

Keywords: corruption, international corruption, UN, fight corruption, problem, solution of problem, high level of corruption.

Коррупция как негативное социально-политическое и экономическое явление, разъедающее общество изнутри, возникла одновременно с государством и прошла долгий путь в своем развитии.

Пресса довольно часто пишет о случаях коррупции, однако сами факты редко расследуются. Между тем коррупция, ее характер, масштабы и особенности развития — это не только следствие нерешенных современных государственно-политических, социальных и экономических проблем любой страны. Ее причины коренятся гораздо глубже, а последствия в полном объеме практически еще не осмыслены. Да и сама коррупция приобрела в современных условиях глобализации новое измерение.

Проблема предупреждения и искоренения коррупции во всем мире стоит как никогда остро: сегодня покупается и продается практически все. Наблюдается тенденция к расширению сферы явлений, относимых международными документами к числу коррупционных.

Но, как и всякое явление, коррупция уязвима. Поэтому всестороннее, комплексное исследование коррупции, выявление ее слабых мест, анализ ключевых положений международных антикоррупционных конвенций, разработка продуманной системы противодействия коррупции являются насущными задачами нашего времени.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что коррупция на сегодняшний день вышла за пределы отдельного государства и приобрела трансграничный характер: «коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней» [Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 1983].

Выявление специфики деятельности и роли международных организаций в борьбе с коррупцией на основе анализа антикоррупционных документов и инструментов, используемых на международном уровне, и является целью данной статьи. Односторонние усилия, предпринимаемые внутри страны для борьбы с данным явлением, явно недостаточны.

Рассмотрению коррупции как проблемы, носящей транснациональный, трансгра-

ничный характер, посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных ученых [Волженкин 1998; Friedrich 1989], которыми коррупция характеризуется как универсальное социальное явление, имеющее международное значение.

Эмпирическую базу исследования составили международные соглашения по борьбе с коррупцией ООН, Совета Европы, Европейского союза, ОЭСР, Организации американских государств, Африканского союза, иные международные договоры, включающие положения, применимые в сфере борьбы с коррупцией, документы международных организаций.

Коррупция подрывает экономическое развитие стран, ослабляет демократические институты, нарушает общественный порядок, создает угрозы всеобщей безопасности и разрушает доверие общества. Особую опасность мы видим в том, что прослеживается явная взаимосвязь между коррупцией и преступным миром. Организованная преступность осуществляет подкуп должностных лиц, используя их в своих целях, прежде всего для отмывания денег, полученных преступным путем.

Поэтому борьба с коррупцией в международном масштабе поставлена самой жизнью на повестку дня. Комплекс мер по борьбе с этим явлением в совокупности и составляет антикоррупционную политику. Успех этой борьбы, на наш взгляд, зависит от создания соответствующей среды, в которой коррупция воспринималась бы общественным сознанием как зло, угроза безопасности социума, наконец, как уголовное преступление.

В связи с этим интерес представляет «теория разбитых окон», сформулированная в 1982 г. Дж. Уилсоном и Дж. Келлингом, согласно которой, если кто-то разбил стекло в доме и никто не вставил новое, то вскоре в этом доме не останется ни одного целого окна [Alford 2012: 1270]. Несоблюдение принятых норм поведения провоцирует и окружающих тоже забыть о правилах, в результате чего начинается произвол, цепная реакция которого рождает чувство безнаказанности. Этот же механизм социальной деградации заложен и в коррупции [Голик 2005: 125]. Коррупция не может быть нормой. Это всегда патология, и самое сложное — формирование антикоррупционного сознания, менталитета [Лопатина 2009: 113], характеризующегося нетерпимостью обще-

ства и его членов к любым коррупционным проявлениям.

Таким образом, сложившаяся в данной области ситуация предопределяет необходимость выработки эффективной международной политики противодействия коррупции, разработки действенной нормативно-правовой базы, основу которой должны составить соответствующие принципы, реализуемые в практической деятельности организаций.

Но чтобы знать, как бороться с коррупцией, необходимо сначала определить то, с чем должна вестись борьба. Обратимся к дефиниции самого понятия коррупции, содержащейся в международных документах и исследовательских работах. Поскольку данный термин широко используется в многочисленных нормативных актах, определение коррупции должно быть закреплено законодательно.

Так, в документах ООН коррупция определяется как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп» [Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 1983]. По мнению Transparency International, международной организации, исследующей уровень коррупции по всему миру, коррупция — это злоупотребление доверенной властью в частных интересах [Богущ 2006: 91]. Приведенные дефиниции свидетельствуют о единообразии в понимании содержания коррупции и ее основных признаков.

По мнению А. Л. Репецкой, «транснациональная коррупция проявляется в виде подкупа иностранных должностных лиц с целью получения возможности вести или продолжать экономическую деятельность в какой-либо стране, либо получать несоответствующее преимущество» [Репецкая 2005: 126].

Коррупцию часто сравнивают с тяжелым заболеванием, которое можно предотвратить и излечить. Несмотря на серьезный диагноз, эффективное лечение все же возможно, и врачом может выступить международное сообщество, вырабатывающее антикоррупционную политику, реализующуюся в правовых инструментах, конвенциях и программах.

Коррупция выступает как глобальная угроза мировому порядку. Поэтому субъекты международной антикоррупционной политики занимаются разработкой инстру-

ментов, в том числе «Барометра мировой коррупции». Субъектами международной антикоррупционной политики являются международные организации, деятельность которых связана с профилактикой и сокращением негативного влияния коррупции, а также с устранением причин и условий, способствующих ее возникновению.

К настоящему времени сформирована система международного сотрудничества государств по борьбе с коррупцией, подписано 8 конвенций по борьбе с коррупцией, в том числе две универсальные и шесть региональных. Следует подчеркнуть, что Россия подписала и ратифицировала обе универсальные конвенции. Речь идет о Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. Помимо этого, Россия подключилась к GRECO — группе государств Совета Европы против коррупции, став ее членом в феврале 2007 г. 27 января 1999 г. была принята Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Россия стала и участником Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г.

Рассмотрим и проанализируем ряд важнейших антикоррупционных конвенций и иных общественно значимых документов.

Конвенция ООН против коррупции (UNCAC) — это первый международно-правовой документ, принятый на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 года. Конвенция состоит из 8 глав, объединяющих 71 статью. Она была подписана 9 декабря 2003 года на Политической конференции высокого уровня в Мериде (Мексика). В течение трех дней подписи под новым международным документом поставили представители 100 государств мира. День начала работы конференции был объявлен Международным днем борьбы с коррупцией. Документ вступил в силу 14 декабря 2005 года, и на сегодняшний день к Конвенции присоединились 170 государств. Государства-участники приняли на себя обязательства по внедрению антикоррупционных мер в области законодательства, государственных институтов и правоприменения. Каждое из государств-участников Конвенции призвано в соответствии с принципами честности,

ответственности и прозрачности разрабатывать и проводить политику по противодействию и предупреждению коррупции, повышать эффективность работы существующих институтов, антикоррупционных мер, а также развивать сотрудничество по борьбе с коррупцией на международном и региональном уровне.

С целью повышения эффективности противодействия коррупции и углубления сотрудничества государств-участников Конвенции учреждена специальная, постоянно действующая Конференция, секретарское обслуживание которой обеспечивается Генеральным секретарем через Управление ООН по наркотикам и преступности. Генеральный секретарь предоставляет необходимую информацию государствам-участникам, а также обеспечивает координацию на региональном и международном уровне. Конференция проходит каждые два года.

25–29 ноября 2013 года состоялась пятая сессия Конференции государств-участников Конвенции ООН против коррупции. В состав делегатов от России вошли представители Министерства иностранных дел, Министерства экономического развития, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Счетной палаты, управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД и Министерства труда. На конференции обсуждались вопросы международного взаимодействия и возврата активов, углубления информационного обмена между государствами-участниками, продвижения механизмов Конвенции в частном секторе и др. В процессе принятия предварительной программы на следующую сессию Конференции между государствами-участниками возникли разногласия по поводу инициативы швейцарской делегации, направленной на расширение участия гражданского общества в процессе имплементации Конвенции. Против ее принятия проголосовали Китай, Пакистан, Иран, Венесуэла, Уругвай, Парагвай, Гана, Марокко и Россия. Очередная, Шестая, сессия Конференции состоится в 2015 году в Российской Федерации.

Принятые к настоящему времени международные антикоррупционные документы свидетельствуют о создании серьезной нормативной базы для сотрудничества различных стран в данной области и соответствующей унификации национальной

антикоррупционной политики и законодательства.

Принципы, на которых должна строиться и осуществляться международная антикоррупционная политика, служат основополагающим началом практической деятельности по противодействию коррупции.

Успех проводимых антикоррупционных мер в значительной степени зависит от правильного выбора приоритетов, степени использования научных основ создания более эффективных механизмов контроля и т.д.

Основным принципом международной антикоррупционной политики мы считаем прежде всего научность и системность. Принцип научности предполагает создание системы научно обоснованных последовательных мер если не по устранению, то хотя бы по минимизации причин, способствующих возникновению и процветанию коррупции в разных сферах жизни.

В анализируемых международных антикоррупционных документах четко прописаны меры по предупреждению коррупции. При всей важности уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией особое значение имеют профилактические меры.

На наш взгляд, при разработке и корректировке предупредительно-профилактических антикоррупционных мер следует учитывать результаты регулярного мониторинга и научного анализа коррупционной ситуации как в отдельных странах, так и в мире в целом, степень коррупционной «зараженности» общества, ареал распространения данного явления в различных сферах жизнедеятельности социума. В целях повышения эффективности международной антикоррупционной деятельности необходимо применять не только экономические и правовые рычаги, но и меры научного, воспитательно-образовательного, нравственного, культурно-просветительского характера.

Литература

- Богущ Г. И. Конвенция ООН против коррупции 2003 г.: общая характеристика и проблемы имплементации // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологическо-социологических исследований. Вып. 2. Саратов: Сателлит, 2006. С. 87–98.
- Волженкин Б. В. Коррупция. СПб.: СПбЮИ, 1998. 44 с.
- Голик Ю. В. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.

- Конвенция* Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс]. НПП Гарант-Сервис. Электрон. дан. [М., 2012].
- Лопатина Т. М.* Формирование антикоррупционного менталитета // Современное право. 2009. № 4. С. 112–114.
- Репецкая А. Л.* Транснациональная организованная преступность: учебное пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. 215 с.
- Alford, Roger P. A Broken Windows Theory of International Corruption // Ohio State Law Journal 2012. 73. P. 1253–1282.
- Friedrich C. Corruption Concepts in Historical Perspective // Political corruption. A Handbook / Ed. by A.J. Heidenmeier, V. T. LeVine. New Brunswick; New Jersey: Transactio Press, 1988, 1989. P. 3–12.

УДК 314.6

ББК 60.56

О СОСТОЯНИИ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

The State of Marriages and Divorces

in Republic of Kalmykia in the early 2000's.

Д. А. Шарманджиев (D. Sharmandzhiev)¹

¹кандидат педагогических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Pedagogy, Researcher of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru

В статье на основе статистических данных рассматриваются состояние и динамика брачности и разводов в Калмыкии в начале XXI в., сравниваются показатели этих социально-демографических явлений на протяжении второй половины XX в.

Ключевые слова: *демография, брачность, разводимость, институт семьи, трансформация*

The author considers the statistical data concerned with the dynamics of marriages and divorces in Kalmykia at the beginning of the 21st century. These figures are compared with the socio-demographic phenomena in the second half of the 20th century. This period called a 'double' transition contributed a lot to changes and transformations of social and moral values. The main factors which caused them were the difficult socio-economic situation in the country, problems which most people and households faced while adapting to the changing conditions of life.

The 1st demographic transition is associated with the decrease in birthrate level in Russia where this decline began at a higher level and took place later than in the majority of developed countries. Most scholars attribute the beginning of the first demographic transition to the 60s of the 20th century in western countries and to the second half of the 80s and 90s in Russia. The author concludes that the second demographic transition which is going on in Russia at the present moment affects the state of marriages and the quantity of divorces in all its regions, for instance in Kalmykia. He emphasizes that the demographic processes occurring in the country reveal both the unfavourable socio-economic conditions in which young families live and the complex processes of transformation of the Russian family institution. Some attention is also paid to unregistered marriages data and birth statistics of children born out of wedlock.

Keywords: *demography, number of marriages, divorces, family institution, transformation.*

Брачность — один из процессов естественного движения, активно влияющий на воспроизводство населения. Современные особенности брачности формируются под влиянием социально-экономического развития. Заключение брака дает начало существованию семьи — основной первичной ячейки человеческого общества. Прекращение брака происходит по причине овдовения или развода.

В контексте темы настоящей работы следует отметить, что в последние два десятилетия XX в. и в начале XXI в., в научной литературе главным образом, обсуждалось такое деструктивное явление, как ухудшение демографической ситуации, обусловленной невыполнением семьей основной функции по воспроизводству населения. В этих случаях семья предстает как единица измерения определенного статистического

учета. Изучаются и анализируются такие явления, как семейные биографии, брачное поведение, детность, число проживающих совместно поколений. Исследования, посвященные тенденциям в данной сфере, достаточно многочисленны, ибо последние являются предметом глубокого внимания социологов и демографов, психологов и философов. Прежде всего следует назвать работы советских и российских авторов А. Г. Харчева [1979], А. Г. Вишневого [1982], С. И. Голода [2003], А. Б. Синельникова [2008], Т. А. Гурко [1995], С. В. Захарова [2012] и др. Всех их объединяет пристальное внимание к насущным проблемам отечественной семьи и эволюции семейных отношений.

Исследование семьи как малой группы ставит вопросы о целесообразности тех или иных форм семейного устройства. Здесь можно отметить большой разброс точек зрения: от провозглашения полного всебрачия, подразумевающего уничтожение института брака как такового [Громан 1908], до утверждения о том, что без возвращения ценностей исконной, патриархальной семьи невозможно решить задачи биологического и социокультурного воспроизводства человека. Е. М. Черняк [2007], С. В. Дармодехин [2001], Л. И. Савинов [1992], И. В. Бестужев-Лада [1997], В. А. Борисов [1999] и другие исследователи, рассматривая различные формы и типы семей и семейных отношений, сходятся в том, что тенденции их развития долгосрочные, они оказывают существенное влияние на все стороны жизнедеятельности государства, а следовательно, требуют тщательного анализа при планировании демографического поведения и проведении всех социальных, экономических, государственных программ, прямо или косвенно затрагивающих интересы семьи.

Главными факторами, обуславливающими современные изменения в семье и динамику рождаемости, в настоящий период второго демографического перехода и наложенных на него процессов в нашей стране являются резкое изменение социально-экономических условий, сложности адаптации населения, значительной части семей к этим изменяющимся условиям жизнедеятельности, а также связанная с ними ускорившаяся трансформация ценностных ориентаций.

Первый демографический переход связан со снижением рождаемости в России, которое началось с более высокого уров-

ня и позднее, чем в большинстве развитых стран. Запоздывание по сравнению с европейскими странами составляет в среднем 30–40 лет, с Францией — почти столетие, примерно с середины 1890-х гг., когда было отмечено увеличение темпов ежегодного прироста населения с 1 % в год до 1,8 %–1,9 %. Однако полувековое отставание было компенсировано высокой скоростью протекания процессов. И уже к 1960-м гг., т. е. спустя менее 100 лет, демографический переход на большинстве российских территорий был завершен, так же как и в Европе. Начало второго демографического перехода большинство ученых относят к 1960-м гг. в западных странах и ко второй половине 1980-х–1990-е гг. в СССР и Российской Федерации [Захаров 2012].

В процессе второго демографического перехода изменяются место семьи в социально-экономической структуре, отношение к семейной жизни, к регистрации брака, к разводу, взаимоотношения полов и поколений в обществе и семье, снижается значимость детей в семье, отмечаются дальнейшее ослабление потребности в детях, мотивации к традиционной семейной жизни (совместное проживание и ведение хозяйства семейной пары с детьми и другими родственниками). В связи с этим меняется и отношение к регистрации брака, рождению нескольких детей, повышаются притязания на более высокие жизненные стандарты, снижается ценность детей. Следствием этого становится рост временного лага¹ между началом брачной жизни и регистрацией брака, отказ от регистрации брака вообще.

В работах Л. В. Намруевой, Б. Б. Нухаевой состояние брачности и разводов в республике рассматривается в контексте трансформации института российской семьи последних десятилетий и в аспекте изменений ценностных ориентаций молодого поколения Калмыкии [Намруева 2014; Нухаева 2012].

По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., число супружеских пар в Республике Калмыкия составило 63,5 тыс. (в 1989 г. — 72 тыс.). По сравнению с результатами переписи 1989 г. в 2002 г. отмечается ухудшение брачной структуры населения: снижение числа состоящих в браке, увеличение числа никогда не состоявших в бра-

¹ Лаг временной — показатель, отражающий отставание или опережение во времени одного явления по сравнению с другими

ке, разошедшихся, разведенных и вдовых. Изменения в брачной структуре населения отразились на числе и составе семей. Переписью 2002 г. было учтено 75854 семей (в 1989 г. — 79813), средний размер семьи составил 3,6 человек (в 1989 г. — 3,7 чел.), чис-

ло семей, состоящих из трех и менее человек, составляет более половины всех семей.

Поскольку абсолютное большинство рождений происходит в браке, то одной из причин низкой рождаемости является снижение показателя брачности.

Таблица 1. Число браков и разводов

Годы	Число зарегистрированных		В расчете на 1000 населения		На 1000 браков приходится разводов
	браков	разводов	браков	разводов	
1959	2296	80	12,3	0,4	35
1970	1965	350	7,3	1,3	178
1979	3245	671	11,0	2,3	207
1989	3034	839	9,4	2,6	277
1996	1657	919	5,3	2,9	555
2002	2081	1207	7,1	4,1	580
2003	2215	1151	7,6	4,0	520
2004	2161	1005	7,4	3,5	465
2005	2076	949	7,2	3,3	457
2006	2233	1001	7,8	3,5	448

Динамика числа браков в значительной степени зависит от динамики численности бракоспособного контингента. Так, во второй половине 1990-х гг. в Республике Калмыкия произошло существенное снижение количества заключаемых браков и общего коэффициента брачности, что объясняется прежде всего изменениями в половозрастной структуре населения республики. В это время в активный бракоспособный возраст вступали родившиеся во второй половине 1960-х и в 1970-е гг., когда рождаемость

была относительно низкой. Кроме особенностей возрастной структуры населения, на снижение брачности оказала влияние социально-экономическая обстановка в стране. Однако с самого начала XXI в., по мере вступления в активный бракоспособный возраст родившихся в 1980-е гг., вследствие наметившихся позитивных сдвигов в социально-экономическом развитии страны и адаптации молодежи к новым условиям жизни отмечается некоторый рост числа заключаемых браков.

Таблица 2. Количество браков и разводов в 2000 и 2005 гг.

Годы	Тысяч		На 1000 человек населения	
	браков	разводов	браков	разводов
2000	897,3	627,7	6,2	4,3
2005	1066,4	604,9	7,5	4,2

Некоторое снижение числа расторгнутых браков за 2002–2006 гг. не столько свидетельствует об усилении устойчивости функционирования семьи, сколько в определенной степени обусловлено заметным снижением числа заключенных браков в предшествующие годы, а также распространением фактически неоформленных браков, не требующих юридического оформления развода.

В 2006 г. число юридически оформленных в органах ЗАГС браков составило 2233, что на 7,6 % выше, чем в 2005 г. Число

зарегистрированных разводов — 1001, что на 5,5 % выше, чем в 2005 г.

Коэффициент брачности по республике составил 7,8 браков на 1000 населения, коэффициент разводимости — 3,5 промилле. Наименьший коэффициент брачности зарегистрирован в Сарпинском районе (5,0 промилле). В г. Элисте супружеские союзы чаще создавались (9,4 браков на 1000 населения) и чаще распадались (4,8 разводов на 1000 населения).

Уровень брачности в республике в 2006 г. совпал со среднероссийским уровнем.

нем брачности (7,8 промилле). Число браков на 1000 населения в республике по сравнению с соседними регионами уступает только уровню, сложившемуся в Астраханской области (8,2 промилле), но выше уровня брачности остальных соседних регионов: Ростовской области (7,7), Республики Дагестан (7,6), Ставропольского края (7,4), Волгоградской области (7,3 промилле).

Уровень разводимости в республике был ниже среднероссийского, который по итогам естественного движения населения за 2006 г. составил 4,5 промилле, и ниже уровня разводимости, сложившегося в соседних регионах, за исключением Республики Дагестан (1,5 промилле). К примеру, в Астраханской области он составил 4,8 промилле, в Ростовской области — 4,5 промилле, в Волгоградской области — 4,4 промилле, в Ставропольском крае — 4,0 промилле.

Если с 2002 по 2006 гг. в Калмыкии наблюдалось постепенное уменьшение количества разводов, то в последующие два года (2007–2008 гг.) эта тенденция стала меняться, и индекс разводимости стал увеличиваться в обратную сторону. После некоторого улучшения ситуации в 2009–2010 гг. уже в следующем 2011 г. мы констатируем значительное увеличение количества разводов (с 508 разводов на 1000 человек населения республики в 2009 г. до 540 разводов в 2011 г.). [Федеральная служба государственной статистики ...].

Данная тенденция сохраняется, к сожалению, и в последнее время.

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2013 г., Калмыкия вошла в число регионов с наибольшим количеством разводов. По сравнению с 2012 г. число разводов в республике выросло на 9,8 % и составило 643 случая на 1000 браков. При этом показатель по заключенным бракам снизился на 5,4 %. По числу разводов Калмыкия лидирует в Южном федеральном округе.

Как показали итоги естественного движения населения России за 2013 г., число разводов увеличилось по всей стране. Если в 2012 г. было зарегистрировано 642 тыс. разводов, то в 2013 г. — 667,2 тысяч. Помимо Калмыкии, высокий показатель разводов зафиксирован в Ленинградской, Мурманской, Магаданской, Еврейской автономной областях, Алтайском, Камчатском краях, Ненецком и Чукотском автономных округах. Меньше всего разводятся в Ингушетии и Чечне — 176 и 152 развода соответственно на 1000 браков [В Калмыкии ... 2014].

В начале 2000-х гг. продолжалось распространение добрачных сожительства и юридически неоформленных браков. В 2002 г. при проведении переписи населения были впервые собраны сведения о числе незарегистрированных брачных союзов. Из общего числа супружеских пар 6,1 тыс. (9,6 %) состояли в незарегистрированном браке, что подтверждается динамикой рождений вне зарегистрированного брака.

Таблица 3. Число родившихся вне зарегистрированного брака

	1989	2002	2003	2004	2005	2006
Родилось вне зарегистрированного брака – всего, чел.	1262	1062	1093	1000	992	971
в % к общему числу новорожденных	17,2	28,5	28,2	25,5	26,2	25,4
Из общего числа родившихся вне зарегистрированного брака:						
зарегистрированы по совместному заявлению родителей	668	386	440	339	340	327
в % к общему числу новорожденных	9,1	10,4	11,4	8,6	9,0	8,6
зарегистрированы по заявлению матери	594	676	653	661	652	644
в % к общему числу новорожденных	8,1	18,1	16,8	16,0	17,2	16,8
Родилось вне зарегистрированного брака у женщин в возрасте до 18 лет, чел.	63	64	64	55	55	50
в % к общему числу новорожденных у женщин в возрасте до 18 лет	50,8	57,1	55,2	44,7	57,9	58,1

В 2006 г. 4 внебрачных ребенка родилось у матерей в возрасте 15 лет и моложе (7 — в 2005 г.), 18 — у 16-летних (16 — в 2005 г.) и 28 — у 17-летних (32 — в 2005 г.).

Долгое время рождение ребенка вне зарегистрированного брака рассматривалось, скорее, как отклонение от нормы. При этом недавно беременность считалась решительным аргументом в пользу регистрации брака. Появился даже специальный термин «стимулированные браки», то есть браки, заключенные по причине беременности. Отмечалось, что такие браки достаточно часто оказывались непрочными. Но этот период, видимо, ушел в прошлое, о чем и свидетельствует высокая доля внебрачных рождений.

Разводы и внебрачная рождаемость наряду с овдовением — причины образования неполных семей (без одного из родителей). Дети, растущие в неполных семьях, сталкиваются с большими трудностями при адаптации к современным условиям жизни, имеют меньшую материальную защищенность.

Таким образом, продолжающийся в России второй демографический переход сказывается на состоянии брачности и разводимости во всех ее субъектах, в частности, в Республике Калмыкия. Данные демографические процессы свидетельствуют не только о неблагоприятных социально-экономических условиях жизни молодых семей, но и в целом о трансформации института семьи, которая предполагает фундаментальные изменения в жизненном цикле поколений, изменение системы ценностей людей, их представлений о наиболее приемлемом возрасте вступления в брак и формирования семьи.

Литература

- Бестужев-Лада И. В.* Россия накануне XXI в.: 1904-2004 // Бестужев-Лада И. В. От колосса к коллапсу и обратно. М.: Рос. Педагог. Агентство, 1997. 229 с.
- Борисов В. А.* Демография. М.: Издат. дом «Nota Bene», 1999. 269 с.
- В Калмыкии* выросло число разводов [электронный ресурс] // URL: <http://asiarussia.ru/news/1846/> (дата обращения: 25.04.2014).
- Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.
- Голод С. И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 106–119.
- Громан С. Г.* Всебрачие будущего. (Пантагма). Предсказание. СПб., 1908. 89 с.
- Гурко Т. А.* Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 96–99.
- Дармодехин С. В.* Семья и государство. М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2001. 114 с.
- Захаров С. В.* Рождаемость в России: первый и второй демографический переход / ДемоскопWeekly № 495–496. 23 января – 5 февраля 2012 г. [электронный ресурс] // URL.: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html (дата обращения: 25.04.2014).
- Намруева Л. В.* Трансформация семьи (на примере молодежи этнического сообщества) // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф.-и. В 4 т. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 187 с. Том I. С. 107–110.
- Нусхаева Б. Б.* Представления молодежи Республики Калмыкия о семье и браке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 100–105.
- Савинов Л. И.* Семья и общество: история, современность и взгляд в будущее. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1992. 144 с.
- Синельников А. Б.* Трансформация семьи и развитие общества. М: КДУ, 2008. 320 с.
- Федеральная служба государственной статистики* [электронный ресурс] // URL.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-16.htm (дата обращения: 25.04.2014).
- Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 365 с.
- Черняк Е. М.* Социология семьи. Москва: «Дашков и К», 2007. 248 с.

УДК 37.034:371

ББК 74.200.51

ВОСПИТАНИЕ СОВЕСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Nurturing Conscience in the Modern Society

Г. Д. Сундуй (G. Sunduy)¹

¹кандидат педагогических наук, зав. лабораторией этнопедагогических исследований Института развития национальной школы Министерства образования и науки Республики Тыва (Ph.D. of Pedagogy, Head of the Laboratory of the Ethno-Pedagogical Research at the Institute for National School Development of the Ministry of Education and Sciences of the Republic of Tyva). E-mail: sundui@inbox.ru

Статья посвящена актуальным вопросам воспитания совести в условиях изменений в современном обществе, определены научные предпосылки исследования воспитания совести. Рассматривается модель воспитывающей совесть дидактической системы образовательного учреждения, стратегической задачей которой является формирование добросовестного отношения ребенка к себе и другим, природе, семье, культуре и обществу.

Ключевые слова: совесть, воспитание совести, духовность, нравственность, личность, тема духовно-нравственных отношений.

The article is devoted to the topical educational issue concerned with nurturing conscience in the present-day society where significant changes are taking place. It also defines the scientific basis for study of conscience fostering. The author discusses the necessity to consider the conscience development as an object of interdisciplinary research and addresses some philosophical, psychological, social, cultural, ethnic aspects of the research. The scholar highlights the relevance of conscience upbringing in the conditions of the spiritual and moral crisis in the society.

In any educational institution where the didactic model aims at raising conscience, the strategic objective should be to form child's conscientious attitude to himself and others as well as to nature, family, culture and society. The central part of the proposed model is to implement cross-cultural issues of spiritual and moral relations.

Further, the author identifies priorities for research in this area: integration of science and practice, investigation of the notion of conscience in different social groups, application of the interdisciplinary approach to its study, etc. The article emphasizes the necessity to analyze the connotation of this phenomenon, to understand the context in which the ethnic constants have been formed, namely such structural elements which make the central cultural issue of an ethnos.

Keywords: conscience, nurturing conscience, spirituality, morals, personality, spiritual and moral relations topic.

В современных условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов приобретает актуальность духовно-нравственное развитие и воспитание гражданина России. Однако, по нашему мнению, в данной сфере упускается из виду его самый важный аспект — воспитание совести. Следует признать, что в российской системе образования воспитание совести не ставится как стратегическая цель духовно-нравственного формирования подрастающего поколения, само понятие «воспитание совести» не сформулировано ни в одном документе, в том числе в Законе «Об образо-

вании». К одной из основных причин углубления духовного кризиса следует отнести отсутствие научно-педагогических работ на тему трансформации добросовестных отношений в условиях значимых изменений, происходящих в современном российском обществе. В данном контексте осмысление роли совести для решения проблем в духовно-нравственном формировании личности школьника становится важной задачей современной педагогической науки. Между тем для реализации вышеназванной задачи в настоящее время имеются необходимые научные предпосылки, а именно: разработа-

на «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», в которой поставлен вопрос о развитии совести как нравственного самосознания личности [Данилюк и др. 2009: 12]; набирает силу гуманитарная методология науки о воспитании, где одной из главных проблем современного воспитания становится «совесть, способность и желание жить человека по совести» [Бондаревская 2012: 9]; сформулированы приоритетные направления педагогических исследований, призванных выявлять «тенденции, направленность происходящих изменений в развитии ребенка» [Фельдштейн 2010: 10]; разработаны этнопедагогическая пансофия [Волков 2009: 49–50] и принцип этнокультурной коннотации образования [Панькин 2009: 280], ориентирующие на исследование совести как историко-педагогического явления.

К основным методологическим ориентирам настоящего исследования относятся взгляды известных ученых, таких как Ф. Ницше (историчность, изменчивость формы совести), К. Г. Юнг (превосходство совести над моралью, теория архетипов), З. Фрейд (совесть как наказывающий аспект супер-эго), У. Джемс (совесть как способ духовного обновления человека), Н. Бердяев (совесть как духовное божественное начало) [Ницше 1991: 41; Юнг 1991: 80–99; Фрейд 1990: 444; Джемс 1991: 330; Бердяев 1994: 115]. Пророческим оказалось рассуждение Н. А. Бердяева об уязвимости совести, которая «может быть задавлена и сокрыта, искажена и извращена социальной средой» [Бердяев 1994: 115].

Изучение литературы о совести и воспитании совести позволило также определить методологические основы исследования воспитания совести, заложенных в трудах известных отечественных психологов в ракурсе различного рода отношений — совесть как проявление морально-правовых и социальных отношений: к себе, людям и к предметам внешнего мира [Мясищев 2005: 10]; взаимоотношение самосознания с совестью [Ананьев 1948: 101], совесть как регулятор культуры [Кон 1979: 82–108].

Ценность вышеназванных методологических позиций и суждений в философско-социально-психологической литературе, на наш взгляд, заключается в том, что в них совесть обозначается как историко-социальное и психическое явление, ее состояние

зависит от отношений, которые развиваются в социуме (семье, коллективе, обществе). Сложность данного постулата объясняется тем, что эти отношения в научной литературе скорее обозначены, чем определены. С этой точки зрения можно «реабилитировать» педагогику, однако с нее как науки, «изучающей сущность, закономерности, тенденции и перспективы развития педагогического процесса как фактора и средства развития человека на протяжении всей его жизни» [Сластёнин, Каширин 2007: 134], никто не снимал ответственности. Возникает парадокс современного образования: при всем признании совести как ценности человеческой и общественной она почти перестала быть объектом внимания педагогики, особенно с учетом изменившихся условий современного общества. Как показывает анализ состояния воспитания совести, учителя общеобразовательных учреждений, студенты средней и высшей профессиональной школы остро нуждаются в результатах социально-педагогических и социально-психологических исследований.

Воспитание совести, главной целью которого является формирование добросовестных отношений личности к себе и другим, природе и предметам внешнего мира, культуре и обществу, остро нуждается и в междисциплинарном изучении. Данную проблему следует рассматривать как предмет междисциплинарного исследования, призванного изучать философско-психологический, социальный, культурологический, этнический аспекты функционирования совести в различных культурах, в особенности в российском многонациональном обществе. Как показывает предварительный анализ философской, филологической, исторической, психологической и религиозно-ведческой литературы (и собственных полевых материалов автора), совесть ценилась высоко уже на этапе возникновения и развития мифологической культуры. Со временем развитие категории совести достигло высшего уровня: она стала считаться незыблемой ценностью человека и человечества. Культурно-исторический метод, примененный в нашем исследовании, позволил выявить наличие в разных культурах архетипических праформ концепта «совесть», нескольких моделей совести в евразийской картине мира, религиозного понимания совести, совестливых установок общества [Сундуй 2013: 28–95].

Однако в настоящее время категория совести настолько утратила свой прежний ценностный смысл, что возникает реальная угроза духовной безопасности общества вообще и, в частности, российского. Самой уязвимой в данной социальной ситуации становится мир детства как культурно-исторический феномен [Кон 1999: 422], поскольку развитие и воспитание ребенка протекает в определенной социальной и культурной среде, неразрывно связанной с другими сторонами общественной жизни и находящейся в состоянии исторического развития и изменения [Кон 2003: 3].

К одному из наиболее значимых изменений в современном российском обществе, влияющих на состояние детства, следует отнести изменение системы добросовестных отношений человека к себе и миру. Следствием данного изменения является угроза исчезновения духовно-нравственных ориентиров, обуславливающих качество воспитания совести. Тенденция ослабления воспитания совести выражается в малой эффективности традиционных методологических подходов в условиях возрастания влияния и других изменений в современном обществе, выражающихся в расшатывании семейных, культурных и общественных ценностных устоев, потребительском отношении к материальным благам, в обращении педагогического и родительского сообщества лишь к вопросам обучения, а не воспитания. Как видим, эти изменения находятся в неразрывной связи с реальной социальной средой, в которой находится и развивается современный человек с его культурными, возрастными, психологическими и мировоззренческими особенностями.

Для педагогики приобретает актуальность переосмысление методологических основ процесса воспитания в контексте изменившегося состояния современного общества, главной задачей которого является поиск более эффективных моделей воспитания совести в контексте духовно-нравственного формирования личности. Во-первых, в современных общественных условиях в основу воспитания совести должен быть положен концентрический принцип происхождения совести: сущей совести, формируемой генетически; должной совести, формируемой семьей, культурой и обществом; концептуальной совести, формируемой с общественно-государственных

позиций [Сундуй 2013: 17]. Во-вторых, образование как социальный институт должно рассматривать воспитание совести с учетом определенных закономерностей развития семьи, общества и государства на основе принципа воспитывающего обучения, в котором воспитательные задачи первичны и приоритетны [Плотникова 2007: 166]. В-третьих, ядро личности составляет система ее отношений к внешнему миру и к самому себе, которая формируется под воздействием отражения, являясь одной из форм этого отражения. В воспитании социально-нравственных отношений имеет решающее значение постоянная согласованность участников воспитательного процесса [Мясищев 2005: 74]. Как правило, каждое из отношений включает в себя множество других отношений, состоящих из двух уровней: духовного и нравственного. Духовный уровень отношений, по нашему мнению, воплощает в себе область духа и смысла жизни в контексте духовной культуры. Нравственный уровень отношений проявляется себя в отношении к совести, т.е. отражает отношение человека к совестливым нормированным установкам, присутствующим в отдельно взятых культурах и обществах, группах и коллективах.

Решение вышеназванных задач осуществимо в рамках специальной, организованной, воспитывающей совесть дидактической системы (ВСДС) образовательного учреждения. Она представляет собой систему, в которой формирование добросовестного отношения ребенка к себе и миру становится стратегической задачей образовательного учреждения. Данный подход конкретизирует его деятельность, повышает ответственность специальных социальных институтов, имеющих отношение к Детству, призванных осуществлять поиск, создание эффективных путей воспитания чистой совести как реального жизненного состояния. Задача процесса воспитания совести требует существенного переосмысления концептуальных основ формирования нравственных отношений школьника к себе и миру.

По нашему мнению, воспитание совести должно продолжаться на протяжении всего учебного времени и составлять стержень содержания образования, что и определяется учебной программой на всех ступенях обучения. Учебные и воспитательные

темы, проходящие через все этапы обучения, формируют тематику добросовестных отношений, обеспечивающих духовную безопасность личности и общества и представляющих собой «ценностно-нормативную основу взаимодействия общеобразовательных учреждений с другими субъектами социализации — семьей, общественными организациями, религиозными объединениями, учреждениями дополнительного образования, культуры и спорта, средствами массовой информации» [Данилюк 2010:6]. С этой точки зрения весьма эффективным представляется повышение статуса воспитывающего обучения, понимаемого нами как более широкое в сравнении с обучением явление, в котором обучение рассматривается как одно из средств воспитания добросовестных отношений ребенка к себе и миру, труду (физическому и учебному), культуре и обществу. Каждое из формируемых добросовестных отношений, как правило, представляет собой более детализированную сеть отношений и взаимоотношений.

Создание системы добросовестных отношений соответственно ступеням обучения и уровням образования возможно только в том случае, если достаточно глубоко определены педагогические ценности. В этом смысле важным представляется точка зрения В. А. Сластёнина о ценностных характеристиках, которые относятся как к отдельным событиям, явлениям жизни, культуре и обществу в целом, так и субъекту, осуществляющему различные виды творческой деятельности [Сластёнин, Каширин 2007: 164]. Исходя из данной концепции, необходимо определить педагогические ценности, представляющие собой нормы, регламентирующие педагогическую деятельность и выступающие как познавательная-действующая система, приводящая к возникновению новой интерпретации процесса воспитания совести.

Место совести в структуре жизнедеятельности человека определено генетически, в то же время совесть обладает способностью развиваться позитивно в социальной среде или же, как отметил Н. Бердяев, может быть «задавлена и сокрыта, искажена и извращена» [Бердяев 1994: 115]. Современная же реальность такова, что общество взрослых утратило совесть по отношению к собственным детям, по сути, сегодня труд-

но найти образовательное или научное учреждение, в котором воспитание совести было бы осознано как приоритетное направление. Любая теоретическая система знания выполняет свои функции лишь постольку, поскольку она осуществляет поиск нового знания. В связи с вышесказанным все более востребованным становится разработка нового направления педагогики, ориентирующего на целенаправленный процесс воспитания совести, предусматривающий формирование духовно-нравственных отношений личности к себе и миру. Может быть, оно станет названо педагогикой совести? [Сундуй 2013: 14–15].

Таким образом, обостренный характер проблем и процессов духовно-нравственного формирования личности школьника в условиях значимых изменений определяет крайнюю актуальность задач воспитания совести, что настоятельно требует:

- расширения междисциплинарного исследования, позволяющего педагогике обосновывать методологические подходы изучения процесса воспитания совести в контексте духовно-нравственного формирования школьников;
- создания концепции воспитания совести, в которой будут определены целевая стратегия, задачи и принципы построения процесса воспитания совести с учетом изменений реальной социальной ситуации;
- разработки новых программ развития образовательных учреждений, предусматривающих воспитание и развитие учащихся добросовестного отношения к себе и миру;
- создания новых педагогических условий воспитания совести учащихся, позволяющих совершенствовать духовно-нравственное формирование личности, в том числе коннотации в содержании образования этнических констант — структурных элементов центральной культурной темы этноса [Панькин 2009: 254].

Сбор, изучение, анализ, систематизация и обобщение имеющихся материалов, осмысление реальной социальной ситуации и прослеживаемых в духовно-нравственной сфере тенденций являются основанием для появления новых идей, подходов и направлений, которые могут дать неожиданно новые эффективные результаты.

Литература

- Ананьев Б. Г.* К постановке проблемы развития детского самосознания // Известия АПН РСФСР. 1948. Вып. 18. С. 27–33.
- Бердяев Н. А.* О назначении человека. М.: Республика, 1994. 382 с.
- Бондаревская Е. В.* Гуманитарная методология науки о воспитании // Педагогика. 2012. № 7. С. 3–13.
- Волков Г. Н.* Этнопедагогическая пансофия. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 576 с.
- Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 23 с.
- Джемс У.* Психология // под ред. Петровской Л. А. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
- Кон И. С.* Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности / отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 85–113.
- Кон И. С.* Социологическая психология. Москва; Воронеж: МОДЭК, 1999. 554 с.
- Кон И. С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 335 с.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений. М.: МПСИ, 2005. 158 с.
- Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Избр. произв.: в 2 кн. Кн. 2. М.: Итало-сов. изд-во «Сирин», 1991. 445 с.
- Панькин А. Б.* Этнокультурная коннотация образования. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2009. 380 с.
- Плотникова Е. Б.* Воспитывающее обучение. М.: Академия, 2010. 169 с.
- Сластёнин В. А., Каширин В. П.* Психология и педагогика. М.: Академия, 2007. 477 с.
- Сундуй Г. Д.* Педагогика совести. Кызыл: Тыва-полиграф, 2013. 113 с.
- Фельдштейн Д. И.* Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребёнка и ситуации его развития // Педагогика. 2010. № 7. С. 3–11.
- Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 447 с.
- Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. 286 с.

УДК 342.415

ББК 67.400

ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНСТИТУЦИИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (на примере Республики Калмыкия)

The Principle of the Social State in the Constitution of a Subject of the Russian Federation (the case study of the Republic of Kalmykia)

*Е. А. Гунаев (E. Gunayev)*¹

¹ старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, кандидат юридических наук (Senior Researcher of the Social, Political and Ecological Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, Ph.D of Jurisprudence). E-mail: gunayev@yandex.ru

В статье на основе положений Конституции РФ рассматривается принцип социального государства применительно к уровню субъекта Российской Федерации. Исследуются нормы Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия, закрепляющие данный принцип, социальные основы региональной государственности, социальные права и свободы человека и гражданина. Автор предлагает установить в Степном Уложении дополнительные конституционные гарантии, обеспечивающие реализацию и защиту указанных прав.

Ключевые слова: конституционный принцип, социальное государство, Конституция РФ, субъект Российской Федерации, Республика Калмыкия, социальные права и свободы человека и гражданина.

Purpose: The principle of the social state being one of bases of the constitutional system of the Russian Federation finds its reflection in the texts of the basic laws of the territorial subjects of the Russian Federation (Constitutions of the republics and Charters of other territorial subjects of the Russian Federation). In this regard, the issue of interrelation of this principle with other provisions of basic laws of the territorial subjects of the Russian Federation, in particular, with those regulating the social rights and freedoms of an individual and a citizen is of theoretical and practical value.

In the Republic of Kalmykia, this specific principle fixed in the Constitution of the Republic has its distinctive features which are explained by the peculiarities of the constitutional regulation of the basic law of Kalmykia.

Methods: The methods used in the research are historical, comparative and legal ones.

Results: The author comes up to the following outcomes:

- the principle of the social state as a basis of the constitutional system of the Russian Federation is enshrined in the Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia, and at the same time it is a basis of the constitutional system of the Republic that proves the subsequent constitutional guarantees for realization of this principle (direct implementation of the constitutional norms consolidating the social human rights of an individual and a citizen, their priority along with other rights in the legal system of the state (statehood), activities of the public authorities and local governments, judicial protection, etc.);

- the term 'citizen' in the text of the Steppe Code (Constitution) of RK in its interrelation with the established rights and freedoms is synonymous to the concept of 'the rights and freedoms of an individual and a citizen', i.e. is not attached strictly to the citizenship status;

- the social basis of regional statehood finds its embodiment in the Steppe Code (Constitution) of RK and includes the existing norms directed at maintaining the social stability in the society, interethnic peace and harmony.

Discussion: According to the author, as in the case with some other territorial subjects of the Russian Federation, the Steppe Code (Constitution) of RK could be supplemented with the regulations on some additional constitutional guarantees providing realization and protection of the social human rights of an individual and a citizen, for instance with those on the bases of the state social standards in the Republic of Kalmykia, the strategic guidelines for social and economic development, the state guarantees for welfare systems, etc.

Keywords: constitutional principle, social state, Constitution of the Russian Federation, territorial subject of the Russian Federation, Republic of Kalmykia, social rights and freedoms of an individual and a citizen.

Согласно статье 7 Конституции РФ 1993 г., «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция РФ 1993]. Данное положение является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, и поэтому обладает особой юридической защитой. Оно не может быть изменено иначе как в порядке процедуры пересмотра всей Конституции РФ, и, соответственно, иные положения Конституции РФ не могут противоречить данному положению. По своей правовой природе указанное положение является конституционным принципом государства, что обуславливает необходимость его закрепления и отражения в основных законах (конституциях и уставах) субъектов РФ.

Однако важно не только само по себе наличие данного принципа в тексте основных законов субъектов РФ, но и его практическая реализация в законодательстве субъекта РФ, деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В этой связи теоретическую и практическую ценность имеют вопросы взаимосвязей данного принципа с другими положениями основных законов субъектов РФ, в частности, регулируемыми социальными права и свободы человека и гражданина. В настоящей статье эти вопросы рассмотрены на примере Республики Калмыкия, где закрепление указанного принципа в конституции республики имеет свои отличительные черты, что объясняется особенностями конституционного регулирования Основного закона Калмыкии.

В начале необходимо рассмотреть собственно закрепление указанного принципа в Конституции РФ. Как отмечает Л. С. Мамут, понятие «социальное государство» впервые употреблено в российском законодательстве именно в Конституции РФ 1993 г. и подчеркивает обязанность государства проводить определенную социальную политику и нести ответственность за достойную жизнь людей, свободное развитие каждого человека. Под «достойной жизнью» понимается материальная обеспеченность на уровне стандартов современного развитого общества, доступ к ценностям культуры, гарантированность прав личной безопасности. «Свободное развитие» предполагает физическое, умственное и

нравственное совершенствование человека [Конституция РФ: Научно-практический комментарий 2003: 127–128].

Данный принцип формулируется как политический и реализуется посредством социальной политики, основными направлениями которой и одновременно социальными обязательствами Российского государства являются: охрана труда и здоровья людей; установление гарантированного минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ) [Конституция РФ: Научно-практический комментарий 2003: 129].

Обратимся к регулированию данного принципа в Степном Уложении (Конституции) Республики Калмыкия 1994 г. Он закреплен во втором абзаце статьи 3 Степного Уложения: «Республика Калмыкия стремится создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие своих граждан». Как видим, спецификой названной нормы является отсутствие упоминания о социальном государстве, и в отличие от Конституции РФ вместо понятия «человек» присутствует термин «граждане».

Данные отличия, на наш взгляд, объясняются прежде всего особенностями конституционного регулирования Основного закона Калмыкии. Одним из отличий новой Конституции республики 1994 г. (ред. от 19.03.1994 г.) по сравнению с предыдущими конституциями Калмыкии 1937 г. и 1978 г. является отсутствие характеристики республики как «государства». Разработчики Степного Уложения (Конституции) Калмыкии полностью исключили упоминание данного термина в тексте Основного закона республики, употребив общий термин — «субъект Российской Федерации». Необходимо отметить, что Конституция РФ 1993 г. использует, хотя и в скобках, термин «государство» в отношении республик — субъектов Российской Федерации. В этой связи практически в большинстве конституций республик в составе РФ используется данный термин. Соответственно, республики характеризуются в том числе и как «социальные государства».

Н. А. Михалева использует термин «социальный характер государственности»,

который объединяет общегосударственный (российский) и региональный (субъектов РФ) уровни и одновременно является одной из основ конституционного строя России и ее субъектов. Социальный характер региональной государственности предопределен социальным характером Российского государства в целом. Согласно Н. А. Михалевой, «социальным признается государство (государственное образование), которое берет на себя обязательства обеспечить благополучие своих граждан, достойный уровень жизни, духовно-нравственную свободу и социальную защищенность» [Михалева 2010: 214–215]. Следовательно, в Степном Уложении также закреплён социальный характер региональной государственности. Это подтверждает и рассматриваемая часть 2 статьи 3 Степного Уложения, а также упоминание о государственности республики в преамбуле Основного закона Калмыкии.

Использование термина «граждане» (именно во множественном, а не единственном числе. — Е. Г.) при закреплении социального характера региональной государственности, а не «человек» — как в Конституции РФ, также можно объяснить политико-правовым подходом авторов (разработчиков) Степного Уложения. Здесь термин «граждане» синонимичен понятию «жители» Республики Калмыкия безотносительно гражданства проживающих лиц, включая иностранных граждан, а также его наличия или обладания иным статусом (лица без гражданства, беженцы, вынужденные переселенцы, трудовые мигранты и т. д.). Так как в Степном Уложении по отношению к республике не употребляется термин «государство», разработчики Основного закона Калмыкии, соответственно, постарались, по всей видимости, избежать и терминов «социальное государство» и «человек», не копируя дословно норму Конституции РФ. Думается, это было сделано опять-таки во избежание вторжения в прерогативы Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в советский период в качестве субъекта прав, свобод и обязанностей выступал не человек, а, главным образом, гражданин [Конституционное право 2007: 122–123]. В Калмыкии в 1990–1993 гг. сохранялся указанный подход, и основной акцент делался на права и обязанности гражданина, в связи с чем особую важность представляло регулирование вопросов гражданства республики [Подробнее:

Гунаев 2010: 60–63]. С принятием Степного Уложения был признан утратившим силу Закон Калмыцкой ССР — Хальмг Танһч «О гражданстве Республики Калмыкия» от 14 февраля 1992 г. (в ред. от 8 февраля 1994 г.) [Закон РК от 04.12.1995]. В Степном Уложении содержалось положение о неразрывности гражданства Российской Федерации и Республики Калмыкия. Оно основывалось на Законе РФ от 28 ноября 1991 г., где гражданство республик допускалось. В отличие от прежнего Федерального закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. уже не содержит положений о гражданстве республик [Федеральный закон]. В связи с этим в Степном Уложении была исключена статья о гражданстве Республики Калмыкия, а в законодательстве республики слова «гражданин Республики Калмыкия», «граждане Республики Калмыкия» заменены на, соответственно, «гражданин» и «граждане» [Закон РК от 22.09.2003; 16.02.2004]. Следовательно, под указанными терминами в статьях Степного Уложения, где имеется в виду гражданство в юридическом смысле, говорится о «гражданстве Российской Федерации». Например, в статьях Степного Уложения, регулирующих активное и пассивное избирательное право, прямо указывается на это (ч. 4 и 5 ст. 25) [Степное Уложение]. В иных случаях, в частности, в рассматриваемом нами вопросе о социальном характере государственности республики как субъекта РФ под термином «граждане республики» имеются в виду ее жители (граждане, иностранные граждане, лица без гражданства и т. д.). Еще один пример: Глава Республики Калмыкия, являясь гарантом прав и свобод личности, при вступлении в должность приносит присягу, где обязуется «уважать и охранять права и свободы граждан» (ст. 27) [Степное Уложение]. Поскольку здесь имеются в виду жители республики (все и каждый), то формула «права и свободы граждан» синонимична понятию «права человека».

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия использует термин «человек» в нормах, закрепляющих правовой статус личности (прав и свобод человека и гражданина) в республике (ст. 3, 20–24). Статья 3 (ч. 1) Степного Уложения устанавливает, что «в Республике Калмыкия признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно Конституции РФ, федеральным законам, Степно-

му Уложению (Конституции) Республики Калмыкия, общепризнанным принципам и нормам международного права». Признается естественно-правовой характер прав человека: «Права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч.1 ст. 20). Особо подчеркивается, что перечень прав и свобод, закрепленных Степным Уложением (Конституцией) Республики Калмыкия, не является исчерпывающим и не умаляет других прав и свобод человека и гражданина (ч. 4 ст. 20).

В статье 21 Степного Уложения объявлены непосредственно действующими права человека (право на жизнь, свободу, честь и достоинство, личную неприкосновенность, безопасность, право на труд, образование, культуру, охрану здоровья, социальное обеспечение) [Степное Уложение]. Признание прав и свобод человека и гражданина непосредственно действующими означает, что эти права реально принадлежат человеку независимо от того, конкретизированы они в текущем законодательстве или нет, и он может защищать их всеми способами, не запрещенными законом [Конституция РФ: Научно-практический комментарий 2003: 193]. То есть человек и гражданин может осуществлять свои права и свободы, а также защищать их в случае нарушения, руководствуясь Конституцией РФ, Степным Уложением (Конституцией) РК и ссылаясь на них.

Как отмечает В. В. Гошуляк, Степное Уложение не детализирует основные права и свободы человека и гражданина. Содержащиеся в нем положения, скорее, можно отнести к основам конституционного строя, определяющим основополагающие принципы конституционного регулирования [Гошуляк 2000: 150–151]. Как видим, институт правового положения личности, включая социальные права человека и гражданина, в Основном Законе Калмыкии отражен в общем плане. Это может быть объяснено тем, что Конституция РФ 1993 г. относит регулирование прав и свобод человека и гражданина к исключительному ведению Федерации, а в совместном ведении РФ и ее субъектов находится их защита.

Как отмечает С. А. Авакьян, конституционное провозглашение единства гражданства для всех граждан России не препятствует тому, чтобы на территориях отдельных субъектов РФ предоставлялись дополнительные льготы в осуществлении

каких-то прав и свобод местному населению. Речь должна идти не об уменьшении, а о расширении гарантий прав и свобод, установленных Конституцией РФ [Авакьян 2005: 524].

В этой связи в научной литературе отмечается противоречивая юридическая природа социальных прав и свобод человека и гражданина. С одной стороны, признается, что «социальные права представляют собой права, позволяющие человеку и гражданину существовать и развиваться в обществе. В этом смысле они являются первичными по отношению к иным правам человека» [Нелюбина 2009: 103]. С другой стороны, отмечается, что «социальные права по сравнению с иными конституционными правами следует определить как права-притязания, так как их реализация возможна лишь через деятельность других субъектов, чаще всего — государства, и гораздо менее, чем других прав, — от воли обладателя права» [Алебастрова 2010: 31].

Следовательно, представляется, что на уровне субъектов Российской Федерации сложно практически «изобрести» и ввести некие новые социальные права и гарантии, которые бы не были каким-то образом урегулированы федеральным законодательством и находились бы в полной компетенции субъекта РФ. Как правило, речь может идти лишь о расширении и дополнительном обеспечении уже существующих социальных прав и гарантий в рамках действующей схемы разграничения предметов ведения и полномочий.

Н. А. Михалева обращает внимание на следующие аспекты функционирования социального государства: поддержание социального спокойствия в обществе, проведение правильной национальной политики, запрещение пропаганды социального неравенства, превосходства каких-либо социальных слоев или групп. В качестве примера приводятся положения конституций республик — субъектов РФ, в том числе Степного Уложения РК: «Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, русского и других народов республики, особенно почитание старших, уважение к женщине, любовь и забота о детях» (ст. 14) [Михалева 2010: 218]. Именно в первую очередь для республик — субъектов РФ характерно регулирование в своих конституциях вопросов

национальной политики, прав этнических общностей, поддержания межнационального мира, этнокультурного развития. Данный аспект также есть часть социальной политики в широком смысле, и соответственно является отражением реализации принципа социального государства.

Одним из способов реализации указанного принципа является установление стратегических ориентиров социального развития на уровне Основного закона субъекта РФ. Например, особенностью региональных основных законов — Уставов Московской области, Ивановской области является наличие норм, регулирующих основы системы государственных социальных стандартов названных субъектов РФ, стратегических ориентиров социально-экономического развития, государственных гарантий социальных систем [Конституционное право субъектов РФ 2002: 268; Михалева 2010: 214].

Так, для обеспечения прав человека и гражданина в уставах указанных субъектов РФ устанавливаются основы системы государственных социальных стандартов субъекта РФ. Государственным социальным стандартом субъекта РФ признается установленный законом субъекта РФ норматив (группа нормативов) организационного, финансового, материального и правового обеспечения, примененный к обязательству органов государственной власти субъекта РФ по защите и гарантиям конституционного права граждан. Устанавливается также, что органы местного самоуправления субъекта РФ на своей территории могут повышать уровень государственных социальных стандартов субъекта РФ и вводить муниципальные социальные стандарты в соответствии с законодательными актами Российской Федерации и законами субъекта РФ.

Государственные гарантии социальных систем в субъекте РФ заключаются в том, что органы государственной власти субъекта РФ гарантируют создание, сохранение и поддержку систем образования, науки, культуры, здравоохранения, социального обеспечения населения в соответствии с федеральными стандартами.

На основании рассмотрения позволим себе сформулировать следующие выводы:

1) принцип социального государства как основа конституционного строя Российской

Федерации закреплён в Степном Уложении (Конституции) Республики Калмыкия и в равной степени относится к основам конституционного строя республики, что обосновывает последующие конституционные гарантии реализации данного принципа (непосредственное действие конституционных норм, закрепляющих социальные права человека и гражданина, их приоритет наряду с другими правами в правовой системе государства (государственного образования), деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, судебная защита и т.д.);

2) термин «граждане» в тексте Степного Уложения (Конституции) РК во взаимосвязи с устанавливаемыми правами и свободами синонимичен понятию «права и свободы человека и гражданина», т. е. не привязан строго к институту гражданства;

3) в Степном Уложении (Конституции) РК находят свое выражение социальные основы региональной государственности, включая наличие норм, направленных на поддержание социальной стабильности в обществе, межнационального мира и согласия;

4) по мнению автора статьи, Степное Уложение (Конституцию) РК по примеру других субъектов РФ целесообразно дополнить положениями о дополнительных конституционных гарантиях, обеспечивающих реализацию и защиту социальных прав человека и гражданина, — например, об основах государственных социальных стандартов в Республике Калмыкия, стратегических ориентирах социально-экономического развития, государственных гарантиях социальных систем и др.

Источники

Закон Республики Калмыкия «О признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Калмыкия» от 4 декабря 1995 г. // Ведомости Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. 1997. № 2. С. 41.

Закон Республики Калмыкия «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные правовые акты Республики Калмыкия» от 22 сентября 2003 г. // Хальмг үнн. 2003. 4 октября.

Закон Республики Калмыкия «О внесении изменений в Степное Уложение (Конституцию) Республики Калмыкия» от 16 февраля 2004 г. // Хальмг үнн. 2004. 20 февраля.

- Конституция Российской Федерации* от 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6–ФКЗ и № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 03.03.2014. № 9. Ст. 851.
- Стенное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия* от 5 апреля 1994 г. (в ред. Закона Республики Калмыкия от 29 июня 2012 г. № 358–IV–3) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.06.2014).
- Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.
- Литература**
- Авакьян С. А.* Конституционное право России: Учебный курс. В 2 т. Т. 1. М.: Юристъ, 2005. 749 с.
- Алебастрова И. А.* Социальные права: конституционные обещания, пожелания или привидения? // Государство и право. 2010. № 4. С. 30–38.
- Гошуляк В. В.* Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. М.: Янус-К. 2000. 336 с.
- Гунаев Е. А.* Конституционный строй Калмыкии в 90-е гг. XX – начале XXI в. / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 223 с.
- Конституционное право России: курс лекций* / отв. ред. Ю. Л. Шульженко. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. 2007. 480 с.
- Конституционное право субъектов Российской Федерации* / отв. ред. В. А. Кряжков. М.: ООО «Городец-издат», 2002. 864 с.
- Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. 3-е изд.* / Под ред. Б. Н. Топорнина. М.: Юристъ, 2003. 831 с.
- Михалева Н. А.* Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: Юркомпани. 2010. 366 с.
- Нелюбина Е. В.* Понятие и место социальных прав в системе прав человека и гражданина // Государство и право. 2009. № 8. С. 101–106.

УДК 574.3+592/596 (063)
ББК 28.68

ПРОБЛЕМЫ РАЗМНОЖЕНИЯ САЙГАКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ

The Issue of Reproduction of Saigas in the North-Western Pre-Caspian Region

О. А. Кравчук (О. Kravchuk¹), О. М. Букреева (О. Bukreeva²)

¹младший научный сотрудник Института аридных зон ЮНЦ РАН (Junior Researcher at the Institute for Arid Zones of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences). E-mail: olesya.kravchuk.80@mail.ru

²кандидат биологических наук, сотрудник ФКУЗ “Элистинская противочумная станция” Роспотребнадзора (Ph.D. of Biology, specialist of the Federal State Institution of Healthcare “Elista Plague Station” of the Russian Consumer Inspection). E-mail: olesya.kravchuk.80@mail.ru

Авторами установлено, что в популяции сайгаков Северо-Западного Прикаспия сокращение численности взрослых самцов приводит к снижению числа беременных самок. Преимущество в формировании следующих поколений имеют взрослые самки. При низкой численности самцов молодые самки, как правило, остаются яловыми. По многим популяционным критериям популяция сайгаков в регионе утратила естественное регулирование. В таких условиях повышается вероятность реализации затухающего биоритма размножения (весенний).

Ключевые слова: численность взрослых самцов, беременные самки, затухающий биоритм размножения

It is characteristic for saigas of the Northwestern Pre-Caspian Region that the breeding season rut is strictly fixed and takes place in December, and the young appear in May. At the same time, O. E. Tsapliuk (1968) identified two periods of increased sexual activity of saigas: the first is in November-January and the second is in May-June.

The authors state that for the Northwestern Pre-Caspian Region the spring-summer period of sexual activity can be regarded as a fading breeding biorhythm while for saigas' ancestors it was normal to have two breeding seasons. In the last few years, there is a tendency when many female species, especially young ones, remain dry due to the fact that there are not enough mature males, which finally leads to loss of natural production control.

The influence of external factors (poaching as well as natural ones) on the reproductive function may decay the reproduction biorhythm, which is not typical of the population in the current climatic conditions. This is one of the trends indicating the potential for natural regulation, for preserving diverse groups of animals and conservation of species in the modern world.

Keywords: the number of adult males, pregnant females, fading breeding biorhythm.

Сайгак, обитающий в границах Российской Федерации, размещен на аридных территориях Северо-Западного Прикаспия в Республике Калмыкия. В конце XX – начале XXI вв. произошло значительное сокращение численности и области распространения вида. В настоящее время происходит дальнейшее снижение численности сайгака. По многим популяционным критериям популяция лишилась естественного регулирования, сложная ситуация усугубляется активным вмешательством человека (не

регламентируемое изъятие животных), и теперь ее состояние весьма близко к утрате вида в границах России.

Депрессия численности вызвана не только уменьшением общего количества животных, сокращением половозрелых самцов, участвующих в размножении, но и повышением естественной смертности на всех фазах популяционного цикла. Нами установлено, что половой и возрастной состав сайгаков существенно сместился в сторону увеличения доли взрослых самок и

снижения доли сеголеток [Букреева, Кравчук 2004а: 186].

В современный период возрастная структура самцов в основном складывается за счет самцов, рожденных в предыдущем и текущем репродуктивных циклах. Последняя генерация, как известно, не половозрела и в воспроизводстве не участвует. Воспроизводство происходит за счет самцов второй генерации, в режиме недостаточного количества для его оптимальной реализации. Порог численности самцов, при котором установлено близкое к оптимальному воспроизводство, составляет около 3,5 %, т. е. на одного самца в период гона приходится около 36 самок [Milner-Gulland 2003: 135]. Нарушение пропорций ведет к прохолоданию самок всех возрастных групп, но в большей степени этому подвержены самки последней генерации. Установлено, что повторный эструс через 16–19 дней характерен для самок старше 2-х лет, у молодых самок он встречается реже [Букреева, Кравчук 2004а: 185].

По внутривидовым характеристикам, в благоприятные 1970-е гг. оптимальная численность взрослых самцов для популяции сайгаков Северо-Западного Прикаспия составляла 18,9 % [Близнюк 1982: 16]. В результате усилившегося браконьерства прежде всего из-за рогов в 1992 и 1993 гг. доля самцов резко снизилась и составляла, соответственно, 6,4 % и 8,2 %, что в 2–3 раза меньше оптимальной величины, в то же время этого количества самцов было достаточно для воспроизводства популяции [Букреева, Кравчук 2004а: 185].

Следующий этап снижения численности половозрелых самцов определяется периодом гона 1998 г., когда их доля составляла 3,5 %, на этот же период 1999 г. — 2,5 %, 2000 г. — 0,9 %, 2001 г. — 3,5 %, 2002 г. — 0,6 %, 2003 г. — 6,5 %, 2004 г. — 3,1 % [Букреева 2005: 14], по данным Управления Россельхознадзора по Республике Калмыкия, в 2005–2010 гг. доля самцов перед гонем находилась в пределах 5,5 %–7,5 %. Как видим, несмотря на улучшение половозрастной структуры, роста численности популяции не происходило. Этап последующего снижения численности самцовой группы животных приходится на 2012–2014 гг., когда численность самцов стала менее 1 %. Снижение численности половозрелых самцов по разным причинам в 2012, 2013 г. до-

стигло значительного уровня, что привело к существенному нарушению оптимальной для вида половозрастной структуры и снижению уровня воспроизводства.

Таким образом, можно с определенной уверенностью говорить о том, что половая структура данного вида в современных экологических и экономических условиях отражает воздействие биотических и антропогенных факторов на популяцию.

Сроки полового созревания сайгаков подробно изучены для казахстанских популяций и популяции сайгаков Северо-Западного Прикаспия [Цаплик 1966; Банников и др. 1961; Жирнов 1982; Близнюк 1982; Жирнов и др. 1998]. Половая зрелость самок у значительного числа особей, при благоприятных условиях среды, наступает на первом году жизни в 7–8-месячном возрасте. Гистологическими и макроанатомическими исследованиями половых желез самцов установлено, что они становятся половозрелыми в возрасте 1,5 лет [Банников и др. 1961: 202; Жирнов 1982: 92], однако масса семенников и их придатков достигает максимума к 2,5-летнему возрасту [Цаплик 1966: 198].

Морфофизиологическими исследованиями О. Цаплик установлены сезонные закономерности изменения половой активности самцов и самок [Цаплик 1968: 11]. Наиболее высокий уровень половой активности отмечается в ноябре–январе, и именно к этому периоду приурочен гон у сайгаков. В мае–июне наблюдается повторное увеличение массы семенников, происходит нарастание сперматогенеза, но в целом уровень активности в этот период ниже, чем в ноябре–январе. Этот весенне–летний пик активности можно рассматривать как затухающий биоритм, восходящий к двум (в норме) периодам размножения у предков сайгаков.

По сведениям О. Цаплик, случаи оплодотворения самок летом встречались в середине прошлого столетия, что является доказательством возможности двух периодов размножения у сайгаков в прошлом. По данным этого автора, в 1964 г. у двух 18-месячных самок, добытых 20 ноября в Бетпак-Дале (Центральный Казахстан), было обнаружено по эмбриону с волосатым покровом [Цаплик 1966: 205]. В популяции сайгаков Северо-Западного Прикаспия во время промысла 30 ноября 1957 г. была добыта бере-

менная самка с эмбрионом, уже покрытым шерстью [Банников и др. 1961: 204]. Другие свидетельства обнаружения у самок эмбрионов или выявления сайгаков, рожденных в осенний период, в казахстанских популяциях и калмыцкой популяции не фиксировались.

В современный период, 26 сентября 2001 г., в районе Чилгирских разливов Яшкульского района Республики Калмыкия была встречена самка с новорожденным сайгачонком в возрасте 3–4 дней. Второй подобный случай зафиксирован автором статьи 30 сентября 2001 г. на территории урочища Шавхата Яшкульского района Республики Калмыкия. О дальнейшей судьбе встреченных молодых животных информация не поступала. 25 января 2004 г. при проведении авиапатрулирования мест размещения сайгаков в северной части урочища Ацан-Худук Яшкульского района Республики Калмыкия (вблизи биосферного заповедника Черные земли, с борта вертолета с высоты 50 метров было обнаружено стадо сайгаков, около 50 особей, в котором находились 6 молодых сайгачат в возрасте 3–4 месяцев [Букреева, Кравчук 2004б: 23]. Это обстоятельство указывает на прохождение гона у отдельных особей в мае-июне 2003 г. В сложных условиях зимовки сайгаки, родившиеся в осенний период, имеют мало шансов выжить, но в теплую зиму 2003–2004 гг. они, судя по наличию молодняка, выжили.

В годы высокой яловости самок из-за недостаточного количества самцов, некоторые самки, пропустившие декабрьский репродуктивный период, могли реализовать потенциал размножения в мае-июне, что, вероятно, было характерно для древних форм вида.

Критически низкая доля самцов популяции в период эволюционно обусловленного гона (декабрь) и высокая доля холостых самок, не участвующих в размножении в текущем репродуктивном цикле, позволяют реализоваться затухающему биоритму размножения (весной), который не характерен для популяции при оптимальной половозрастной структуре.

При наступлении благоприятных условий сохранившиеся самцы обеспечивают воспроизводство в популяции. Однако такие события в природе происходят крайне

редко. Наличие высокой доли холостых самок и природные обстоятельства в совокупности активизировали неразмножающихся самок и половозрелых самцов на реализацию весенне-летнего периода размножения. Моделирование такой ситуации в природной среде произошло впервые за многие годы. При критически низкой численности самцов в зимний — основной репродуктивный период большая часть самок остается яловыми, в том числе не только молодые, но и взрослые. У отдельных самок, пропустивших зимний репродуктивный период установлено включение весенне-летнего затухающего биоритма размножения. Для взрослых самок характерен высокий уровень плодовитости, многоплодие, низкая смертность в период родов, высокая выживаемость потомства в сравнении с молодыми самками. Рождение отдельных особей, особенно самцов, в осенний период позволит увеличить их долю для последующих половых циклов.

Наши исследования позволяют оценить роль функциональной структурированности популяции (включение затухающего биоритма размножения) в поддержании популяционного гомеостаза. Это обстоятельство обеспечивает популяции дополнительную возможность для существования вида.

В процессе физиологической адаптации животные могут реализовывать репродуктивный цикл, если в текущем цикле у большей части популяции он отсутствовал. Высокая реактивность особей старшей возрастной группы обеспечивает ход размножения, в том числе повышение половой активности в весенний период, тем самым позволяет включаться затухающему ритму размножения и, следовательно, может обеспечивать существование вида в природной среде, даже при дефиците самцовой группы животных.

Таким образом, при воздействии негативных природных и социальных факторов (браконьерство) на половую функцию сайгаков их адаптивная система направлена на сохранение популяции в целом, доминирующая роль в формировании следующих поколений принадлежит самкам старшей возрастной группы, что позволяет виду закрепить наиболее оптимальные параметры и эволюционировать.

Литература

- Банников А. Г., Жирнов Л. В., Лебедева Л. С., Фандеев А. А. Биология сайгака. М.: Сельхозиздат, 1961. 336 с.
- Близнюк А. И. Экология и рациональное использование популяции сайгаков Северо-Западного Прикаспия // Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: Всесоюзн. с.-х. ин-т заочного образования, 1982. 21 с.
- Букреева О. М. Состояние и охрана европейской популяции сайгака в Калмыкии // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы, отд. биол. Т. 110. Вып. 4. 2005. С. 10–20.
- Букреева О. М., Кравчук О. А. а Некоторые особенности плодовитости самок европейской популяции сайгака в современный период // Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. «Человек и животные». Астрахань, 2004. С. 184–187.
- Букреева О. М., Кравчук О. А. б Некоторые нарушения моноциклического ритма размножения европейской популяции сайгака. Сб. тез. Междунар. совещ. «Млекопитающие как компонент аридных экосистем». Саратов, 24–27 мая 2004 г. Саратов; М.: ИПЭЭ РАН, 2004. С. 23–24.
- Жирнов Л. В. Возвращение к жизни (экология, охрана и использование сайгаков). М.: Лесн. пром-сть, 1982. 224 с.
- Жирнов Л. В., Бекенов А. Б., Грачев Ю. А., Проняев А. В. Размножение // Сайгак: Филогения, систематика, экология, охрана и использование М.: тип. Россельхозакад., 1998. С. 156–179.
- Цаплюк О. Э. Динамика половой активности сайгака. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Алма-Ата, 1968. 16 с.
- Цаплюк О. Э. Половая цикличность у сайгака // Тр. Ин-та зоол. АН Каз. ССР. 1966. Т. 26. С. 193–211.
- Milner-Gulland E. J., Bukreeva O. M., Coulson T., Lushchekina A. A., Kholodova M. V., Bekenov A. B., Grachev Iu. A. Reproductive collapse in saiga antelope harems. Nature Publishing Group. 2003. № 422. P. 135.

Куканова В. В. Международная научная конференция «Тибет глазами российских путешественников» (6–7 июня 2014 г., г. Элиста)

Kukanova V. The International Conference “Tibet as it Viewed by Russian Travellers” (June 6–7, 2014, Elista)

6–7 июня 2014 г. в г. Элисте состоялась Международная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913), известного буддийского священнослужителя, знатока тибетской медицины, переводчика и писателя, потомственного казака. Проведенная конференция особенно значима и символична в этом году, поскольку 2014 год объявлен годом Его Святейшества Далай-ламы. В последнее время проблематика тибетологических и буддологических исследований весьма актуальна в связи с расширением и укреплением геополитических связей на Востоке, в частности, на территории Тибета, центра мировой религии — буддизма.

Пленарное заседание открыл Шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче, подчеркнув важность проведения научных форумов, связанных с осмыслением роли буддийских священнослужителей в истории Калмыкии и, шире, Российского государства. Жизнь Дамбо Ульянова еще раз доказывает, насколько тесно взаимосвязаны Тибет и Калмыкия, Тибет и Россия. С началом работы конференции участников и организаторов мероприятия поздравили в приветственных адресах Глава Республики Калмыкия А. М. Орлов, Председатель Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия А. В. Козачко, министр образования и науки Республики Калмыкия Н. Г. Манцаев, министр культуры Республики Калмыкия А. А. Учурова.

Затем выступила директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН Н. Г. Очирова с докладом, посвященным описанию тибетско-калмыцких взаимосвязей в прошлом и настоящем. Автор справедливо отмечает, что зарождение тибетско-калмыцких связей произошло еще до прихода калмыков на территорию Нижнего Поволжья, поскольку «буддийские учителя активно стали проповедовать учение в ой-

ратской среде в начале XIII в.» [Очирова 2014: 5]. В докладе рассматриваются особенности внешней политики Калмыцкого ханства в различные периоды истории, влияние политических реалий на становление и развитие тибетско-калмыцких взаимоотношений. Так, отношения Калмыцкого ханства с Джунгарским ханством и Цинским Китаем в XVII–XVIII в. оказали значительное влияние на развитие тибетско-калмыцких связей, обусловили появление новых форм взаимодействия тибетцев и калмыков. Особое внимание уделено возрождению тибетско-калмыцких взаимоотношений на современном этапе. Автором отмечается укрепление связей в последние десятилетия, что связано с культурным подъемом калмыцкого народа после продолжительного периода религиозных гонений. На всем протяжении взаимоотношений Тибета и Калмыкии к основным сферам их взаимодействия относятся религиозная и просветительская деятельность Тибета [Очирова 2014].

В докладе атамана Калмыцкого казачьего округа Всевеликого Войска Донского подробно освещена биография Дамбо Ульянова, показана его роль в формировании геополитической стратегии Российского государства в конце XIX в. [Манжиков 2014].

После завершения пленарного заседания была продолжена работа конференции, в которой приняли участие представители Калмыцкого казачьего округа, Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста), Калмыцкого государственного университета (Элиста), Центрального калмыцкого хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» (Элиста), Регионального центра обработки информации Института развития образования (Ханты-Мансийск), Института востоковедения РАН (Москва), Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Сынцзянского государственного университета (КНР), Илий-

ского педагогического института (КНР), Университета Внутренней Монголии (КНР) и др. Часть докладов представлены как стендовые.

Главной теме конференции посвящены доклады по проблеме Тибета, восприятию сакрального пространства российскими и зарубежными путешественниками в различных аспектах: в историческом, политическом, лингвистическом и др. Так, в совместном с Б. В. Чемидовой докладе «Феномен книги „Предсказание Будды о Доме Романовых“ в свете взаимосвязей России и Тибета в начале XX века», прочитанном д-ром ист. наук, зам. директора по научной работе КИГИ РАН Э. П. Бакаевой, подробно рассматривается политическая ситуация, сложившаяся в конце XIX и начале XX в. вокруг Тибета. По мнению авторов, «основная мысль книги, согласно которой северная Россия — страна Шамбала, заключалась в теологической мотивации возможности и необходимости пребывания Далай-ламы в России» [Бакаева, Чемидова 2014: 60]. Авторы заключают, что поздний выход книги не отражает всей актуальности постановки вопроса о переселении Далай-ламы XIII в Россию.

Остальные сообщения можно условно разделить на несколько групп в зависимости от научной дисциплины, которую представляли авторы докладов, но все они так или иначе связаны с темой либо буддизма, либо Тибета, что в сознании предстает как неразрывное целое.

К первой группе можно отнести выступления по истории буддизма (стендовый доклад Главы буддистов СУАР КНР Шалу Ринпоче «О принятии буддизма ойратами», доклад д-ра ист. наук, заведующего отделом истории и археологии КИГИ РАН К. Н. Максимова «Экономическая и политическая дискриминация духовенства Калмыкии в 1920–1930 гг.»), историографии (сообщения канд. ист. наук, старшего научного сотрудника КИГИ РАН В. П. Санчирова «О влиятельном буддийском иерархе Инзане хутугте (Энсэ-хутугте)» [Санчиров 2014], д-ра ист. наук, научного сотрудника КалмГУ М. В. Яновой «Дамбо Ульянов и национальная историография» [Янова 2014], ламы Ба. Сурэн «О распространении буддизма среди дербетов по материалам „Биографии Зая-пандиты“», преподавателя Илийского педагогического института З. Онор «Письмо Зая-пандиты маньчжурскому императору

Шуньчжи». Особый интерес вызвали доклады, посвященные вопросам этнологии и религиоведения: сообщения историка-краеведа В. А. Дронова «Хурулы Области войска Донского» [Дронов 2014], совместное выступление д-ра ист. наук Э. П. Бакаевой и студента КалмГУ Е. Е. Бембеева «Буддийская святыня Джарунг Кашор в культуре калмыков: история и современность» [Бакаева, Бембеев 2014], д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН К. В. Орловой «Об этнических группах донских калмыков и буддийских хурулах донских калмыков (XIX – начало XX в.)» [Орлова 2014], заведующей библиотекой Центрального калмыцкого хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни» Н. Ф. Бакараевой «К вопросу о буддийских практиках у калмыков», канд. соц. наук, заведующей отделом социально-политических и экологических исследований КИГИ РАН Л. В. Намруевой «К вопросу о типологии буддийской идентичности современных калмыков» [Намруева 2014] и др.

Вторая группа докладов на конференции носила филологический характер. Здесь можно выделить три блока выступлений, основанных на рукописных, литературных и фольклорных источниках. Большой интерес вызвал доклад аспиранта из Внутренней Монголии Арвгийн Басанга, посвященный введению в научный оборот рукописи, которые описывают монастыри хобуксарских торгутов [Арвгийн 2014]. Во втором блоке сообщений особо выделяется выступление канд. филол. наук, старшего научного сотрудника КИГИ РАН Д. Н. Музраевой о буддийском пантеоне в трудах востоковедов, анализ которых указывает, по мнению докладчика, что «в России культовые сооружения и обрядовая практика буддистов стали известны еще в первой четверти и в середине XVII в., а в начале XIX в. отдельные авторы имели достаточно полное представление о божествах, почитаемых в северном буддизме. К последней трети XIX в. наблюдения путешественников приобретают систематический характер, по ним можно составлять представления о том, какие именно божества в изображениях имели наибольшую степень распространения среди монголов и ойратов» [Музраева 2014: 76]. В третий блок докладов объединяются исследования, основанные на фольклорных источниках: канд. фил. наук, научного сотрудника КИГИ РАН Н. Б. Бадгаева «Ти-

бетские лексические заимствования в языке калмыцкого героического эпоса „Джангар“», канд. фил. наук научных сотрудников КИГИ РАН Н. Ч. Очировой и С. Е. Бачаевой «Языковая картина мира и ее отражение в топонимике эпоса „Джангар“» [Очирова, Бачаева 2014], Н. М. Мулаевой и С. Е. Бачаевой «Из истории изучения антропониимии (на материале калмыцкого героического эпоса „Джангар“» [Мулаева, Бачаева 2014], канд. фил. наук, старшего научного сотрудника Б. Х. Борлыковой «Буддийская лексика в текстах калмыцких народных песен», проф. Синьцзянского государственного университета Цэвэгийн Бату «О лексике религиозных протяжных песен ойратов Синьцзяна» [Цэвэгийн 2014], младшего научного сотрудника Осорин Утнаш «Религиозные устные рассказы Агвана-Чойдара» [Осорин 2014] и др.

Третья, небольшая по объему, группа докладов объединяет культурологическую и искусствоведческую проблематику буддизма: сообщение д-ра филос. наук, профессора КалмГУ М. С. Уланова «К вопросу о сходстве буддизма с христианством и исламом», д-ра филос. наук, заведующего кафедрой КалмГУ В. Н. Бадмаева «Корпоративная культура народов Востока как социокультурный феномен», д-ра иск., заведующего Музеем калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты КИГИ РАН С. Г. Батыревой «Буддийская коллекция КИГИ РАН: из истории комплектования музея» [Батырева 2014]. Презентация, демонстрирующая фонд буддийской коллекции КИГИ РАН, привлекла внимание окружающих уникальностью музейных экспонатов и их художественными достоинствами.

По окончании конференции Шаджинламе Республики Калмыкия Тэло Тулку Ринпоче был задан актуальный и непростой вопрос, связанный с приездом Далай-ламы XIV в Россию. Участники и гости конференции выразили надежду на скорейший приезд Его Святейшества в Россию.

Проведенная конференция еще раз свидетельствует о необходимости организации подобных научных форумов, где обсуждаются важные вопросы, связанные с развитием тибетско-калмыцких и тибетско-российских отношений, буддизма как одной из древнейших мировых религий. Материалы конференции опубликованы в сборнике [Тибет глазами российских путешественников 2014].

Литература

- Арвгийн Б. Рукописный источник о «Шеврин күрэ киид» Хобуксарских торгутов (Qobuysayiri-yin toγudḑud-un «šabinarun küriy-e keyid»-un tuski nigen γar bičimel) // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 61–79.
- Бакаева Э. П., Бембеев Е. Е. Буддийская святыня Джарунг Кашор в культуре калмыков: история и современность // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 163–175.
- Бакаева Э. П., Чемидова Б. В. Феномен книги Д. Ульянова «Предсказание Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.» в свете взаимосвязей России и Тибета в начале XX в. // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 49–60.
- Батырева С. Г. Буддийская коллекция КИГИ РАН: из истории комплектования музея // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 77–86.
- Дронов В. А. Хурулы Области войска Донского // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 30–35.
- Манжиков Э. Н. Д. Ульянов – известный буддийский священнослужитель, путешественник и переводчик // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 14–23.
- Музраева Д. Н. Исследование буддийского пантеона в трудах путешественников по Центральной Азии XVII – начала XX в. // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 70–76.

- Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Из истории изучения антропониимии (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 120–126.
- Намруева Л. В. К вопросу о типологии буддийской идентичности современных калмыков // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 155–162.
- Орлова К. В. Об этнических группах и буддийских хурулах донских калмыков (XIX – начало XX в.) // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 36–48.
- Осорин У. Агваң-Чойдар келж өгсн бурхнашажна туск амн үгин түүкин тодрхаллт // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 87–91.
- Очирова Н. Ч., Бачаева С. Е. Языковая картина мира и ее отражение в топонимиконе эпоса «Джангар» // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 113–119.
- Очирова Н. Г. Тибетско-калмыцкие взаимосвязи: история и современность // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–13.
- Санчиров В. П. О влиятельном буддийском иерархе Инзана-хутугте (Энсэ-хутугте) // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 24–30.
- Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 182 с.
- Цэвэгийн Б. О лексике религиозных протяжных песен ойратов Синьцзяна (Sinjiyang oyirad-un utu dayun-daki keseg burqan-u šajin-u üge kelelge-yin učir udq-a-yin tayilul) // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 92–101.
- Янова М. В. Дамбо Ульянов и национальная историография // Тибет глазами российских путешественников: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844–1913). Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 176–179.

Пюрбеев Г. Ц. Рец. на: *Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста*. Отв. ред. д-р филол. наук Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. 295 с.

Purbееv G.Ts. Review of: Badmaeva L. Iazykovoe prostranstvo buriatskogo letopisnogo teksta. [Language Environment of the Buryat Annalistic Text]. Ch. Ed. Ph.D. of Philology L. Shagdarov. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2012. 295 pp.

Монография посвящена изучению письменного наследия бурятского народа. В книге на разных уровнях исследуется язык бурятских летописных текстов, содержащих богатый и во многом уникальный материал. На современном этапе лингвистическое источниковедение является наиболее перспективным направлением монголоведения, поскольку письменные памятники дают ценные сведения для разработки вопросов формирования и развития литературных монгольских языков, межкультурных и языковых контактов. Характерной особенностью бурятских летописей является их синкретизм, смешение исторического и литературного жанров. В них содержится большое количество данных по истории, этнографии, социально-административному устройству, традиционной культуре и быту бурят.

Монография отличается четкой композицией, последовательно раскрывающей замысел автора. Она состоит из краткого предисловия, истории изучения языка бурятских летописей, пяти глав, заключения, списка сокращений и библиографии. Филологический анализ бурятских летописных текстов осуществлен с использованием разных методов и приемов.

В **первой** главе книги дается общая характеристика бурятских летописных текстов XIX – нач. XX вв. Автор последовательно описывает летописи хоринских, селенгинских, баргузинских и шэнэхэнских бурят, в частности: *Qori kiged ayuyin buriyad-nar-un urida-dayan boluysan anu* (О том, как в прошлом образовались хоринские и агинские буряты, 1863), *Qori-yin arban nigen ečige-yin jon-u uy ijayur-un tuyuji* (История происхождения народа одиннадцати хоринских отцов, 1875), *Qori-yin 11 ečige-yin buriyad*

jon-u tegiike (История происхождения бурят 11 хоринских родов, 1887) «*Qori buriyad-un quriyangyui teiike*» (Краткая история хори-бурят, 1903); *Selengge-yin mongyol buriyad-un mongyol buriyad-un teiike* (История селенгинских монголо-бурят, 1868); *Barjujin-u buriyad-nar-un teiike domu* (История баргузинских бурят, 1880), *Barjujin-u buriyad-nar-un teiike* (Летопись баргузинских бурят, 1887).

Характеризуя содержание бурятских летописей, Л. Б. Бадмаева приводит интересные сведения об авторах сочинений — Тугултуре Тобоеве, Вандане Юмсунове, Шираб-Нимбо Хобитуеве, Дамби-Жалсане Ломбоцеренове, Цыдэб-Джабе Сахарове и др. В данной главе подробно освещается деятельность первых исследователей и публикаторов бурятских летописных сочинений — Н. Н. Поппе, А. И. Вострикова и В. А. Казакевича.

Следует особо отметить, что исследователь вводит в научный оборот малоизвестные летописные тексты на старомонгольской письменности: анонимную рукопись «*Qori buriyad-un quriyangyui teiike*» из архива Д. З. Зандановой и «*Buriyad-mongyul-un tobči teiike*» Бодонгута Абиды. Эти источники также имеют большую научную ценность.

Во **второй** главе рассмотрены основные параметры летописного текста: связность, цельность и отнесенность к одному из функционально-смысловых типов речи — повествованию, описанию, рассуждению. Обстоятельно исследуется проблема перевода летописных текстов на русский язык. Мы согласны с мнением автора, что «переводчик в большинстве случаев должен исходить из более широкого контекста, чем предложение, а именно — сверх-

фразового единства и сложного синтаксического комплекса, представляющего тематическое, смысловое и грамматическое объединение тесно связанных между собой нескольких предложений летописного текста» (с. 83).

В третьей главе исследована лексика бурятских летописей, включая термины разных областей: административной системы бурят, управления и делопроизводства; названия, связанные с животноводством, полеводством; названия орудий труда, домашней утвари, видов жилья, построек, игр, развлечений и т. д.

Основательно рассмотрены шаманские и буддийские термины. Как пишет автор, бурятские летописные тексты «содержат большой материал по обрядовой стороне шаманизма, божествам шаманского пантеона, представляющих названия уже исчезнувших реалий и понятий» (с. 109). Приведены названия санов и ученых степеней лам, буддийских школ. В настоящее время эта лексика вновь приобретает актуальность в связи с возрождением буддизма среди бурят и калмыков.

Автор описывает большой массив русской заимствованной лексики: 1) названия мест оседлого проживания русских поселенцев; 2) названия титулов, должностей; 3) военные термины; 4) термины, обозначающие различного рода занятия; 5) канцелярские термины; 6) названия присутственных мест; 7) названия овощных и зерновых культур; 8) названия орудий труда, предметов быта; 9) названия русской метрической системы мер и т. д.

Интересным представляется исследование ономастического материала бурятских летописей, который позволил выявить топоосновы, установить типичные топоформанты и представить топонимическую систему бурят XVII–XIX вв. В данном отношении важным являются замечания автора о том, что новые топонимы образованы в результате процесса трансонимизации (в основном, гидронимов в ойконимы) и что этимология топонимов указывает на языковые контакты бурят с тюрками, тунгусо-маньчжурами и русскими (с. 128–129).

Ценным является семантический и структурный анализ антропонимов из летописных текстов, т. к. они содержат имена реальных исторических личностей. По языковой принадлежности в именнике выявляе-

ны три пласта: исконно бурятский, тибетско-санскритский, славянский. В результате этимологизации установлены апеллятивы со значением названий растений, животных, домашней утвари; качественные имена со значением признака человека.

В четвертой главе исследована морфология бурятских летописей: именные и глагольные формы, служебные слова. По наблюдениям автора, в языке бурятских летописей представлены все форманты множественности, имеющиеся в классическом монгольском языке, а также некоторые специфические показатели: *-lid*, *-mad*, *-siγul*. Отмечается, что в употреблении показателей множественности ощущается заметный сдвиг в сторону современных языковых норм литературного бурятского языка (с. 58).

Рассмотрев систему склонения имен в языке летописных текстов, автор высказывает мнение о том, что парадигма склонения имен классического монгольского языка в основе своей соблюдалась бурятскими летописцами. Имеющиеся в летописях отклонения объясняются влиянием разговорной стихии халха-монгольского и бурятского языков (с. 164).

В бурятских летописных текстах обнаружено более 40 глагольных форм — финитных и нефинитных. Оказалось, что они не имеют существенных отличий от соответствующих форм классического монгольского языка. Отмечено, что в языке бурятских летописей отсутствует целевое деепричастие на *-ra* (*γarura* ‘чтобы выйти’, ср. бур. *γарахая*) и приглагольное деепричастие на *-run/-rün* (*kelerün* ‘сказал следующее’ (с. 165).

Интересны наблюдения об эволюции вспомогательных глаголов. Рассмотрев тексты летописей и переложения их на современный бурятский язык, автор заключает, что «различные формы архаичных вспомогательных глаголов **a-*, **bō-* (*aγsan*, *aγad*, *aqui*, *atui*, *bui*, *bölüge*) бытуют в современном литературном языке в виде предикативных частиц (*hэн*, *аад*, *ха*, *юм*, *биш*, *болоо*, *бэлэй*)» (с. 187). Анализ служебных слов в текстах бурятских летописей показал, что состав и употребление не только знаменательных, но и служебных частей речи в языке хроник совпадают с таковыми классического монгольского языка (с. 190).

В целом выводы автора весьма убедительны, они подкреплены фактическим

материалом из текстов разных летописей. Отмечается, что парадигмы склонения и глагольного словоизменения классического монгольского языка выдерживаются авторами бурятских летописных текстов, а правила правописания классического монгольского языка в большинстве случаев соблюдаются.

В **пятой** главе в рамках теории полипредикации очень детально исследованы синтаксические особенности бурятских летописей. В бурятских летописных текстах доминируют синтаксические конструкции, состоящие из зависимых предикативных единиц с одним финитным сказуемым, которое и придает им формальную завершенность.

Подобные полипредикативные конструкции Лариса Батоевна квалифицирует как сложные синтаксические комплексы (ССК) с монофинитным синтаксическим механизмом построения. Каждый ССК может расщепляться на несколько микротематических блоков (от 2 до 8 и более), представляющих собой причастно-падежные, причастно-последовательные, деепричастные конструкции с субъектом в именительном, родительном и орудном падежах. ССК тесно связаны с функционально-смысловым типом речи — описанием, повествованием и рассуждением.

Наряду с большими достоинствами, о которых говорилось выше, монография не лишена определенных недостатков. В частности, некоторые моменты второй главы, касающиеся особенностей сверхфразовых единств (СФЕ), сложных синтаксических целых (ССЦ) и сложных синтаксических комплексов (ССК) повторяются в пятой главе, где речь идет о синтаксических особенностях бурятских летописей (с. 77–80; с. 202–207).

Отмечаются пропуски в русских переводах. Например, на с. 170 в составе сложной конструкции пропущен перевод деепричастного оборота *tere qori-yin stepnoi düme-dü iriged: obuy-a bumqan abqayulaysan ba: tere ilegegdegsen dobiirnui-yin učira mördülge kigsen amui*. '**Прибыв в Хоринскую степную думу**, произвел следствие относительно снятия *обо* и *бумханов*, а также тех посланных доверенных'. Есть неточности в переводах, например, на с. 173 читаем: *angqan-u yurban ribiije-dü bičigdegsen anu čoqum medegdenem-ügei...* 'то, записанное в первые три ревизии, неизвестно'. Правильнее было бы перевести данную фразу следующим образом: 'Достоверно неизвестно, что было записано в первые три ревизии'. На с. 187 послелого *činadu, činaysi* переведены 'по эту сторону' вм. 'по ту сторону, на той стороне; дальше'. Не совсем корректен перевод составного слова *bökütür qajiyur* 'горбуша' (с. 95). Следовало уточнить его, добавив для ясности слово 'коса'.

Эти замечания несколько не снижают высокой оценки рецензируемого исследования, положившего начало научному изучению письменного наследия бурятского народа. Автор, посвятивший много лет изучению языка летописных памятников Бурятии, представил серьезный и глубокий труд, который сыграет важную роль в создании полноценной истории бурятского литературного языка, исторической лексикологии и грамматики бурятского языка. Монографическое исследование Л. Б. Бадмаевой **«Языковое пространство бурятского летописного текста»** является крупным вкладом в бурятское языкознание и монголистику в целом.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисунковых подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском языке (объемом не более 10 строк); 2) аннотация на английском языке (объемом не более 500 слов); 3) перевод названия статьи; 4) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 5) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 6) внешняя рецензия на статью; 7) ББК и УДК; 8) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

INTSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences accepts for publication manuscripts relevant to the fundamental studies of the Russian Academy of Sciences in the field of Humanities as well as reviews, chronicles, personalia which have not been previously published.

The Journal is in the List of cited scholarly journals and periodicals for publication of the basic scientific outcomes of dissertations for those seeking for candidate and doctor of sciences degrees in the following fields of study (edited on 17.06.2011):

- History;
- Jurisprudence;
- Philology;
- Religious Studies;
- Political Science;
- Philosophy;
- Pedagogy;
- Biology;
- Economics;
- Sociology.

Manuscripts should be submitted in the electronic version in the Word processing format, font: Times New Roman, font size: 14pt. with line spacing 1,5 (all margins: 2,5 cm.), paper size: no more than 0,7 of a printing (author's) sheet. Pictures should be incorporated in the text body with accompanying captions. References are listed in the alphabetical order, pages should be enumerated.

Every article should be accompanied with the following elements: 1) an abstract in Russian (no more than 10 lines); 2) an abstract in English (up to 500 words); 3) translation of the title; 4) keywords (about 20) with translation into English; 5) information on the author: surname, first name, patronymic name (in full); scientific ranks and titles, position including the full name of a chair or department of a research institution; work address and telephone numbers, e-mail; 6) an external review of the article; 7) ББК and УДК; 8) the agreement (two signed copies of the paper version).

The Board of Editors forwards submitted manuscripts for independent review. The Editorial Board's opinion can be different from that of an author. Entries submitted are not returned, editors do not enter into correspondence with authors concerning rejected articles. Reprint of the published in the Journal manuscripts is possible with the Editorial Board's agreement.

Submissions should be sent to the address: 358000, the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8 or to the e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com.

The Instructions for authors, Provisions on submitted manuscripts review and the Agreement text are posted on the site of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (www.kigiran.com/article.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 3, 2014

Сдано в набор 18.09.2014. Подписано в печать 25.09.2014. Формат бумаги 60х84 $\frac{1}{8}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,49. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).